

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляр С.-Петербургъ, 12 декабря 1846 года.

Цензоръ *С. Куторга.*

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЖНИНА

(ЯКОВА БОРИСОВИЧА.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

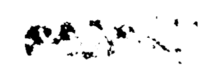
ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИЖН. МАГ. П. КРАШЕНИННИКОВА И КОМП.

1847.

Цѣна за два тома 2 р. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ДИДОНА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ЕКАТЕРИНѢ II.

Сіяньемъ имени безсмертна Твоего
Позволь украсить трудъ, Тобою ободренный,
Ко мраку, можетъ быть, забвенья осужденный.
Трудъ бренный слабаго таланта моего,
Твоей премудрости воззрѣніемъ возвышенъ,
Межъ россскихъ славныхъ лиръ пребудетъ вѣч-
но слышенъ.
Потомство, имя зря священное ему,
Оставитъ слабости творенью моему:
Блаженствомъ пользуясь Тобою насажденнымъ,
Чтò взоръ Твой освятилъ, тò будетъ все по-
чтеннымъ.
Такъ скажутъ: «Авторъ сей хотя и не достигъ
«До тѣхъ высотъ, гдѣ Фебъ внушаетъ громкій
стихъ;
«Екатеринина вниманья удостоенъ, —
«Пусть будетъ на Парнасъ къ мѣстечку онъ
пристроенъ.
«Ея законами мы счастливы навѣкъ;
«Великъ ли, малъ, намъ всякъ пріятенъ чело-
вѣкъ,
«Кто былъ подвластенъ Ей. И слабое растенье,

«И гордый кедръ — одной руки произведенье.
«Пріятны чада намъ, когда любезна мать.»
Вотъ будутъ какъ Твои народы восклицать,
Вкушающи Твоихъ уставовъ нектаръ сладкій,
Которыхъ мудростью съ престола Твоего,
Ты человѣчества исправя всѣ упадки,
Возводишь на чреду достойную его,
Иль лучше, такъ сказать, Твоей души достойну.
Содѣлавъ власти цѣпь свободну, легку, стройну,
Ты въ счастьи равенство намъ первая нашла,
Блаженствомъ никого изъ насъ не обошла.
Коль прежде вѣкъ златымъ тотъ вѣкомъ нарицался,
Какъ агнецъ кроткій злыхъ волковъ не устрашался,
Какъ бурей не терзалъ угрюмъ Борей пловца;
Когда медвѣдь учтивъ и скроменъ какъ овца,
Безвредно силенъ былъ, свои сжимая лапы,
И съ пастырей нервалъ съ главою вмѣстѣ шляпы;
Когда не зрѣли львы величья мѣры въ томъ,
Чтобы имъ кланялись усердно бья челомъ,

Какъ будто-бы того, что лбу покорныхъ больно,
Для отличенія властителей довольно;
Когда, чтобъ словомъ то сказать, земля какъ рай
Полна отрадъ, была любезный смертнымъ край,
Не знаю, былъ ли вѣкъ такой; но есть онъ нынѣ,
Благодаря за то одной Екатеринѣ.
Быть можетъ, въ смѣлости нестройный слогъ, простой,
Владычица сердецъ! тѣмъ виненъ предъ Тобой,
Что онъ хвалой Тебѣ скучаетъ безъ искусства:
Не краснорѣчіе, сіе смущаютъ чувства.
Хвалю ли я Тебя? и какъ на то дерзать?
То стало бъ Океанъ лишь каплей дополнять:
Но жаръ преданности насъ часто завлекаетъ;
Тобою всякъ въ своей блаженствуя судьбѣ,
И въ восхищеніи вѣщая о Тебѣ,
Что хвалитъ онъ Тебя, и самъ позабываетъ!

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ДИДОНА, Карѳагенская царица.
ЭНЕЙ, Троянскій князь.
ЯРБЪ, царь Гетульскій.
АНТЕНОРЪ, сопутникъ Энеевъ.
ГІАСЪ, наперсникъ Ярбовъ.
ТИМАРЪ, вельможа Дидонинъ.
ЕЛИЗА, } наперсницы Дидонины.
АРСИНА, }
ВОИНЪ Дидонинъ (говорящій).
ВОИНЫ Ярбовы.
ВОИНЫ Дидонины.

Дѣйствіе въ Карѳагенѣ, въ Дидониныхъ чертогахъ.

ДИДОНА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭНЕЙ, АНТЕНОРЪ.

АНТЕНОРЪ.

Се день уже насталъ желаемый тобою,
Въ который будешь царь надъ здѣшнею страною.
Дидона свой вѣнецъ Энею отдаетъ,
И ваши бракъ сердца навѣки сопряжетъ.
Готовый къ торжеству, весь городъ веселится,
Но спутники.... Эней! Твой зракъ печалью тмится,
Когда дражайшая во власть твою красы....

ЭНЕЙ.

О, рокъ! о, грозный день! о, бѣдственны часы!

АНТЕНОРЪ.

Но что же нынѣ твой геройскій духъ смущаетъ?
Иль вновь Анхизъ въ стѣнахъ троянскихъ погибаетъ,
И спасть отъ пламени его тебя зоветъ?
Иль Гекторъ, пораженъ, вторично днесь падетъ?
Но Трои больше нѣтъ, и Троя вся съ тобою.

ЭНЕЙ.

А я къ мученію оставленъ жить судьбою.
Прошли преславныя геройски времена.
О, полна лаврами троянская страна!
Почто не тамо я со свѣтомъ разлучился!
Покрытъ бы лаврами, въ тѣнь гроба низпустился;
Мой съ блескомъ жизни лучъ, навѣки преломясь,
Отсталъ бы отъ меня, со славой съединясь;
Не зрѣлъ бы ты меня терзаема тоскою,
Отъ мѣстъ влекома сихъ, борющася съ собою.

АНТЕНОРЪ.

Эней! сихъ мѣстъ!... въ сей день!... но кто тебя влечетъ?
Или воспомненъ сталъ забвенъ боговъ завѣтъ,
И паки славы гласъ услышанъ днесь тобою?
Возможно ли?... Но, ахъ! я льщусь одной мечтою.
Не время вспоминать Троянъ упавшій градъ,
Какъ чувства всѣ тебя къ одной любви стремятъ;
Когда ты къ вѣчному веселью приступаешь,
Вотще о бѣдныхъ ты, вотще воспоминаешь:
Имъ нѣтъ защитника, и тщетно самъ Зевесъ
Троянъ воставити тебѣ велѣлъ съ небесъ.

ЭНЕЙ.

Почто къ мученью мнѣ мученья прилагати,
И, ахъ, растерзанна еще почто терзати!
Когда бы долженъ былъ я кровь мою пролить,
Чтобъ, жертвуя собой, Трояней искупить;
Я бъ пролилъ всю: но, ахъ! Дидону мнѣ оставить,
И смертію себя возлюбленной прославить!

АНТЕНОРЪ.

Но кто жъ быть счастливымъ тебѣ въ сей день претитъ?

ЭНЕЙ.

Все, все Энееву къ Дидонѣ страсть винитъ:
Родителева тѣнь, Троянская Держава,
Мой долгъ, Зевесъ, сама моя безсмертна слава.
Вчера, какъ сонъ принесъ полезный намъ покой,
Мой духъ, наполненный Дидониной красой,
Вкушалъ спокойствіе въ минуты безмятежны,
И восхищали весь мой разумъ мысли нѣжны,
Явился мнѣ отецъ. Анхизовъ скорбный видъ
Въ молчаніи своемъ показывалъ мой стыдъ:
Съ жалѣньемъ на меня взирая непрестанно,
Онъ долго воздыхалъ, стоная несказанно,
И съ горестью открывъ уста, сіе вѣщалъ:
«Неблагодарный сынъ, того ль я ожидалъ
«Отъ крови моея боговъ смѣшенной съ кровью?
«Мой сынъ, любезный сынъ, отягощенъ любовью,
«Во праздности свой вѣкъ намѣрится влачить;
«Зевесу клятву давъ, дерзаетъ измѣнить!»
Симъ гласомъ пораженъ, я сонъ и одръ оставилъ,
И въ храмъ отца боговъ тотчасъ свой путь направилъ,
И тайно къ алтарю собравши тамъ жрецовъ,
Безсмертныхъ умолять я имъ велѣлъ боговъ,
Желая своея судьбины облегченья.
Но я для горести рожденъ и для мученья!
Вотще предъ алтаремъ съ стенаніемъ упалъ,
И землю я, простертъ, слезами орошалъ.
Увы! несчастливыхъ молитвы суть напрасны,
И боги сами мнѣ несчастному ужасны!
Во храмѣ стѣны вдругъ ужасный громъ потрясъ,
И въ ярой молніи небесный гнѣвъ не гасъ.
Начальствующаго жреца власы вздымались,
Дыханія въ груди отъ ярости спирались,

Которою его наполнивъ небеса,
Въ его устахъ сіи послали словеса,
Лютѣйшія слова, которы вспоминая,
Еще я мучуся, терзаясь и стоная!
Такъ богъ въ жрецѣ вѣщалъ: «О, слабый ты Эней!
«Гдѣ мужество души дѣвалося твоей?
«Тебѣ врученно мной Троянъ оставше племя,
«Чтобы посѣяти несмѣтныхъ лавровъ сѣмя;
«А сѣмена сіи на терніе упавъ,
«Безплодны для меня, безъ пользы свѣту ставъ.»

АНТЕНОРЪ.

Чтò жъ хочешь ты начать?

ЭНЕЙ.

Обремененъ тоскою,
Отчаянъ и лишенъ надежды и покою,
Злымъ рокомъ осужденъ дни тратить во слезахъ,
Когда мутится умъ, и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ,
Могу ли чтò начать, я жизни ненавидя,
Мою отраду всю въ единой смерти видя?

АНТЕНОРЪ.

Се мысль достойную защитникъ нашъ явилъ!
Иль мало рокъ еще Пріамовъ родъ губилъ?
О, Троя бѣдственна! о, мать героевъ славныхъ,
Великодушіемъ самимъ безсмертнымъ равныхъ!
Надѣясь на боговъ, я тщетно уповалъ;
Послѣднее въ себѣ Эней у насъ отъялъ, —
Эней, котораго судьбина избираетъ
За Трою умереть, отъ страсти умираетъ.

ЭНЕЙ.

Когда бъ я точно зналъ, что я, драгой лишась,
Не долго буду жить, страдая и крушась,
И смерть, сію одну мнѣ въ горести утѣху,

Немедленно найду гражданъ моихъ къ успѣху:
Я въ сей бы горькій путь съ веселіемъ вошелъ,
И въ смерти бы своей безсмертныхъ даръ нашелъ.
Но, ахъ! мнѣ должно жить, и жить не для Дидоны!
О, люты отъ небесъ предписанны законы!
О, долгъ къ отечеству, источникъ вѣчныхъ бѣдъ!
Мнѣ гробъ отечество тамъ, гдѣ Дидоны нѣтъ!
Мое все счастье въ томъ, чтобы ее любити,
Ее всечасно зрѣть, ей вѣчно милымъ быти....
Воспомни, Антеноръ, какъ алчный Понтъ ревѣлъ,
И поглотить онъ весь Пріамовъ родъ хотѣлъ;
Какъ волны до небесъ, свирѣпствуя, вздымались,
И въ тотъ же часъ отъ тучъ до ада низвергались.
День оный въ страшну ночь Нептунъ преобратилъ:
Гремящій только огнь во мракѣ намъ свѣтилъ;
Спасенья не было: боговъ тогда мы звали;
А боги въ помощи несчастнымъ отрицали.
Ужъ адовы врата отверзлись намъ тогда;
Въ разбиты корабли вливалася вода,
Втекала съ нею смерть: — прекрасная Дидона
Къ спасенью нашему подвиглася со трона,
И, жалостнѣй боговъ, на помощь притекла:
Она изъ челюстей насъ смерти извлекла.
Трояне, боги, я неблагодарны будемъ,
Когда Дидонины щедроты позабудемъ.
Но я еще, но я всѣхъ злобнѣе стократъ:
Я, ею избранный, чтобъ, вмѣсто всѣхъ наградъ,
Прекраснѣйшу любить, съ ней бракомъ сочетаться...
Тираномъ буду я ей въ памяти мечтаться!...
Я жизни ей милѣй, во мнѣ душа ея,
Я ею вижу свѣтъ, всѣмъ долженъ ей; а я
За всю ея любовь, за все благодѣянье

Повергну нѣжный духъ въ несносное терзанье!
За то, что хочетъ мнѣ все въ жертву принести,
За сердце, за престолъ скажу я ей: прости!...
Когда разлуки часъ несчастнымъ намъ настанетъ,
Сказати ей прости, мнѣ жизни не достанетъ.

АНТЕНОРЪ.

Но Троя, боги....

ЭНЕЙ.

Ахъ, весь свѣтъ теряю въ ней!
Въ ней зритъ вселенную пылающій Эней.
О, боги! истину ль о ней теперь вѣщаю?
Я ею благости всѣ ваши ощущаю.
Не чувствовалъ бы я, не знавъ Дидоны ввѣкъ,
Какъ можетъ счастливъ быть на свѣтѣ человѣкъ.

АНТЕНОРЪ.

Чѣмъ страсти долженъ ты, то все воспоминаешь,
А клятвы, должность, честь совсѣмъ позабываешь;
Не хочешь вспомянуть, любовью ослѣпленъ,
Чѣмъ ты отечествомъ упавшимъ одолженъ.

ЭНЕЙ.

Увы! какой любви я долженъ отрицаться!.

АНТЕНОРЪ.

Сильна сія любовь; но честь велитъ разстаться.
Рѣши, рѣши судьбу отечества въ сей часъ.

ЭНЕЙ.

О, должность! о, любовь! о, Трои жалкій гласъ!
Терпѣлъ ли кто когда подобное мученье?

АНТЕНОРЪ.

Еще ли чувствуешь о Троѣ сожалѣнье?
Та страсть великихъ душъ, къ отечеству любовь,
Днесь можетъ ли еще твою тревожить кровь?

ЭНЕЙ.

О, мой любезный другъ! о, мукъ моихъ свидѣтель!
Напрасно, можетъ быть, свою ты добродѣтель
Противъ страдающа въ свирѣпость превратилъ,
И, ахъ, несчастнаго ты недостойнымъ чтилъ!
Въ сей самый часъ, когда я грудь мою терзаю,
Уже я предпріялъ.... ахъ, что̀ сказать дерзаю!...
Трепещущій языкъ въ устахъ оцѣпенѣлъ;
Жестокой мысли сей языкъ открыть не смѣлъ....
Любезный Антеноръ! я самъ себя страшуся!...
Но я ужъ предпріялъ.... пускай души лишуся!
Трояне, легче бы мнѣ было умереть!
Хочу.... а я еще могу свѣтъ солнца зрѣть!
Хочу.... когда могу съ Дидоной сочетаться....

АНТЕНОРЪ.

Вѣщай, герой!

ЭНЕЙ.

Навѣкъ съ Дидоною разстаться!

АНТЕНОРЪ.

Я въ страсти твердости не ожидалъ такой.
Побѣда славная одержана тобой.
Тотъ счастливъ, кто любви отравы не вкушаетъ;
Но тотъ великъ, ея кто узы разрушаетъ:
И оставляючи Эней страну сію,
Любовью славу днесь величишь ты свою.

ЭНЕЙ.

Побѣда лютая! и слава прежестока!
Ахъ, какъ утѣшенъ бы я былъ предѣломъ рока,
Когда бъ съ Дидоною разлуки нашей въ часъ
Покрыла смертна тма моихъ зѣницы глазъ,
Или.... чего, увы! несчастный не желаетъ! —
Чтобъ та, которою мой страстный духъ пылаетъ,

Отъ страсти свободясь, Энея позабывъ,
Своихъ дражайшихъ слезъ ни капли не проливъ,
Лишась меня безъ мукъ, безстрастною осталась,
Чтобъ ярость на меня судьбины изліялась,
Не огорчивъ ничѣмъ дражайшую мнѣ грудь,
Которую я могъ къ несчастію тронуть.

АНТЕНОРЪ.

А можетъ быть, твое желанье и свершится,
И временемъ твой зракъ изъ мыслей истребится.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, ЭНЕЙ И АНТЕНОРЪ.

ДИДОНА.

Оставь, драгой Эней, ты мнѣ мою вину,
Что алчна зрѣть тебя, пришедъ въ сію страну,
Твой съ другомъ разговоръ въ сей часъ перерываю;
Стремленью моего я сердца уступаю.
Ужъ солнце полпути свершило своего,
А я, дражайшаго присутства твоего
Лишенная тобой, въ тотъ самый часъ крушуся,
Когда во храмъ на бракъ идти съ тобою льщуся.
Чтò сдѣлалось тебѣ? Открой мнѣ мысль свою,
И словомъ ободри печальну грудь мою.
Ужъ тѣмъ, что не былъ ты со мной одной минуты,
Ты въ сердце мнѣ вселилъ мученья, скорби люты.
Скажи, возлюбленный, какъ я сюда пришла,
О комъ здѣсь тайна рѣчь изъ устъ дражайшихъ шла?
О мнѣ ль уста твои любезныя вѣщали?
Иль мысли хоть твои меня ли вображали?

ЭНЕЙ.

Въ свидѣтельство себѣ зову безсмертныхъ я,
Что образомъ твоимъ полна вся мысль моя;
Всегда, вездѣ одну тебя любити стану;
Живу любя тебя, тебя любя увяну.

ДИДОНА.

Ты клятвами меня спокоити хотя,
Не къ сердцу, но къ богамъ ты мыслями летя,
Свидѣтелями ихъ зовешь своей любови,
И, ахъ, зовешь съ такой холодностію крови!
Я не къ богамъ пришла, къ Энею моему:
Будь самъ свидѣтелемъ ты сердцу своему,
Я клятвами твоей горячности не мѣрю;
Я вздоху твоему единому повѣрю.

ЭНЕЙ.

Дидона!... Небеса!... ахъ, что сказать мнѣ ей!

ДИДОНА.

Вѣщай, отвѣтствуй мнѣ, возлюбленный Эней.
Но зракъ ты отъ меня дражайшій отвращаешь!
Безмолвенъ ты при мнѣ! Эней, ты воздыхаешь?
Твой духъ смущенъ, но чѣмъ? Или во градѣ семъ
Изъ воинства, вельможъ, кто при дворѣ моемъ,
Презрѣвъ тебя, тебѣ противенъ быть дерзаетъ,
И оскорбивъ твой духъ, весь гнѣвъ мой привлекаетъ?

ЭНЕЙ.

Когда бы я твоимъ рабомъ былъ огорченъ,
Обидою бъ мой духъ той не былъ возмущенъ;
На гордость низкаго взирая съ сожалѣньемъ,
Съ покойною душей ему бъ я мстилъ презрѣньемъ.
А если посрамленъ отъ равнаго Эней,
То помощи бъ искалъ въ одной рукѣ своей.

Никто во градѣ семъ меня не огорчаетъ;
А что несчастенъ я, то все изобличаетъ.

ДИДОНА.

Несчастенъ ты? увы! или уже любовь,
Эней, твою ко мнѣ не воспаляетъ кровь?
Эней! я зрю тебя смятенна, тороплива!
Иль тѣмъ несчастенъ ты, что я тобой счастлива?
Свершилось все! твоя ко мнѣ минула страсть.
Отсутствіе твое вѣщало мнѣ напасть.
Я стражду; а меня ты оставлялъ въ терзаньѣ, —
Меня, которая съ тобою не въ свиданье,
Которая тогда, когда не зритъ тебя,
Скучаетъ жизнію, не чувствуетъ себя.

ЭНЕЙ.

Тебя всечасно зрѣть мое одно желанье;
То знаютъ боги, ты.... но Ярбово посланье
Вступило твоего владычества въ предѣлъ;
Я быти не хотѣлъ помѣхой царскихъ дѣлъ.
Я знаю то, что власть, величества алкая,
Должна всегда, сама себя отягощая,
Сердечно счастіе на должность ту мѣнять,
Котора духъ царей одна должна плѣнять.

ДИДОНА.

Давно ли такъ Эней любезный помышляетъ,
Что мысль моя его въ величествѣ теряетъ?
Единъ твой взглядъ, твой вздохъ и слово устъ твоихъ
Долгъ сердца моего и гордость мыслей сихъ.
Но что ты славы въ путь Дидону устремляешь,
Достойна тѣмъ въ себѣ супруга ей являешь,
Надъ ней, надъ сей страной достойнаго царя.
Но, ахъ! любовника почто ты долгъ презря,

Смущаешь нѣжный духъ въ моей счастливой долѣ?
Будь меньше ты герой, люби меня лишь болѣ.

ЭНЕЙ.

О, коль несчастенъ я! ты сердце мнѣ разишь!
Неблагодарному ты милости явишь.

ДИДОНА.

Неблагодарному! а ты имъ можешь быти?
Ты можешь пламенну мою любовь забыти?

ЭНЕЙ.

Чтобъ я забылъ!... увы! узнай, что̀ я терплю.
Кто можетъ такъ любить, какъ я тебя люблю? —
Все нахожу въ тебѣ, тобой единой таю,
И прелести въ тебѣ я новы обрѣтаю.
Я каждый день тебя и каждый вижу часъ,
А зрю тебя всегда, какъ зрѣлъ я въ первый разъ.
Но, ахъ!...

ДИДОНА.

Сверши.

ЭНЕЙ.

Увы! языкъ въ устахъ нѣмѣетъ;
Мятутся чувствія, и сердце каменѣетъ.
Прости.

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА И ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Что̀ зрю, и кто сокрылся отъ меня!
Сего ли я ждала съ минуты брачна дня?
Эней ли отъ меня, Елиза, убѣгаетъ?
Чѣмъ винна я предъ нимъ? и что̀ сіе вѣщаетъ?

Какимъ, свирѣпый рокъ, ты бѣдствомъ мнѣ г
зишь?
Скажи, Елиза, мнѣ.... жестокая, молчишь!
Эней меня бѣжитъ, а я одна страдаю.

ЕЛИЗА.

Теряюсь въ мысляхъ я, сего не понимаю.

ДИДОНА.

Свидѣтельницею, Елиза, ты была,
И разговоръ мой съ нимъ ты слышать весь могла;
Безстрастна, всѣ мои слова ты примѣчала;
Разсудка твоего любовь не помрачала.
Скажи, Елиза, мнѣ, не молвила ль чего
Я въ оскорбленіе любезна моего?
Конечно, жаръ его ко мнѣ ужъ угасаетъ.
Увы, отъ мысли сей Дидона умираетъ!
Пойдемъ къ нему, пойдемъ, да истолкуетъ онъ
Со мной поступокъ сей, мой жалкій слыша стонъ.
Но если всѣ слова исчислити подробно, —
Вину сей хладности поняти мнѣ удобно.
Онъ мнѣ о Ярбовомъ посланіи вѣщалъ;
Любовію ко мнѣ Ярбъ духъ его смущалъ.
Эней, коль узришь ты во мнѣ когда премѣну,
Пусть боги истребятъ меня и Карѳагену.
Драгой Эней! стыдись ты мысли своея;
Узналъ бы ты, сильна ль къ тебѣ любовь моя,
Когда бъ совмѣстникъ твой, властитель всей вс
ленной,
Тму скиптровъ и вѣнцевъ, любовію плѣненной,
Къ ногамъ Дидонинымъ съ собою повергалъ,
И за любовь мою мнѣ тѣмъ платить желалъ;
А ты бъ меня любилъ невидимъ, въ низкой части:
Тогда бъ увидѣлъ ты во всей Дидону страсти,

Пренебрегающу блистанье всѣхъ коронъ,
И возводящую тебя къ себѣ на тронъ.
Летите отъ меня вы, мысли, прочь ужасны!
Крушенія мои днесь были всѣ напрасны.
Коль ревность духъ его удобна возмутить,
Драгой Эней меня не можетъ не любить.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЯРБЪ И ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Се зрю противный домъ! несносные чертоги!
Гдѣ все, чтò я люблю, немилосерды боги
Троянску страннику съ престоломъ предаютъ.

ГІАСЪ.

Твои ль, твои ль глаза потоки слезъ ліютъ!
Ты плачешь, государь; твой духъ великій....

ЯРБЪ.

Плачу;
Но знай, что слезъ своихъ напрасно я не трачу,
И слезы наградитъ сіи злодѣя кровь!

ГІАСЪ.

Къ чему, о государь, ведетъ тебя любовь!

ЯРБЪ.

Любовь? нѣтъ, тартаръ весь я вѣ сердцѣ ощущаю!
Отчаяваюсь, злюсь, грожу, стыжусь, стонаю.
То злоба въ сердцѣ семъ любви скрываетъ видъ,
То злоба мнѣ сама, какъ страстенъ я, явитъ.
Свирѣпствующъ мой духъ потоковъ алчетъ крови,
И фурія во мнѣ зажгла сей жаръ любови!

Ярбъ долженъ счастливъ быть, иль все, чтò есть, сразить.
Не тщетно страсть моя въ сей страшный день грозитъ.
Пускай погибну я, но устремлюсь въ отмщенье;
Эней заплатитъ мнѣ за все мое мученье:
Какъ лютая змія, онъ грудь мою грызетъ.
Объемлетъ ярость умъ, и сердце ревность рветъ.

ГІАСЪ.

Властитель многихъ странъ съ престола ты нисходишь,
А месть свою одинъ ты въ чуждый градъ приводишь;
Подъ именемъ посла дерзаешь предпріять....

ЯРБЪ.

Тебѣ ль о мщеніи удобно размышлять?
Молчи, не знающій еще всей царской тайны.
Отважность кончитъ лишь дѣла необычайны.

ГІАСЪ.

Отважность, государь, когда насъ честь ведетъ,
Пребудетъ ввѣкъ славна, хотя и упадетъ;
Но если, своея игралище мы страсти,
Вдаемся для нея во всякія напасти, —
Отважность такова безумію равна.

ЯРБЪ.

Мнѣ месть лишь кажется пріятна и славна.

ГІАСЪ.

Но если ты отмстити помышляешь,
На чѣмъ же, государь, надежду устрояешь,
Во предпріятіяхъ неслыханныхъ твоихъ?

ЯРБЪ.

На гордости вельможъ, на сребролюбьи ихъ.
Царица здѣшнихъ мѣстъ, горя къ Энею въ страсти,

Мнѣ помощь подаетъ сама къ своей напасти.
Троянска бѣглеца владычества стыдясь,
Вельможи многіе, въ притворствѣ утаясь,
Покорства кажутъ видъ, но въ сердцѣ злость питаютъ
Непримирительныхъ враговъ въ себѣ скрываютъ;
И многіе изъ нихъ, Дидону полюбя,
Хотятъ ея взложить корону на себя.

ГІАСЪ.

Оставь усердью то, что̀ смѣло я вѣщаю;
И мыслить, государь, того я не дерзаю,
Чтобъ ты удобенъ былъ рабу престолъ вручить,
Котораго бъ ты могъ возлюбленну лишить.

ЯРБЪ.

Когда прекрасная и гордая Дидона
Моею ревностью низвергнется со трона;
Коль я возлюбленну удобенъ поразить,
Могу ли хищника престола я щадить?
Виновникъ бѣдствія великія царицы
Достойну отъ моей воспріиметъ мзду десницы,
И льстясь на тронъ взойти, во мрачный снидетъ адъ
Дидона и Эней, вельможи, весь сей градъ
То будутъ чувствовать, колико Ярбъ страдаетъ.

ГІАСЪ.

Что слышу, государь, и Ярбъ ли то вѣщаетъ?
Поняти не могу! — Возможно ль, чтобъ любовь
Могла позволити пролить дражайшу кровь,
Низвергнувъ въ крайнія возлюбленну напасти?

ЯРБЪ.

Измѣрь ты яростью моей жестокость страсти:
Несчастливо любя, разсудокъ я гублю;
Не знаю самъ себя, не помню что люблю.
Игралище страстей и жертва злобна рока,

Свирѣпъ, ожесточенъ иду во слѣдъ порока;
Безъ склонности къ нему злодѣйства я страшусь;
Но, ахъ! къ злодѣйству я неволею влекусь,
Погибелью моей любезной утѣшаюсь,
И мстить хочу я той, которой восхищаюсь.
Но мщенье ли меня сюда влекло, Гіасъ?
Надежды звалъ меня сюда сладчайшій гласъ,
Которая меня донынѣ утѣшаетъ.

ГІАСЪ.

Или не вся твоя надежда исчезаетъ?
Мечтой ты, государь, единой обольщенъ.

ЯРБЪ.

Надежда есть, доколь ихъ бракъ не совершенъ.
Хоть Ярбъ не милъ, но тронъ его быть можетъ лестенъ;
Великой властью Ярбъ всей Африкѣ извѣстенъ.
Еще бъ сказалъ, что кровь боговъ во мнѣ течетъ,
Когда бъ мой родъ мнѣ былъ достоинства предметъ;
Но я сію мечту Энею оставляю,
А самъ собою лишь прославиться желаю.
Гетулліи моей предѣлъ распространенъ,
Престолъ на многихъ мой престолахъ утвержденъ;
Безъ помощи боговъ меня къ богамъ возносятъ,
Народы многіе тму жертвъ ко мнѣ приносятъ.
Но кто Эней? Съ собой носящій стыдъ бѣглецъ.
Пристойно ли его главѣ носить вѣнецъ?
Онъ храбро, брани въ часъ, на грозну смерть дерзаетъ.
Онъ воинъ; но царя сіе не отличаетъ.
Иной великъ въ бояхъ, но на престолѣ слабъ,
На полѣ властвуетъ, а подъ короной рабъ.

Помощникъ нуженъ днесь таковъ, какъ я, Дидонѣ,
Къ правленью скипетромъ, страны сей къ оборонѣ.

ГІАСЪ.

Хоть польза общества Дидонѣ то твердитъ,
Хоть самъ разсудокъ ей за Ярба говоритъ;
Но какъ разсудокъ слабъ, когда бунтуютъ страсти!
О! если бъ быть могли сердца у насъ во власти,
Когда бы разумъ нашъ надъ нами обладалъ,
Любить Дидону Ярбъ конечно бы престалъ.

ЯРБЪ.

Почто отъемлешь ты то сладко заблужденье,
Въ которомъ только мнѣ осталось утѣшенье?
Почто ты правды мнѣ открылъ несносный свѣтъ?
Гіасъ, ты думаешь, что мнѣ надежды нѣтъ?

ГІАСЪ.

Безмѣрной страстію Дидона распаленна,
Къ Энею всей душей и мыслью устремленна.
Почто скрывать мнѣ то, что̀ будешь самъ ты зрѣть?

ЯРБЪ.

О, мысль смертельная! Ея душей владѣть?
Дерзаетъ... кто? Эней! пришлецъ, Троянинъ лютый!
А я безъ мщенія теряю здѣсь минуты,
Въ которы, можетъ быть, о, нестерпима часть!
Совмѣстникъ мой, свою усугубляя власть,
Въ ласканіяхъ ея надъ Ярбомъ торжествуетъ;
А Ярбъ презрѣніе лишь только испытуетъ.
Не знаю въ горести, которую терплю,
Я ненавижу ли, или еще люблю.
Но, ахъ! доколь мой рокъ совсѣмъ не разрѣшится,
Дай сердцу моему надеждой сладкой льститься.
А можетъ быть, она, вообразя свой тронъ
И сильнаго царя услыша страстный стонъ,

Мысль царску ощутивъ, ко славѣ обратится,
И вшедъ сама въ себя, той страсти устыдится....

ГІАСЪ.

Дидону вижу я идущу зрѣть тебя;
Скрѣпися, государь, не забывай себя.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЯРБЪ, ЕЛИЗА, ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Доколѣ Ярбово желанье изъяснится,
Внемли сіе, что онъ дѣламъ твоимъ дивится,
Которыми царей ты многихъ превзошла.
Тамъ дикія мѣста, пустыню ты нашла,
Гдѣ пышный градъ, твоей премудростью творенной,
Несется къ облакамъ на зависть всей вселенной:
Градъ созданъ, кажется, небесною рукой,
Обуреваемымъ надежда и покой.
На тронъ ты вознеслась для подданныхъ блаженства.
Но мало то; въ тебѣ всѣ вижу совершенства,
И восхищаюсь, зря всѣхъ прелестей соборъ.
Достоинъ Ярба былъ плѣнить твой нѣжный взоръ,
И въ сердцѣ утвердя его твою власть вѣчно,
Склонить сего царя тебя любить сердечно.
Твоею красотой вся кровь его кипитъ:
Восходитъ ли на тронъ рабовъ своихъ судить,
Стремится ль на враговъ, разженъ воинской бранью,
Всѣмъ жертвуетъ тебѣ, все чтитъ твоею данью,
Тебѣ все хочетъ онъ повергнути съ собой:
Престолы и вѣнцы, себя и свой покой,

Онъ все въ сей часъ къ ногамъ Дидонинымъ приноситъ,
И сердца твоего въ награду только проситъ.
Содѣлай Ярбову мученію конецъ;
Возвыси сей престолъ, прибавь къ вѣнцу вѣнецъ.
Или гнушаешься блистающимъ въ порфирѣ?
Кто жъ изъ царей тебя достоинъ будетъ въ мірѣ,
Коль презрѣнъ будетъ Ярбъ, никѣмъ не побѣжденъ?
Твой скиптръ въ рукахъ твоихъ имъ будетъ утвержденъ.
Твой тронъ днесь страшенъ сталъ; но тѣмъ себѣ опасенъ.
Подверженъ тотъ бѣдамъ, кто сталъ другимъ ужасенъ.
Склонись къ сему царю: желаніе его
Есть польза важная престола твоего.

ДИДОНА.

Великаго царя увидѣвши посланье,
Иное думала услышать я желанье.
Я чаяла, что Ярбъ съ престола своего,
Ища величества союза моего,
Десницу дружества къ Дидонѣ простираетъ,
Чтобы противъ того, кто рушити дерзаетъ
Спокойство Африки неправедной войной,
Ставъ подкрѣпленному страны сея рукой,
Надежнѣе сразить продерзостна злодѣя;
Для пользы общества своей я не жалѣя,
Стѣснила бъ множествомъ пучину кораблей,
Поля покрыла бъ тмой блистающихъ мечей;
Желанье бъ Ярбово быть не могло безплодно,
Я сдѣлала бъ все то, чтò Ярбу лишь угодно.
Но сердцемъ намъ своимъ нельзя повелѣвать.

Возможно ль естества уставъ одолѣвать,
Противу самого себя вооружаться,
И къ горести своей съ немилымъ сочетаться?
Чтить Ярба и жалѣть — вотъ все, что̀ я могу,
И дружество къ нему вовѣки собрегу.

ЯРБЪ.

Что Ярбъ тебѣ не милъ, тому вину онъ знаетъ.

ДИДОНА.

Коль знаетъ онъ, почто жъ тобою вопрошаетъ?

ЯРБЪ.

Царица, постыдись ты страсти своея.

ДИДОНА.

Возможно ли, чтобы того стыдилась я,
Чѣмъ только жизнь моя мнѣ можетъ быти лестна?
Да будетъ Ярбу страсть моя уже извѣстна:
Люблю, Энеемъ я пылаю и горю;
Съ восторгомъ я о семъ съ тобою говорю.
Постыдно ль мнѣ горѣть къ великому герою,
Который защищалъ съ толикой славой Трою,
Который Гектору геройствомъ равенъ былъ,
Который Грековъ всѣхъ своимъ мечемъ страшилъ?
Прекрасенъ, младъ, герой, царю достойно мыслитъ;
Но кто достоинства Энеевы исчислитъ?
Когда бъ, какъ я, весь міръ сего героя зналъ,
Царемъ бы одного его себѣ избралъ;
И Карѳагена вся съ Дидоною согласна.

ЯРБЪ.

Но Ярба месть тебѣ не будетъ ли опасна?
Онъ можетъ показать, тобой уничиженъ,
Кто долженъ быть изъ двухъ совмѣстниковъ почтенъ,

Троянскій ли бѣглецъ, отъ Грековъ побѣжденный,
Иль Ярбъ, къ владычеству богами въ свѣтъ рожденный?

ДИДОНА.

Коль Ярбъ рожденъ владѣть, пускай владѣетъ онъ;
Эней мнѣ милъ, Эней взойдетъ ко мнѣ на тронъ.
Знать, Ярбу суждено, чтобъ только лишь грозити,
А мнѣ дражайшаго Энея ввѣкъ любити,
И грозы презирать, которыхъ не страшусь.
Энея потерять — вотъ все, о чемъ крушусь;
А съ нимъ, хотя бъ на насъ вселенна ополчилась,
Противу всѣхъ царей идти бъ не усомнилась.

ЯРБЪ.

Но знай, что бракъ твой съ нимъ унизитъ твой вѣнецъ.

ДИДОНА.

Престань, и наглостямъ содѣлай ты конецъ;
Не истребляй во мнѣ ты дерзостью терпѣнья,
И къ Ярбу моего не умножай презрѣнья.
Тотъ малъ въ моихъ глазахъ, который мнѣ грозитъ.
Ярбъ силенъ, храбръ, враговъ какъ молнія разитъ;
Великъ онъ, можетъ быть отечеству полезенъ;
Не спорю: онъ вашъ богъ; а мнѣ Эней любезенъ.
Ярбъ все въ странахъ своихъ; но здѣсь мнѣ все Эней.
Я сихъ царица странъ; онъ царь души моей.
Ты можешь нынѣ путь направити обратно
И Ярбу принести извѣстье непріятно,
Что сердце въ самый день отъѣзда твоего
Я съ сердцемъ сопрягла драгого моего;
Иль радостямъ моимъ ты можешь быть свидѣтель,
Чтобъ знать, какъ страшенъ мнѣ Гетулліи владѣтель.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРБЪ, ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Мнѣ быть свидѣтелемъ несчастья своего?
Я буду; но страшись присутства моего!
Жестока! твой отказъ мнѣ радость въ грудь вселяетъ,
И страсть отнявъ, одну лишь злобу оставляетъ.
Стараній свобожденъ, которыми язвлюсь,
Съ покойною душей въ отмщенье устремлюсь.
Погибнетъ мой злодѣй въ объятіяхъ Дидоны!
Въ сію жъ лишится нощь она своей короны!
Въ сію несчастну нощь презрѣнная любовь
Въ противномъ градѣ мнѣ прольетъ рѣками кровь!
Ужъ ярости моей въ сей часъ мечи острятся,
Отважны воины внѣ города хранятся;
Узримъ все зданье здѣсь въ пылающемъ огнѣ,
И Трою сотворя вторую въ сей странѣ,
Мы Карѳагену всю въ троянско ввергнемъ горе,
Наполнимъ трупами волнующеся море!
Пускай вторично здѣсь, коль мечъ не поразитъ.
Лютѣйшій мой злодѣй со срамомъ убѣжитъ....
Но что? Я мстить хочу во время мрака ночи,
А лютый бракъ скорѣй мои увидятъ очи!
Могу ль единный часъ врага во счастьи зрѣть,
Чтобъ, яростью дыша, отъ злобы не умреть!
Какъ буду я сносить Дидоны лестны взгляды
Иному, а не мнѣ дающіе отрады!
Пойду, какъ алчный тигръ, противъ моихъ враговъ,

Сражуся съ смертными, пойду противъ боговъ:
Тамъ въ грудь предъ алтаремъ Энею мечъ вонзая,
И сердце яростной рукою извлекая,
Злодѣя наказавъ, Дидонѣ отомщу,
И брачныя свѣщи въ надгробны превращу.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

О Ярбѣ ты твердя, не огорчай Дидоны;
Мнѣ гнусны съ нимъ его и скиперты и троны.
Единый взоръ драгой Энеевыхъ очесъ
Превыше троновъ, царствъ, дражайшій даръ небесъ.
Коль хочешь, слабостью мой пламень называя,
Порочь, на слабости царицы почитая.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА *съ воиномъ.*

АРСИНА *къ Дидонѣ.*

Имѣетъ воинъ сей вѣсть тайную сказать.

ДИДОНА *къ воину.*

Вѣщай!

ВОИНЪ.

Противъ тебя дерзаютъ возставать.
Гетульскаго царя посолъ ожесточенный

По граду здѣсь лiетъ ядъ злости сокровенный.
Вельможей, воиновъ сребромъ прельщая взоръ,
Готовитъ на тебя погибелей соборъ;
А тѣмъ, которыхъ духъ лишь гордость ослѣпляетъ,
Онъ стыдъ зрѣть странника на тронѣ представляетъ.

ДИДОНА.

Усердiе твое, какъ должно, признаю.
Поди. Воспомяну преданность мнѣ твою.

Воинъ уходитъ.

Герой любовникъ мой, могу ли устрашаться!
Но, ахъ! онъ самъ меня старается скрываться,
Въ тотъ день, какъ къ счастiю готовлюсь моему!
Предчувствую ударъ я сердцу своему!
Энея нѣтъ со мной. Ахъ! что̀ тому виною?
Что̀ сдѣлалось ему? что̀ станется со мною?

ЕЛИЗА.

Злой умыслъ на тебя увѣдавъ, можетъ быть,
Въ сей часъ злодѣйскiй ковъ онъ тщится истребить.

ДИДОНА.

Съ моими мыслями, Елиза, ты согласна;
Конечно, до него дошла та вѣсть ужасна,
Которая любви его грозитъ бѣдой.
Поди, скажи ему, чтобъ вкупѣ онъ со мной
Устроить все пришелъ. Скажи, что я страдаю,
Что безъ него души въ себѣ не ощущаю.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Чтò я не говорю, но духъ смущеньемъ полнъ;
Колеблюся страстей среди различныхъ волнъ;
Смущаюсь, радуюсь, надѣюсь, унываю;
Не тщетно ль радуюсь? не тщетно ль уповаю?

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА.

ЕЛИЗА.

Царица! ахъ!... Эней!...

ДИДОНА.

Сверши.

ЕЛИЗА.

Уже на берегахъ,
И воиновъ его ужъ часть на корабляхъ....

ДИДОНА.

О, вѣсть ужасная! все ясно понимаю:
Эней меня бѣжитъ, я жизнь мою теряю!

къ Елизѣ.

Способствуй ты любви отчаянной моей,
Когда не хочешь зрѣть моихъ кончины дней;
Стремись и возврати мою въ Энеѣ душу,
Скажи ему, что жизнь мою въ сей часъ я рушу,
Проси, моли, пролей потоки горкихъ слезъ,
Грози за смерть мою отмщеніемъ небесъ.

Явя ему все то, чтò духъ мой ощущаетъ,
Скажи ему.... скажи: Дидона умираетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Се часъ, который мнѣ то ясно показалъ.
Присутства моего почто Эней бѣжалъ.
Се лютая вина при мнѣ его смятенья:
За всю мою любовь готовилъ мнѣ мученья.
Обманывала я, несчастная, себя!
Могла ль измѣнникомъ, Эней, считать тебя,
Тебя, котораго всему предпочитаю!
И днесь, лишь только то себѣ воображаю,
Что хочешь ты меня несчастну покидать,
Не вѣря, я тебя жъ желаю оправдать.

АРСИНА.

Забылъ Эней, забылъ твое благодѣянье.

ДИДОНА.

О, мысль жестокая! смертельное терзанье!
Арсина, вѣрь тому, что я напрасно рвусь;
Смятенная мечтой, мечтою я крушусь.
По клятвахъ таковыхъ Эней меня оставитъ?
Ахъ, нѣтъ! Эней себя, Эней не обезславитъ...
Елизу вижу я. Элиза, ты одна!
Конечно, я въ сей день умреть осуждена!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИДОНА, АРСИНА, ЕЛИЗА.

ЕЛИЗА.

Тебѣ способствуютъ безсмертны сами боги;
Эней....

ДИДОНА.

Гдѣ онъ?

ЕЛИЗА.

Въ сіи вступаетъ ужъ чертоги.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИДОНА, ЭНЕЙ.

ДИДОНА.

Я слышала, что ты оставить предпріялъ
Несчастную, меня, что ты уйти желалъ.
Желалъ ты, или нѣтъ, меня въ томъ увѣряли;
Я думаю, что то мнѣ ложно объявляли.
Не вѣрю я тому.... Но ты, Эней, молчишь.
Не вѣрю.... ахъ, тиранъ! ты вѣрить мнѣ велишь!
Смятеніе твое и лютое молчанье
Есть смерти моея ужасно предсказанье.
Се плодъ моей любви, се нашихъ жаръ сердецъ!
Сгараю я тобой и гибну наконецъ.
Взгляни ты на меня; почто страшишься видѣть,
Которую возмогъ ты днесь возненавидѣть?
Взгляни, Эней: не гнѣвъ узришь въ лицѣ моемъ,
Увидишь смерти тѣнь единую на немъ:

Взгляни ты на меня, примѣть мое мученье;
Иль устрашаешься прійдти ты въ сожалѣнье?
Мужайся, ты герой; отъемли жизнь мою
И, ахъ! безъ робости пронзай ты грудь сію
И сердце страстно, гдѣ твой образъ обитая....

ЭНЕЙ.

Не отягчай меня ты, мучась и страдая.
Днесь должно твердость намъ обоимъ воспріять,
Другъ другу помощи противъ себя давать.
Довольно безъ тебя я самъ собой размученъ;
И безъ дражайшихъ слезъ твоихъ я злополученъ.
Мужайся, утверди меня противъ себя.
Любовь свою ко мнѣ навѣки истребя,
Вспомоществуй ты мнѣ несчастливѣй всѣхъ быти,
Вспомоществуй въ очахъ токъ слезный затворити;
А ежели нельзя повелѣвать слезамъ,
Да будетъ въ слабости подпорой слава намъ,
Чтобы сказалъ весь міръ, о насъ съ тобой жалѣя:
Не могъ сразити рокъ Дидону и Энея....
Мнѣ боги отъ тебя велятъ навѣкъ отстать.

ДИДОНА.

Не можетъ божество невинную карать;
Богами тщетно ты невѣрность закрываешь.
Зевесъ! ты, слыша ложь, его не поражаешь!

ЭНЕЙ.

Въ сію ужасну ночь, о, гибельный ударъ!
Онъ самъ мнѣ повелѣлъ тушить къ Дидонѣ жаръ
И вспомнить мой обѣтъ. Намъ должно разставатьс
Осмѣлится ль Эней богамъ сопротивляться?

ДИДОНА.

Почто жъ, жестокій! мнѣ ты прежде не сказалъ,
Что самъ Зевесъ твою любовь опровергалъ?

На то ли овладѣлъ моею ты душою,
Чтобы извлечь ее въ сей день твоей рукою?

ЭНЕЙ.

Удобно ль въ радостяхъ желать то предузнать,
Чтд наши радости возможетъ огорчать?
Къ утѣхамъ я любви одной стремясь всечасно,
Отъ мыслей отвращалъ предвѣденье ужасно.
Я мыслилъ, что Зевесъ, гремящій въ небесахъ,
Всю славу утвердилъ мою въ твоихъ красахъ;
Что боги лютые, немилосерды боги
Не будутъ для тебя ко мнѣ толико строги.
Но тщетно все! Зевесъ на смерть идти велитъ,
Далеко отъ тебя Энея онъ стремитъ.
Предчувствую, со мной чтд можетъ приключиться;
Ужъ сердце отъ меня готово отлучиться;
Всѣ радости мои останутся съ тобой;
Смертельный, лютый путь я вижу предъ собой.
Я лишь тобою жизнь могу въ себѣ питати....
Но, ахъ! я долженъ днесь о славѣ помышляти.

ДИДОНА.

Бѣги, жестокій ты, и оставляй меня,
Бѣги, не буду я себя стыдить стеня,
Не буду предъ тобой вздыханьемъ унижаться,
Не хочешь быть со мной, — и я хочу разстаться,
Сего лишь я ждала, чтобъ сами тѣ уста,
Которыхъ клятвами здѣсь полны всѣ мѣста,
Которы вѣчною любовью увѣряли,
Чтобъ тѣ жъ уста свою невѣрность возвѣщали,
Разлуку вѣчну мнѣ веля съ собой снести.
Узнала я тебя, Эней; навѣкъ прости....
Навѣкъ, увы! навѣкъ! о, слово преужасно

Въ любви сгарающимъ и зрѣвшимся всечасно!
Какъ мѣсяцъ, годъ снести возлюбленной твоей,
Чтобъ раздѣляло насъ толь множество морей,
Чтобъ начинался день, и день оканчивался,
А ты бъ, драгой Эней, съ Дидоной не видался?
Не боги, нѣтъ, меня оставити велятъ;
Нѣтъ, смерти моея безсмертны не хотятъ;
Ее желаешь ты. Коль винна я предъ вами,
Разите, небеса, меня въ сей часъ вы сами!
Чѣмъ гнѣваю боговъ? Тѣмъ развѣ ихъ гнѣвлю,
Что болѣе всего, Эней, тебя люблю?
Иль хочешь смертію моей себя прославить?
Не оставляй меня, — мой духъ меня оставитъ;
Не оставляй меня для горькихъ слезъ моихъ!
Тебѣ ль, Эней, тебѣ ль искать утѣхи въ нихъ?
Воспомни клятвы всѣ, мнѣ данныя тобою,
И зри у ногъ твоихъ царицу предъ собою.

ЭНЕЙ.

Ахъ, чтó ты дѣлаешь!

ДИДОНА.

Не умерщвляй меня!
Иль, бѣдную на смерть, жестокій, обвиня,
Пронзи ты грудь мою дражайшею рукою:
Утѣшь хоть тѣмъ, когда не хочешь быть со мною;
Я жизни безъ тебя не возмогу стерпѣть.
Чтó въ свѣтѣ мнѣ, когда тебя не буду зрѣть!
Кому несчастная Дидона станетъ вѣрить,
Когда и самъ Эней предъ нею лицемѣритъ?
Къ кому, лишась тебя, прибѣгну я стеня?
Ни смертныхъ, ни боговъ не будетъ для меня....
Я слышу стонъ въ устахъ твоихъ!

ЭНЕЙ.

Я стражду, рвуся;
И какъ не рваться мнѣ? — съ Дидоной разстаюся!
Днесь гибнетъ весь мой свѣтъ, теряю все, что́ есть;
Тебя теряю, жизнь.... но остается честь.
Размученъ страстію, растерзанъ, безпокоенъ,
Тогда лишь буду я любви твоей достоенъ.
Любовь твоя тебя не станетъ посрамлять:
Къ герою будешь ты тѣ вздохи устремлять,
Которы подаешь бѣгущему Энею.

ДИДОНА.

Ступай; я болѣе просити не умѣю.
Мнѣ полно мучиться; я много слезъ лила
И долго предъ тобой любовницей была;
Царица буду днесь. Довольствуйся геройствомъ.
Оставь меня, пришлецъ, звѣрямъ подобный свойствомъ!
Вѣщаютъ, что въ тебѣ безсмертныхъ кровь течетъ;
Неправда, — лютый тигръ тебѣ далъ видѣть свѣтъ;
Въ утробѣ ты зачатъ свирѣпѣйшія львицы!
Бѣги и удались несчастнѣйшей царицы!
Сокрой противный взоръ невѣрныхъ ты очесъ,
Въ которыхъ видѣла́ я прежде даръ небесъ!
Сокройся, удались.... О чемъ ты помышляешь?

ЭНЕЙ.

Я мышлю, что ты гнѣвъ невинному являѐшь....
И такъ ужъ ты меня изъ сердца своего....
Я мышлю, что.... ахъ, нѣтъ! не мышлю ничего!

ДИДОНА.

Чтобъ я, невѣрностью твоею огорченна,
Жалѣть измѣнника была бы униженна.
Чтобъ я.... тиранъ! узнай, могу тебя забыть;

Я больше сдѣлаю: хочу супругой быть
Тому, котораго я прежде презирала,
Которому тебя я, льстецъ, предпочитала.
Я съ Ярбомъ сопрягусь, съ нимъ буду вѣчно жить:
Въ сей день и при тебѣ хочу я объявить.
Въ сей часъ къ посланнику его....

ЭНЕЙ.

Постой, жестока!
И ты согласна ставъ съ свирѣпостію рока,
Намѣсто, чтобъ мою судьбину облегчить,
Стремишься смерть мою лишь болѣ отягчить!
И такъ, о небо! я уже всего лишаюсь,
И не съ возлюбленной я нынѣ разлучаюсь, —
Съ невѣстой Ярбовой....

ДИДОНА.

Мнѣ слава то велитъ.
Любовь сердца сплела, а слава разлучитъ.
Я славы голосу тебя не меньше внемлю;
Какъ ты, и я такъ честь себѣ въ законъ пріемлю.
Иной узнаетъ то, соединясь со мной,
Что можно съ честію владѣти сей страной;
Что больше мой престолъ принесть возможетъ славы,
Какъ неизвѣстныя исканіе державы.
Въ иномъ я радости и счастье буду зрѣть,
Которыя въ тебѣ я льстилася имѣть.
Иной мнѣ возвратитъ все, что̀ тобою трачу,
Иной.... ты слезы льешь, и я съ тобою плачу!
Эней! не вѣрь словамъ отчаянной любви;
Лишась тебя, умру!... несчастну оживи!
Закрой мой гробъ; мой духъ ужъ съ тѣломъ разстается!

ЭНЕЙ.

Живи, дражайшая! Эней твой остается.

ДИДОНА.

О, слово радостно, неожиданно мной!
Я душу предаю тебѣ съ моей рукой.

Тимаръ входитъ.

Тимаръ, скажи жрецамъ мое ты повелѣнье,
Чтобъ воздали богамъ мое благодаренье,
И украшали бы ко браку алтари.
Мы внидемъ въ храмъ напредь вечерніи зари.
А самъ готовь мой тронъ съ короною моею,
Тѣ слабые дары любви моей Энею.

ТИМАРЪ, *одинъ къ воину, съ нимъ вшедшему.*

Я въ храмъ иду; а ты ко Ярбовымъ посламъ;
Скажи, что видъ иной сталъ паки всѣмъ дѣламъ;
Что къ предпріятію ужъ все теперь готово,
И что исполнится Тимаромъ данно слово.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ЯРБЪ, *одинъ*.

Свирѣпа ада дщерь, надежда злобныхъ, месть,
Къ чему несчастнаго стремишься ты привесть?
Лютѣйшей ярости мнѣ въ сердце ядъ вливая,
Влечешь меня на все, мнѣ очи закрывая....
Дидона нѣжну страсть удобно ощущать;
Но сердце кто ея дерзаетъ обольщать?
Пришлецъ, ругаяся моей несносной части,
Въ утѣхахъ исчислять тѣ станетъ всѣ напасти,
Которы долженъ ты отъ странника терпѣть;
Онъ въ прелестяхъ ея всечасно будетъ зрѣть,
Колико счастливъ онъ, и сколько я несчастенъ.
Благополученъ врагъ, а я лишь только страстенъ!
О ты, котораго всѣ чтутъ моимъ отцомъ,
Великій Юпитеръ, держащій страшный громъ,
Зри сыну твоему творенныя досады!
Впервые для своей молю тебя отрады:
Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ;
Изъ мрака грозныхъ тучъ, природы руша чинъ,
Мнѣ сей ужасный день въ ночь темну претворяя,
Не солнцемъ, молніей всю землю озаряя,

Вселенну потряси и громомъ поражай;
Низвергни городъ сей, блистай, греми, карай....
Но, что! — слова мои напрасно я теряю,
И своего отца безъ пользы умоляю.
Когда ты не разишь, тебя отцемъ не чту;
И только тщетную я зрю въ тебѣ мечту;
Безсиленъ ты смягчить души моей мученье.
Мнѣ боги — фуріи, отецъ мой — отомщенье!
Мой мечъ помощникъ мнѣ; сей мечъ въ моихъ рукахъ,
Безъ помощи твоей преобратитъ все въ прахъ!...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ЯРБЪ, ГІАСЪ.

ЯРБЪ.

Ужель все сдѣлано? Открытъ ли путь мнѣ къ мести?

ГІАСЪ.

Мы можемъ внити въ храмъ; но ты противу чести,
Еще дерзну сказать, желаешь поступить,
И славу многихъ лѣтъ въ минуту погубить.

ЯРБЪ.

Что въ славѣ, коль она отмщати запрещаетъ?
Въ обидѣ унывать, тò славу помрачаетъ.
Въ суровыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обладаю я,
Не научилася жалѣть любовь моя.
Пускай иной, снося отказъ своей любезной,
Вздыхаетъ съ радостью, ліетъ изъ глазъ токъ слезной,
Отъемлющаго все совмѣстника щадитъ;
Меня не плачъ, но кровь за муки наградитъ.

Одной свирѣпостью народъ мой только славенъ;
Народа люта царь, ему хочу быть равенъ.

ГІАСЪ.

Страшуся, государь, твой грозный видя взоръ!
Ты вѣчный для себя содѣлаешь позоръ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРБЪ, ГІАСЪ, ТИМАРЪ.

ТИМАРЪ.

Теперь ужь вся твоя надежда миновалась,
И только месть одна утѣхою осталась.
Эней во храмъ вошелъ, побѣдою гордясь,
Котору надъ царемъ обрѣлъ бѣгущій князь.
Съ Дидоной предъ тобой онъ будетъ сочетаться.

ЯРБЪ.

Какъ, боги! можетъ духъ мой въ тѣлѣ удержаться?
Отъ злости рвуся я, и рвуся отъ стыда.
Злодѣй во храмъ пошелъ, и я иду туда.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТИМАРЪ, АНТЕНОРЪ.

ТИМАРЪ.

Отколѣ, Антеноръ?

АНТЕНОРЪ.

Я храма удалился,
Чтобъ стыдъ Троянъ въ глазахъ моихъ не совершился.

Когда ты лютость, рокъ, на Трою истощилъ,
На насъ летящу смерть почто остановилъ?
Погибли бъ мы тогда отечества на лонѣ,
И не были бъ рабы любови и Дидонѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДИДОНА, АНТЕНОРЪ.

ДИДОНА.

Все гибнетъ, небеса! все гибнетъ, Антеноръ!
Я шла во храмъ, но пыль столбомъ затмила взоръ.
Спираяся у вратъ, изъ храма всѣ стремятся;
Посолъ гетульскій тамъ; мечами тамъ разятся;
Стенанье, вопль и шумъ. Во храмѣ мой Эней,
Туда пошелъ со мной ждать радости своей,
А смерть онъ, можетъ быть, внезапную встрѣчаетъ,
И, можетъбыть, уже въ сей часъ свой вѣкъ кончаетъ.
Спѣши, о Антеноръ! и я иду съ тобой.

АНТЕНОРЪ, *удерживая Дидону.*

Безъ пользы будетъ тамъ приходъ, царица, твой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИДОНА, *одна.*

Я чувствъ лишаюся, мои трепещутъ ноги.
Разите вы меня, о праведные боги!
Спасите только лишь Энея моего.
Виновна я, что онъ завѣта твоего,

О ты, отецъ боговъ! поднесь не могъ исполнить;
Героя слабостью дерзнула я наполнить.
Щади его! твоя течетъ въ Энеѣ кровь.
Пускай, презрѣвъ мой стонъ, забывъ мою любовь,
Возлюбленный навѣкъ отселѣ отъѣзжаетъ....
Ахъ, чтó въ отчаяньи любовь моя вѣщаетъ!
Не вѣдаю, чего въ тоскѣ хочу моей:
Увы! хочу одной лишь смерти я своей.
Пусть мертвую меня оставитъ мой любезный,
На гробѣ онъ моемъ потокъ проливши слезный.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Чтò сдѣлалось, скажи?

ЕЛИЗА.

Весь храмъ смятеньемъ полнъ.
Насилу извлеклась народа я изъ волнъ.

ДИДОНА.

Не видѣла ль.... увы! спросить я не дерзаю.
Скажи.... трепещетъ духъ.... гдѣ мой Эней?

ЕЛИЗА.

Не знаю.

ДИДОНА.

Смятеніемъ еще въ сей часъ наполненъ храмъ;
А ты не видѣла, увы! Энея тамъ.
Конечно онъ погибъ, и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ЕЛИЗА.

Не можно описать толь страшнáго волненья.
Колеблется весь храмъ, трясутся стѣны въ немъ.

Вельможи и жрецы, въ смятеніи своемъ,
Другъ другу вонъ исходъ, тѣсняся, заграждаютъ;
Разбиты алтари со трескомъ упадаютъ.
Тамъ подавленныхъ стонъ, тамъ слышенъ звукъ мечей;
Иной гласитъ: погибъ несчастливый Эней!
Иной кричитъ: онъ живъ, но палъ посолъ тирана!
Исторглася оттоль въ сомнѣньи, бездыханна,
Трепещуща, безъ чувствъ, не зная ничего.

ДИДОНА.

Увы! къ жестокости страданья моего,
Елиза, придала ты больше мнѣ мученья.
Сама иду во храмъ, лишаюся терпѣнья.

ЕЛИЗА.

Ты хочешь жизнь свою опасности предать?

ДИДОНА.

Чтó въ жизни мнѣ, когда Энея не видать?
Чтó въ свѣтѣ, коль его я въ немъ не буду зрѣть?
Пойду спасти его, иль купно умереть.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДИДОНА, ЭНЕЙ, ЯРБЪ *въ оковахъ* И ВОИНЫ.

ДИДОНА.

Чтò вижу я? Эней! драгой Эней, ты здравъ!

ЭНЕЙ.

Живу, рукой своей я варвара поправъ.
Во храмѣ, я тобой имѣя сердце плѣнно,
Отъ смертныхъ, отъ боговъ къ Дидонѣ отвлеченно,

Къ сердечнымъ радостямъ всю душу обративъ,
Присутства твоего я ждалъ, весь міръ забывъ.
Вельможи и народъ въ молчаньи предстояли.
Прихода твоего и сами боги ждали;
Ко жертвованью былъ готовъ священный ликъ.
Незапно возстаетъ вдали смятенный крикъ,
Весь движется народъ, отъ звука храмъ трепещетъ,
Какъ волны страшныя къ брегамъ вихрь сильный ме-
щетъ
И извергаетъ въ нихъ чудовище изъ водъ:
Таковъ во ужасѣ волнуяся народъ,
Разверзшись, вдругъ посла гетульска открываетъ.
Какъ молнія, остръ мечъ въ рукахъ его блистаетъ,
Какъ угліе, глаза кровавые горятъ,
Отъ ярости уста безмолвные дрожатъ.
Предстать и мечъ вознесть — была одна минута;
Но я предупредилъ сего злодѣя люта.
Исторгнулъ мечъ изъ рукъ и въ узы заключилъ.

ДИДОНА *Ярбу.*

Чудовище! тебя тому, кто научилъ?
Кто право далъ тебѣ?

ЯРБЪ.

О томъ не вопрошая,
Послѣдуй строгости, ты часть мою свершая.

ДИДОНА.

Убійца злой! посолъ великаго царя!
Законы святости народовъ всѣхъ презря,
Достоинъ смерть вкусить ты, всѣ стерпя мученья!
Коль хочешь жить, пади предъ нимъ, проси про-
щенья!
Презрѣвъ тебя, въ сей часъ изъ града изведутъ.

ЯРБЪ.

Хоть громы на меня съ небесъ въ сей часъ падутъ,
Хоть адъ откроешь мнѣ ты гнѣвною рукою, —
Я сниду и во адъ съ неподлою душою.

ДИДОНА.

Съ неподлою? тиранъ! неподлымъ хочешь быть,
А ты, какъ гнусный тать, въ сей часъ дерзнулъ ра-
зить.

Къ Энею.

Злодѣя нашего твоей даю я власти;
Эней, властителемъ его ты будешь части.

ЯРБЪ.

Стыдяся подданны правленья бѣглеца,
Досадой полны ихъ противъ тебя сердца.

ДИДОНА.

Блаженствомъ подданныхъ моихъ мой тронъ крѣ-
пится;
Тиранамъ лишь однимъ рабовъ своихъ страшиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЭНЕЙ, ЯРБЪ *въ оковахъ* И ВОИНЫ.

ЭНЕЙ.

Теперь въ рукахъ моихъ и смерть и жизнь твоя, —
Отвѣтствуй мнѣ, скажи: тебѣ чтó сдѣлалъ я?
Чтó привело злодѣйствовать Энею?
Но ты молчишь.

ЯРБЪ.

Какъ мнѣ отвѣтствовать злодѣю?

Отдай отъятый мечъ, съ мечемъ я дамъ отвѣтъ.
За стыдъ мой кровь твоя ручьями потечетъ.

ЭНЕЙ.

Кто Ахиллеса зрѣлъ и въ полѣ съ нимъ сражался,
Тотъ злости бъ Ярбова посла не убоялся;
Но славы моея я тѣмъ не собрегу,
Когда прерву ту жизнь, котору дать могу.

ЯРБЪ.

Ты жизнь мнѣ дашь? къ чему я приведенъ судьбою!
Рази! Чтó въ жизни мнѣ, коль буду жить тобою!

ЭНЕЙ.

Но гордость такова прилична ли рабу?
Покорство — честь твоя; вмѣстись въ твою судьбу.

ЯРБЪ.

Покорство! мнѣ робѣть? мнѣ кланяться Энею?
Я къ страху не привыкъ и ползать не умѣю.
Того единаго страшуся только я,
Чтобъ даромъ не была твоимъ мнѣ жизнь моя.
Отъемли ты ее; она въ твоей днесь волѣ;
Когда я буду жить, не жить злодѣю болѣ.

ЭНЕЙ.

Покорства твоего не требуетъ Эней;
И буду ли великъ я низостью твоей?
И наглостью, чтó ты величествомъ считаешь,
Въ жестокости своей меня не унижаешь.
Стремися раздражать и рвись, тирановъ рабъ;
Прощаю все тому, кто предо мною слабъ.
Ты, раздраживъ меня, возвыситься тѣмъ чаешь;
Но тщетна мысль твоя, и ты меня не знаешь.

ЯРБЪ.

Чтó знать мнѣ о тебѣ? бѣгущій ты Эней.
Но Ярба ты узнай; смотри — твой здѣсь злодѣй.

Узнай совмѣстника, Дидоною прельщенна,
Въ оковахъ зри его, оружія лишенна.

ЭНЕЙ.

Что нужды въ томъ? Хоть царь, хоть рабъ, кто ты
ни есть,
Злодѣя зрю въ тебѣ. Твоя презрѣнна месть,
Хотя бъ ты богомъ былъ, и бога бъ помрачила.
Благодари судьбѣ, что мнѣ тебя вручила:
Къ несчастливымъ Эней не можетъ быти строгъ;
На мѣстѣ брани я врага сразить бы могъ:
Опасность равная тамъ славой озаряетъ;
Но сильный честь свою свирѣпостью теряетъ.
Царь, пользуйся въ сей часъ щедротою моей:
Энея ты не зналъ; узнай же, кто Эней.
Злодѣю моему лютѣйшему прощаю,
Ему я честь, и жизнь, и вольность возвращаю.
Снявъ узы, воины, отдайте мечъ ему.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЯРБЪ, *одинъ.*

Пріемлю даръ тебѣ на гибель самому.
Щедроту чувствую, но отъ кого? о, боги!
Въ стыдѣ мой рвется духъ, меня не держатъ ноги!
Я въ узахъ былъ, и былъ ко смерти осужденъ,
Энею долженъ всѣмъ, Энеемъ свобожденъ!
Рѣчь каждa на главѣ власы мои вздымаетъ!
Щедрота вражеска лишь злобу умножаетъ.
Стократъ довольнѣй бы своимъ я рокомъ былъ,
Коль милостью бъ мой врагъ меня не отягчилъ.

Энеемъ я живу! Энеемъ свѣтъ сей вижу!
Я мерзостенъ себѣ, себя я ненавижу.
Но злобою клянусь на то лишь только жить,
Чтобъ кровію твоей безчестіе омыть.
Мечемъ клянусь, мнѣ симъ твоимъ дражайшимъ даромъ,
Въ сію же ночь предстать тебѣ во гнѣвѣ яромъ.
Коль хочешь, можешь, рокъ, еще меня разить;
Я все тебѣ прощу, когда могу отмстить.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЯРБЪ, АНТЕНОРЪ *и воины.*

АНТЕНОРЪ.

Дидона чрезъ меня то Ярбу возвѣщаетъ,
Что за злодѣйствіе ему не отомщаетъ;
Чтобъ шелъ изъ града вонъ въ сей часъ онъ невреждень,
И будетъ воинствомъ онъ симъ препровожденъ.

ЯРБЪ.

Иду изъ града вонъ; но пусть Дидона знаетъ,
Что люта месть ее съ Энеемъ ожидаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

АНТЕНОРЪ, *одинъ.*

Внемлите, небеса, моленію Троянъ!
Освободите ихъ отъ сихъ противныхъ странъ!
Представьте мнѣ въ любви померкшаго героя,

Энея, кѣмъ должна воздвигнута быть Троя!
Внушите силу вы глаголу моему,
Чтó былъ онъ, и чтó сталъ, дать чувствовать ему!...
Се онъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЭНЕЙ, АНТЕНОРЪ.

ЭНЕЙ, *увидя Антенора.*

Не мыслилъ я, чтобъ могъ того увидѣть,
Который долженъ днесь меня возненавидѣть.
Взирая на тебя, я совѣстью грызусь.

АНТЕНОРЪ.

И я, узрѣвъ тебя, отъ горести мятусь.
Предстàвилися мнѣ пергамскіе герои,
Сыны, защитники низверженныя Трои;
Гекторъ, Троилъ и самъ представился Эней,
Ты помнишь ли себя?... Нѣтъ, въ слабости своей
Въ сей часъ, когда мой гласъ героевъ исчисляетъ,
Анхизовъ сынъ красы Дидоны вображаетъ.

ЭНЕЙ.

Царица, коея дивится власти свѣтъ...

АНТЕНОРЪ.

Кто изъ гражданъ твоихъ, тебѣ исшедшихъ въ слѣдъ,
Изъ коихъ многіе Энею кровью равны,
Клятвъ преступленія твои узрѣвъ безславны,
На тронѣ зря тебя, не будетъ огорченъ?
Чтó въ томъ, что будешь ты въ порфиру облеченъ?
Величествомъ твой вѣкъ лишь только помрачится,
Порокъ въ лучахъ вѣнца ужаснѣе явится;

На трона высотѣ безчестіе виднѣй.
Мечъ правосудія ты надъ главой своей,
Карающъ мечъ боговъ всечасно видѣть будешь;
Лишь помня гнѣвъ небесъ, ты скиптръ въ рукахъ забудешь.
Ступай, и презри скиптръ, вручаемый женой!

ЭНЕЙ.

Но духъ останется навѣкъ въ Дидонѣ мой.
Могу ль снести изъ устъ Дидониныхъ укоры
И плачущихъ очей прежалостные взоры?
Могу ль свой долгъ тогда на память призывать,
Отъ сердца какъ ея свое я стану рвать?
Погибни лучше все, Италія и слава,
И свѣта цѣлаго обѣщанна держава!
Вторично пламенемъ ты, Троя, истребись!...
Ахъ, что́ вѣщаю я!...

АНТЕНОРЪ.

Несчастный, устрашись!
Зевесъ! такую рѣчь изъ устъ его внимая,
Ты громъ свой удержи, ослабшему прощая.
Оставь!... весь умъ его мрачитъ кипяща кровь;
Прости! не онъ то рекъ, сказала то любовь.

ЭНЕЙ.

Оставь мнѣ то, Зевесъ, пороковъ истребитель!
Оставь мою вину и ты, драгой родитель!
Не укоряй меня: я самъ себя стыжусь.
Жестокая любовь! я днесь тебя страшусь.

АНТЕНОРЪ.

Она, Эней, тебя со Троей разлучаетъ.
Се Гекторъ смертныя оковы разрываетъ
И сильною рукой нѣдра земли трясетъ,

Взираетъ на тебя, и зря, не познаетъ.
Великая душа! о, тѣнь окровавленна!
Съ тобою наша вся надежда заключенна.
Оставь мнѣ то, герой, что рушу твой покой!
Я знаю, страждешь ты, днесь слыша голосъ мой,
И за отечество Энея укоряешь,
И раны всѣ свои кровавы исчисляешь...
Не стало Гектора, и ужъ Энея нѣтъ;
Не палъ нашъ градъ тогда, се Троя днесь падетъ.
Любовь твои дѣла геройски помрачаетъ
И прежній славы лавръ съ главы твоей снимаетъ.
Но если славу ты уже престалъ любить,
Котора можетъ насъ съ безсмертными сравнить,
Когда ты не герой, то ужасомъ тронися;
Воспомни клятвы ты, и клятвъ своихъ страшися.
Зевесъ, котораго тобой презрѣнъ предѣлъ,
Въ Италіи искать отечества велѣлъ.
Представь себѣ, что̀ ты пренебрегать дерзаешь; —
Весь громъ ты на себя небесный привлекаешь.
Вострепещи и зри источникъ горькихъ слезъ,
Всѣхъ спутниковъ изъ сихъ ліющійся очесъ;
Зри тѣнь родителя унылу, раздраженну,
Презрѣніемъ къ тебѣ и гнѣвомъ воспаленну.
Анхизъ! се твой Эней... Внимай! онъ вопіетъ:
Энея зрѣть хочу; но здѣсь Энея нѣтъ!
Познай, Анхисъ, познай несчастнаго ты сына!

ЭНЕЙ.

О, должность! о, любовь! о, грозная судьбина!
Коль рокъ велитъ, пойдѐмъ и сей оставимъ градъ,
Порочны узы гдѣ мой страстный духъ тягчатъ,
Которыхъ я бѣгу, которыми прельщаюсь.
Любовь оставилъ я, и славѣ подвергаюсь.

АНТЕНОРЪ.

Ты паки сталъ Эней, герой и кровь боговъ!
Восторгомъ я плѣненъ отъ звука оныхъ словъ.

ЭНЕЙ.

Поди къ Дидонѣ ты, смягчи мое страданье,
Прими къ ней отъ меня, отъ ней ко мнѣ прощанье.
А я, чтобъ сей ударъ несноснѣйшій стерпѣть,
Въ послѣдній разъ ее въ сей часъ не буду зрѣть,
Не буду взоромъ я прекраснымъ наслаждаться;
Идущему на смерть, мнѣ должно утверждаться.
Умѣрь въ ней скорбь, меня удобну погубить,
Скажи ты ей, мой другъ, что буду ввѣкъ любить;
Что, вѣсти внявъ о ней печальны и жестоки,
Въ отчаяньи пролью не слезъ, но крови токи;
Скажи... но отъ меня ты отвращаешь взоръ;
Жалѣй меня, жалѣй, любезный Антеноръ!
Я не презрѣнія, но жалости достоинъ.

АНТЕНОРЪ.

Смотри, какъ страстію твой нынѣ духъ разстроенъ!
Любовь порочишь ты; но тщетно узы рвешь,
Тщась слезы удержать, потоки слезъ ліешь.

ЭНЕЙ.

Прости! Я все гублю, чѣмъ жизнь меня прельщаетъ;
Въ мучительную смерть рокъ дни преобращаетъ,
Которы мыслилъ я Дидонѣ посвятить.
Я слезъ потокъ лію, и буду вѣчно лить;
Но не воображай, чтобъ я, страшася бѣдства,
Къ спокойству своему желалъ безславна средства,
Чтобы, какъ боги мнѣ прославиться велятъ,
Не смѣлъ бы я хотѣть оставити сей градъ.

АНТЕНОРЪ.
Яви то днесь, души всѣ силы собирая,
И превзойди себя ты, страсть превозмогая;
Бѣги! намъ въ томъ сама способна будетъ ночь.
Мы побѣждаемъ страсть, бѣжа отъ страсти прочь.

ЭНЕЙ.
Пойдемъ... но должно намъ безсмертныхъ вопросити,
Намъ должно жертвами ихъ въ помощь пригласити.
Побудемъ здѣсь еще, останемся на часъ.

АНТЕНОРЪ.
Примѣть ты страстнаго въ словахъ сихъ сердца гласъ.
Терзаясь, ослабѣвъ, къ богамъ идти желаешь;
Но вѣдай, не къ богамъ,— ты къ страсти прибѣгаешь.
Обманываешь самъ ты въ горести себя,
И страждешь ты, Эней, свою болѣзнь любя.
Останься здѣсь на часъ, чтобы навѣкъ остаться.

ЭНЕЙ.
Какъ будетъ, ахъ! о томъ Дидона сокрушаться!
Умретъ она, — и я прекрасну погублю.
Я варваръ, Антеноръ, боговъ я прогнѣвлю.

АНТЕНОРЪ.
Боговъ, Эней? боговъ уже ты огорчаешь;
Иль гнѣва ихъ еще доднесь не ощущаешь?
Воспомни мечъ, въ сей день на грудь твою взнесенъ;
Ты для раскаянья отъ смерти свобожденъ.

ЭНЕЙ.
О, нестерпима часть! о ты, вершина бѣдства!
Такъ мнѣ съ Дидоной быть ни малаго нѣтъ средства?
Въ тебѣ, дражайша, все чтó въ свѣтѣ я люблю,
И ты пылаешь мной, а я тебя гублю!
Могу ли варварствомъ я быть на свѣтѣ славенъ?
Я жесточайшему злодѣю буду равенъ.

АНТЕНОРЪ.

Но что́ жъ Троянамъ мнѣ сказать?

ЭНЕЙ.

Увы! вели,

Любезный Антеноръ, готовить корабли.
Вамъ, боги, предаю Дидону я несчастну:
Избавьте бѣдъ ее, храните вы прекрасну!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИДОНА, ЕЛИЗА.

ДИДОНА.

Еще по всей землѣ простерта темнота.

ЕЛИЗА.

Какая мысль твою встревожила мечта,
Что ты спокойство сна такъ рано разрушаешь?

ДИДОНА.

Эней мечтался мнѣ, — еще ли вопрошаешь?
О, сонъ пресладостный, прервавшій мой покой!
Энея видѣла идущаго со мной
Во храмѣ утвердить сердечно сочетанье:
Мой вникнувъ страстный духъ въ толь лестное мечтанье,
Восторгомъ радости во мнѣ вострепеталъ,
И сонъ движеньемъ симъ отъ глазъ моихъ отсталъ.
Но ночь еще своей завѣсы не снимаетъ
И часъ Энея зрѣть Дидоны убѣгаетъ.
Поди, Елиза ты, вели сказать ему,
Чтобъ сердцу, сна отставъ, отдался моему.
Скажи, хоть я всегда не зря его скучала;
Но ввѣкъ его еще такъ видѣть не желала.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИДОНА, ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Измѣною ли то, иль силой, можетъ быть,
Ярбъ съ воинствомъ во градъ въ сей часъ дерзнулъ вступить.

ДИДОНА.

Еще ли бѣдствіе отъ Ярба мнѣ осталось?
Энея нѣтъ со мной! ахъ, чтó съ Энеемъ сталось?

Къ воину.

Спѣши, чтобъ воинство, устроенно на бой,
Умреть, иль побѣдить готовилось со мной.

Воинъ уходитъ.

Се часъ, въ который я рабовъ познаю вѣрность,
И мзду получитъ ли щедротъ моихъ безмѣрность?
Я добродѣтели днесь буду ждать плодовъ.
Узнаю смертныхъ я, узнаю и боговъ.
Но между тѣмъ еще Энея нѣтъ со мною;
Страдаетъ грудь моя, наполненна тоскою.
Елизы я не зрю, и, ахъ, Энея нѣтъ!
Мнѣ медленность сія предвѣсть бѣды даетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ДИДОНА, АРСИНА.

ДИДОНА.

Скажи, Арсина, мнѣ, открой мои напасти;
Гдѣ дѣлся мой Эней?

АРСИНА.

Старанье тщетной страсти!
Ужъ безполезна вся твоя къ нему любовь.

ДИДОНА.

Свершилось все, и Ярбъ дражайшу пролилъ кровь.

АРСИНА.

Энея кровь? онъ здравъ, невѣрный, пребываетъ;
Эней живетъ; но, ахъ! Дидона погибаетъ.
Забывъ всѣ благости и нѣжность всю твою,
Оставилъ городъ онъ въ несчастну ночь сію.

ДИДОНА.

О, небеса!... гдѣ я?... Арсина! ты ль вѣщаешь?

АРСИНА.

Не ложну вѣсть, увы! изъ устъ моихъ внимаешь.
Я въ тѣхъ мѣстахъ была, гдѣ прежде жилъ Эней;
Но пусты всѣ мѣста: у стражи я твоей,
Тому дивясь, о всемъ съ раченьемъ вопрошала;
Единогласно мнѣ вся стража отвѣчала:
Отсель къ брегамъ морскимъ въ полночь прошелъ Эней;
Къ брегамъ пришла — ужъ нѣтъ его и кораблей;
Лишь волны, вѣтрами отселѣ отвращаясь,
Бѣжали отъ бреговъ, съ невѣрнымъ соглашаясь.

ДИДОНА.

Свершилось все! Эней....

АРСИНА.

Ужъ нѣтъ его съ тобой.

ДИДОНА.

Ужъ нѣтъ его!... о, льстецъ!... отъято все судьбой!
Надежда, счастіе, чтó ни было священно,
Отъ сердца моего все нынѣ похищенно.
Все отлетѣло прочь, осталась смерть одна.

АРСИНА.

Познавъ теперь, какъ страсть любовная вредна,
Царицей будь, забывъ любовь, презрѣвъ невѣрность.
Ты вѣдаешь любви моей къ нему безмѣрность:
Я странника сего, льстеца, отъ волнъ спасла;
Царей, престолы, честь — все въ жертву принесла.
Дидона для него вселенную теряетъ!
А онъ, о, злѣйшій тигръ! Дидону оставляетъ!

АРСИНА.

Престань ты тщетное стенанье испускать,
Забудь невѣрнаго: днесь должно градъ спасать.

ДИДОНА.

Ударъ удару въ слѣдъ противъ меня стремится.
Иль должно было всѣмъ бѣдамъ соединиться,
Чтобы несчастную Дидону погубить?
Почто, измѣною желая поразить,
Мнѣ сердца не пронзилъ, отселѣ отъѣзжая?
Ты больше варваръ сталъ, быть меньше не дерзая!
Когда бы умертвилъ меня своей рукой,
Была бъ я счастливѣй, Эней, тогда тобой:
Что ты невѣренъ сталъ, того бъ не ощутила;
Сраженная тобой, я бъ сладку смерть вкусила.

АРСИНА.

Забудь того, который самъ тебя забылъ.
За милости твои вотъ чѣмъ онъ заплатилъ!

ДИДОНА.

И ты, судьба, его со гнѣвомъ не карала!
Онъ смерть готовилъ мнѣ, а я льстецомъ сгарала!

АРСИНА.

Стенанья, горести во гробъ тебя влекутъ.
Стыдися слезъ, что́ днесь изъ глазъ твоихъ текутъ.

ДИДОНА.

Сіи горчайшихъ слезъ ліющися потоки
Суть крови моея предвѣстники жестоки!...
Се придетъ Ярбъ ко мнѣ; увидитъ онъ меня,
О зломъ измѣнникѣ рыдающу стеня, —
Какой мнѣ стыдъ! ему какая тѣмъ отрада!
Се, скажетъ лютый Ярбъ, за муки мнѣ награда!
Которы я терпѣлъ презрѣніемъ ея;
Узнаетъ гордая теперь, какъ рвался я.
Се часть ея уже съ моею днесь сравненна.
Я ею презрѣнъ былъ, она другимъ презрѣна. —
О, небеса!

АРСИНА.

Оставь ты тщетну мысль сію;
Скрѣпись и одолѣй жестоку скорбь свою.

ДИДОНА.

Скрѣпиться мнѣ? иль мой любезный возвратится?
Эней, тобою лишь Дидона оживится!
Погибни все теперь: не мнѣ уже владѣть.
И свѣта солнечна я не желаю зрѣть.
Корона, жизнь меня теперь обременяетъ;
Противно все, все здѣсь Энея вспоминаетъ.
Куда ни обращусь, всѣ здѣшнія мѣста
На мысль приводятъ мнѣ невѣрнаго уста.
Но, ахъ! Энея нѣтъ, а плачетъ лишь Дидона!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДИДОНА, ЕЛИЗА, АРСИНА.

ЕЛИЗА.

Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставилъ здѣсь, Эней.
Ты, можетъ быть, найдешь къ утѣхѣ чтó твоей...

ДИДОНА.

Подай.... подай!... чего теперь еще страшиться?
Чего мнѣ трепетать? онъ можетъ возвратиться....
Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать....
Онъ, можетъ быть.... Прочтемъ; возможно ль все узнать?...
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть....
Чего жъ страшиться мнѣ? могу ль несчастнѣй быть?

Читаетъ.

«Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
«Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны;
«Опредѣлили мнѣ, тебя навѣкъ лишась,
«Въ путь славы шествовать, во горести крушась.
«Дидона! покорись боговъ безсмертной волѣ,
«Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
«Коль хочешь ты, чтобъ жилъ на свѣтѣ твой Эней,
«Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей!»
Живи!.... Нѣтъ, я умру! ты жить повелѣваешь,
А самъ, жестокій! самъ меня ты убиваешь!...
Стремись, бѣги, скорѣй направить повели
Врагамъ бѣгущимъ въ слѣдъ изъ града корабли!

ЕЛИЗА.

Но солнца лучъ еще земли не освѣщаетъ,
И ночь бѣгущихъ путь отъ нашихъ глазъ скрываетъ.

ДИДОНА.

О, ночь! ужасна ночь! покровъ злодѣйскихъ дѣлъ,
Въ которую Эней въ невѣрности успѣлъ!
О, льстивый сонъ! почто не сталъ ты сномъ мнѣ вѣчнымъ?
И вмѣсто, чтобъ манить спокойствіемъ сердечнымъ,
Почто призракомъ ты, внушить могущимъ страхъ,
Спокойства не прервавъ, въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Не предвѣщалъ ты мнѣ свершаемаго бѣдства:
Я, востревоженна, еще нашла бы средства
Клятвопреступника жестока удержать;
Въ отчаяньи я все дерзнула бъ предпріять:
Я, грудь его пронзивъ, свою бы поразила,
И смертію бъ себя съ невѣрнымъ съединила.

ЕЛИЗА.

Престань терзаяся, царица насъ крушить:
Страданіемъ нельзя утраты возвратить,
И всѣ стенанія твои уже напрасны.

ДИДОНА.

Сокройтесь отъ меня: мнѣ смертны всѣ ужасны!
Все полно кажется измѣною въ сей часъ.
Сокройтесь отъ меня, подите прочь отъ глазъ!

ЕЛИЗА.

Или виною мы твоей напасти были?

ДИДОНА.

Вы, боги и Эней, и всѣ мнѣ измѣнили!
Почто не знали вы, что сей пергамскій льстецъ
Коварствомъ мнѣ плететъ толь пагубный конецъ?
Вы видѣть то могли, но видѣть не хотѣли;
О счастьи вы своей царицы не радѣли.

Вы знали все; и какъ, увы! всего не знать?
Старался ль онъ свое намѣренье скрывать?
Злодѣйствія его всѣ были откровенны.
Давно ли корабли злодѣя сорyженны?
Въ которые часы ходилъ онъ ко брегамъ
Готовить смерть и все мое несчастье тамъ?
Въ срединѣ ль дня, или въ срединѣ темной ночи?
Что, ахъ! того мои не смѣли видѣть очи,
Не чудно то; я весь теряла разумъ въ немъ,
Казался богомъ мнѣ во сердцѣ онъ моемъ....
Сокройтесь отъ меня, несчастную оставьте,
И мукъ моихъ своимъ отсутствіемъ убавьте.
Вы всѣ противны мнѣ; со мной Энея нѣтъ!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ДИДОНА, *одна.*

О, часъ! смертельный часъ! соборъ лютѣйшихъ бѣдъ!
Къ кому прибѣгнуть мнѣ? къ кому мнѣ обратиться?
Почто всѣ отъ меня стремятся удалиться?
Иль безъ Энея видъ Дидонинъ страхъ нанесъ?
Иль для меня весь міръ въ сей страшный часъ исчезъ?
И жалости ко мнѣ никто не ощущаетъ;
Никто мнѣ въ грудь меча острѣйша не вонзаетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДИДОНА, *воинъ.*

Неизбѣжимая погибель намъ грозитъ;
Ярбъ лютый городъ весь во пепелъ превратитъ.

Упиться кровію ужъ воины алкая,
И съ пламенемъ въ рукахъ по улицамъ сверкая,
Жестокостью царя наполненны летятъ.
Но се ужъ варвары къ тебѣ съ царемъ спѣшатъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДИДОНА, ЯРБЪ. *Воины Ярбовы съ горящими свѣчами и съ обнаженными мечами.*

ЯРБЪ.

Зри гордости твоей печально окончанье:
Куда ни обратись, вездѣ тебѣ терзанье.
Любезный твой Эней, твоихъ страшася бѣдъ,
Оставилъ по себѣ безчестный бѣгства слѣдъ.
Сомкнувшися вдали пучина съ небесами,
Закрыла корабли предъ нашими глазами.
Надъ пропастями твой престолъ въ сей часъ виситъ,
Его низвергнуть, вихрь въ моихъ рукахъ шумитъ.
Увидь сіи мечи, воззри на сей ты пламень:
Вмигъ не останется на камени здѣсь камень.

ДИДОНА.

Когда меня къ бѣдамъ опредѣляетъ рокъ,
Почто къ рабамъ моимъ невиннымъ ты жестокъ?
Пріемли острый мечъ въ свои тирански персты.
Всѣ къ гибели моей тебѣ пути отверзты.
Вотъ грудь моя: рази, окончи жизнь мою
И истощи на мнѣ одной всю злость твою.

ЯРБЪ.

Постой, тебѣ еще осталося спасенье,
Ты можешь укротить мое ожесточенье
И грома моего ударъ остановить,
Отъ гибели себя и градъ освободить....

Ярбъ показываетъ только, что хочетъ стать на колѣна.

Спасися.... должно ли, чтобы тебя избавить,
У ногъ твоихъ себя мнѣ низостью безславить?...
Я вѣдаю, что рокъ тебя не мнѣ судилъ,
Что Ярбъ тобой презрѣнъ, что Ярбъ тебѣ не милъ.
Но волею моей не время ужъ гнушаться;
Погибнуть должно днесь, иль съ Ярбомъ сочетаться.
Сей день, несчастный день назначенъ мнѣ судьбой,
Иль все сразить, или во бракъ вступить съ тобой.
Пойдемъ; но ты молчишь и мнѣ не отвѣчаешь;
По всѣмъ мѣстамъ ты взоръ отчаянный бросаешь.
Энея ищешь ты, жестока! вижу я.
Въ сей самый часъ душа страдающа твоя....

ДИДОНА.

Эней мнѣ милъ одинъ, а ты одинъ ужасенъ!
Зачѣмъ пришелъ ко мнѣ? поди, твой трудъ напрасенъ:
Поди, жестокій тигръ, скорѣй отъ глазъ моихъ!
Я не страшилась грозъ и не страшуся ихъ,
И робостью моей души не унижаю.
Царица я была, царицей умираю.
Жалѣю, что, прося народъ мой сохранить,
Къ тирану просьбою могла я снисходить.
Вонзай мечъ въ грудь мою, ввергайся въ отомщенье.
Вина всѣхъ бѣдъ моихъ, скончай мое мученье.
Когда бъ ты не былъ здѣсь, лютѣйшій мой злодѣй!

Супругомъ бы мнѣ былъ возлюбленный Эней;
Когда бъ не ты, въ сей часъ Дидона не страдала.
Рази скорѣй: мнѣ жизнь моя ужасна стала.
Внимай: хотя Эней меня навѣкъ сгубилъ;
Но знай, Эней еще и днесь мнѣ столько милъ,
Что лучше для него желаю умерети,
Чѣмъ жить съ тобой всегда, тебя всечасно зрѣти.

ЯРБЪ.

Еще единый мигъ — погибнетъ весь твой градъ;
Стрѣлъ тучу огненныхъ въ минуту полетятъ.
Ужъ смерть, разинувъ зѣвъ, моей подвластна волѣ.
Въ послѣдній разъ прошу: твоей покорствуй долѣ.

ДИДОНА.

Нѣтъ; варварствуй, тиранъ! срывай съ главы вѣнецъ!
И царству моему содѣлавши конецъ,
Пріемли скипетръ мой рукой окровавленной!
Владѣй надъ мертвыми въ странѣ опустошенной!
Яви, злодѣйствомъ симъ умноживъ тму грѣховъ,
Неправоту, или безсиліе боговъ!
Пускай по всей землѣ въ предбудущіе вѣки
Со страхомъ о тебѣ услышатъ человѣки.
Пусть злѣйши варвары то будутъ ставить въ студъ,
Коль именемъ твоимъ ихъ смертны нарекутъ.
Ступай, въ свирѣпости бросай огонь на зданье;
Но въ ярости своей себѣ найдешь каранье,
Злодѣйствіемъ своимъ накажешь самъ себя:
Изъ гроба буду гнать повсюду я тебя,
Вездѣ тебѣ, во всемъ всечасно представляться;
Всечасно совѣстью ты будешь угрызаться.
Хоть изъ тиранскихъ душъ вся жалость изгнана,
Но совѣсть имъ еще карающа дана,

Котора счастливыхъ злодѣевъ потрясаетъ,
Вселяетъ тартаръ въ нихъ и ими ихъ караетъ.

ЯРБЪ.

Ступайте, воины, моей вы злости въ слѣдъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДИДОНА, *одна.*

Ужели надо мной окончилась тма бѣдъ,
Къ которымъ я на свѣтъ была произведенна?
Лишаюся всего и часть моя свершенна.
Благодарю тебя, немилосердый рокъ!
Ты столько былъ ко мнѣ несчастливой жестокъ,
Что больше ты явить суровства не умѣешь!
Ты силы истощилъ и въ лютостяхъ слабѣешь.
А ты, Эней! хотя несчастну погубилъ,
Вина всѣхъ бѣдъ моихъ; но ты еще мнѣ милъ.
Любила я тебя, тебѣ вѣнецъ вручая,
Любила счастлива, люблю и умирая.
Я знаю, страждешь ты въ сей часъ подобно мнѣ,
И обращая взоръ къ плачевной сей странѣ,
Близъ смерти ты меня стенящу воображаешь,
И въ мысляхъ кровь мою слезами омываешь,
Которую тебѣ на жертву я пролью;
Чтобъ оживить меня, ты жизнь даешь свою
И, можетъ быть, въ сей часъ желаешь возвратиться;
Жестокій! возвратись: Дидона оживится.

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ДИДОНА, ЯРБЪ. *Нѣсколько Ярбовыхъ воиновъ.*

ЯРБЪ.

Ужъ нѣтъ спасенія, и твой плачевный градъ,
О, страшно зрѣлище! весь пламенемъ объятъ,
И дымомъ солнца лучъ какъ мрачной тучей тмится.
Смягчись, жестокая, — и пламень потушится;
Спѣши.... или чтобъ грудь противну растерзать,
Ты хочешь все съ собой погибели предать?
Услышь народа стонъ и трескъ падуща зданья.
Не медли окончать ты Ярбовы страданья.
Ужъ вихри пламенны теперь вблизи ревутъ;
Всѣ жители со мной къ ногамъ твоимъ падутъ.
Спасись! Ужъ Ярбъ себя въ послѣдни унижаетъ.
Спасись! Се храмина уже сія пылаетъ.

ДИДОНА.

Мнѣ есть спасеніе, хочу себя спасти.
Мнѣ съ Ярбомъ гнусенъ свѣтъ; драгой Эней, прости!
Весь градъ кончаяся, падетъ съ своей царицей.
Да будетъ Карѳагенъ Дидониной гробницей!

Бросается въ огонь.

ЯРБЪ.

Дидона!... нѣтъ ее!... я злобой омраченъ,
Бросая громъ, своимъ самъ громомъ пораженъ.

ТИТОВО МИЛОСЕРДІЕ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВОЛЬНЫМИ СТИХАМИ, СЪ ХОРАМИ И БАЛЕТАМИ, КЪ ОНОЙ ПРИНАДЛЕЖАЩИМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ТИТЪ, императоръ римскій.

СЕКСТЪ, консулъ, другъ его.

ВИТЕЛЛІЯ, дочь императора того же имени, любовница Секстова.

СЕРВИЛЛІЯ, сестра Секстова.

АННІЙ, сенаторъ, любовникъ Сервилліи.

ПУБЛІЙ, сенаторъ.

ЛЕНТУЛЪ.

СЕНАТОРЫ безъ рѣчей.

ВОИНЪ.

ЛИКТОРЫ.

ПРЕТОРЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Римѣ.

ТИТОВО МИЛОСЕРДІЕ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ зданіе Капитолія и предъ онoю площадь, на которой народъ и посланники съ данями отъ подвластныхъ Риму областей.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТИТЪ, *передъ нимъ* СЕКСТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕНАТОРЫ, ПРЕТОРЫ, ВОИНЫ *выходятъ въ устройствѣ изъ Капитолія.*

ХОРЪ *народа во время шествія Титова.*

Цари безчисленныхъ міровъ!
Въ монархѣ образъ свой храните,
Его насъ власти не лишите;
Иныхъ не требуемъ даровъ.

О благѣ міра не пекитесь,
Доколѣ скиптръ его хранитъ;
На сердце кротко положитесь:
Оно васъ, боги, замѣнитъ.

Мы видимъ рай въ его державѣ,
Онъ тихихъ дней намъ солнца свѣтъ.

Чего еще не достаетъ
Къ блаженству намъ, ему ко славѣ?

ТИТЪ.

Римляне храбрые! народъ, рожденный къ славѣ,
Какія радости вкушаю я тобой!
Когда ты счастливъ мной,
Мнѣ легки бремена, привязанны къ державѣ.
Подъ тягостью короны я моей
Колико подданныхъ, толико зрю друзей.

АННІЙ.

Сената гласъ, тобою восхищенна,
Отечества отцемъ тебя нарекъ,
Давно такъ всѣхъ сердцами нареченна;
Чтó чувствуетъ народъ, Сенатъ то рекъ.

ПУБЛІЙ.

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человѣкъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.
Римъ чувствовать сіе удобенъ;
И въ Титѣ хощетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобою хощетъ ихъ снискать къ себѣ щедроты
И образъ ихъ въ тебѣ явятъ твои доброты.
Во всемъ ты имъ стремишься подражать:
Стремишься смертныхъ ты счастливить и покоить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ:
За бездну благостей твоихъ
Римъ хочетъ храмъ тебѣ устроить.

АННІЙ.

Сіи сокровища отъ странъ
Подвластныхъ Риму;
Обильну дань тобою зриму, *указывая на принесенныя дани.*

Согласный весь Сенатъ съ усердіемъ гражданъ
На зданье храма посвящаетъ.

ТИТЪ.

Народъ! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградой почитаетъ;
Иной не требую я мзды.
Но та любовь уже предѣлы преступаетъ,
И такъ, какъ васъ, равно и Тита устыжаетъ.
Отечества отца
Дражайше нареченье,
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье.
Но я, стараяся сего достоинъ быть,
Не смѣю титломъ толь священнымъ украшаться.
Доволенъ, если могъ то имя заслужить;
Я не хочу хвалами возвышаться.
Но храмъ, о, Римляне! но Титу храмъ?
Сіе пристойно обожанье
Единымъ лишь богамъ.
Какое тó для васъ уничиженье,
Чтобъ смертные возженный ѳиміамъ,
Подобному имъ смертному курили!
Властители, которые забыли,
Что смертны суть они;
Которы царствія во дни
Иною славою не могутъ украшаться,
Какъ только человѣчествомъ гнушаться,
Ставъ игомъ подданнымъ своимъ, —
Не стóятъ скипетра, врученна имъ.
Оставимъ гордости и рабской лести,
Одной примать,
Другой давать

Неподлежащи чести.
Пріятнѣй мнѣ стократъ
На тронѣ имя человѣка:
Оно меня творитъ не такъ далека
Отъ васъ, которыхъ я люблю какъ чадъ,
И если я любимъ подобно вами, —
Престаньте друга вы равнять съ богами,
И удалять его отъ васъ до горьнихъ странъ.
Да будетъ храмъ мой — Римъ, алтарь — сердца граж-
данъ.
Однако сихъ даровъ не отрицаю;
Употребленіе ихъ только премѣняю:
Дыханье пламенно везувскаго жерла,
Свирѣпымъ смерти изверженьемъ
Покрыло окрестны мѣста опустошеньемъ.
Которыхъ огненна рѣка не пожрала,
Тѣ обитатели, остатки изумленны,
Скитаются, бѣдами окруженны.
Сіе къ нимъ злато обратимъ,
Утѣшимъ страждущихъ и стоны прекратимъ.
Живя не для себя, но для подвластныхъ,
Блаженъ, когда могу утѣшитв я несчастныхъ.

АННІЙ.

О, смертный выше всѣхъ! о, истинный герой!

ПУБЛІЙ.

О, какъ всѣ почести суть низки предъ тобой!

ТИТЪ.

Престаньте каждаго во мнѣ вы долгъ владыки
Считати за дѣла велики.
Пусть вашъ глаголъ всечасно мнѣ твердитъ
Не то, что̀ сдѣлалъ я, — что́ дѣлать надлежитъ.
Се долгъ прямый друзей къ сѣдящимъ на престолѣ!

Вѣщати истину, то въ вашей волѣ;
Но похвалы всегда имѣютъ лести видъ:
Меня не отягчайте ими болѣ.

ХОРЪ *народа.*

Цари безчисленныхъ міровъ, и проч.

ПУБЛІЙ.

Народъ! пойдемъ отселѣ въ храмъ
Усердное принесть моленіе богамъ:
Да Титомъ Кесарей украсивши порфиру,
До позднихъ лѣтъ продлятъ свою щедроту міру.

Публій съ народомъ выходитъ.

ТИТЪ.

Вы, Анній, Секстъ, останьтеся со мной.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ, СЕКСТЪ, АННІЙ.

АННІЙ, *Сексту въ сторону отъ Тита.*

Ты знаешь, Секстъ, чѣмъ рушимъ мой покой:
Вспомоществуй моей любови страстной
Къ Сервилліи, твоей сестрѣ прекрасной.

СЕКСТЪ, *Титу.*

Уже ли горести, чтó духъ твой ощущалъ,
Какъ Беренису ты навѣки покидалъ....

ТИТЪ.

О, Секстъ, любезный другъ, какъ тѣ минуты
Мнѣ были горьки, люты!
Но все свершилося. Когда доволенъ Римъ,
Предпочитаю то утѣхамъ я моимъ;

И я сію побѣду надъ собою
Хочу и болѣ совершить,
И Римъ всего сомнѣнія лишить.

СЕКСТЪ.

Но разлученіе царицы сей съ тобою
Или къ сомнѣнью чтò оставило еще?
Ея отъѣздъ....

ТИТЪ.

Съ собой борясь вотще,
Она отъ римскихъ стѣнъ двукратно удалялась;
И столько жъ разъ,
Отраву принося прелестныхъ глазъ,
Обратно къ Титу возвращалась.
Возврата третьяго страшиться можетъ Римъ.
Желая моему угоденъ быть народу,
И Рима ненависть я зная къ царску роду,
Хочу во всемъ быть правъ предъ нимъ;
Хочу, и тѣнь его отвергнувъ подозрѣнья,
Явить, что самыя его предразсужденья,
Которыя онъ чтитъ, въ законъ перемѣня,
Священны для меня.
Я Беренису днесь навѣки забываю;
На римскій тронъ Римлянку возвышаю, —
Сервилліяя къ тому избранна мной.

АННІЙ.

О, рокъ!

СЕКСТЪ.

Моя сестра!

ТИТЪ.

Но, что жъ васъ такъ смущаетъ?

СЕКСТЪ.

Толика честь....

ТИТЪ.

Она и болѣе стѣсняетъ
Мой узелъ дружества съ тобой,
Которымъ Титъ своихъ дней горесть услаждаетъ.

Къ Аннію.

Что Рима Титъ спокойства утверждаетъ,
Творя Сервиллію супругою своей,
Поди мой другъ и возвести то ей.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, СЕКСТЪ.

ТИТЪ.

Но отчего, о, Секстъ! въ очахъ сіе смятенье?
Иль дружество мое тебѣ въ отягощенье?
Всегда со мной печельна зрю тебя,
И прежнюю лица всю свѣтлость истребя
Въ тотъ день, какъ я любви вселенной удостоенъ,
Какъ всѣхъ сердца летятъ ко мнѣ,
Единый Секстъ въ сей радостной странѣ
Вздыхаетъ пасмуренъ и безпокоенъ.

СЕКСТЪ, *обнимая Тита.*

Увы!

ТИТЪ.

Потокомъ горькихъ слезъ
Мою десницу орошаешь!
Съ твоимъ покоемъ весь и мой покой исчезъ!
Вѣщай: чѣмъ душу сокрушаешь?
Могу ли зрѣть тебя въ страданьи и не знать,
Какъ другу помощь дать!

Своимъ молчаніемъ мнѣ сердце Секстъ пронзаетъ:
Имѣетъ тайну онъ, которой Титъ не знаетъ.
Но ты молчанія не хочешь перервать,
Не хочешь въ сердце друга пролiять
Тоски сокрытыя ты сердца огорченна.
Пойду, и все употребя
Ко утѣшенiю тебя,
Поставлю Секста я толико возвышенна,
Чтобы безмѣрной высоты,
На коей зришь меня постановленна,
Ни въ чемъ примѣтить самъ не могъ бы ты.

СЕКСТЪ.

Умѣрь твое благодѣянье,
Когда за то ты въ воздаянье
Не хочешь, государь, неблагодарныхъ зрѣть.

ТИТЪ.

Чтó жъ мнѣ останется? чтó буду я имѣть,
Когда лишусь благотворенья, —
Сего единаго монарховъ утѣшенья?
Се плодъ единъ всевышней власти;
Все прочее — мученье, тягота,
Неволя пышная, блестящая мечта.
Какъ бѣдны бъ были мы въ великолѣпной части,
Когда бъ лишилися тѣхъ радостныхъ часовъ,
Въ которы принося мы свѣту утѣшенье,
Дать человѣчеству возможемъ облегченье;
Обрадовать сиротъ, стенящихъ вдовъ;
Достоинства и добродѣтель
На верхъ величія изъ мрака вознести;
Друзьямъ отраду принести!
О, коль блаженъ владыка-благодѣтель!

Тебя оставить долгъ мнѣ власти днесь велитъ;
Но будетъ Секстъ вездѣ, гдѣ только будетъ Титъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕКСТЪ, *одинъ*.

А Секстъ еще не хочетъ скрыться
Отъ горести и отъ стыда во адъ;
И видѣть солнца свѣтъ не можетъ устыдиться,
Проступка злѣйшаго въ себѣ скрывая ядъ,
Чѣмъ люта страсть его наполнила всю душу!
Вителлія, я власть твою надъ сердцемъ рушу.
Титъ благость всѣхъ боговъ въ себѣ одномъ вмѣстилъ
И небо духъ его на землю преселилъ;
А я — чудовище ужаснѣйшее ада,
Соборище злодѣйствъ — лишить стремлюся свѣтъ
Того, въ комъ вся его отрада.
Не можетъ быть сего, не можетъ, нѣтъ.
Но то вѣщаетъ умъ, а сердце отрицаетъ.
Вителлія идетъ: мой духъ изнемогаетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Ужель исполнился мнѣ Секстомъ данъ обѣтъ?
И скоро ль Тита кровь противна потечетъ?
Но ты теперь былъ съ нимъ.

Отверзтъ ли путь мнѣ къ трону?
Ужели моему закону
Покоренъ Римъ?

СЕКСТЪ.

Готово все; но, ахъ!

ВИТЕЛЛІЯ.

Готово, а вздыхаешь:
Устами близокъ лишь, но сердцемъ ты далекъ;
Чтó началъ, никогда того не окончаешь.
Хотя ты заслужить любовь мою желаешь,
Но не заслужишь ввѣкъ.

СЕКСТЪ.

Готовясь совершить я клятву преужасну,
Котору языкомъ моимъ рекла любовь,
Оставь, коль друга Секстъ воображая кровь,
Колеблется, кленя ту страсть злосчастну,
Которая меня къ злодѣйствію влечетъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія не на престолѣ,
А Секстъ злодѣйствіемъ смерть Титову зоветъ!
Поди, рабъ Титовъ, въ гнусной долѣ,
Владыки милостей ищи
И вкругъ престола ползай, трепещи;
И рабство предпочтя Вителліи несчастной,
И даже самому блистанію вѣнца,
Оставь меня въ моей судьбѣ ужасной
Иныхъ отмстителей искать за смерть отца,
Низпавша Титовымъ отцемъ со трона.

СЕКСТЪ.

Не мысли, чтобы Секстъ дражайшею рукой
Ему предписанна закона
Исполнить не хотя, души своей покой

Блаженству предпочелъ владѣть твоей красой.
Все въ жертву приношу, и даже добродѣтель,
Которой ты одной должна бъ наградой быть.
Но гнѣва твоего въ сей часъ я самъ свидѣтель,
Хоть вижу, сколько ты стремишься мстить,
Умѣя благости къ намъ Титовы измѣрить,
Я гнѣву твоему не возмогу повѣрить.
Великодушіе извѣстно мнѣ твое,
И мнѣ всегда мечтается сіе:
Когда на гробѣ міръ о немъ рыдати станетъ,
Какъ чувство твоего отмщенія увянетъ:
Твое раскаянье погасшій гнѣвъ виня,
Придетъ укорами обременить меня.

ВИТЕЛЛІЯ.

Мое раскаянье! Когда приму державу
И возвращу мою утраченную славу?...
Когда за смерть отца отмщать велитъ намъ рокъ,
То злоба — долгъ тогда, раскаянье — порокъ.
Почто меня такимъ сомнѣньемъ унижаешь?
Или меня тебѣ подобною считаешь?
Коль хочешь, Кесаря страшись въ душѣ твоей;
Но слабости во мнѣ не полагай своей;
Не мысли, чтобъ могла я гнѣвъ мой утолити.
Не знаешь ты меня, такъ можешь ли любити?

СЕКСТЪ.

Могу ли я любить!... ахъ, еслибъ не любилъ!
Какимъ еще увѣрить злодѣяньемъ
Тебя, готову быть убійству воздаяньемъ?
Чѣмъ хочешь, чтобы я еще явилъ
Любовь, которая, тиранствуя такъ мною,
Влечетъ меня во слѣдъ повсюду за тобою?
Усердный Титу другъ, ему обязанъ всѣмъ,

Любовникъ пламенный тебя любя какъ душу,
Едино чувствіе другимъ всечасно рушу
И бури чувствую я страшны въ сердцѣ семъ!
Отъ добродѣтели стремяся я къ пороку
Страстей различныхъ по волнамъ,
И всюду зря я бездну бѣдъ глубоку,
Себя страшуся самъ!
Однако страсть любви меня одолѣваетъ;
Среди раскаянья я совѣстью грызомъ,
Небесный внемля громъ,
Уста тебя винятъ, но сердце обожаетъ.
Кляну любовь, кляну, но покоряюсь ей.
Смотри, какъ власть сильна на мнѣ красы твоей:
Не омрачивъ меня, меня ты обольщаешь,
И не затмивъ ума, ты сердце привлекаешь.
Я добродѣтель чту,
Злодѣйства ненавижу
И мой проступокъ страшный вижу.
Но чтобъ обрѣсть твою небесну красоту,
Безъ коей жизнію гнушаюсь,
Въ неслыханно злодѣйствіе ввергаюсь!

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія не требуетъ сего, —
Для ней постыдны принужденья.
Порочитъ правоту кто гнѣва моего,
Быть совершителемъ не можетъ отомщенья.
Не мыслила, чтобъ Секстъ, почтенъ
Супругомъ быть Вителліевой дщери,
Имѣя путь ко трону отворенъ,
И ужъ касаясь славы двери,
Быть сыномъ моего гнушался бы отца
И счелъ безчестіемъ сразить всѣхъ бѣдъ творца,

Которыми душа моя обремененна.
Когда стремленію ты чувства возвышенна
Названія злодѣйствія даешь,
Когда мое ты сердце рвешь, —
Ступай, не нужна мнѣ рука твоя презрѣнна.
Ты добродѣтелью себя твоей прославь,
А мнѣ мои злодѣйствія оставь.

СЕКСТЪ.

Мнѣ должно бъ то!... но кто тебѣ противустанетъ?
Убійства алчешь ты, — и Секстъ въ минуту грянетъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Но се сообщники, и съ ними Лентулъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ *и толпа сообщниковъ.*

ЛЕНТУЛЪ.

Приблизился тотъ часъ, въ который участь Рима,
Когда угодно то судьбамъ,
Во власти нашей будетъ зрима;
Въ который міръ Вителліи къ ногамъ
Преклонится главою.
И се друзья, влекомые тобою, *указывая на сообщниковъ.*
Воспламененные усердіемъ моимъ,
Не чтущи за тебя и жизнь урономъ,
Реки лишь только имъ —
И Титъ исчезнетъ съ трономъ!
Взгляни на нихъ, увидь сей жаръ,
Который въ лицахъ пламенѣетъ;

Се молнія закрыта въ тучѣ рдѣетъ,
Реветъ, — и близокъ ужъ ударъ.

ВИТЕЛЛІЯ, *къ сообщникамъ.*

Друзья! участники Вителліина мщенья
И прекратители всеобща униженья!
Расторгнемъ узы сограждань.
Скажите, Римляне, на то ль животъ намъ данъ,
Чтобы, возвышеннымъ въ теченье многихъ вѣковъ,
Трудомъ богамъ подобныхъ человѣковъ,
Внѣ римскихъ стѣнъ царей себѣ рабами зрѣть,
А въ Римѣ предъ своимъ властителемъ робѣть;
Чтобъ Титъ, подобіе сіе Веспасіана,
Коварный сей тиранъ и сынъ того тирана,
Которымъ умерщвленъ несчастный мой отецъ, —
Сей римскій гражданинъ, лишь лестью намъ неравный,
Имѣя на главѣ владычества вѣнецъ,
Ногами попиралъ сей Римъ преславный:
Которому служили Брутъ, Катонъ,
Помпей и Сципіонъ, —
Сей Титъ, дающій намъ законъ,
Который, если бы еще хоть мало
Въ душѣ его безстыдства доставало,
Со Беренисою на тронѣ сопряженъ,
Ей римскій скипетръ далъ въ срединѣ римскихъ стѣнъ;
Который.... Какъ стерпѣть не содрагаясь,
Римлянками гнушаясь,
Дерзалъ, не мнѣ простря свою десницу,
Забывъ и долгъ, и честь
Вителльи предпочесть
Кого?... царицу!

Я знаю, хвалятъ всѣ его; но то все лесть.
И меньше ль онъ тиранъ, что кротостью блистаетъ;
Онъ узы согражданъ цвѣтами закрываетъ.

ЛЕНТУЛЪ, *къ сообщникамъ.*

Пускай рабы его боготворятъ;
Отрекшися отъ Рима чада
За то властителя благодарятъ,
Что Фуріямъ не равенъ ада;
Ихъ крови токами не льетъ,
И не даетъ
Вкушать тирановъ наглыхъ муку;
Пускай рабы его цалуютъ руку.
Но въ комъ хоть искра есть
Души благорожденной,
И кѣмъ хоть мало правитъ честь,
Тотъ, гнѣвомъ воспаленной,
Не могши ига несть,
Отъ ярости трепещетъ
И въ сердцѣ громъ на Тита мещетъ.
Се другъ его, самъ Секстъ вамъ въ томъ примѣръ;
Хотя въ щедротахъ Титъ къ нему не знаетъ мѣръ,
Хоть благостью его Секстъ каждый день считаетъ,
Секстъ Римлянинъ, и ту пріязнь
Обидой почитаетъ,
Которою его тиранъ обременяетъ.
Чего вамъ болѣ? Секстъ ему готовитъ казнь,
Второй Брутъ, Кесарю мечъ кары изощряетъ.

ВИТЕЛЛІЯ, *вынувъ Секстовъ мечъ.*

Се мечъ — вина свободы согражданъ,
Отечества спаситель,
Тирановъ истребитель!
Коль есть еще межъ васъ, кому духъ робкій данъ,

Кто сердцемъ трепеща, отъ страха унываетъ,
И къ понесенію преславныхъ толь бременъ
Довольно силъ въ себѣ не ощущаетъ,
Въ сей часъ отъ насъ да будетъ удаленъ,
И ко стопамъ повергшися владыки,
Измѣнникъ гнусный всё явитъ,
Чѣмъ мы стремимся быть велики.
А тотъ, кто рабства съ гнѣвомъ зритъ,
И кто къ тиранству полнъ гнушеньемъ,
Кто хочетъ съ нами славы въ храмъ, —
Тотъ нашимъ да явитъ глазамъ
Меча свирѣпымъ изверженьемъ
Ужасный свой тирану духъ. *Всѣ сообщники вынимаютъ мечи, и съ ними Лентулъ.*

ЛЕНТУЛЪ.

Въ сообщникахъ зря полну мести жатву,
Прими на сихъ мечахъ героевъ страшну клятву.

ВИТЕЛЛІЯ.

О, Римъ! о, ты безсмертныхъ другъ!
Еще твоя душа не вовсе истребилась:
Въ герояхъ сихъ она моимъ очамъ открылась.
Къ Сексту и Лентулу въ сторону.
А я, когда не льстивъ любови вашей жаръ,
Клянусь тому отдать и сердце я и руку,
Кто первый совершитъ ударъ.

СЕКСТЪ, *вырывая мечъ свой изъ рукъ Вителліи.*

Я, чувствуя прежесточайшу муку,
Клянусь, жестокая, клянусь въ тоскѣ моей....

ВИТЕЛЛІЯ.

Свершай....

СЕКСТЪ.

Что будетъ Секстъ злодѣй.

ХОРЪ *народа слышенъ за театромъ.*

О, боги! нашихъ дней вы отнимите,
И нашимъ вѣкомъ вѣкъ его продлите.

ЛЕНТУЛЪ.

Рабовъ намъ гнусныхъ слышанъ гласъ.
Какъ нѣкій богъ на римскомъ Титъ престолѣ!
О, стыдъ! нѣтъ Римлянъ въ Римѣ болѣ!
Теперь весь Римъ лишь только въ насъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Сей голосъ слыша, какъ мой духъ крѣпится въ тѣлѣ!
Пойдемъ, и нашу злость сокроемъ мы отселѣ.

ХОРЪ *народа.*

О, боги! нашихъ дней вы отнимите,
И нашимъ вѣкомъ вѣкъ его продлите,
Чтобы и чада нашихъ чадъ
Причастны были тѣхъ отрадъ,
Тому неизмѣриму счастью,
Чтó мы его вкушаемъ властью.

Балетъ представляетъ радость Римлянъ и усердіе ихъ къ Титу.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гульбище, усаженное деревьями.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕРВИЛЛІЯ, АННІЙ.

СЕРВИЛЛІЯ.

Чтò слышу? Анній самъ! могу ль тому повѣрить?
Или ты, Анній, могъ мнѣ въ страсти лицемѣрить,
Котору счастіемъ моей я жизни чту?
Самъ Анній трона мнѣ представя красоту,
Власть міра предпочесть себѣ повелѣваетъ,
И на Сервиллію порфиру воздѣваетъ,
Которой безъ него вселенная ничто!
Увы! удобно ли меня утѣшить то,
Что цѣлый міръ у ногъ моихъ увижу?
Лишенная тебя, себя возненавижу!

АННІЙ.

Сервиллія! ѳ, ты душа души моей!
Ахъ! еслибъ кроткій Титъ во благости своей,
Которой столько намъ возлюбленны законы,
Представя мнѣ своей сіяніе короны,
Велѣлъ бы свой престолъ, или тебя избрать:
Привыкнувъ душу я мою тобой питать,

Отвергъ бы я престолъ и власть всея вселенной.
Или, когда бы Титъ, свою державну власть
Во зло употребляя,
Безсмертну нашу страсть
Величіемъ своимъ обременяя,
Одну бы силу мнѣ противуполагалъ;
Когдабъ не Титъ тебя, но Кесарь отнималъ:
Въ отчаяньѣ моемъ я въ немъ тирана видя
И дни мои несчастны ненавидя,
На жертву бъ за тебя иль жизнь мою принесъ,
Или бъ губитель мой моей рукой исчезъ.
Но Титъ, отличный тѣмъ лишь только на престолѣ,
Что самъ себя стѣсня въ своей всевластной волѣ,
Утѣхамъ врагъ своимъ,
Желаетъ лишь того, чего желаетъ Римъ.
Отецъ подвластнаго народа,
Отрада смертныхъ рода,
Единый онъ себѣ не зритъ отрадъ;
И самъ себя одолѣвая,
Онъ Беренисиныхъ очей дражайшій взглядъ
Навѣкъ съ терзаніемъ теряя,
Чтобы народу угодить,
Возмогъ ее отъ сердца отлучить.
А мы, когда твои красы достойны трона
Къ себѣ онъ хочетъ возвести,
Не можемъ горестью взаимнаго урона
Ему достойной жертвы принести.
Скрѣпись, Сервиллія, и подражая Титу,
Доколь себя не можешь одолѣть,
Питай печаль глубоко въ сердцѣ скрыту,
Чтобъ послѣ радости имѣть,
Что мы себѣ толь горькимъ принужденьемъ

Властителю достойну алтарей,
Подобно какъ и онъ превыше ставъ страстей,
Еще неслыханнымъ донынѣ приношеньемъ
Могли за общество хоть мало отплатить.

СЕРВИЛЛІЯ.

Такъ можешь ты себя удобнымъ находить,
Теряючи меня, надеждой льститься можешь?
Что ты когда нибудь конецъ бѣдамъ положишь?
Что горесть усладишь,
Въ которой вѣкъ страдать я стану какъ страдаю?
Что слезы прекратишь,
Которы льешь, и я которы проливаю?

АННІЙ.

Могу ли я? увы! того не знаю.
Лишь только знаю я, что должно мнѣ страдать;
Что долженъ Римлянинъ собою обладать;
Что мнѣ сіи минуты прежестоки!
Но ты, дражайшая, сугубишь слезъ потоки!
Въ несчастіи моемъ колико я блаженъ!
И Титу самому тобою предпочтенъ.
Сіяніе вѣнца и все позабываешь,
Не видишь ничего, о мнѣ одномъ страдаешь.
Но все, что̀ сердце мнѣ твое даетъ,
У Тита отнимая,
То́ все меня предъ нимъ преступникомъ зоветъ,
Его желаніямъ препоны полагая.
Прости!

СЕРВИЛЛІЯ.

Постой; помедли хоть на часъ,
И вспомни, что я зрю тебя въ послѣдній разъ.

АННІЙ.

Се Титъ: зри въ немъ небесъ ко смертнымъ благость;
Скрывай, какъ можешь ты, своей печали тягость.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ, СЕРВИЛЛІЯ.

ТИТЪ.

Уже, Сервиллія, донесено тебѣ
Желаніе мое, согласно Рима съ волей,
Чтобъ быть твоей судьбѣ
Соединенною съ моею долей.
На добродѣтели достойныя вѣнца
Взлагаю я корону власти міра:
Имъ только-лишь однимъ принадлежитъ порфира.
Названье заслуживъ я подданныхъ отца,
Надѣюся, Сервиллія прекрасна,
Вспомоществуючи мнѣ иго власти несть,
И должности всегда подвластна,
Названье матери потщится пріобрѣсть.
Властители такіе жъ человѣки;
Чтò должно видѣть имъ, не могутъ зрѣть всего.
Старайся просвѣщать супруга твоего;
Вѣщай, примѣтивъ, гдѣ слезъ бѣдныхъ льются рѣки;
Гдѣ правосудіе, затменное сребромъ,
Наклонъ своихъ вѣсовъ корысти уступаетъ;
Гдѣ лютой пышности подъ тягостнымъ жезломъ,
Стѣсненно робкое достоинство страдаетъ.
Спомоществуй ты мнѣ, чтобъ счастливыхъ число
Подъ властью нашею надежду превзошло;

Чтобъ Титъ съ тобою на престолѣ,
Зря человѣчество богамъ въ завидной долѣ,
Вселенной счастіемъ въ коронѣ упоенъ,
Забылъ весь тяжкій трудъ, которымъ отягченъ.
Ты зришь, что я, тебя избравъ моей супругой,
Не страстныя любви волненіемъ стремимъ:
Хочу, чтобы и бракъ мой Римъ
Считалъ себѣ услугой.
Я добродѣтели, не прелестямъ твоимъ,
Мой скипетръ раздѣлять со мной препоручаю;
И бракомъ симъ, превыше я страстей,
Которыя сердцамъ погибельны царей,
Не слабость, но любовь къ отечеству вѣнчаю,
То помня завсегда, что я превыше всѣхъ
Не для своихъ, для подданныхъ утѣхъ.
Но грудь Сервилліи стенанье воздымаетъ?

СЕРВИЛЛІЯ.

Могу ль противиться, коль Титъ повелѣваетъ?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, ВИТЕЛЛІЯ, СЕРВИЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Правдивъ ли слухъ, достигнувъ до меня,
Что прежнюю любовь перемѣня,
Здѣсь Титъ Сервилліи достойнѣй не находитъ
И на престолъ ее супругою возводитъ?

ТИТЪ.

Правдивъ сей слухъ; доволенъ будетъ Римъ.
Я добродѣтелямъ, Вителлія, твоимъ

На судъ мой выборъ оставляю.
Ты знаешь, раздѣля съ Сервилліей вѣнецъ,
Какимъ я сердцемъ тронъ вселенной украшаю.
Я въ сей же часъ сему намѣренью конецъ
Въ Сенатѣ положить потщуся;
И въ сей же день я съ нею сопрягуся....
Извѣстно мнѣ, что Секстъ любовью могъ тронуть,
Вителлія, твою прекрасну грудь;
Что духъ его навѣкъ плѣненъ красой твоею...
Содѣлай счастье мнѣ ты счастіемъ его.
Я Секста такъ люблю, какъ сына моего.
Давъ руку ты ему, будь дочерью моею.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕРВИЛЛІЯ, ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Такъ будешь ты въ сей день владычицей моей?
И съ высоты неизмѣримой
Къ Вителліи, едва тобою зримой,
Ты благостью твоей....

СЕРВИЛЛІЯ.

Окончимъ рѣчь, тебѣ внушенную досадой:
Престань терзатися величіемъ моимъ.
Чтѝ ты, судя по чувствіямъ твоимъ,
Считаешь для себя толикою отрадой,
Тѝ горькихъ слезъ моихъ вина!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТЕЛЛІЯ, *одна.*

Не горесть, радость слезъ потоки изливаетъ,
Которы пролила передо мной она.
Но тщетная тебя надежда обольщаетъ.
Еще Вителлія живетъ!
Страшись моей ты гордости терзанья!
Еще такихъ на свѣтѣ смертныхъ нѣтъ,
Которые безъ наказанья
Могли бъ владѣть,
И въ подданныхъ Вителлію имѣть....
Съ какою дерзостью сей сынъ Веспасіана,
Сей Титъ, вселенныя кумиръ,
Предъ коимъ уклоненъ весь міръ,
Иной въ глазахъ моихъ.... Но презримъ мы тирана.
И, сынъ злодѣя моего,
Не стòитъ онъ того,
Чтобъ сердце мнѣ его считать урономъ.
Любовь! ты слабыхъ смертныхъ часть,
Не ты Вителліина страсть.
Она должна однимъ прельщаться трономъ.
О, тронъ! великихъ ты сердецъ
Едино утѣшенье.
Чтò въ свѣтѣ, если не вѣнецъ
Чела Вителльи украшенье?
Душѣ моей иной отрады нѣтъ;
И ежели не тронъ, — мнѣ гробъ тогда предметъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЕКСТЪ, ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Почто сіи отчаянные взоры, —
Чтò значитъ хладный сей ко мнѣ приходъ?
Я зрю въ очахъ твоихъ себѣ укоры;
И се любви твоей мнѣ плодъ!
От Тита ты пришелъ, я вижу.
Исчезъ предъ Титомъ Секстъ, любовникъ мой, герой!
Я вижу здѣсь раба его передъ собой,
Котораго смертельно ненавижу.

СЕКСТЪ.

То правда, душу зришь въ моихъ очахъ,
Которой предъ тобой не закрываю.
Въ твоихъ возлюбленныхъ красахъ
Злодѣйства моего источникъ обрѣтаю,
А въ сердцѣ Титовомъ — раскаянья вину.
Любовь жестокая, которую кляну,
Всегда красу въ тебѣ мнѣ новую являетъ,
Который власть меня ко пропасти влечетъ;
Въ немъ благости всегда сіяетъ свѣтъ,
Которой Секстовъ духъ отъ бездны отвлекаетъ.
Тебѣ я клялся отомстить;
Ему я прежде клялся вѣренъ быть.
Тобой стремимъ, я мечъ на Тита извлекаю,
Но мечъ сей на себя предъ Титомъ обращаю.
Вителлію я сколько ни люблю,
Умру, коль Тита погублю.
Колико сердцемъ я ко другу ни стремлюся;

Умру, когда Вителліи лишуся.
О, состояніе! какого въ адѣ нѣтъ....
Но гнѣвъ уже твой духъ мятетъ,
Сей гнѣвъ, твоей свершитель мести....

ВИТЕЛЛІЯ.

Поди; не стоишь чести
И гнѣва моего;
Достоинъ только ты презрѣнья одного.

СЕКСТЪ.

Тогдабъ достоинъ былъ презрѣнья твоего,
Когдабы, не смущенъ нимало,
На Тита простиралъ злодѣйства жало;
Когдабъ, спокойно лютъ,
Я съ равнодушіемъ тѣхъ страшныхъ ждалъ минутъ,
Въ которы Тита кровь тебѣ прольется въ жертву.
Но совѣсть зря во мнѣ еще не мертву,
Вителлія меня возможетъ ли презрѣть?
Иль Тита не терпя, не можешь ты терпѣть
Всего, что́ добродѣтели имѣетъ
Въ себѣ хоть малый видъ?
Ахъ! чѣмъ благотворящій Титъ,
Чѣмъ злобу заслужилъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Владѣетъ!

СЕКСТЪ.

Ты знаешь, какъ того достоинъ онъ!
Не Титъ здѣсь царствуетъ, здѣсь царствуетъ законъ,
Какъ солнца лучъ, щедротой
Его блистаетъ тронъ;
И мы души его добротой
Ограждены, утѣшены всякъ часъ,
Мы только лишь плоды его сбираемъ власти;

А онъ, въ возвышенной своей на тронѣ части,
Трудами изнуренъ, стократъ несчастнѣй насъ.
Чего не достаетъ ко счастью намъ и славѣ?
И какъ насъ Титъ вознесъ величіемъ своимъ?
Цари, его подвластные державѣ,
Суть меньше насъ предъ нимъ.

ВИТЕЛЛІЯ.

О, Римлянинъ! ты можешь ли такъ мыслить?
Доволенъ участью твоей,
Что выше ты царей,
Ты можешь ли себя великимъ числить?

СЕКСТЪ.

Помысли, чью ты грудь пронзить стремишь меня;
Представь себѣ ты всѣ его благодѣянья.
Какія мы найдемъ предъ свѣтомъ оправданья,
Когда насъ міръ отчаянный виня,
Не видя своего отца на тронѣ,
Во плачѣ горестномъ, въ уныніи и стонѣ,
Убійцевъ Титовыхъ укорой бременя
И всю его воспомня добродѣтель,
Насъ будетъ вопрошать:
За что́ во гробъ низверженъ благъ содѣтель?
Что́ мы тогда, что́ станемъ отвѣчать?
Не то ль, что онъ владѣлъ? Тогда речетъ вселенна,
Къ намъ ужасомъ полна и гнѣвомъ воспаленна,
Тогда речетъ и Римъ, героевъ градъ:
Свободы власть его пріятнѣй намъ стократъ....
Зри Тита блѣднаго, окровавленна,
Рыданіемъ народа окруженна,
Во гробѣ зри его; услыши плача гласъ! —
Не кажется ль тотъ часъ послѣдній свѣту часъ?

Вострепещи, гнушаяся собою,
Попрана зря отца злыхъ чадъ его рукою!

ВИТЕЛЛІЯ.

О, другъ злодѣя моего!
За тѣмъ ли ты пришелъ, чтобы хвалить его,
Чтобъ божеству сему предъ мною покланяться,
Гнушатися собой, и даже мной гнушаться?
Поди, оставь меня, я клятвы отдаю,
Которыми любовь ты обманулъ мою.

СЕКСТЪ.

Къ сверщенью Титовой смертельныя судьбины,
Найди ты мнѣ, найди хоть малыя причины;
Коль можешь, тѣмъ мое злодѣйство облегчи,
И Секстовъ духъ хотя мечтою омрачи.

ВИТЕЛЛІЯ.

Мечтой? иль мало ты еще причинъ имѣешь?
Любовь Вителліи и тронъ тебя зоветъ....
Не сынъ ты Рима, нѣтъ,
Не Римлянинъ, когда владыкой быть не смѣешь;
Не любишь и меня! я тщетно льстилась тѣмъ.
Въ сей часъ, въ сей самый часъ, въ восторгѣ я моемъ,
Какъ съ тѣмъ я Секста ожидала,
Что онъ кровь Тита лить готовъ ко мнѣ придетъ,
И сердце все одной мнѣ въ жертву принесетъ, —
Ужъ я его любить смертельно начинала;
И мысля въ скорости врага увидѣть кровь,
Казала богомъ мнѣ его моя любовь.
Но Секстъ, самъ Секстъ мой пламень погашаетъ,
И сердце самъ мое къ иному отвращаетъ.
Поди; есть мстители иные за меня,
Которые, о Титѣ не стеня,

Ко мщенью моему десницу простираютъ
И въ мысляхъ моего злодѣя пожираютъ.

Лентулъ входитъ.

Вотъ Лентулъ здѣсь: ему я сердце отдаю.
Поди, какъ хочешь ты о Кесарѣ крушися.

СЕКСТЪ.

Постой, жестокая! отчаянья страшися,
Въ которо ревностью ввергаешь страсть мою.
Все въ жертву принесу въ семъ страшномъ изступленьи!
Разсудка моего въ свирѣпомъ ослѣпленьи,
Лія рѣками кровь, и все, чтó есть, губя,
Злодѣемъ сдѣлаюсь достойнѣйшимъ тебя.
Отъ ярости моей сама ты вострепещешь?

ВИТЕЛЛІЯ.

Свирѣпымъ взоромъ ты любовь мнѣ въ сердце мещешь;
Опять воспламенилъ жаръ сердца моего.
Рази, — и будешь мнѣ любезнѣе всего.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИТЕЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ.

ЛЕНТУЛЪ.

Ужъ все учреждено; въ грядущи ночи мраки
Назначено твое отмщенье совершить;
Тебя на тронъ возвесть, а Титу грудь пронзить.
Уже уставлены ужасные тѣ знаки,
По коимъ жаръ сердецъ отмстителей твоихъ
Во всѣхъ мѣстахъ открыться долженъ вмигъ.
Вся Капитолія, огнемъ воспламененна,

Сообщниковъ стремленье освѣтитъ;
И злоба во сердцахъ днесь только сокровенна,
Со всѣхъ сторонъ на Тита полетитъ:
Въ сообщникахъ она едва остановленна,
Въ нетерпѣливости бразды грызетъ,
Чѣмъ Лентулъ, правя ихъ, имъ воли не даетъ.
Но медлить намъ не должно болѣ,
Чтобы сообщники не отворили глазъ,
Поставлены въ опасной долѣ
Надъ страшной бездною стремящихъ гнѣвомъ насъ,
Чтобы не возмогли содрогшись обратиться
Къ раскаянью, чего лишь должно намъ страшиться
Удобный часъ себѣ на пользу обратить,
Иль нерадѣніемъ часъ оный пропустить,
И наше счастье и напасти
Зависятъ только отъ того.
Страшуся Титовой превозносимой власти;
Извѣстно мнѣ коварство все его.
Коль хитрое имѣетъ онъ искусство
И сердце обольщать и чувство! —
За что сего льстеца и паче не терплю,
Но я, я все употреблю,
Ему моей пронзити грудь рукою.
Съ какою
Я радостью его разить могу!
Я тѣмъ отмщу врагу
И твоея любви достоинъ буду.

СЕКСТЪ.

Постой!... клянусь сего не допустить,
И адскій сей ударъ моей рукой свершить.

ВИТЕЛЛІЯ, *подавъ руку Сексту.*

Секстъ, помни то; а я не позабуду

Обѣта моего. Иду; но въ ночь сію
Увидите меня передъ собою
Во гробѣ, иль на тронъ возвышенну судьбою.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ.

ЛЕНТУЛЪ.

Какими бурями я душу зрю твою,
Вблизи пристанища, такъ люто возмущенну
И твердости своей совсѣмъ лишенну?
Начальнику ль, воздвигшу заговоръ,
Приличенъ сей унылый взоръ?
Тебѣ ли, насъ возведшу на стремнину,
На краѣ оныя паденье измѣрять,
И шествуя предъ нами, трепетать?
Тебѣ ль лицемъ вѣщать ужасну намъ судьбину?
Въ опасной кто стезѣ со ужасомъ идетъ,
Тотъ, вѣрно, упадетъ.

СЕКСТЪ.

Въ Вителліи мою я долженъ душу видѣть,
А Тита не могу нимало ненавидѣть!

ЛЕНТУЛЪ.

Глава сообщниковъ, такъ можешь ли вѣщать?
Колеблемость сію страшися имъ казать.
Уже и такъ они, симъ видомъ раздраженны,
Сомнѣніемъ о Секстѣ пораженны.

СЕКСТЪ.

Не удивляюся сомнѣнію сему:
Измѣнникъ всякъ, привыкнувъ лицемѣрить,

Сообщнику, подобному ему,
Не можетъ вѣрить.
Но страсть къ Вителліи увѣрить можетъ ихъ,
Что буду вѣренъ я въ злодѣйствіяхъ моихъ;
Что Секстъ ихъ ярость всю себѣ во сердце приметъ;
Что Секстъ, жестокій Секстъ на Тита мечъ подыметъ.
Но, ахъ! не знаю я, могу ли совершить;
Не знаю, можетъ быть, трепещущей рукою
Стремяся друга грудь пронзить,
Мечемъ себѣ я путь во гробъ открою.

ЛЕНТУЛЪ.

Вселенной кто судьбу дерзаетъ премѣнить
И хочетъ тѣмъ себя навѣкъ прославить,
Раскаянье, то свойство слабыхъ душъ,
Онъ долженъ для другихъ оставить.
Велика духа мужъ,
Который славы въ слѣдъ ступаетъ,
Не видя ничего, на славу лишь взираетъ:
Отъ ига совѣсти освобожденъ,
Для низкихъ лишь сердецъ изобрѣтенна,
Летитъ на высоту, всѣмъ сердцемъ устремленъ,
Гдѣ узритъ вся его вселенна.
Я признаюсь, что, сдѣлавъ первый шагъ,
Не чувствовалъ еще въ себѣ такихъ отвагъ;
Душа моя твоей подобно трепетала;
Но самъ себя подвигъ, — и совѣсть замолчала.

СЕКСТЪ.

О, какъ ты счастливъ предо мной!
Владычествуя злость тобой,
Тебѣ въ злодѣйствѣ славу кажетъ.
Хоть благость Титова тебя толико жъ вяжетъ;

Но ты изгнаніемъ наказанъ былъ,
И благость позабывъ, обиды не забылъ.
А Секстъ за что, за что его возненавидитъ?
Всякъ день его вкушая дружбы плодъ,
Не столько Секстъ себя отъ солнца свѣта видитъ,
Колико Титовыхъ щедротъ!

ЛЕНТУЛЪ.

Но се патриціи въ то шествуютъ собранье,
Куда пріидетъ Титъ вселенну обольщать,
Души своей являти дарованье.
Тамъ должно быть и намъ. Престани унывать,
Воображай себѣ, какую за измѣну
Вителлія тебѣ опредѣляетъ цѣну —
Престолъ и прелести ея!
Вторымъ быть по тебѣ, — и тѣмъ доволенъ я.
Поди.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛЕНТУЛЪ, *одинъ*.

О, малодушный!
Лишь рабскимъ чувствіямъ послушный;
Тебѣ ль на тронѣ здѣсь владѣть,
И міра власть тебѣ ль въ рукахъ имѣть?
Лишь Тита я узрю поверженна тобою,
Ты самъ, ты самъ падешь моей рукою.
На то ли Лентулъ сей отважный путь пріялъ,
Чтобъ Секстъ съ Вителліей на тронѣ возсіялъ?
На то ли истощилъ я всю коварства бездну,
Чтобъ жизнь вести опять во мракѣ слезну?

На то ли я хотѣлъ всю славу заслужить,
Чтобы властителя лишь только тремѣнить,
И видѣть на другомъ мнѣ лестную корону?
Вителлія и Секстъ — вы лѣствица мнѣ къ трону.

ЯВЛЕНІЕ X.

Театръ представляетъ Сенатъ.

ТИТЪ, СЕКСТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, ЛЕНТУЛЪ, СЕНАТОРЫ, ***сидящіе позади;*** **ЛИКТОРЫ, ПРЕТОРЫ,** ***народъ.***

ТИТЪ, ***къ Сенаторамъ.***

Отечества отцы,
Величья Римскаго подпоры!
Прострите быстры ваши взоры
Въ подвластны намъ вселенныя концы;
Не кроется ль гдѣ зло, которо бы хоть мало
Покой и счастіе народовъ отнимало?
Вѣщайте мнѣ сіе: всегда я помню то,
Что все мое величіе ничто,
Когда подвластные стонаютъ.
Вы мракъ моей разсѣйте слѣпоты;
Откройте мнѣ народа тяготы,
Которы власть монарховъ обвиняютъ.
Все, чѣмъ въ мой вѣкъ
Лишь можетъ быть несчастливъ человѣкъ,
Тò все несносно Титу бѣдство,
Тò все мученіе ему.
Подайте средство
Вы сердцу моему

Вкушать сладчайшу тѣмъ отраду,
Чтобы народныхъ бѣдъ исчезли и слѣды;
Доставьте способы въ награду
За всѣ мои труды,
Чтобъ могъ я свѣтъ отъ тяжкихъ бѣдъ избавить,
И роду смертныхъ жизнь блаженную доставить.
Коль видя зло монархъ, его не отвратилъ,
Онъ тѣмъ одинъ противъ народа погрѣшаетъ;
Но если правды лучъ меня не освѣтилъ,
Когда коварства тѣнь отъ глазъ его скрываетъ,
А вы, то зря, не можете открыть,
Гдѣ должно мнѣ зла корень истребить, —
Противъ отечества то ваше преступленье.

АННІЙ.

Быть можетъ ли стенящихъ слышанъ гласъ?
Источникъ благостей твоихъ открытъ всякъ часъ
Даетъ въ минуту утѣшенье.
Гдѣ Титъ, тамъ грустей нѣтъ; и чтобъ престать терпѣть,
Тебя лишь надобно узрѣть.
Достойные страдать единые страдаютъ.

ТИТЪ.

Достойные страдать?
Иль ихъ вины мою щедроту превышаютъ?
Иль вѣчно имъ стенать,
А я не возмогу прервать ихъ стона?

ПУБЛІЙ.

Преступники закона,
Сужденные навѣкъ....

ТИТЪ.

Навѣкъ! какъ будто-бы во адѣ!
Или низвергшійся въ пороки человѣкъ,

Узрѣвъ, ко собственной досадѣ,
То все, чѣмъ онъ мрачилъ себя,
Въ путь добродѣтели не можетъ обратиться?
Иль, общества почтенье погубя,
Не можетъ совѣстью довольно сокрушиться,
И долженъ вдругъ двѣ казни претерпѣть;
И въ бѣдствѣ наконецъ свои очистя нравы,
Невиннаго себя еще подъ казнью зрѣть?
Нерѣдко въ строгости законы суть неправы.
О, судіи! внемлите вы уставы,
Чтò человѣчество гласитъ.
Несчастныхъ сихъ я узы разрѣшаю,
Убійцамъ лишь единымъ не прощаю;
Въ томъ благость мнѣ сама претитъ.

АННІЙ.

Сенатъ со волею твоей согласенъ;
Но милосердый Титъ
Злодѣевъ тѣхъ, я мыслю, не проститъ,
Которыхъ ядъ нерѣдко не напрасенъ;
Которыхъ злобныя сердца
Въ блаженствѣ общества себѣ досаду видятъ,
И даже своего въ тебѣ отца
Безмѣрной къ нимъ щедроты ненавидятъ;
Которые злословіемъ своимъ,
Противъ тебя смутить желая Римъ,
Твое величье оскорбляютъ.

Показываетъ листъ, на коемъ имена написаны.

Се гнусны оныхъ имена,
Нашъ стыдъ въ грядущи времена,
Которыхъ истребить повелѣваютъ

И благу общему на жертву ихъ принесть,
Законы, истина, и долгъ и наша честь.

ТИТЪ.

Подай сіе несчастныхъ осужденье.

Принимаетъ листъ и не читая раздираетъ.

Сенатъ не можетъ мнѣ найти препонъ
Искоренить противный сей законъ,
Который могъ величью оскорбленье
На то сыскать,
Чтобъ только лишь проступки умножать.
Не истина его, не трусость начертала,
А гордость подтверждала.
Возможетъ ли молва монарха оскорблять,
Коль истину она удобна мнѣ являть?
То истина должна меня наставить,
Какъ мнѣ проступокъ мой исправить;
А если ложь сплетаетъ злой языкъ,
То долженъ мной быть презрѣнъ клеветникъ;
И чтобы онъ меня престалъ безславить
И могъ прощенье заслужить,
Не наказаньемъ,
Однимъ благодѣяньемъ
Его къ себѣ желаю обратить.
Се Лентулъ въ томъ примѣръ: когда бы исполняя
Я строгость моего отца надъ нимъ,
Его въ изгнаньи оставляя,
Не возвратилъ я въ Римъ;
Не онъ, но я бъ въ томъ былъ виною,
Когда бы въ немъ врага донынѣ зрѣлъ.
Онъ паки здѣсь возставленъ мною;
Я друга въ немъ обрѣлъ.

Умножить счастіе его еще желаю,
И преторство ему вручаю,
Чтобъ онъ того, какъ былъ отецъ мой строгъ,
Изъ мыслей и слѣды искоренить возмогъ.
А ты, о, Секстъ! о, другъ нелицемѣрный!
Который завсегда мнѣ сердцемъ говоритъ,
Отечеству сынъ вѣрный!
Второй ты буди Риму Титъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ВОИНЪ.

ВОИНЪ *приноситъ письмо Титу.*

Письмо сіе необычайну,
Ужасную скрывающее тайну,
Мнѣ отдалъ Римлянинъ незнаемый вручить....

ТИТЪ.

Подай; то, можетъ быть, несчастнаго прошенье.

ВОИНЪ.

На жизнь твою злодѣйско умышленье!

Всѣ сенаторы съ ужасомъ возстаютъ.

АННІЙ, ПУБЛІЙ.

О, ужасъ!

АННІЙ.

Тита умертвить!

ПУБЛІЙ.

И Римъ отца лишить!

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Гдѣ скрыться мнѣ?

ЛЕНТУЛЪ *въ сторону.*

О, страшная премѣна!

АННІЙ.

О, Рима стыдъ! о, гнусная измѣна!

ХОРЪ *народа.*

О, преступленіе! о, страхъ!
Такихъ злодѣйствъ нельзя измѣрить!
Возможно ли тому повѣрить,
Что здѣшня града во стѣнахъ
Ему бы кто возмогъ быть врагъ?

ТИТЪ.

Не вѣрю, нѣтъ! сего не можетъ быть;
Никто меня, никто не хочетъ погубить.

Отдаетъ письмо Сексту.

Читай, мой другъ.

СЕКСТЪ *читаетъ.*

«О, Титъ! брегися:
«Есть въ Римѣ варварски сердца,
«Которыя клялися
«Лишить тебя и жизни и вѣнца....

ТИТЪ.

Чтò сдѣлалъ Риму я? за чтò сія мнѣ злоба?
За чтò мнѣ подданны врата отверзли гроба?
За то ль, что я послѣдняго изъ нихъ
Считаю жизнь священнѣй дней моихъ?
О, Небо! *къ Сексту.* Ты, мой другъ, блѣднѣешь и трепещешь,
И взгляды на меня отчаянные мещешь?
Мой другъ, твои глаза, наполненные слезъ,
Едина мнѣ въ сей часъ утѣха отъ небесъ!
Свершай.

СЕКСТЪ *продолжаетъ читать.*

«Какъ ночь сіи ужасны скроетъ стѣны;
«Вся Капитолія въ огнѣ
«Знакъ будетъ лютыя измѣны.
«Повѣрь богамъ, когда не вѣришь мнѣ.
«Всего, чтó есть, брегися,
«И даже и друзей твоихъ страшися.»

ТИТЪ.

На чтò мнѣ свѣтъ? чтò мнѣ и въ жизни сей,
Коль долженъ я страшиться и друзей?
Страшиться и друзей! въ какой я лютой долѣ!
Всѣ смертны мнѣ друзья; а Секстъ драгой всѣхъ болѣ.

СЕКСТЪ.

О, Титъ! не вѣрь ты никому,
И даже Сексту своему.

АННІЙ.

Весь сонмъ патриціевъ какъ громомъ пораженный,
Отъ ужаса оцѣпенѣлъ;
Какъ тартаръ гласъ измѣны заревѣлъ.
Но время, чтобъ нашъ духъ преогорченный,
Стремился изыскать зла корень сокровенный.
Могущи Титову забыть пріязнь,
Да вострепещутъ всѣ, злодѣевъ видя казнь!
Но Кесарь слезъ ліетъ потоки?...

ТИТЪ.

Воображая тѣ часы жестоки,
Въ которы истина лить смертныхъ кровь велитъ,
Ужъ сердце Титово трепещетъ и болѣетъ,
Преступниковъ жалѣетъ
И долгъ во мнѣ монаршескій винитъ.

ПУБЛІЙ.

О, истинный отецъ народа!
Возможно ли, чтобы природа
Могла ему враговъ на свѣтъ раждать?

АННІЙ.

Пойдемъ чудовищъ сихъ искать.

Къ Римлянамъ.

А вы, сыны достойны Рима,
Отца въ опасности ужасной зрима
Храня, должны его повсюду провождать,
И жизнь его сердцами защищать.

ТИТЪ.

Не надобна сія для Тита оборона.
Пускай спасается тирановъ тѣмъ корона.
Коль Титова кровь Римлянамъ нужна,
Пускай ее ихъ злоба проливаетъ;
И если жизнь моя имъ больше не важна,
То жизнь такую Титъ несчастный презираетъ.

Уходитъ, и за нимъ сенаторы.

ХОРЪ.

О, преступленіе! о, страхъ! и проч.

═══

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ Титовъ кабинетъ.

ТИТЪ, ПУБЛІЙ.

ТИТЪ, *имѣя въ рукахъ листъ бумаги.*

Чтò вижу я? о, рокъ! о, грозный часъ!
Мнѣ Секстъ, самъ Секстъ любезный измѣняетъ!
Тоска въ устахъ перерываетъ гласъ!
Хотя сей страшный листъ въ томъ Тита увѣряетъ,
Но вѣрить не могу,
И мысль моя того не постигаетъ.
Все въ жертву приносилъ, о, Титъ! кому? — врагу!
Ты, Публій, знаешь то, какая плата Титу?...
О, Секстъ! имѣлъ ли я какую мысль сокрыту,
Иль въ сердцѣ чтò моемъ питалъ,
Чего бы я тебѣ не удѣлялъ?
Чего еще тебѣ, чего не доставало?
Лишь только скиптра тяготы;
И сердце все мое съ тобою раздѣляло,
Лишь власти не имѣлъ мученья ты....

Но правда ль, Публій, то? Нерѣдко клеветою
Невинный страждетъ человѣкъ.

ПУБЛІЙ.

Обремененъ своей предъ Лентуломъ виною,
Въ отчаяньи, самъ Секстъ, признавшись, рекъ,
Что смерти злѣйшей онъ достоинъ.
Тогда слезъ позднихъ токъ раскаяньемъ удвоенъ;
Грызенье совѣсти, тоска смертельна, стыдъ,
Со всею благостью мечтающійся Титъ
Его терзаютъ неотступно.

ТИТЪ.

Несчастный! страждетъ онъ, и я страдаю купно!
Ты видишь, Публій, что не столько виненъ онъ,
Что кѣмъ нибудь къ злодѣйству приведенный....

ПУБЛІЙ.

Быть щедрымъ никогда не видишь ты препонъ;
А если наказать, тогда твой духъ смятенный,
Преступника стараясь оправдать,
Ко извиненью все стремится изыскать.

ТИТЪ.

Погибни сердце то немилосердо,
Которое въ жестокости лишь твердо,
Утѣхой чтитъ кровь смертныхъ проливать,
И даже и враговъ безъ жалости карать!
Поди, мой другъ, въ сенатъ, гдѣ Секстъ несчастный
Коварствомъ Лентула прельщенъ,
И строгостью законовъ притѣсненъ,
Отъ страха трепеща, въ своей судьбѣ ужасной
Проступокъ, можетъ быть, свой самъ отяготилъ.
Не рвался бъ Секстъ, когда бъ онъ Тита не любилъ.

Измѣри, Публій, все ты мыслію своею.
Не все то истина, чтò кажется быть ею.

ПУБЛІЙ.

О, сколько бъ я судьбу благодарилъ,
Когда бъ его тебѣ невинна возвратилъ!
Но если онъ....

ТИТЪ.

Мою коль дружбу позабылъ,
Когда отъ Тита онъ къ злодѣйству обращенный,
Со Лентуломъ душею сопряженный,
Утѣхой почиталъ неблагодарнымъ быть,
Тогда его, тогда и я могу забыть.
Но Секстъ извѣстенъ мнѣ, и быть тому не можно.
Поди, и поступи лишь только осторожно.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТИТЪ, *одинъ*

Среди надежды я и страха раздѣленъ;
Хотя покой отъ сердца удаленъ,
Не вовсе я себя несчастнымъ почитаю,
Коль друга зрѣть невиннымъ уповаю....
Не тщетно ли?... увы! мнѣ сердце говоритъ,
Что виненъ Секстъ: его то самъ казалъ мнѣ видъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИТЪ, СЕРВИЛЛІЯ.

СЕРВИЛЛІЯ, *упадая на колѣна.*
Къ ногамъ владыки моего....
ТИТЪ, *поднимая ее.*
Возстань. О чемъ сіе прошенье?
Я на челѣ твоемъ смущенье
Зрю сердца твоего.
Вѣщай: чѣмъ можешь ты предъ Титомъ возмутиться?
СЕРВИЛЛІЯ.
Открытьемъ таинства страшуся преступиться,
И таинство сокрывъ, страшусь виновна быть.
ТИТЪ.
Лишь робостью меня ты можешь оскорбить.
СЕРВИЛЛІЯ.
Изъ всѣхъ достойнѣйшихъ Сервиллія избранна
Взойти на тронъ къ тебѣ,
Супругой быть твоей обѣтованна,
Должна бы, зря тебя въ преславной толь судьбѣ,
Быть счастливѣе всѣхъ. Была бы я блаженна
И безъ престола съ Титомъ сопряженна:
Но сердце ужъ мое.... не забывай того,
Что я притворствовать передъ тобой страшуся,
Что недостойною твоихъ щедротъ явлюся,
Когда, скрывъ таинство я сердца моего,
Иному сердце покоренно
Я Титу посвящу.
ТИТЪ.
Но кѣмъ оно прелыщенно?
Открой, я вѣдать то хочу.

СЕРВИЛЛІЯ.

Когда Сервиллія чистосердечна,
Притворства низкія презрѣвъ,
Заслужитъ Титовъ гнѣвъ,
Сервилліи то будетъ мука вѣчна:
Всечасно совѣсть мнѣ въ томъ будетъ упрекать.

ТИТЪ.

Коль искренность души мнѣ хочешь показать,
Сервиллія меня симъ страхомъ унижаетъ.

СЕРВИЛЛІЯ.

Симъ сердцемъ Анній обладаетъ.
Уже тогда любила я его,
Когда того, что я люблю, не знала;
Когда еще не понимала
Сей склонности я сердца моего.
Всечасно, государь, страсть наша возрастала,
И страсть сія моей питаньемъ жизни стала.
Безъ Аннія мнѣ цѣлый свѣтъ
Едины горести лишь только представляетъ;
Но если Титъ того желаетъ,
Сервиллья съ нимъ во храмъ идетъ.

ТИТЪ.

Благодарю боговъ! я сердце откровенно
Впервые днесь обрѣлъ,
Впервые на лицѣ я истину узрѣлъ.
О, какъ твое признанье мнѣ священно!
Скрываясь предо мной, меня бы привела
Два сердца растерзать во пламенной ихъ страсти;
И ты бъ виновна въ томъ была,
Чтобы двухъ смертныхъ Титъ причиной былъ напасти,
Какъ долженъ я тебѣ! твой духъ мнѣ способъ далъ,

Что счастливыхъ число я вами умножаю.
Тебя я съ Анніемъ навѣки сопрягаю.
Когдабъ Титъ смертну страсть къ Сервилліи питалъ,
И рокомъ осужденъ ея красы лишаться,
Былъ долженъ избирать
Терзаться, иль терзать —
Титъ лучше выбралъ бы терзаться.

СЕРВИЛЛІЯ.

Отрада смертныхъ ты! я чѣмъ тебѣ воздамъ?
Тебѣ достойно приношенье
Приличное богамъ....

ТИТЪ.

Будь счастлива, — и вотъ благодаренье
Достойное царямъ!
Поди, гласи ты всѣмъ, вѣщая,
Что истина святая
Священнѣй мнѣ всего.
Желаетъ кто почтенье
Отъ сердца заслужить владыки своего,
Тотъ правду да явитъ очамъ его,
Хотябъ ему то было въ огорченье;
Мнѣ горесть оная пріятнѣе стократъ
Даемыхъ лестію пресладостныхъ отрадъ.
О! еслибъ я, подавъ Сервиллѣ утѣшенье,
И Секстовой судьбѣ возмогъ найти
Подобно облеченье,
И друга, ввергшася въ злодѣйствіе, спасти!

СЕРВИЛЛІЯ.

Чтò слышу я? мой братъ!

ТИТЪ.

Секстъ Тита ненавидитъ,
И въ смерти онъ моей свою утѣху видитъ.

Се начертаніе злодѣйскихъ тѣхъ именъ,
Между которыми твой братъ постановленъ.

СЕРВИЛЛІЯ.

О, страхъ! отъ глазъ моихъ лучъ солнца убѣгаетъ.
Стыдъ брата моего меня обременяетъ.

ТИТЪ.

Сервиллія! еще не должно унывать,
И намъ всего еще возможно уповать.
Поди, и мнѣ въ отплату
Вспомоществуй несчастному ты брату
Его невинность изъяснить,
Или хотя его проступки уменьшить.

СЕРВИЛЛІЯ.

Иду, сраженная его виною,
Явить его невиннымъ предъ тобою;
Или, когда должна злодѣемъ брата зрѣть,
Иду съ нимъ купно умереть.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТИТЪ, *одинъ.*

О, если бы, податель я закона,
Вокругъ блистающа вѣнца
Всечасно зрѣлъ открытыя сердца;
Когдабъ съ превыспренности трона
Умѣя ложь отъ правды отличать,
Распредѣляя всѣхъ достойны части,
Возмогъ позора убѣгать,
Порочныхъ возвышать,—
Я бъ видѣлъ рай въ моей толь тяжкой власти!...

О, Секстъ! и ты притворствовать умѣлъ!
И добродѣтели забывъ внушенны мною,
Содѣтель гнусныхъ дѣлъ,
Мнѣ будешь лютаго раскаянья виною,
Что столько я тебя любилъ.
Къ кому несчастный ты во сердцѣ злость таилъ?
Ахъ! чтó тебя къ сему злодѣйству приводило?
И Секстъ и Титъ — не все ль едино было?
Ты сердце мнѣ пронзивъ, свое бы поразилъ!
Но можетъ быть еще.... несносно безъизвѣстье!
О, какъ оно меня томитъ! *увидя Аннія.*
Невиненъ ли мой Секстъ?... но твой печальный видъ!...
О, рокъ!... чтò?... Секстъ!...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТИТЪ, АННІЙ.

АННІЙ.

Онъ нашихъ дней безчестье;
Природы извергъ онъ,
Отъ коего и самъ законъ
Неслыханна содрогся преступленья;
И словомъ, онъ глава ужасна умышленья.

ТИТЪ.

Свершилось все!

АННІЙ, *представляя Титу приговоръ.*

И се сената судъ.
Патриціи, стыдомъ, уныньемъ пораженны,
Кляня сей лютый день, того лишь только ждутъ,

Чтобъ были ихъ тобой рѣшенья подтвержденны.
Уже на казнь преступниковъ ведутъ,
И для внушенія такимъ сердцамъ боязни,
Хотя ихъ строги казни,
Но праведны они.
Потомки оными, узрѣвъ въ грядущи дни,
Какую злобу Римъ къ твоимъ врагамъ имѣетъ,
Измѣрятъ казнью ихъ его къ тебѣ любовь.

титъ.

Почто, о боги! Титъ въ сей лютый часъ владѣетъ!

анній.

Чтобы злодѣевъ сихъ была пролита кровь,
Чтобъ Секстовы свершились казни строги,
Законы требуютъ, вселенна, Римъ и боги.
И если сихъ уже преступниковъ простишь,
Ты милосердіемъ къ злодѣйству путь явишь.

титъ.

Я знаю, Анній, то — и, ахъ! о томъ стонаю.
О, лютый долгъ, препорученный намъ!
Сей должностью я самъ себя терзаю.
Карать — прямая казнь чувствительнымъ сердцамъ.
Но чѣмъ себя несчастный извиняетъ?

анній.

Молчаніе глубоко сохраняетъ,
И раздирая грудь омыту токомъ слезъ,
Не хочетъ и воззрѣть на свѣтлый блескъ небесъ.
На всѣ вопросы онъ лишь стономъ отвѣчаетъ,
И смертью окончать мученье умоляетъ.
Но изъ сердецъ сообщниковъ его
Мы тайну извлечемъ терзаньемъ.

ТИТЪ.

Титъ больше знать не хочетъ ничего,
Коль должно тартара страданьемъ
Остатокъ тайны извлекать
И муками еще виновныхъ умножать....
Да прійдетъ Секстъ ко мнѣ; увѣренъ, что предъ Ти-
томъ
Онъ таинства не умолчитъ,
И друга своего опять увидитъ Титъ
Во сердцѣ нѣжномъ и открытомъ.
Есть въ Римѣ кто-нибудь, кто, Секста соблазня,
Подвигъ возстать противъ меня;
И вотъ чтò знать изъ устъ его желаю
Для облегченія вины его.
Признаніемъ, чего и ожидаю,
Во сердцѣ онъ владыки своего,
Когда еще моя имъ дружба не забыта,
Еще найти возможетъ Тита.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТИТЪ, *одинъ*.

Вотъ намъ друзья, которыхъ тронъ даетъ!
Насъ подданны равняютъ, боги, съ вами:
А насъ несчастнѣе на свѣтѣ нѣтъ.
Униженный судьбами
Послѣдній человѣкъ,
Ведя спокойно вѣкъ,
Всечасно видитъ,
Его кто любитъ, или ненавидитъ.

Но смертные, всегда
Блистая красками притворными предъ нами,
Не кажутъ никогда
Согласныхъ лицъ съ сердцами.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТИТЪ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕКСТЪ *и стражи.*

СЕКСТЪ, *останавливаясь въ удаленіи отъ Тита.*

Гдѣ я? гдѣ скрыться мнѣ? разверзи бездну адъ,
И поглоти мои со мною злодѣянья!
О, память Титова ко мнѣ благодѣянья!
Такихъ ли онъ себѣ за дружбу ждалъ наградъ?
Секстъ, прежней благости въ очахъ его не видитъ!
О, рокъ! о, грозный рокъ! Титъ Секста ненавидитъ!

ТИТЪ *въ сторону.*

Порокомъ какъ его преобразился зракъ!
Его лице покрылъ смертельный мракъ.
Какъ страждетъ онъ, несчастный!

къ Сексту.

Приближься, Секстъ!

СЕКСТЪ.

О, гласъ!... не гласъ, но громъ ужасный!
Который мнѣ все сердце разразилъ.
Увы! когда мнѣ Титъ такъ страшенъ былъ?

ТИТЪ *съ важностію.*

Я рекъ, приближься, Секстъ.

СЕКСТЪ, *немного приближась.*

О, боги!
Колеблется земля, мои трепещутъ ноги!
Ліется въ жилахъ смертный хладъ!
Коль страшны фуріи вокругъ меня стоятъ!
Всю Титову мнѣ благость представляютъ,
И ею все мое злодѣйство измѣряютъ,
Мой духъ укорой бременя.

ТИТЪ *къ предстоящимъ.*

Оставьте съ нимъ меня.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТИТЪ, СЕКСТЪ.

ТИТЪ, *нѣсколько помолчавъ.*

Такъ правда то, что Секстъ возненавидѣлъ Тита,
Что смерти онъ моей желалъ,
Что онъ алкалъ....
Чтобъ кровь была пролита?
Чія!... о, юный Секстъ! какою ты судьбой
Хотѣлъ, чтобъ я погибъ — благотворитель твой?
Блаженства твоего усерднѣйшій рачитель,
Я чѣмъ возмогъ тебѣ несносенъ быть?
И если позабытъ тобой во мнѣ властитель,
Какъ друга ты во мнѣ возмогъ забыть?
Благодѣяній я моихъ не исчисляю,
Смятенья твоего я тѣмъ не умножаю.
Титъ никогда ихъ помнить не умѣлъ;
Но Секстъ, ихъ позабывъ, на память мнѣ привелъ.
Отъ самой юности во мнѣ отца ты видѣлъ;

А ты пронзить мнѣ грудь хотѣлъ!
Титъ другомъ болѣе тебя кого имѣлъ?—
А ты его возненавидѣлъ!
И сердце возмогло тебя къ тому привесть,
Чтобъ съ Титомъ потерять тебѣ твою и честь!
О, боги! если Секстъ возмогъ мнѣ лицемѣрить,
Гдѣ мнѣ друзей найти? кому на свѣтѣ вѣрить?

СЕКСТЪ, *со слезами бросаясь къ Титовымъ ногамъ.*

О, Титъ!... о, государь!... ахъ! еслибъ ты возмогъ
Во внутренность души растерзанной проникнуть,
Котора не могла къ злодѣйствію привыкнуть;
Когдабъ ты зрѣлъ, какой ужасный богъ
Обвито остріе грызущими зміями
Во сердце мнѣ вонзилъ;
Взирая Титовой души очами,
Хотя я часть сію и заслужилъ,
Но видя все мое мученье,
Почувствовалъ бы ты о Секстѣ сожалѣнье.
Гласъ совѣсти изъ сердца глубины
Вѣщая всѣ мои вины,
Меня всякъ часъ какъ громомъ поражаетъ;
И Секстъ убѣжища въ себѣ не обрѣтаетъ.
Караетъ все меня; и благости твои
Суть первые въ сей часъ мучители мои;
Яви мнѣ, государь, твою послѣдню благость:
Сними скорѣй съ меня ты жизни гнусной тягость.
Вели, чтобъ, конча дни карающей рукой,
Престалъ бы Секстъ быть мерзокъ предъ собой.
Пускай омоетъ кровь мои злодѣйства многи,
Ко утоленію прогнѣванныхъ небесъ

На мѣсто горькихъ слезъ,
Которыми твои я омываю ноги.

ТИТЪ, *возставъ.*

Возстань, несчастный! Ахъ! могу ли слезы зрѣть
И, дружбу прежню вспоминая,
Толико твердости имѣть,
Чтобъ слезъ не лить, отъ горести стоная?
Увидь изъ пропасти твоихъ ужасныхъ бѣдъ,
Коль трона ты желалъ, величьемъ ослѣпленный,
Какія мнѣ утѣхи подаетъ
Сей тронъ, тобою вожделѣнный.
Чего ты въ немъ искалъ? — блаженства твоего?
Смотри, жестокій Секстъ, вкушаю ль я его?
Вообрази себѣ ты дней моихъ отравы,—
И пожелай теперь моей державы.

СЕКСТЪ.

Не трона тщетный блескъ мнѣ очи омрачилъ,
О, Титъ!

ТИТЪ.

Такъ кто жъ меня съ тобой разлучилъ?
Противъ меня чтò Секста воружило?

СЕКСТЪ.

Не сердце, нѣтъ; оно тебя всегда любило;
Но слабость....

ТИТЪ.

Довершай,
И друга моего скорѣй мнѣ возвращай.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

О, какъ мой духъ страдаетъ!
Чтò Титъ повелѣваетъ,
Мнѣ тó открыть любовь претитъ.

ТИТЪ.

Почто, о Секстъ! такой со мною стыдъ?
Оставь свое ты все притворство,
Оставь безмолвія упорство,
И страха истреби мечты.

Взявъ Секста за руку.

Твой Титъ, о Секстъ! твой другъ тебѣ вѣщаетъ.
Чтó Титу скажешь ты,
Повѣрь, вовѣкъ того твой Кесарь не узнаетъ.
Невинностью твоей колико восхищусь:
Тотчасъ въ твои объятья устремлюсь
И слезы Секстовы смѣшаю я съ моими.
Жестокій Секстъ, смягчися ты хоть ими!
Зря оправданіе твое ты въ сихъ слезахъ,
Хотя и виненъ ты, разсѣй твой страхъ,
И откровенностью прервавъ мои мученья,
Поищемъ не вотще мы Сексту извиненья.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Вителліи ли могутъ измѣнить! *Къ Титу.*
Ничто меня, ничто не можетъ извинить;
Мое молчаніе сіе тебѣ вѣщаетъ.

ТИТЪ.

Оно твои злодѣйства умножаетъ.
Титъ тайны всѣ съ тобою раздѣлялъ;
А отъ тебя единыя желаетъ.

СЕКСТЪ *въ сторону.*

О, рокъ! иль мало ты еще меня терзалъ?
Я долженъ Титовыхъ всѣхъ милостей лишиться,
Или съ Вителліей навѣки разлучиться!

ТИТЪ.

Неблагодарный Секстъ, упорностью твоей
Какъ дружбѣ платишь ты моей!

СЕКСТЪ *въ сторону.*

Любовь! крѣпи мой духъ, ужъ Титъ превозмогаетъ,
И тайну всю твою изъ сердца исторгаетъ.

ТИТЪ.

Ожесточеніе зря сердца твоего,
Презрѣнный можетъ другъ въ монарха превратиться;
Страшися гнѣва ты владыки своего!
Упорствомъ благость вся возможетъ истощиться.
Въ послѣдній разъ, вѣщай!... Жестокій! ты молчишь.
Не друга ты въ себѣ, измѣнника явишь.

СЕКСТЪ.

Узнай, властитель мой!... Чтò дѣлаю? о, боги!

ТИТЪ.

Окончи.

СЕКСТЪ.

Ахъ! когда свершатся казни строги!

ТИТЪ.

Чтó хочешь ты сказать?

СЕКСТЪ.

Что страшный я злодѣй!...
Что чувствую весь адъ въ душѣ моей,
Что благостей твоихъ нимало я не стою,
Что не достоинъ я взирать на свѣтъ небесъ,
Что рвусь, и что себя лишь смертью успокою,
Что гнусенъ я себѣ.... О, Титъ! для горькихъ слезъ
Вели меня скорѣй отъ жизни ты избавить.

ТИТЪ.

Когда въ злодѣйствіи ожесточенъ,
Отъ добродѣтели ты столько отвлеченъ,
Что ты не можешь въ путь ея себя поставить,

Ты смерти требуешь, и вкусишь смерть въ сей часъ.
Вы, стражи! отъ моихъ его сокройте глазъ.

Сексту, который прочь идетъ. Самъ себѣ.

Постой, несчастный! Какъ снести сію разлуку!

СЕКСТЪ.

Чтобъ утолить мою хоть мало муку,
Позволь въ послѣдній разъ
Твою облобызати руку.

ТИТЪ.

Прости.

СЕКСТЪ.

Титъ думалъ ли когда, что Секстъ умретъ
Нимало имъ не сожалѣемъ?
Что снидетъ въ гробъ его злодѣемъ?
Но какъ жизнь горьку казнь достойна пресѣчетъ,
Хотя тогда о мнѣ воспоминай безъ гнѣва,
И обращая взоръ на первы дни мои,
Ты позабудь часы послѣдніе сіи.

ТИТЪ.

Поди.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТИТЪ, *одинъ.*

Не избѣжишь уже ты смерти зѣва.
Въ измѣнѣ ты своей злодѣйски утвержденъ,
Владыки чувствуй власть, коль другъ тобой пре-
зрѣнъ....
Какой бы могъ отецъ щадити сына болѣ?
Твоя судьба была въ твоей строптивой волѣ;

Но милосердіе мое ты пренебрегъ
И правосудія ты гнѣвъ во мнѣ возжегъ.

Подходитъ къ столу, чтобъ подписать приговоръ.

Отмстимъ!... отмстимъ!... о, Титъ! и ты способенъ
Толь низко чувствіе въ твоей душѣ питать?
И оскорбленъ, унизиться удобенъ,
Со оскорбителемъ твоимъ себя сравнять?
Стыдися быть ему въ свирѣпости подобенъ!
Какая слава тамъ отмщенія искать,
Гдѣ, чтобы погубить, лишь должно пожелать?
Отъяти жизнь послѣдній смертный можетъ;
Но дать удобно лишь безсмертнымъ и царямъ....
Да будетъ живъ.... Такъ Титъ законовъ мечъ отложетъ?
Хранитель ихъ, потворствуя друзьямъ,
Онъ правосудіе для Секста позабудетъ
И равенъ Манлію и Бруту онъ не будетъ....
Послѣдую я имъ. Умолкни дружбы гласъ.
Пришелъ ужъ твой, о, Секстъ! послѣдній часъ.
Не я, но истина сама тебя караетъ.
Преступникъ Секстъ, — пускай и умираетъ.

Подписываетъ приговоръ.

Чтó дѣлаю? стремлюсь свирѣпости я въ путь!
Хочу въ тирана претвориться,
И кровію гражданъ моихъ омыться,
И начинаю то, пронзая другу грудь!
Или твоя душа отъ милостей устала
И лютость для тебя пріятна стала.
Не омрачай, о Титъ! отрадный твой вѣнецъ.
Бывъ подданныхъ судья, ты меньше ль ихъ отецъ?..

Раздираетъ приговоръ.

Живите.... и когда моя порфира
Должна мнѣ чѣмъ содѣлать стыдъ,
Пусть лучше голосъ міра
Во благостяхъ меня, не въ казняхъ укоритъ.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

АННІЙ, ТИТЪ.

АННІЙ.

Явися, государь, народу огорченну;
Твоей бѣдой, его ты душу возмущенну
Спокой присутствіемъ твоимъ.
На мѣстѣ казни цѣлый Римъ
Тебя слезами умоляетъ,
Чтобы, явя ты правосудья мечъ,
Имъ наглость злобы могъ пресѣчь,
Котора благостью лишь только возрастаетъ.

ТИТЪ.

О, Секстъ, какъ ты жестокъ ко другу твоему!
Пойдемъ предстать на площади ему.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ представляетъ площадь.

ТИТЪ, *окруженный сенаторами. Предъ нимъ идутъ ликторы, а за нимъ преторы.* АННІЙ, ПУБЛІЙ И СЕРВИЛЛІЯ.

ТИТЪ, *къ ликторамъ.*

Представьте, ликторы, ко смерти осужденныхъ.

Самъ къ себѣ.

Въ отчаяньи и чувствахъ огорченныхъ,
Не чаешь ты, о Секстъ, прощенія себѣ;
Но тѣмъ пріятнѣй то покажется тебѣ.
Съ какимъ веселіемъ его увижу радость! —
Се Титовой души прямая сладость!
И ежели не стóитъ Секстъ того,
Достойно, Титъ, то сердца твоего.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТИТЪ, СЕНАТОРЫ, АННІЙ, ПУБЛІЙ, СЕРВИЛЛІЯ, СЕКСТЪ, ЛЕНТУЛЪ, *толпа осужденныхъ заговорщиковъ,* ЛИКТОРЫ, ПРЕТОРЫ, *воины, народъ.*

СЕКСТЪ.

О, смерть, окончи ты скорѣй мое мученье!

ЛЕНТУЛЪ.

О, позднее раскаянья грызенье!

СЕРВИЛЛІЯ.

Несчастна! я должна кончину брата зрѣть
И видѣть то, что онъ достоинъ умереть!

ТИТЪ *къ Сексту.*

Ты знаешь то, твое коль важно преступленье,
И вѣдаешь, достоинъ ты чего.
Исчисли сердца всѣ проступки твоего.
Смятенный Римъ, величья оскорбленье,
Нарушенный законъ,
Измѣна дружеству, забвеніе пріязни,
Земля, и небо, и мой тронъ —
Все требуетъ твоей днесь казни.
Злодѣйства твоего единый Титъ предметъ.
Внемли.

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И ВИТЕЛЛІЯ.

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія къ ногамъ твоимъ падетъ
И совѣстью размученна страдаетъ.

ТИТЪ.

Чего Вителлія желаетъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Единой смерти.

ТИТЪ.

Но кому?

ВИТЕЛЛІЯ.

Лютѣйшему злодѣю твоему,
Виновнику всея напасти,
Которая твоей грозила жизни, власти.

ТИТЪ.

Но кто онъ?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я;

Я, недостойная пощады твоея!

ТИТЪ.

И ты, Вителлія?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я смерти ожидаю.

ТИТЪ.

Но всѣхъ ли я моихъ злодѣевъ знаю?
Или осталися еще?

ВИТЕЛЛІЯ.

Я злѣйша всѣхъ.
Смертельно на тебя мной жало изощренно;
Мной сердце Секстово, мнѣ страстью покоренно,
Приведено твою всю благость позабыть,
И, Титу измѣнивъ, злодѣемъ другу быть.

ТИТЪ.

Но чѣмъ, Вителлія, Титъ виненъ предъ тобою?

ВИТЕЛЛІЯ.

Вителлія горда, а Титъ, на тронъ судьбою
Возвышенный, ее позабывалъ:
Не ей, иной онъ сердце отдавалъ.

ТИТЪ.

О, лютый день! враговъ повсюду обрѣтаю!
Или, что міру благъ
На тронѣ я желаю,
За то весь міръ мнѣ врагъ?
Или для Тита нѣтъ души нелицемѣрной?
Или, въ свирѣпости безмѣрной,
Судьбы, стремясь меня со всѣхъ сторонъ разить,
Хотятъ принудити меня жестокимъ быть?
Стремитесь боги

Еще ко мнѣ быть долѣ строги!
Но чтобы Титовъ духъ немилосердымъ зрѣть,
Не можете сея побѣды вы имѣть.
Или, когда того хотите,
Чтобъ кровь лилася въ сей странѣ, —
Иное сердце дайте мнѣ,
Или мою корону отнимите.
Но нѣтъ; я лучше смерть хочу вкусить,
Какъ сердце лютое въ себѣ носить.
Въ единомъ лишь благотвореньѣ
Я славу зрю себѣ и честь, и утѣшенье.
Живи, о Секстъ! и вамъ, врагамъ моимъ,
И жизнь и вольность возвращаю.
Да вѣдаетъ то Римъ,
Что Титъ всегда здѣсь Титомъ будетъ зримъ;
Что я все вѣдаю и все прощаю
И оскорбленія мои позабываю.

АННІЙ.

О, милосердіе!

ПУБЛІЙ.

О, бездна ты щедротъ!

СЕРВИЛЛІЯ, *становясь на колѣна.*

Твой духъ Сервиллію на небо восхищаетъ!

СЕКСТЪ, *становясь на колѣна.*

Какъ нѣкій богъ Титъ Секста изумляетъ.

ЛЕНТУЛЪ, *становясь на колѣна со всѣми сообщниками, а съ ними и весь народъ.*

Увиди, государь, какъ съ нами весь народъ
Твою небесну благость обожаетъ.

Хоть храмъ отринулъ ты, твой твердый храмъ въ
сердцахъ.

ВИТЕЛЛІЯ, *становясь на колѣна.*

Сама Вителлія колѣна преклоняетъ:
Зри клятву вѣрности моей въ моихъ слезахъ.

ТИТЪ.

Вителлія руки моей желала;
Но....

ВИТЕЛЛІЯ.

Знаю, государь, сей бракъ не для меня.
Хотя величія алкала,
Не трона, казней всѣхъ достойна я.

ТИТЪ.

Обѣтъ Сервилліи мной данный совершаю,
И съ Анніемъ ее навѣки сопрягаю. *Къ Вителліи.*
Ты знаешь Секстову къ тебѣ безмѣрну страсть,
Въ какую ею онъ низверженъ былъ напасть!
Чтобъ онъ возмогъ забыть минувше бѣдство,
Лишь бракъ твой съ нимъ къ тому едино средство.

ВИТЕЛЛІЯ.

Доколь жить буду я,
Закономъ будетъ воля мнѣ твоя.

СЕКСТЪ.

Толикихъ благостей не можетъ умъ постигнуть.
Нѣтъ, истина сама, чтобъ Тита обожать
На Тибровыхъ брегахъ хотѣла храмъ воздвигнуть.
О, рокъ! когда и чѣмъ изъ памяти изгнать
Мысль горькую злыхъ дѣлъ.

ТИТЪ.

Престань о томъ вѣщать,
И, съединенные сердцами,

Какъ были, будемъ мы, о, Секстъ! опять друзьями.
Не вспоминай проступковъ ты своихъ:
Ужъ Титъ не помнитъ больше ихъ.
Блаженъ, когда моя порфира
Любезна будетъ и моимъ врагамъ.
О, милосердіе! тобой владыки міра
Подобятся богамъ.

ХОРЪ *народа.*

Инымъ богамъ, ужаснымъ властью,
Страхъ часто ставитъ алтари;
Но Титу равные цари
Рожденные ко смертныхъ счастью,
Краса и слава нашихъ дней
Любви достойны алтарей.

Въ тебѣ отца Римъ зритъ,
Вселенна обожаетъ.
Блаженъ, кто жизнь вкушаетъ,
Когда на тронѣ Титъ!

РОССЛАВЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ,

КНЯГИНѢ

ЕКАТЕРИНѢ РОМАНОВНѢ

ДАШКОВОЙ.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Просвѣщенному Вашего Сіятельства разуму, который столько знаній объемлетъ; вашему вкусу тонкому, нѣжному и разборчивому, осмѣливаюсь представить на судъ моего сочиненія трагедію Росслава. Я сего, можетъ быть, никогда бы не отважился сдѣлать, опасаясь быть помѣхою вашихъ важныхъ упражненій;

Но та, которая бесѣдуетъ съ Невтономъ,
Возвышена достоинствомъ своимъ
Быть средствомъ межъ наукъ и трономъ
И быть красою имъ,
Умѣетъ и сама прельщать насъ лирнымъ тономъ.

Остроумію вашему все свойственно. Вы столько же легко мыслію протекаете пространства, Ураніею измѣренныя, и проницаете въ таин-

ства природы, какъ пожинаете цвѣты парнаскіе. Таковъ и долженъ быть предстатель наукъ. Привязанность его вкуса къ одному предмету оставляла бы всѣ другія дарованія въ небреженіи, и привела бы ихъ въ оцѣпенѣлость. Но вы изволите знать, сколько, безъ изъятія, всѣ знанія нужны; вамъ извѣстно, что они непрерывною нитію взаимнаго союза сопряжены, что одно другое подкрѣпляетъ или украшаетъ; вамъ извѣстно, что̀ бы мудрствованіе было безъ слова, какъ и слово безъ мудрствованія. А для того, вы ни самой малѣйшей части и въ словесныхъ наукахъ не хотите оставить безъ вниманія и ободренія таланта.

Можетъ быть, милостивая государыня, не желая отнять у васъ времени, которое вамъ драгоцѣнно, я уже проступился въ ономъ и вамъ

наскучилъ. Но, говоря о васъ, можно ли говорить сокращенно.... Болѣе всего боюсь, чтобы вы не приняли сего за намѣреніе лести, чѣмъ часто грѣшны бываютъ письма, при коихъ сочиненія вельможамъ подносятся. Но вы изволите сами знать, что мое скромное усердіе еще не все сказало, въ чемъ свѣтъ вамъ справедливость отдаетъ; оставя то, что никто меня низостію лести обвинить не можетъ,

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

А сверхъ того, мое почтеніе къ вашимъ достоинствамъ, принося жертву единому вашему

просвѣщенію, иного ничего не желаетъ, какъ только суда моему сочиненію, гдѣ необыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена.

Не занятъ самолюбіемъ, симъ развратителемъ моихъ собратій-стихотворцевъ, ласкаю себя надеждою, что сія добродѣтельная страсть къ своему обществу, которая ваше сердце наполняетъ, возможетъ пріобрѣсти ваше благоволеніе; и что вы только для сего единаго найдете мое произведеніе достойнымъ вашего покровительства. Блаженъ, если симъ моимъ слабымъ опытомъ подвигну я россійскихъ писателей, имѣющихъ болѣе меня дарованій, своими безсмертными сочиненіями живыхъ театраль-

ныхъ картинъ, нашихъ истинныхъ героевъ и благотворителей согражданамъ, вводить во храмъ вѣчности, гдѣ вы, безъ сомнѣнія, будете.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ,

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

покорнѣйшій слуга

Яковъ Княжнинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ХРИСТІЕРНЪ, тиранъ, владѣющій Даніею и Швеціею.

КЕДАРЪ, полководецъ Христіерновъ.

АДЕЛЬ, наперсникъ Кедаровъ.

ЗАФИРА, княжна, остатокъ рода прежнихъ шведскихъ правителей.

РОССЛАВЪ, полководецъ россійскій въ плѣну у Христіерна.

ЛЮБОМИРЪ, посланникъ россійскій.

ВОИНЫ Христіерновы.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Стокгольмѣ въ Христіерновыхъ чертогахъ.

РОССЛАВЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЕДАРЪ, АДЕЛЬ.

АДЕЛЬ.

Участіе въ твоей я горести примаю,
Но странна таинства сего не понимаю,
Чѣмъ твой геройскій духъ толь тяжко удрученъ;
Въ сіяньи славы ты, тоскою омраченъ,
Отъ кликовъ радостныхъ народа убѣгаешь,
И посреди торжествъ грустишь и воздыхаешь!
Отечество, тобой избавленно отъ бѣдъ,
Иль малу мзду твоей заслугѣ подаетъ?

КЕДАРЪ.

Кто чувствуетъ себя быть славы недостойнымъ,
Тому среди торжествъ удобно ль быть спокойнымъ?

АДЕЛЬ.

Чтò слышу!... кто жъ тебя достойнѣй можетъ быть?
И не твоя ль рука умѣла низложить

Воздвигшихся на насъ злодѣевъ горделивыхъ?
Не ты ли отвратилъ набѣгъ Сарматъ кичливыхъ?
Не ты ли насъ, Кедаръ, отъ ига плѣна спасъ?
Или не праведенъ побѣды звучный гласъ?

КЕДАРЪ.

О, ты, котораго усердію ввѣряюсь,
Адель! познай, чѣмъ я толико сокрушаюсь....
Ты видишь, славою взносимъ я къ небесамъ,
Но въ сердцѣ стыдъ нося, себѣ я гнусенъ самъ.

АДЕЛЬ.

Рѣчь каждая мое сугубитъ изумленье:
Герою ль чувствовать позора угрызенье,
Спасителю гражданъ?

КЕДАРЪ.

И вся сія страна,
Сіи великія дая мнѣ имена,
Обманывается, Адель, тебѣ подобно.
Рушеніе враговъ, на насъ возставшихъ злобно,
Побѣды слава, чѣмъ Стокгольмъ въ сей день гремитъ,
Могу ли изрещи.... не мнѣ принадлежитъ!

АДЕЛЬ.

Кому же, государь?

КЕДАРЪ.

Плѣненному Росславу.
Адель, его на мнѣ, его ты видишь славу!
Сей Россъ, къ которому я дружество питалъ,
Противный Россъ! теперь врагомъ мнѣ лютымъ сталъ.
Ты помнишь, какъ сей вождь россійска славна войска,
Влекомый пламенемъ стремленія геройска,
Израненъ, весь въ крови, во узы Шведовъ палъ,
И умираючи сражатися престалъ.
Дивяся мужеству и храбрость почитая,

Чтобъ исцѣлить его, старанье прилагая,
Отъ края гроба я несчастнаго отвлекъ;
Но къ гибели моей его спасалъ я вѣкъ!...
Добротъ его души непобѣдима сила
Твердѣйшей дружбы насъ союзомъ съединила.
Се добродѣтели всесильно торжество!
Казалося, я въ немъ зрю нѣко божество.
Его великою душею восхищенный,
Съ нимъ дружбу славой чтилъ я, рокомъ ослѣпленный.
Ты помнишь, какъ нашъ царь, свирѣпый Христіернъ,
Имѣя въ ярости коварствами духъ чернъ,
Несчастье плѣнника тягча своимъ гоненьемъ,
То таинство извлечь старался принужденьемъ,
Которое герой россійскій сохранялъ
И муки злѣйшія и смерть въ ничто вмѣнялъ.

АДЕЛЬ.

Что тайну отъ него нашъ царь познать желаетъ,
То́ вся страна равно со мною знаетъ;
Но въ чемъ то таинство, того священный видъ
И отъ Аделевыхъ очей равно закрытъ.

КЕДАРЪ.

Я другу моему всего себя вручаю.
Познай то все, что́ я съ царемъ единый знаю.
Тирановъ храбрый врагъ неустрашимъ Густавъ,
Спасти гражданъ, или умрети предпріявъ,
Скрываяся въ странахъ, въ Россіи заключенныхъ,
Росславу одному лишь только откровенныхъ,
Чтобъ вѣрну помощь дать отеческой странѣ,
Противъ тирана громъ готовитъ въ тишинѣ;
А лютый Христіернъ, свое предвидя бѣдство,
Въ познаньи тайны сей себѣ лишь видитъ средство.

Тогда бъ онъ могъ врага коварствомъ погубить,
А послѣ бъ силою и Россовъ подавить;
Но Шведовъ ревностью къ Густаву устрашенный,
Не смѣетъ онъ разить, на Россовъ огорченный.
Онъ знаетъ, если мечъ въ Россію принесетъ,
Густавъ во слѣдъ себѣ все войско увлечетъ.
Блаженство Россіянъ, въ сей тайнѣ заключенно,
И наше торжество надъ ними несомнѣнно,
Когда бы сей Росславъ, гоненій не стерпя,
Густава могъ открыть, страданью уступя.
Но твердъ, неколебимъ сей камень бѣдъ въ пучинѣ,
Не содрагаяся, противяся судьбинѣ,
Гремящи надъ главой онъ тучи презиралъ
И волны ярости ногами попиралъ.
Чтобъ друга прекратить ужасныя напасти,
Просилъ царя, его моей предаться власти.
Ты видишь, государь, я такъ ему вѣщалъ,
Что твердый духъ его подъ бременемъ не палъ;
Но часто тотъ, кого и смерть не ужасаетъ,
Пріятству дружества и ласкѣ уступаетъ.
Вторично друга я избавилъ моего;
Темница — былъ мой домъ, а узы — честь его.
Но между тѣмъ Сарматъ свирѣпое стремленье,
Съ собою въ Швецію влеча опустошенье,
Простерло до царя смятеніе и страхъ;
Потрясся Христіернъ на тронѣ въ сихъ стѣнахъ.
Кедара одного своею чтя оградой,
Царь трона своего меня избралъ оградой.
Я съ войскомъ выступилъ, Росслава взявъ съ собой...
Почто я сдѣлалъ то?... Гонимому судьбой,
Мнѣ легче было бы, на томъ кровавомъ полѣ,
Попраннымъ зрѣть себя во гробѣ иль въ неволѣ!...

О, рокъ! о, грозный рокъ! свершити не могу....
Побѣду уступить я долженъ былъ врагу.
Но лютый другъ, Росславъ, геройскимъ полонъ жа-
ромъ,
Упавшимъ на меня обремененъ ударомъ,
Унылыхъ ратниковъ, надеждою, стыдомъ
Ко славѣ обратя, свой страшный кинулъ громъ.
Во мракѣ нощи скрытъ, въ побѣдѣ безопасна,
Разсѣялъ, разметалъ сего врага ужасна.
И самъ начальникъ ихъ отъ плѣна не избѣгъ,
Который огнь войны кровавыя возжегъ.
Величье скромностью своею возвышая,
И униженіемъ Кедара утѣшая,
Во славѣ своея Росславъ себя сокрылъ,
И войско обманувъ, ему меня явилъ,
Сіянья своего лучами окруженна;
Но въ сердцѣ лютой тмой позора помраченна.
Я злѣе всѣхъ Сарматъ Росславомъ пораженъ.
Злодѣемъ онъ въ умѣ моемъ изображенъ.

АДЕЛЬ.

Та́къ злобу онъ привлекъ, явя тебѣ услугу?
И можно ль ненависть за то питати къ другу?

КЕДАРЪ.

Могу ль его любить, всечасно трепеща,
И раболѣпствуя и милостей ища?
Отъ слова странника, въ плѣненьи заключенна,
Вся слава можетъ быть въ минуту помраченна.

АДЕЛЬ.

Но кто толико могъ великодушенъ быть,
Чтобы тебѣ свою всю славу уступить
И имя вѣчности твое во храмъ поставить,
Восхощетъ ли тебя тотъ самый обезславить?

О томъ, что̀ дружество содѣлало его,
Кто нынѣ знаетъ?

КЕДАРЪ.

Я; довольно и сего.
Но сердца глубину льзя ль смертнаго измѣрить!
И кто и самъ себѣ изъ смертныхъ можетъ вѣрить?
Въ волненіи страстей колеблясь, человѣкъ
По вѣтрамъ счастія всегда свой правитъ вѣкъ.
Примѣръ тому Адель во мнѣ возможетъ видѣть,
Ты мнилъ ли, чтобъ я сталъ Росслава ненавидѣть?
И кто возможетъ знать, что, дружбу отмѣня,
Открывши все Росславъ, не погубитъ меня?
Кто знаетъ, можетъ быть, уже въ сію минуту,
Къ паденью моему готовя пропасть люту,
Передъ Зафирою являетъ весь мой стыдъ
И славу ей свою и мой позоръ твердитъ;
Ругаясь мной, собой то сердце наполняетъ,
Которымъ обладать Кедаръ вотще желаетъ!

АДЕЛЬ.

Что́ слышу, государь!

КЕДАРЪ.

Лютѣйшей страсти гласъ!
Я жертва горестна Зафириныхъ заразъ!

АДЕЛЬ.

Прельщаться сей княжной — какое дерзновенье!
Или, снѣдая ввѣкъ въ молчаніи мученье,
Безплодно хочешь ты сію княжну любить,
Котору царь судилъ своей супругой быть?
Ты вѣдаешь его къ Зафирѣ пламень страсти:
Страшися раздражить его жестокость власти;
Ты знаешь злость его.

КЕДАРЪ.

Лютѣйшій онъ тиранъ,
Но громъ бросая, самъ имъ можетъ быть попранъ.
Зафира славнаго сего остатокъ рода,
Къ которому любовь питается народа.
Стыдящій тяготой своей монаршій санъ,
Низринется съ раменъ народа истуканъ,
Коль, власти пожелавъ, княжна гражданъ подвигнетъ.
А, можетъ быть, Кедаръ блаженства и достигнетъ.
Я знаю, какъ тиранъ Зафирѣ нестерпимъ;
Ты знаешь, какъ Кедаръ народомъ сталъ любимъ....
Но что́ вѣщаю я! О, страшная преграда!
Росславъ, въ погибели твоей мнѣ вся отрада!
Росславъ, я знаю то, къ Зафирѣ мысль стремитъ,
Не ошибаюся, хотя мой врагъ таитъ.
Въ Зафирѣ и самой я, къ мукѣ нестерпимой,
Признаки зрю къ нему любви неодолимой.
Противъ него угрозъ тирановыхъ въ часы,
Зрѣлъ ужасомъ ея затмѣнныя красы.
Спасать его, ея старанья тороплива,
Вздыханья, взоры, все, свидѣтели нельстивы,
Что милъ Росславъ, что мнѣ затворенъ къ счастью путь,
Что должно острый мечъ въ его вонзити грудь.
Мнѣ должно ли губить, теперь Адель то знаетъ,
И слава и любовь мнѣ то повелѣваетъ.
Се время мнѣ къ тому удобно настоитъ.
Уже противъ него тиранъ опять гремитъ,
Но должно, злобу скрывъ, мнѣ дружество казати.
И, обнимаючи, Росславу грудь пронзати.
Се онъ, Адель, поди и все ты примѣчай,
И тайну страшную во сердцѣ заключай.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Чѣмъ друга моего я вижу зракъ смятенный?

РОССЛАВЪ.

Грущу, отечества драгого отчужденный.
Россійскую страну, въ плачевны дни сіи
Объемлютъ зависти ужасныя зміи.
Европа, будуще ея величье видя,
Трепещетъ, въ ней свою царицу ненавидя;
И чтобъ пожрать ее, смущая тишину,
Отвсюду къ ней влечетъ кровавую войну.
Въ тѣ дни, когда мечи моихъ гражданъ блистаютъ,
Несчастнаго меня оковы отягчаютъ.
Сколь горько мнѣ, — герой то можетъ ощущать!
А другъ мнѣ способы съ свободой къ славѣ дать.
И если я просить тиранна устыжаюсь,
Къ герою съ просьбою спокойно обращаюсь.

КЕДАРЪ.

Герою!... Мнѣ ль сіи пристойны имена? —
Тебѣ спасеніемъ должна сія страна....

РОССЛАВЪ.

Коль въ ревность къ Швеціи долгъ дружбы превращаешь,
То знай, Кедаръ, ты тѣмъ Росслава унижаешь.
Всѣ Готѳы для меня и царь твой — ничего,
А дѣлалъ все Росславъ для друга своего;
Сражался не за нихъ я, Готѳовъ громъ бросая:
Я спасъ сію страну, Кедара лишь спасая.

КЕДАРЪ.

Побѣда славная!...

РОССЛАВЪ.

Тебѣ принадлежитъ.
Усердья моего не превращай мнѣ въ стыдъ;
Не устыжай меня, твердя мою услугу;
Тотъ долженъ тѣмъ себѣ, кто чѣмъ обязанъ другу.
И если вольность я тобой пріобрѣту,
Не милостью твоей, но должностью сочту.

КЕДАРЪ.

Пребуди о моемъ увѣренъ попеченьи;
Потщусь скончать твоей неволи огорченьи;
Но если вольность я и возвращу тебѣ,
Ты будешь ли за то благодарить судьбѣ?
И не останется ль чего во здѣшнемъ градѣ,
Чтò огорчитъ тебя свободы во отрадѣ?

РОССЛАВЪ.

Когда возможетъ Россъ отечеству служить,
Чтó росса, государь, удобно огорчить?

КЕДАРЪ.

Зафиры о тебѣ усердныя старанья,
Въ часъ бѣдъ твоихъ ея сердечныя страданья,
Тѣ вздохи горестны, тѣ слезы, трепетъ сей,
Свидѣтели, что милъ герой россійскій ей.

РОССЛАВЪ.

Душъ нѣжныхъ чувствію, къ несчастнымъ сострананью,
Сему толь рѣдкому во смертныхъ дарованью,
Которое людей со божествомъ равнитъ,
Въ Зафирѣ, государь, даешь иной ты видъ;

И милосердіе во слабость превращая,
Ты унижаешься, Зафиру унижая.

КЕДАРЪ.

Но ты восторги тѣ или возмогъ забыть,
Съ которыми привыкъ о ней ты говорить?
Восторги тѣ, мой другъ, мнѣ ясно изъявляютъ,
Что̀ тщетно отъ меня твои уста скрываютъ.

РОССЛАВЪ.

Не отрицаюся, я ею восхищенъ
И добродѣтелью и красотой прельщенъ.
Почто Росславовыхъ очей ты не имѣешь,
Чтобъ зрѣть красы.... но ты трепещешь и блѣднѣешь?

КЕДАРЪ.

Я трепещу!... но знай, сей трепетъ о тебѣ.
Я друга моего въ опасной зрю судьбѣ,
И ужасаюся твои предвидя бѣдства:
Княжною обладать нималаго нѣтъ средства:
Лютѣйшій къ ней тиранъ кровавый духъ стремитъ.

РОССЛАВЪ.

Спокоенъ будь; Кедаръ Росслава мало чтитъ,
Коль страстію его лишенна мнитъ покоя.
Тиранка слабыхъ душъ, любовь — раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть:
Се добродѣтели единые законы.
Неодолимыя межъ нами суть препоны;
Я помню честь и долгъ; хоть смертно я горю,
Въ Зафирѣ я княжну враговъ россійскихъ зрю.
И если бъ днесь ея и было сердце вольно,
Чтобъ пламень погасить — я Россъ, сего довольно.

КЕДАРЪ.

Дивяся твердости я духа твоего,
Иду освободить я друга моего.
Пребудь спокоенъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ, *одинъ.*

Нѣтъ, прошелъ мой вѣкъ спокойный!
Чтò сталося со мной? Зафира!... недостойный!...
Когда отечество зрю въ пагубной судьбѣ,
Я млѣю!... я горю!... Я гнусенъ самъ себѣ!...
Мнѣ, въ сердцѣ чувствуя порочное волненье,
Во узахъ ощущать любовно утѣшенье!
Въ разлукѣ съ сей страной мнѣ горесть обрѣтать!
Мнѣ вольности моей хотѣть и трепетать!...
Россія! я твои въ сей часъ внимаю пѣни:
Ты больше не Росславъ, Росслава нѣтъ и тѣни!
Оставь терзающи меня мечты сіи....
О, долгъ! отечество! о, боги вы мои!
Не будетъ вредно вамъ Росславово смущенье.
Его страсть новое вамъ жертвоприношенье....
Но трепещу!... кто? я! который брани въ часъ
Безъ робости внималъ ужасный смерти гласъ;
Который на ея окровавленномъ лонѣ,
Стремясь возлюбленныхъ гражданъ ко оборонѣ,
Спокоенъ, лютости ея одолѣвалъ
И къ гибели съ мечемъ какъ къ пиршеству ступалъ,—
Я нынѣ трепещу, отъ страха содрагаюсь,
И жертвовать, увы! любовью ужасаюсь....

РОССЛАВЪ.

Чтó слышу, тронъ забывъ, ко плѣннику нисходишь;
Какія радости въ твоей любви находишь?

ЗАФИРА.

Коль любишь ты меня, — счастливой умереть.

РОССЛАВЪ.

Иль бѣдства страшнаго не можешь ты ýзрѣть,
Которое тебѣ....

ЗАФИРА.

Рославъ любить страшится?

РОССЛАВЪ.

Страшусь. Чѣмъ болѣе мой духъ къ тебѣ стремится,
Тѣмъ болѣ я стремлюсь огнь страсти истребить,
И мнѣ ли жертвою гражданъ родяся быть,
Забывъ отечество, любовію плѣняясь,
Законной ярости тирана подвергаясь,
И страстью помрача мою невинну кровь,
Не за отечество умрети, за любовь?
Пускай за общество тиранъ разитъ Росслава,
Тогда послѣдуетъ во гробъ за мною слава;
За добродѣтель я умру, не за порокъ;
Унизится тиранъ, онъ сколько ни высокъ;
Невинность погубя на тронѣ потрясется;
Превыше трона гробъ Росславовъ вознесется.

ЗАФИРА.

Иль думаешь, что я могу тебя любить
На то, чтобы тебя любовью погубить?
Что на опасности твои я не взираю?
Съ тобою для тебя порфиру презираю;
Въ отечество твое послѣдую тебѣ,
Съ Росславомъ буду жить ýгодно гдѣ судьбѣ!

РОССЛАВЪ.

Отвѣтствуя любви твоей любовью равной,
Я долженъ предъ тобой открыть сей путь безславной,
Въ который страсть твоя тебя стремится влечь;
Надежду хочешь ты гражданъ твоихъ пресѣчь,
Которая въ тебѣ единой имъ блистаетъ;
Зафира гибель здѣсь на тронѣ оставляетъ.

ЗАФИРА.

Что́ сдѣлать я могу?

РОССЛАВЪ.

Во твердость облещись
И съ мужествомъ на тронъ твоихъ отцевъ взнестись.

ЗАФИРА.

Когда достойною Росславу я кажуся,
Готова на престолъ, и смерти не страшуся.
Хотя ужасная опасность мнѣ грозитъ,
Отважуся на все, — мнѣ то Росславъ велитъ.
Въ сей часъ стремлюся я къ усердію народа
Явить возлюбленна ему остатокъ рода;
И для тебя и жизнь не ставя за уронъ,
Взнестися на престолъ, чтобъ дать герою тронъ.

РОССЛАВЪ.

Чтобъ я, забывъ въ себѣ Россійска гражданина,
Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу ль его забыть я, троны возлюбя.
Пускай престола блескъ гордыню обольщаетъ;
Безъ добродѣтели корона помрачаетъ.
Росславу царскій тронъ безславье навлечетъ,
Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се царь любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,

Ни Готѳъ, ни Россъ, любви не могши одолѣть,
И столько твердости души не могъ имѣть,
Чтобы, презря вѣнецъ, быть обществу полезнымъ.

ЗАФИРА.

Еще сей горести къ моимъ судьбамъ преслезнымъ
Не доставало мнѣ, чтобъ лютая любовь
Зафиры бѣдственной воспламеняя кровь,
Во сердце къ ней того раждала отвращенье,
Въ комъ въ свѣтѣ для нея едино утѣшенье.
Противна я тебѣ — на что̀ жъ мнѣ больше жить?

РОССЛАВЪ.

Не оскорбивъ меня, то можно ль вобразить.
Кто? ты противна мнѣ? о, слово преужасно!
Ахъ, если бъ я возмогъ открыти сердце страстно;
Когда бъ во грудь мою проникнуть ты могла,
Въ какомъ бы торжествѣ себя ты обрѣла!
Узрѣла бъ....

ЗАФИРА.

Окончай, — сверши мое блаженство.

РОССЛАВЪ.

Узрѣла бы любви позорно совершенство;
Увидѣла бъ, какъ твой прелестный взоръ, о, стыдъ!
То все мрачитъ, что̀ мнѣ мой строгій долгъ велитъ.
Увидѣла бъ, какъ кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Когда отсель меня Россія отвлекаетъ.
Россіи отчужденъ.... симъ страсть мою измѣрь,
Тобой крушуся я.... довольна ль ты теперь?
Ужъ гласъ гражданъ моихъ во сердцѣ семъ слабѣетъ;
Быть Россіяниномъ уже Росславъ робѣетъ;
Но ты не торжествуй, любови слыша гласъ;
Что̀ внемлешь ты теперь, въ послѣдній слышишь разъ.

ЗАФИРА.

Въ послѣдній! а меня любовью увѣряешь,
А самъ, а самъ мою ты смерть опредѣляешь.

РОССЛАВЪ.

Не смерть, но славу.

ЗАФИРА.

Ахъ, какая слава то!
Несчастной безъ тебя вселенная ничто.
Часы, въ которые съ тобою не бываю,
Часы тѣ изъ моей я жизни исключаю....
Въ послѣдній разъ ты мнѣ любовь твою явилъ;
Но сердца моего ты тѣмъ не истребилъ.
Во гробѣ только лишь оно тебя забудетъ;
Мысль каждая моя — Росславъ единый будетъ.
Какъ станетъ смерть смыкать моихъ зѣницы глазъ,
И я тогда люблю — скажу въ послѣдній разъ.

РОССЛАВЪ.

Увы, въ сей самый часъ ты то должна сказать!

ЗАФИРА.

И такъ въ сей часъ должна Зафира умирать?

РОССЛАВЪ.

Живи.... родясь красой тирана укротить,
И долгъ и честь тебѣ повелѣваютъ жить;
Гражданамъ жизнь твоя нужна, ты, помня славу,
Храни дражайшій вѣкъ.

ЗАФИРА.

Не нуженъ онъ Росславу!

РОССЛАВЪ.

Ты плачешь? ахъ! престань мнѣ сердце раздирать,
Которо ужъ собой не можетъ обладать.
Ты плачешь! я мятусь....ты плачешь!...я страдаю....

Россія, зри мой стыдъ, зри какъ ослабѣваю!
Но, ахъ! доколь еще Росславомъ быть могу,
Прости, я не тебя, но самъ себя бѣгу. *Уходитъ.*

ЗАФИРА.

Постой, Росславъ драгой!... въ моей безмѣрной страсти
Какія, рокъ, себѣ предвижу я напасти?

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ.

РОССЛАВЪ.

Какое счастіе неожиданно мной!
Зрю Росса въ сихъ странахъ, зрю друга предъ собой;
Во славѣ нашего подателя закона,
Несуща на себѣ величье Росска трона.
Сомнѣнья нѣтъ, сего посланія вина,
Съ надеждою души Росславовой равна.

ЛЮБОМИРЪ.

Хотя ты, зря меня, веселіе вкушаешь,
Но будешь радостнѣй, когда вину познаешь
Сего нечаянна посланья моего.

РОССЛАВЪ.

Обрадуй Росса ты и друга своего.
Ужель, побѣдой мы на верхъ взнесенны славы,
Возможемъ предписать врагамъ свои уставы?
Ужель Россія зритъ главы согбенны ихъ
Во прахѣ, въ трепетѣ, у страшныхъ ногъ своихъ;
И Любомиръ принесъ ея гремящу волю?

ЛЮБОМИРЪ.

Россія можетъ ли имѣть толь славну долю,
Когда Росславъ отъ ней далеко отлученъ,
Когда ея герой во узахъ заключенъ?

РОССЛАВЪ.

Ты унижаешь тѣмъ россійскихъ храбрыхъ воевъ;
Колико согражданъ, толико тамъ героевъ;
Ты вѣдаешь то самъ. Но чтó жъ виной тому,
Что присланъ Россъ предстать тирану моему?
Зачѣмъ, о Небеса! я вижу Любомира?
Или.... я трепещу!... или просити міра?

ЛЮБОМИРЪ.

Ни міра, ни войны, — Росслава одного.
Смущенный тягостью несчастья твоего,
Нашъ князь, не какъ сіи цари высокопарны,
Владыки гордые, друзья неблагодарны,
Которые за кровь, пролитую за нихъ,
Довольно платой чтутъ для подданныхъ своихъ,
Коль око возведутъ на нихъ благопріятно, —
Имѣя сердце, нашъ властитель, непревратно
То помня и въ твоей несчастливой судьбѣ,
Чѣмъ онъ и общество обязаны тебѣ,
Чтобъ друга своего изъ бѣдства искупить,
И чтобъ отечеству героя возвратить,
Прислалъ меня сюда, то все врагамъ отдать,
Чтó храброю рукой Росславъ возмогъ отъять.
Онъ грады твоему тирану предлагаетъ,
А отъ него тебя единаго желаетъ.

РОССЛАВЪ.

Чтò слышу! за меня онъ грады отдаетъ;
Чтобъ гражданина спасть отмещетъ плодъ побѣдъ,
И, уступая верхъ надъ Россами безъ брани,

Съ прошеньемъ ко врагамъ простеръ съ престола
длани.
О, Христіернъ! о, ты, свирѣпѣйшій тиранъ,
Какъ много злостью я твоею ни попранъ,
То все ничто; лишь тѣмъ мнѣ муки приключаешь,
Что ты сей стыдъ нести мнѣ съ жизнью оставляешь.

ЛЮБОМИРЪ.

Причины не могу отчаянья понять.

РОССЛАВЪ.

Ты Россъ, а ты того жъ не можешь ощущать.
Ты Россъ, а князю ты сего не могъ представить,
Колико можетъ тѣмъ онъ тронъ свой обезславить.
О, стыдъ отечества! Монархъ, свой долгъ забывъ
И санъ величія пристрастьемъ помрачивъ,
Блаженству общества меня предпочитаетъ
И вредъ Россіи всей въ очахъ вельможъ свершаетъ;
А вы, отечества избранные щиты....
А паче Любомиръ, и ты, мой другъ, и ты,
Не общество въ предметъ поставя, князя волю,
Охотно низости подвергли Россовъ долю.
Въ могуществѣ своемъ трепещущи рабы,
Достойны ль вы своей блистающей судьбы?

ЛЮБОМИРЪ.

Но если бъ самъ Росславъ, героя чтя во другѣ,
Имѣя долгъ воздать отечеству заслугѣ,
Во совѣщаніи былъ долженъ избирать,
Спасти, иль общества для пользѣ его предать;
Вспомоществуемый монарха состраданьемъ,
И общества всего усерднѣйшимъ желаньемъ,
Сего героя гробъ отверзтый заперѣть,
Что̀ бъ другу своему назначилъ?

РОССЛАВЪ.

Умереть!
Я друга своего тѣмъ только бъ обезславилъ,
Коль общества во вредъ ему бы жизнь оставилъ.
Но князь за чтó меня, за чтó такъ мало чтитъ,
Что въ даръ отечеству мнѣ жизнь отдать претитъ?
Иль мыслитъ онъ, что такъ мой духъ ослабъ въ плѣ-
неньи,
Что дни мои могу влачить въ уничиженьи;
Что жизнь могу сносить, отечество предавъ?...
Росславъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Росславъ.

ЛЮБОМИРЪ.

Или предательствомъ то можетъ быть сочтенно?
Чтó князь тебѣ велитъ, то должно быть священно.

РОССЛАВЪ.

Какъ кровь за общество мнѣ лить повелѣвалъ,
Ты знаешь, какъ я то священнымъ почиталъ.

ЛЮБОМИРЪ.

Въ награду онъ за то о другѣ сожалѣетъ,
Онъ жизнь тебѣ даетъ....

РОССЛАВЪ.

Онъ права не имѣетъ.
На тронѣ истину и милости храня,
Когда бъ я виненъ былъ, спасти бъ онъ могъ меня;
На человѣка онъ какъ человѣкъ взирая,
Возмогъ бы, строгости законовъ умѣряя,
Виновному свою щедроту изъявить
И сожалѣніемъ Росслава посрамить:
Но въ жертву общества назначенъ я судьбою.
Россія! ты должна торжествовати мною.
Тутъ власть молчитъ, и я изъ власти исключенъ,
Лишь добродѣтели единой посвященъ.

Ничто меня, ничто не можетъ свободити,
Не можетъ повелѣть мой князь мнѣ подлымъ быти....
Жалѣетъ друга онъ, ввергая друга въ стыдъ,
Онъ жизнь даетъ.... Почто умрети не велитъ?
Тогда бы я, сіе услыша повелѣнье,
Къ Росславу бы его познати могъ почтенье,
Когда бъ мой князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ;
Тогда бъ онъ мнѣ, тогда бъ по-царски другомъ былъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Совѣты, можетъ быть, я важны прерываю,
Но шествіе царя къ послу я предваряю.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ХРИСТІЕРНЪ, *окруженный воинами*, КЕДАРЪ, РОССЛАВЪ, ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ, *къ Христіерну*.

Мой князь, предубѣжденъ величіемъ твоимъ,
Не мыслитъ, чтобы онъ былъ въ подданномъ гонимъ;
Чтобъ Готѳовъ сильный царь со Россами спираясь,
Не могши ихъ попрать, во гнѣвѣ унижаясь.
Во гражданинѣ имъ единомъ отомщалъ;

И надъ Росславомъ бы весь громъ свой истощалъ.
Величію царя то было бы несродно;
Почто жъ томить его въ плѣну тебѣ угодно?
Почто? за то ль, что онъ, ступая славы въ слѣдъ,
Отечество свое возвысилъ тмой побѣдъ?
Что имя заслужилъ россійскаго героя?
Онъ должность исполнялъ напасти Готѳамъ строя.
Кто за отечество падетъ съ побѣды въ плѣнъ,
И отъ самихъ враговъ тотъ долженъ быть почтенъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Чтò князю твоему внушаетъ дерзновенье
Предписывать хранить мнѣ къ узникамъ почтенье?
Иль слабые его успѣхи надо мной?
Но то, чтò начато, не кончено войной.
Еще на тронѣ я, еще повелѣваю,
И кромѣ я моихъ законовъ здѣсь не знаю.
Кто мнѣ осмѣлится уставы подавать,
Кто?

ЛЮБОМИРЪ.

Человѣчество, коль можешь ты внимать
Священный гласъ его, самихъ царей судящій.

ХРИСТІЕРНЪ.

Я слышу гнѣва гласъ, продерзостныхъ разящій.

ЛЮБОМИРЪ.

Сей гнѣвъ продерзостныхъ готовый поражать,
До трона Росскаго не можетъ досягать;
И мечъ твой Россіянъ еще не устрашаетъ.
То вѣдаетъ весь міръ и Христіернъ то знаетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Я знаю, дерзостный! но вскорѣ, можетъ быть,
Съ мечемъ предъ воинствомъ я то могу забыть.

ЛЮБОМИРЪ.

Оставимъ, государь, могущей рока волѣ
И храбрости сіе рѣшить на ратномъ полѣ;
А между тѣмъ внемли изъ устъ моихъ въ сей часъ
Побѣдоноснаго ты князя кроткій гласъ.
Успѣхи позабывъ, войной пріобрѣтенны,
Вѣнцы лавровые Росславомъ сплетенны,
Кропя онъ дружества почтеннымъ токомъ слезъ,
Чтобъ лютость умягчить противъ него Небесъ,
Нисходитъ своея побѣды съ колесницы.
Прими ты отъ его простертыя десницы
Всѣ грады отняты отъ царства твоего,
И возврати ему Росслава одного.
Но помни, что не страхъ его къ сему приводитъ;
Что славы столько же онъ въ благости находитъ,
Колико въ мужествѣ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Онъ грады отдаетъ;
Благодарю его, но мнѣ въ томъ нужды нѣтъ.
Царь Готѳовъ милостью его не одолжится;
Чтò отнято мечемъ, мечемъ и возвратится.

ЛЮБОМИРЪ.

Такъ жертвуя твоей лишь гордости одной,
Ты утѣшаешься кровавою войной.
Самъ царь кровь подданныхъ своихъ въ ничто вмѣняетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Даръ князя твоего престолъ мой унижаетъ.
За цѣну меньшую Росслововъ плѣнъ минетъ;
И самъ себя Росславъ отъ тяжкихъ узъ спасетъ,
Коль помня то, чтò онъ, и, отложа упорство,
Открывъ чего хочу, покажетъ мнѣ покорство.

РОССЛАВЪ.

Чѣмъ долженъ я тебѣ? хоть я въ плѣну и слабъ;
Ты Готѳовъ царь, я Россъ, я плѣнникъ твой, не рабъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты плѣнникъ ли, иль рабъ, но ты въ моей днесь власти;
Въ моихъ рукахъ твое и счастье и напасти.

РОССЛАВЪ.

Свобода, жизнь моя во власти суть твоей,
Но ты надъ чувствами души не властенъ сей,
Котора, честности уставы чтя едины,
Не можетъ упадать подъ игомъ злой судьбины.
Ты долгомъ чтишь меня къ измѣнѣ принуждать,
А я — за общество со славой умирать.

ХРИСТІЕРНЪ.

Дерзаешь, своего владыку раздражая,
Предъ нимъ величиться, царя ты унижая.

РОССЛАВЪ.

Иль можетъ правдою царь быти огорченъ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Покорство — часть раба, будь въ оной заключенъ.

РОССЛАВЪ.

Раба?... Одинъ тотъ рабъ, кто, презря добродѣтель,
Корысти покоренъ, безчестія содѣтель.
Хотя бы всею онъ вселенною владѣлъ,
Чѣмъ выше, тѣмъ гнуснѣй позоръ порочныхъ дѣлъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Въ оковы, воины!

Воины налагаютъ на Росслава оковы.

ЛЮБОМИРЪ.

Всѣ права разрушаешь,
И князя моего величье оскорбляешь.

ХРИСТІЕРНЪ.

Коль хочешь, возвратись ко князю твоему,
Какъ мало я его страшусь, сказать ему.

ЛЮБОМИРЪ.

Безстрашенъ буди царь; но чѣмъ сильнѣй властитель,
Тѣмъ больше долженъ быть онъ истины хранитель,
И чтить священнѣйшимъ народныхъ правъ законъ.
Иль можетъ отъ всего освобождати тронъ?
Или, не убоясь въ сіяньи быть наказанъ,
Царь сильный должностью ни коей не обязанъ?
Законовъ первый рабъ, онъ подданнымъ примѣръ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Величію царя на свѣтѣ нѣту мѣръ.

РОССЛАВЪ.

Цари! васъ смерть зоветъ предъ судъ необходимый;
Свидѣтель вамъ — вашъ вѣкъ, судья неумолимый,
Вамъ время будуще, въ которо на вѣсахъ
Вы правды будете судитися въ дѣлахъ, —
Страшитеся сего суда нелицемѣрна!
Васъ мрачный гробъ пріявъ съ величія безмѣрна,
Отколь мрачатъ лучи блистающихъ вѣнцовъ,
Отъемля вашу власть, отъемлетъ и льстецовъ;
И смерть срывая съ васъ багряную порфиру,
Кто вы, являетъ то попранну вами міру.
Тогда вострепещи....

ХРИСТІЕРНЪ, *къ Росславу.*

Ты долженъ трепетать.

Къ воинамъ.

Въ темницу! *Воины отводятъ Росслава.*

ЛЮБОМИРЪ.

Государь....

ХРИСТІЕРНЪ.

Престани раздражать
Царя, котораго ничто не устрашаетъ,
Кой въ гнѣвѣ самъ себя и все позабываетъ;
Ступай, и болѣе твоихъ не тратя словъ,
То знай, чтобъ искупить Росслава изъ оковъ,
Мнѣ ваша не нужна щедрота чрезвычайна,
Нужна единая Росславова лишь тайна.

Любомиръ отходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Съ какою гордостью сей плѣнникъ дерзновенъ,
Стремится раздражать мой гнѣвъ имъ воспаленъ!
Иль въ правду духомъ онъ всѣхъ смертныхъ превосходитъ?
Подпору гордость въ чемъ его себѣ находитъ?
Издавна ты, Кедаръ, обязанъ дружбой съ нимъ;
Тебѣ онъ долженъ былъ спасеніемъ своимъ;
Но днесь щадить его не возмогу я болѣ.

КЕДАРЪ.

Твоей я, государь, его вручаю волѣ.
Упорствомъ раздраженъ, подобно я тебѣ,
Противиться его не буду злой судьбѣ.
Я кротостью склонить надежду всю теряя,
И пользы царскія всему предпочитая,
Днесь самъ прошу тебя упорна наказать.

ХРИСТІЕРНЪ.

Хоть алчу я его на части растерзать,
Но важно тайнство утратить съ нимъ страшуся.
Я прежде средства всѣ употребить потщуся
Во сердцѣ у него сокрытое извлечь,
А послѣ мстящій мой его повергнетъ мечъ.

КЕДАРЪ.

Зафира, возстеня, его отвергнетъ казни.

ХРИСТІЕРНЪ.

Поняти не могу вины ея боязни.
Жалѣнье можетъ ли къ несчастнымъ столько быть,
Чтобъ много такъ себя въ усердьи къ нимъ забыть;
И человѣчество стенящее въ мученьи
Удобно ль произвесть толики въ насъ движеньи?

КЕДАРЪ.

Я, можетъ быть, мрачусь единою мечтой,
Но.... государь, позволь открыти предъ тобой,
Чтó мнѣ усердіе мое къ тебѣ внушаетъ.
Не милосердіе едино побуждаетъ
Зафиру плѣнника отъ грозъ твоихъ спасать;
Отъ жалости одной возможно ль такъ страдать?
Сомнѣнья произвесть въ тебѣ я не желаю;
Но, кажется, сія Зафира....

ХРИСТІЕРНЪ.

Понимаю.
Да вострепещутъ тѣ, мою которы страсть
Стремятся обмануть, презрѣвши царску власть.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Я слышу, государь, и слыша содрогаюсь.
Я, можетъ быть, твоей досадѣ подвергаюсь,
Но трона Готѳскаго царя нужна мнѣ честь.
Чужда была всегда устамъ Зафиры лесть.
Пускай иной, себѣ лишь только благъ желая,
Постыдну для царей свирѣпость похваляя,
Несчастныхъ тяжку часть и паче тяготитъ;
Зафира языкомъ, какъ сердцемъ говоритъ.
Я слышу, гнѣвъ ты свой къ Росславу умножаешь,
Въ темницу ввергъ его и смертью угрожаешь....

ХРИСТІЕРНЪ.

Со огорченіемъ дивлюсь восторгамъ симъ,
Которы ты явишь всегда очамъ моимъ,
За плѣнника сего прегордаго Росслава.
Но что́ тому виной?

ЗАФИРА.

Твоя едина слава.
Что́ скажутъ? что враговъ безсиленъ побѣждать,
Лишь слабыхъ плѣнниковъ ты можешь поражать;
И, притѣсняючи несчастну добродѣтель,
Не въ полѣ ты врагамъ, на тронѣ бѣдъ содѣтель.
Пріявъ достойный духъ величію царей,
Свирѣпство укроти!...

ХРИСТІЕРНЪ.

Погибнетъ мой злодѣй.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗАФИРА, КЕДАРЪ.

КЕДАРЪ.

Въ окаменѣніе симъ словомъ погруженну,
Недвижиму, безъ чувствъ какъ громомъ пораженну,
Зафиру ль вижу я, иль только тѣнь ее?
Открой къ Росславу мнѣ участіе твое.
Ты знаешь, онъ мнѣ другъ: повѣрь свою мнѣ тайну.
Когда бъ!... но счастію сему необычайну
Возможно ль быть.... когда была бы то любовь,
Чтò такъ твой духъ мятетъ, твою волнуя кровь,
Какія бъ радости во грудь мою вліялись;
Къ спасенью друга мнѣ пути бы оказались;
Къ тирану ненависть тогда познавъ твою,
Смѣлѣй бы устремилъ усердну грудь мою
Служити истинной княжнѣ гражданъ несчастныхъ..
Росслава счастье зрю въ твоихъ очахъ прекрасныхъ.
Ты токи слезъ ліешь! падетъ злодѣй, падетъ!
Спасенъ мой другъ!...

ЗАФИРА.

А съ нимъ Зафира оживетъ!
Познай безсмертну страсть, которою сгараю....
Чѣмъ страсть явить? взгляни, увидишь, умираю....
О, мысль смертельная! Росславъ на смерть сужденъ,
И будетъ онъ во гробъ мученьемъ провожденъ.
О, ужасъ! О, Кедаръ! твой другъ на краѣ гроба,
И адомъ на него лютѣйша дышетъ злоба.
Ужъ мечъ взнесенъ — и кровь въ минуту потечетъ!
Твой другъ во сердцѣ семъ отчаянномъ стенетъ,
И умирающи къ тебѣ простерши взгляды,

Во мнѣ твой проситъ другъ спасенія отрады.
Отдай, Кедаръ, мнѣ жизнь и душу возврати!
Коль презришь ты мой стонъ, гдѣ помощь мнѣ найти?

КЕДАРЪ.

И такъ, что любишь ты, нельзя и сомнѣваться?

ЗАФИРА.

Когда невѣрнымъ то возможетъ показаться,
Что я еще живу, что я сей вижу свѣтъ,
Коль нѣтъ во мнѣ души, то и любови нѣтъ.

КЕДАРЪ.

Я вѣрю.

ЗАФИРА.

Но почто сіи свирѣпы взгляды?
Не обманулася ль?

КЕДАРЪ.

Наполнены досады,
Къ злодѣю ненависть глаза мои явятъ.
Ты любишь!... чувствую я весь во сердцѣ адъ!...
Спокойся.... другу я убѣжище открою.....
Готово росскому спасеніе герою;
Поди: злодѣя смерть въ сихъ взорахъ включена.

ЗАФИРА.

Тебѣ, герой, судьба несчастныхъ вручена.

Отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КЕДАРЪ, *одинъ*.

Открылось все теперь, исчезло и сомнѣнье,
Которо иногда мнѣ было въ утѣшенье,
Открылось все! въ любви взаимныя горятъ,

И мнѣ посредникомъ ихъ страсти быть велятъ!...
Я буду, буду вамъ посредникомъ ко гробу!...
Превосходящую мою всѣ мѣры злобу
Глубоко въ сердцѣ скрывъ, тирановой рукой
Повергну мертваго Росслава предъ собой.
Сколь счастливы они и въ самомъ злоключеньи!
Единый милый взоръ прервавши ихъ мученьи,
Затмивъ всѣ варварства ихъ тяжкихъ бѣдъ творца,
Среди страданья имъ вселяетъ рай въ сердца.
А я, я мучуся, отрады не имѣя;
Но вскорѣ обрѣту въ стенаніяхъ злодѣя.
Опровергая все, чтó къ счастью мнѣ претитъ,
Подвигну Шведовъ я съ тираномъ свергнуть стыдъ.
Тиранъ совмѣстникъ мой, тиранъ не пощадится.
Мой духъ съ Зафирою на тронѣ съединится....
Чтобъ прелестей ея не зрѣть въ рукахъ чужихъ,
Не пощажу и сихъ я прелестей самихъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

РОССЛАВЪ *въ цѣпяхъ,* ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ.

Во горести и то считаю въ утѣшенье,
Что зрѣть тебя могу....

РОССЛАВЪ.

Тиранъ свое велѣнье,
Чтобъ мнѣ въ темницѣ быть, опять перемѣнилъ.
Не все ли то равно, я гдѣ бы здѣсь ни былъ?
Двора тиранова чертоги всѣ — темница.
Въ послѣдне солнце зритъ Росславова зѣница.

ЛЮБОМИРЪ.

Се плодъ посланія отъ князя твоего,
Се плодъ усерднаго старанья моего!
Росслава только лишь погибель ускоряю,
Во гнусны узы ввергъ, гробницу отворяю.

РОССЛАВЪ.

Почто смущаешься, меня въ оковахъ зря?
Иль страждетъ честь моя отъ лютости царя?
Я зрю съ презрѣніемъ тираново гоненье;
За общество ношу сихъ узъ обремененье.

Се цѣпи, тѣхъ златыхъ достойнѣе цѣпей,
Которыми цари, во слѣпотѣ своей
Нерѣдко къ своему величію и трону,
Возводятъ низкихъ душъ, гражданъ своихъ къ урону.

ЛЮБОМИРЪ.

И такъ въ упорности самъ гибели вина,
Которая тебѣ тираномъ суждена,
Ты пользѣ общей смерть свою предпочитаешь,
Защитника въ себѣ гражданъ своихъ лишаешь,
И будто утомясь отечеству служить,
Чтобъ кончить тяжку жизнь, не хочешь больше жить.

РОССЛАВЪ.

Давно ли Любомиръ о мнѣ такъ низко мыслитъ?...
Но нѣтъ, мой другъ, меня мой другъ такимъ не числитъ.
Онъ только слабостью лишь дружбы омраченъ
И недостойнѣйшимъ жалѣньемъ удрученъ,
Спасти Росслава дни стараяся напрасно,
Вѣщаетъ то, съ его что мыслью несогласно.
Могу ли жизнію толико пользъ подать,
Колико возмогу дерзая смерть пріять?
Ты знаешь, Любомиръ, могущество тирана,
Подъ игомъ коего сія страна попранна,
Стонаетъ съ Даніей, отечествомъ его,
Ты знаешь, сколько бѣдъ отъ варвара сего,
Въ единовластіе недавно съединенна,
Россія вновь родясь, слаба, неутвержденна,
Изъ праха чуждыхъ рабствъ подъемлюща чело,
Терпѣла, всякое одолѣвая зло;
Ты знаешь, наконецъ ея ослабша сила

Коликой кровію за храбрость заплатила.
Противъ тирановыхъ превосходящихъ войскъ
Чтò могъ россійскихъ чадъ содѣлать сонмъ геройскъ?
Съ мечами умирать, но умирать безплодно;
Погибель намъ влекло то чувство благородно;
Оставило бъ оно на мѣсто всѣхъ отрадъ
Престолъ безъ подданныхъ, отечество безъ чадъ.
Въ такое грозное сынамъ россійскимъ время
Я, сколько могъ держать, поддерживалъ ихъ бремя;
Какъ вѣсть нечаянна восхитила мой духъ!
Достигнулъ до меня отрады полный слухъ:
Что есть еще душа межъ Готѳовъ возвышенна,
Уныньемъ согражданъ во рабствѣ устыженна,
Ихъ алчетъ свободить, мучителя поправъ,
И что изъ мрака узъ возсталъ герой Густавъ.
Тогда Россію спасть открылися мнѣ средства;
И чтобы прекратить скорѣе наши бѣдства,
Я свой направилъ путь ко мстителю сему;
Надежное отверзъ убѣжище ему,
Извѣстное лишь мнѣ; гдѣ скрытъ тиранска зѣва
Готовитъ онъ ему ударъ геройска гнѣва.
Симъ бурный Христіернъ на тронѣ потрясенъ,
Въ стремленіи своемъ на Россовъ умягченъ,
И Шведовъ всякій часъ страшася возмущенья,
Оружье раздѣлилъ для собственна спасенья.
Ты знаешь симъ однимъ Россійская страна
На быстрыхъ крыліяхъ побѣдъ вознесена;
Ты знаешь, ежели Густава я открою,
Россіи измѣню и чести и герою;
И если жизнь мою ничтожную спасу,
Два царства въ жертву я тирану принесу.
Ты знаешь то, мой другъ, а ты того желаешь.

ЛЮБОМИРЪ.

А если средство есть, которо забываешь,
Спастися съ честію, — что скажешь ты, мой другъ?

РОССЛАВЪ.

Тогда отъ радости восхитится мой духъ,
Что жизнь мою могу я съ честію полезну
Еще на жертву несть отечеству любезну;
И что пролитую стократно кровь мою
Для пользы сограждданъ еще я пролію....
Но нѣтъ, то лишь одно мечтанье Любомира.

ЛЮБОМИРЪ.

Любовь, которою къ тебѣ горитъ Зафира,
Услуга, чѣмъ тебѣ обязанъ самъ Кедаръ,
Что все извѣстно мнѣ, отвергнутъ тотъ ударъ.

РОССЛАВЪ.

Какія средства мнѣ къ спасенію находишь?
Любовь несчастную па помощь мнѣ приводишь,
Котора, руку мнѣ свою дерзнувъ простерть,
Не могши спасть меня, затмитъ мою лишь смерть;
И тлѣнность на моемъ свою покинувъ гробѣ,
Угрызнуть честь мою оставитъ жало злобѣ.
Рекутъ, познавъ сію плачевную любовь,
Росславъ одной любви на жертву пролилъ кровь.
А если не забылъ Кедаръ мою услугу,
Коль хочетъ, можетъ онъ подать спасенье другу;
Но я себя къ тому не возмогу склонить,
Чтобъ просьбою себя отъ смерти свободить.

ЛЮБОМИРЪ.

Но если сей Кедаръ Росславу лицемѣренъ,
И' только лишь одной своей корысти вѣренъ,
Коварствуя, тебя желаетъ погубить?

РОССЛАВЪ.

Превыше низостей могу я ихъ простить.

ЛЮБОМИРЪ.

Но я не возмогу; и въ сей же часъ открою,
Чѣмъ Швеція должна россійскому герою.

Хочетъ идти.

РОССЛАВЪ.

Постой! коль правда, что Кедаръ мнѣ измѣнилъ,
Почто же хочешь, чтобъ и я безчестенъ былъ,
И чтобы славы даръ, мной дружбѣ принесенный,
За подлость подлостью обратно возвращенный,
Кедара посрамя и мнѣ бы сдѣлалъ стыдъ?

ЛЮБОМИРЪ.

Сіе Кедаровъ духъ злодѣйскій обнажитъ;
И здѣсь народъ, познавъ, что ты его спаситель,
Противъ тирана твой пребудетъ защититель.

РОССЛАВЪ.

Когда, почтеніе ко мнѣ еще храня,
Не хочешь оскорбить предъ смертію меня,
Оставь, оставь сіе намѣренье безплодно
И дай мнѣ внити въ гробъ отверзтый благородно.

ЛЮБОМИРЪ.

Въ мѣстахъ, гдѣ чести нѣтъ, честь хочешь сохра-
нять,
Мнѣ дружба и мой князь велятъ тебя спасать.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Тиранъ меня прислалъ.... Росславъ! твое спасенье
Зависитъ отъ того.... тиранъ въ ожесточенье
Тобою приведенъ, возноситъ страшный мечъ!
Уже готова смерть съ твоимъ мой вѣкъ пресѣчь;
Но если знаю я, ты страху не причастенъ,
И добродѣтели всегда одной подвластенъ,
Считаешь за ничто мнѣ люту смерть твою;
Но жизнь съ твоей навѣкъ спряженну мою,
Но жизнь Зафиры ты или въ ничто вмѣняешь?
Ты твердостью твоей Зафиру умерщвляешь!
Взгляни на мой ты зракъ, увидишь смерть въ глазахъ.
И душу всю мою, ліющуся въ слезахъ.
Храни твой вѣкъ, его считая мнѣ священнымъ.
Не льстяся счастіемъ, не мнѣ опредѣленнымъ,
Твоею вѣчно быть, желаю ли того?
Единаго прошу спасенья твоего.
Коль любишь ты меня, живи! и я блаженна,
Отъ смерти страшной мнѣ твоей освобожденна,
Дни томны безъ тебя въ уныньи проводя,
Что живъ ты, сердцу въ томъ питанье находя
И чувствуя въ тебѣ я душу отвлеченну,
Снесу жизнь тяжкую разлукой сокрушенну.
Живи не для меня, возлюбленный герой!
Защитникъ общества спасаема тобой,
Храни дражайшій вѣкъ отечеству любезну,
И гордость отложа для Россовъ безполезну,
Тирану покорясь, себя освободи;

Въ семъ униженіи величіе найди;
И, вобразя мое страданье безпредѣльно,
Отверзи таинства сокрытіе смертельно.

РОССЛАВЪ.

Когда бы знала ты, что въ тайнѣ страшной сей
Спасеніе страны заключено моей;
Тогда ты, жизни честь мою предпочитая
И добродѣтелью любовь превозмогая,
Велѣла бъ мнѣ сама позорну жизнь презрѣть,
И, въ гробѣ тайну скрывъ, со славой умереть.

ЗАФИРА.

Велѣла бъ умереть! кто? я? кому? Росславу!
Увы! вкушаючи нѣжнѣйшую отраву,
Могу ли что твоей я жизни предпочесть?
Тебя зрѣть—то мнѣ жизнь, любить—моя то честь!
И то мнѣ смерть, когда Росславъ меня забудетъ.
Что жъ мнѣ тогда во всемъ, когда тебя не будетъ?
Велѣла бъ умереть! ахъ! еслибъ ты, любя
Такъ пламенно меня, какъ я люблю тебя,
Дерзалъ одолѣвать свирѣпость рока злова,
Сего бъ ты не сказалъ ужаснаго мнѣ слова;
И все бы находя во сердцѣ лишь моемъ,
Отечество и долгъ и славу бъ видѣлъ въ немъ.

РОССЛАВЪ.

Сомнѣніемъ твоимъ я только отягчаюсь;
Люблю тебя, люблю.... но я не ослѣпляюсь.
По долгу, счастія противникъ моего,
Достоинъ жалости, не гнѣва твоего.
Жалѣй несчастнаго, кто все съ тобою тратитъ,
Но выше кто любви отечеству долгъ платитъ;
Жалѣй несчастнаго, но подражай ему;
Отважься въ слѣдъ идти Росславу твоему.

Когда бъ ты зрѣть могла, тобою сердце страстно,
Хотя и плѣнное, но должности подвластно,
Увидѣла бъ, княжна, какъ долженъ воздыхать,
Который родился собою примѣръ давать;
Узрѣла бъ, какъ любовь, безплодно ополченна,
Безъ дѣйства сердце рветъ, стенаньями стѣсненна.
Тогда, надъ слабостью превознесясь душей,
Ты славу бъ обрѣла и въ слабости твоей.

ЗАФИРА.

Могу ль мужаться я? увы! Росславъ близъ гроба!
Уже тиранова свой зѣвъ разверзла злоба.
Спаси себя и все, что хочешь, сотворю.
Коль должно, буду я супругою царю.
Я часть мою снесу, какъ будетъ ни сурова,
Спаси себя.... потомъ терзаться я готова.
Спаси.... я слышу шумъ.... тиранъ сюда идетъ,
Предъидетъ страхъ ему, а смерть за нимъ во слѣдъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ХРИСТІЕРНЪ *съ воинами.*

ХРИСТІЕРНЪ.

Ужели жалость въ томъ Зафирина успѣла,
Въ чемъ власть царя до днесь успѣха не имѣла?
Открыто ль таинство? могу ль, его познавъ,
Не быть жестокъ?

РОССЛАВЪ.

Или я больше не Росславъ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Оставимъ лютости; я оными скучаю,
И гнѣвъ, хоть праведный, однако жъ укрощаю.
Съ престола преклоню къ щедротѣ я себя;
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу, — и можешь все имѣти.

РОССЛАВЪ.

Оставь твое сребро, сіи тирановъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца,
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель;
Возьми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель.

ХРИСТІЕРНЪ.

Когда бы ты былъ царь, несчастьемъ ввержень въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ;
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненіи противъ меня дерзая,
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

РОССЛАВЪ.

Я Россъ?

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

РОССЛАВЪ.

Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Внемли.... хочу тебя въ послѣдне пощадить,
И дерзости твоей въ послѣдній разъ простить,
Хочу тебя спасти.... зрю, что тебя смущаетъ,
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ;

Страхъ злобу заслужить отъ князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола,
Чего желаешь ты, скажи?

РОССЛАВЪ.

Ниже престола.

ХРИСТІЕРНЪ.

Умри, злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

РОССЛАВЪ.

На себя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть,
Что можешь ты?

РОССЛАВЪ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

ХРИСТІЕРНЪ.

Увидь мученія, ужъ смерть тебѣ готова,
Когда велю терзать, откроешь все.

РОССЛАВЪ.

Ни слова.

Хотя бы за предѣлъ простерти могши гнѣвъ,
Дышалъ ты муками, какъ ада страшный зѣвъ,
Хотя бы на землѣ ты тартаръ мнѣ устроилъ,
Что бъ сдѣлалъ тѣмъ?—мою бъ лишь славу ты удвоилъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Увидимъ.... воины....

РОССЛАВЪ.

О, Россы!

ЗАФИРА, ***съ ужасомъ.***

Государь!

ХРИСТІЕРНЪ, ***съ яростію.***

Зафира!

ЗАФИРА.

Плѣнникъ онъ, а ты здѣсь сильный царь:
Во власти онъ твоей, не помрачай короны.

ХРИСТІЕРНЪ, ***къ Зафирѣ.***

Смятеніе твое, твой плачъ, твой ужасъ, стоны
Не для меня то все; и вижу ясно я,
Чѣмъ страждетъ днесь душа растерзанна твоя.

ЗАФИРА, ***съ смятеніемъ.***

Кто я? я стражду? нѣтъ.... но ты невинность гонишь....
Но ты.... ахъ! ежели на жалость не преклонишь.
Ты сердца твоего.... когда Росславъ падетъ....
Когда.... остави мнѣ....

ХРИСТІЕРНЪ.

Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь!... воины!....

ЗАФИРА.

Не плачу.... умираю.

Упадаетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

А я ужаснѣйшу мнѣ тайну открываю!
Безсиленъ изъяснить, что̀ въ сердцѣ я терплю,
Лютѣйшей казнію я вамъ сіе явлю;
Въ мученіяхъ своихъ познаете, какъ стражду.
Готовьтеся на смерть, я вашей крови жажду.

Отходитъ, а нѣсколько воиновъ остаются.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА *и воины.*

ЗАФИРА.

Росславъ!....

РОССЛАВЪ.

Зафира!....

ЗАФИРА.

Ахъ, ты гибнешь за меня!

РОССЛАВЪ.

И ты пріемлешь смерть, несчастнымъ духъ плѣня.

ЗАФИРА.

О, верхъ мучительства гонящія судьбины!
О, мысль ужаснѣйша самой моей кончины!
Росславъ умретъ! увы! тиранскихъ жертва злобъ
Не придетъ онъ уже на мой печальный гробъ,
Зафиры хладный прахъ утѣшить воздыханьемъ,
И оживить меня драгимъ воспоминаньемъ!

РОССЛАВЪ.

Я въ гробъ не за одно отечество вхожу;
Участницей любовь во смерти нахожу;
Се что̀ меня крушитъ! но такъ судьбамъ угодно.
Престань рыдать; прервавъ стенаніе безплодно,
Себя Росславовой любовницей яви,
Неколебимостью тирана удиви.

ЗАФИРА.

Великія души твоей я гласу внемлю.
Тобой восхищена, я оставляю землю.
Росславъ меня своей любовницей нарекъ:
Взнесенна словомъ симъ превыше человѣкъ,
Безстрашно слѣдую къ странѣ я неизвѣстной,

Гдѣ встрѣчуся съ твоей душею я небесной,
Гдѣ ты мнѣ замѣнишь красу самихъ небесъ....
Не буду я стонать и лить не стану слезъ.

РОССЛАВЪ.

Мужайся, укрѣпись; меня не ослабляя,
Взирай на смерть мою не мучась, не стоная;
Не обезславь часа послѣдня моего.

ЗАФИРА.

Увидитъ то герой, достойна ль я его.
Съ Росславомъ мнѣ и смерть пріятнѣй какъ порфира.

РОССЛАВЪ.

Прости.

ЗАФИРА.

О, рокъ! *Зафира, нѣсколько отступая, останавливается.*

РОССЛАВЪ, *увидя, что Зафира остановилась.*

Почто ты медлишь здѣсь, Зафира?

ЗАФИРА.

Хочу я мужествомъ наполниться твоимъ;
Хоть мало крѣпости дашь чувствіямъ моимъ,
Которою ты такъ всѣхъ смертныхъ превышаешь,
Которой слѣдовать ты мнѣ повелѣваешь;
Хочу, Росслава зря, Зафиру научить,
Какъ смертью съ нимъ себя безъ стона разлучить,
Безъ горести, безъ слезъ....

РОССЛАВЪ.

Но слезы проливаешь!

ЗАФИРА.

Росславъ возлюбленный, и ты, ты самъ стонаешь!

РОССЛАВЪ.

Стонаю!

ЗАФИРА.

Вспомнивъ, что послѣдній близокъ часъ,
Въ который люта смерть навѣкъ разлучитъ насъ,
Дай сердцу моему ты волю безъ помѣхи
Вкушать въ слезахъ моихъ жестокія утѣхи;
И видя, какъ тебя смертельно я люблю,
За страшны горести, которы я терплю,
Подай награду мнѣ твоимъ драгимъ стенаньемъ.

РОССЛАВЪ.

Коль хочешь, веселись Росславовымъ страданьемъ.

ЗАФИРА.

Престань досадовать, я разстаюсь съ тобой.
Иду я слабости мои сокрыть. *Хочетъ идти.*

РОССЛАВЪ.

Постой!
Остановись еще.

ЗАФИРА.

Продлити хочешь муку.
Чего желаешь ты?

РОССЛАВЪ.

Простри свою мнѣ руку,
Простри, дражайшая, въ залогъ любви твоей,
Отраду дай душѣ растерзанной моей,
Которая тебѣ единой предается.
Послѣдній малый часъ Зафирѣ остается
Отъ дней, которые я Россамъ посвятилъ.
Уже отечеству я долгъ мой заплатилъ;
Лишаяся всего предѣломъ люта рока,
Въ сей только часъ могу любить я безъ порока;
Въ сей краткій часъ, когда, ко смерти осужденъ,
Съ тобою быть могу любовью сопряженъ;

Во всемъ я пламени могу тебѣ казаться.
Живя, не могъ быть твой, могу твоимъ разстаться.

ЗАФИРА.

Вотъ какъ спрягаетъ насъ немилосердый царь:
Свирѣпа смерть—намъ бракъ, гробница—нашъ алтарь!

ЯВЛЕНІЕ V.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, КЕДАРЪ *и воины.*

КЕДАРЪ.

Тиранъ, взволнованный и злобой и любовью,
Алкая и страшась упиться вашей кровью,
Въ свирѣпости своей мной паки утоленъ
И вознесенъ на васъ ударъ остановленъ.
Зафира! ты одна отъ смерти свобожденна;
Но смерть Росславова лишь только удаленна.

ЗАФИРА.

Спасенна ль я, коль нѣтъ спасенія Росславу!
Увидь у ногъ твоихъ.... *Упадаетъ на колѣна.*

РОССЛАВЪ, *поднимая ее.*

Храня мою ты славу,
Не унижай меня прошеніемъ твоимъ;
Когда бъ я истинно Зафирой былъ любимъ,
Коль въ сердцѣ бы своемъ Росслава ощущала,
Иными чувствами она бы то вѣщала.

ЗАФИРА.

Не возбраняй ты мнѣ къ его ногамъ упасть,
Росславъ! мнѣ все то́ Богъ, тебя что́ можетъ спасть.

КЕДАРЪ.

Оставь спасеніе его моей пріязни.

ЯВЛЕНІЕ VI.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, КЕДАРЪ, ЛЮБОМИРЪ *и воины.*

ЛЮБОМИРЪ.

Тиранъ хотѣлъ тебя предати тайно казни,
Но я ему сказалъ: коль виненъ ты предъ нимъ,
Законами на казнь ты долженъ быть судимъ,
Не тайно воспріять преступка воздаянье.
Теперь готовитъ онъ на площади каранье,
Гдѣ всѣ увидятъ то и узритъ самъ Кедаръ....

КЕДАРЪ.

Потщуся отвратить отъ друга сей ударъ.
Но между тѣмъ царя исполнимъ мы хотѣнье:
Росславу предписалъ въ темницѣ заключенье....

РОССЛАВЪ.

Иду.

КЕДАРЪ.

Ты въ узахъ ли, въ темницѣ ль — я твой другъ.
Умѣрь отчаянье, спокой смятенный духъ.

РОССЛАВЪ.

Кто? я отчаянъ? я?... кто честенъ, тотъ спокоенъ.
Одинъ порочный духъ растерзанъ и разстроенъ;
Не могши въ совѣсти убѣжища сыскать,
Не смѣетъ самъ къ себѣ въ напасти прибѣгать.

КЕДАРЪ, *съ смятеніемъ.*

Или ты мыслишь, что тебѣ я лицемѣрю?

РОССЛАВЪ, *съ презрѣніемъ Кедару.*

Ты хочешь, чтобы я тебѣ повѣрилъ?... вѣрю.

Къ Зафирѣ.

Спасенна жизнь твоя — спокойно въ гробъ иду.

Отходитъ, а за нимъ Кедаръ и воины.

ЗАФИРА.

Во гробъ!... Постой.... но я тебя и тамъ найду.

ЛЮБОМИРЪ.

Или отчаянье едино только средство?
Потщимся отвратить ему грозяще бѣдство;
Еще осталась ночь къ спасенію его.

ЗАФИРА.

О, ночь! ужасна ночь для сердца моего!
Но, можетъ быть, она ужасна и злодѣю.
Народъ здѣсь преданъ мнѣ, — я смерти не робѣю.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ темницу.

РОССЛАВЪ, *въ оковахъ.*

Се часъ, послѣдній часъ моихъ приходитъ дней;
Въ послѣдній разъ узрю свѣтъ утреннихъ лучей;
Ужъ мрачныя врата мнѣ вѣчности отверзты;
Ужъ емлетъ косу смерть во грозны смертнымъ персты;
Иду.... къ отечеству любовью подкрѣпленъ,
Утѣшенъ совѣстью и славой озаренъ,
Иду безъ робости, и — смерть! твою пить чашу!
Тобою жизнь мою и паче я украшу;
И показавъ, какъ Россъ свой долженъ вѣкъ кончать,
Тобою положу безсмертія печать....
Съ какимъ спокойствомъ тотъ, о, смерть! тебя встрѣ-
чаетъ,
Кого гласъ совѣсти ничѣмъ не уличаетъ....
О, добродѣтель! все заключено въ тебѣ,
Что праведна душа въ награду ждетъ себѣ;
Отрадъ предвѣчныхъ тѣхъ еще не постигая,
Тобой предчувствуетъ она блаженство рая;
Надежды чистыя лучемъ себя плѣня,

Смерть тихій вечеръ ей прошедша свѣтла дня....
Одной любовію спокойство сердца рушу;
Зафира! ты одна мою колеблешь душу,
Со всѣми прелестьми воображаясь мнѣ.
Я зрю несчастную въ сей варварской странѣ;
Я вижу на моемъ рыдающую гробѣ
И Христіерновой подверженную злобѣ.
Я зрю влекомую какъ жертву къ алтарю,
Немилосердому супругой быть царю.
Я внемлю вопль ея и жалостно рыданье....
Сокройся отъ меня плачевное мечтанье!...
Я слышу стукъ; идутъ.... идутъ меня вести
Ко смерти.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА.

ЗАФИРА.

Наконецъ, могу тебя спасти,
Могу я удалить героя отъ гробницы;
Ступай: отверзта дверь ужасныя темницы.
Любовь народную и все употребя
На то, чтобъ только лишь, Росславъ, спасти тебя,
Отечество, къ вѣнцу я право покидаю;
Что́ мнѣ во всемъ? я все въ Росславѣ обрѣтаю.
Ты видишь токи слезъ текущи изъ очей:
Се слезы радостью пролитыя моей,
Которыхъ сладости я въ первый разъ вкушаю.
О, какъ блаженна я! Росслава я спасаю!
И купно съ нимъ могу отъ сихъ ужасныхъ странъ,

Препроводить его въ жилища сограждан.
Ступай.... но что, Росславъ, ты мнѣ не отвѣчаешь?
Недвижимъ....

РОССЛАВЪ.

Мнѣ бѣжать?

ЗАФИРА.

Тебѣ. Что здѣсь теряешь? —
Оковы, смертну казнь. Я покидаю тронъ,
Отечество, но я не зрю себѣ препонъ.
Росславъ колеблется, а я не размышляю.

РОССЛАВЪ.

Что скажутъ?...

ЗАФИРА.

Что тебя всему предпочитаю,
Что въ свѣтѣ для меня нѣтъ счастья, ни отрадъ;
Что троны безъ тебя, вѣнцы и все — мнѣ адъ;
Что, гдѣ Росславъ со мной, въ какой нибудь судь-
бинѣ,
Мнѣ тамо рай вездѣ, въ лѣсахъ ли, иль въ пустынѣ.

РОССЛАВЪ.

Тебя, дражайшая, какъ душу я любя,
Въ утратѣ свѣта я теряю лишь тебя.
Я вижу счастіе въ тебѣ неизреченно;
Но должностью сіе мнѣ счастье воспрещенно.
Я чувствую, что я, съ тобою сопряженъ,
Превыше бъ человѣкъ на свѣтѣ былъ блаженъ.
Когда бъ мой долгъ съ моей отрадой соглашался,
Съ лучами бъ я небесъ въ твоихъ очахъ встрѣчался.
Въ тебѣ одной я бъ могъ всю благость неба зрѣть;
Но то не для меня.... мнѣ должно умереть!

Мой долгъ, мой строгій долгъ отверзъ межъ нами бездну,
Въ которую паду, терзаючи любезну.

ЗАФИРА.

Какой злодѣйскій долгъ несчастну погубить!

РОССЛАВЪ.

Ты помни жизнь мою, чтобъ смерть мою забыть.
И видя мной примѣръ Россіянамъ устроенъ,
Утѣшься, что я въ гробъ вхожу тебя достоенъ.
Я счастливъ долженъ быть лишь только тѣмъ однимъ,
Что гробъ ты мой почтишь стенаніемъ твоимъ.

ЗАФИРА.

Коль любишь ты меня, страшись! сраженна рокомъ,
Оплачу смерть твою, не стономъ — крови токомъ.
Но, нѣтъ, когда любовь мою вообразитъ,
Росславъ меня, Росславъ такъ люто не сразитъ.
Или Зафирины ему стенанья сладки?
Спѣши. Осталися уже минуты кратки;
Уже спасительной блѣднѣетъ ночи тѣнь;
Багряная заря влечетъ кровавый день.
О, день погибели моей съ тобою купно!
Иль сердце къ жалости Росслава неприступно?
Ты долженъ жизнь мою, жестокій, возвратить;
Хоть благодарностью мнѣ долженъ отплатить,
Когда не чувствуешь ты пламени подобна,
Которымъ лишь однимъ я жизнь питать удобна.
Воспомни, сколько разъ спасала я тебя.
Въ сей лютой крайности всѣ чувства погубя,
И увядающа тобой во цвѣтѣ вѣка,
Могу я снисходить до низости упрека;
И смерти твоея снести безсильна видъ,
Могу дать чувствовать тебѣ укоровъ стыдъ.

Воспомни все мое къ тебѣ благодѣянье,
И жизнью лишь твоей мнѣ сдѣлай воздаянье.

РОССЛАВЪ.

Какой я гнусный даръ Зафирѣ принесу,
Когда безчестьемъ жизнь и робостью спасу;
Когда, позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу,
Плѣненнымъ Россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать.
Или, что̀ злѣй того, я дамъ тирану права,
За жизнь постыдную бѣгущаго Росслава,
Обратно требовать плоды моихъ побѣдъ,
Которы князь мой такъ охотно предаетъ....
Предатель низкій благъ отечества драгого,
Преступникъ долга я толико мнѣ святого;
Ты хочешь, чтобъ я все у ногъ твоихъ забылъ
И цѣлой жизни честь въ минуту погубилъ.
Отчаянъ, потерявъ я славы всю награду,
Гдѣ скроюсь отъ себя и въ чемъ найду отраду?

ЗАФИРА.

Въ моей любви.

РОССЛАВЪ.

Она мнѣ станетъ вспоминать,
Что за нея меня свѣтъ долженъ презирать;
И ставъ виновницей преступковъ всѣхъ Росслава,
Въ чемъ было бъ счастіе, въ томъ будетъ мнѣ отрава.
Я зрю всечасно....

ЗАФИРА.

Нѣтъ, не любишь ты меня!
И тщетно нѣжности Зафириной маня,
Ты и не чувствовалъ ко мнѣ любови вѣчно....
Умри!... коль сердце такъ въ тебѣ безчеловѣчно;

Когда желаешь ты погибели моей,
Умри!... но ты не льстись въ жестокости твоей,
Что лютаго часа въ страданіи дождуся,
Въ который казнію твоею поражуся.
Не мысли ты, что я, надежды всей лишась,
Зря близку смерть твою, умѣренно крушась,
Обыкновенну страсть во сердцѣ заключая,
И смертію моей тебя лишь устрашая,
Могу послѣдній вздохъ Росславовъ пережить,
Чтобъ плакать, а потомъ утѣшенною быть.
Нѣтъ, варваръ! нѣтъ! въ сейчасъ увидишь какъ пылаю;
Узнаешь, какъ люблю, увидя что̀ дерзаю;
Не льстись убѣгнуть въ гробъ отъ смерти моея;
Въ жилище мрачное тебѣ предъиду я,
Гдѣ будетъ насъ судить небесно Правосудье.
Страшись! се острїе отчаянья орудье.

Вынимаетъ кинжалъ.

Когда спасенья мнѣ уже въ Росславѣ нѣтъ,
Оно къ убѣжищу несчастну приведетъ,
И дастъ утѣху мнѣ моей пролитой кровью,
Коль любишь ты меня, карать тебя любовью;
А если видъ любви въ тебѣ обманъ скрывалъ
И къ пущей гибели лишь лесть ты мнѣ являлъ,
Когда, мой слыша стонъ, душа твоя спокойна:
Увидишь ты теперь, того ли я достойна.
Насыться зрѣньемъ симъ и торжествуй, герой,
Виновникъ бѣдъ моихъ зри смерть мою....

Хочетъ заколоться.

РОССЛАВЪ.

Постой!

Постой, жестокая! иду, тебѣ покоренъ.
Я трепещу!... къ чему мнѣ путь тобой отворенъ?

ЗАФИРА.

Ко счастью нашему. Меня коль любишь ты,
Передъ свѣтильникомъ любви падутъ мечты,
Которыми тебя геройство ослѣпляетъ.
Твое мнѣ сердце всю вселенну замѣняетъ;
Коль любитъ такъ Росславъ, какъ онъ мнѣ то твердитъ,
Вселенную ему Зафира замѣнитъ.
Ступай.... но что! иль духъ мой тщетно утѣшался?

РОССЛАВЪ.

Довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался.

ЗАФИРА.

Жестокій!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЗАФИРА.

Любомиръ! соединись со мной
Спасти Росслава.

ЛЮБОМИРЪ.

Нѣтъ, ужъ трудъ напрасенъ твой.
Храня условіе, уставленное нами,
Тебя съ Росславомъ ждалъ за градскими стѣнами,
Гдѣ море, согласясь съ ночною темнотой,
Способствовало намъ желанной тишиной.
Природа дремлюща успѣхъ обѣщавала;
Но злобная душа Кедара не дремала,
Познавъ устроенный отселѣ нами бѣгъ.

Къ Росславу.

Къ спасенью намъ тебя ни малаго нѣтъ средства!

Се твердости твоей печальнѣйшія слѣдства:
Содѣтель бѣдъ твоихъ, ты гибнешь наконецъ.

РОССЛАВЪ.

Не гибну, славы я пріемлю въ даръ вѣнецъ.
Ты смерть за общество бѣдою почитаешь,
А ты, мой другъ, себя ты Россомъ называешь!

ЛЮБОМИРЪ.

Ты твердостью души жестокость сердца чтишь;

Указывая на Зафиру.

Зри скорбь прекрасныя, зри какъ ее разишь;
Свирѣпость вся твоя на ней изображенна;
Подъ игомъ горести несносной отягченна,
Ея стенанія спираются въ груди.
Жди казнь твою въ сей часъ: въ ея кончинѣ жди —
Молчанье смертное уста ея смыкаетъ,
Лишь взорами тебя за лютость укоряетъ.
Виновникъ мукъ ея, зри смерть въ ея глазахъ
И душу нѣжную, текущую въ слезахъ.

РОССЛАВЪ.

Сокройте отъ меня вы ваше сожалѣнье;
Престаньте повергать мой духъ во ослабленье;
Почто о мнѣ рыдать? я съ славой въ гробъ иду
И за отечество отъ варвара паду.
Почто о мнѣ рыдать? безчестья не причастенъ,
Кончаю жизнь какъ Россъ, я страху не подвластенъ;
Но если, вашими стенаньями смущенъ,
Хоть каплю слезъ пролить я буду принужденъ,
Тогда погибну я, но я погибну вами.
Не отнимайте вы слезъ горестныхъ рѣками
Послѣдней въ твердости утѣхи моея.
Не сдѣлайте того, явилъ чтобъ слабость я,
Чтобы тиранъ, меня со свѣтомъ разлучая,

Утѣшился, во мнѣ унынье примѣчая;
Чтобъ въ ярости своей хвалиться онъ возмогъ,
Что Росса онъ своимъ терзаніемъ содрогъ.
Подверженну его безчеловѣчной власти,
Оставьте душу мнѣ моей превыше части.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ, КЕДАРЪ, *съ воинами.*

КЕДАРЪ.

Съ какою горестью несу печальну вѣсть!

ЗАФИРА.

Свершилось все!

ЛЮБОМИРЪ.

Злодѣй!

КЕДАРЪ, *къ Росславу.*

Храня твою я честь,
Нашелъ къ спасенію тебя отъ казни средство.
Коль неминуемо твоей кончины бѣдство,
Коль друга не могу отъ смерти свободить,
Позора горести могу тебя лишить.
Предупреждающій, на площади стыдъ казни,
Прими сей лютый даръ ты отъ моей пріязни

подаетъ ему обнаженный мечь.

И смертью смерть твою безчестну отжени.

РОССЛАВЪ.

Поди и даръ ты сей для подлыхъ душъ храни,
Которы суждены пріять достойну кару,
Главу злодѣйскую смертельному удару
Предъ окомъ общества страшатся предъявить.

Не казнь, одинъ порокъ лишь долженъ насъ стыдить.
Да узрятъ смерть мою всѣ общества и царства.

КЕДАРЪ.

Ты дружбы моея....

РОССЛАВЪ.

Оставь твои коварства
И часть мою свершай.

ЛЮБОМИРЪ, *къ Кедару.*

Тирана гнусный рабъ!...
Но душу описать твою языкъ мой слабъ.
Одинъ небесный громъ такихъ, какъ ты, карая,
Тò можетъ изъяснить, Кедара истребляя.

КЕДАРЪ.

Но дерзновеніе въ тебѣ отколь сіе?

ЛЮБОМИРЪ.

Мнѣ право подаетъ безчестіе твое
Открыть въ сей часъ твою злодѣйствомъ душу черну.
Не вѣренъ другу ты, невѣренъ Христіерну,
Княжны несчастныя прельщаясь красотой,
Во тайной ярости коварною рукой,
Завѣсой дружбы скрывъ намѣренія злобны,
Къ успѣху всякія считалъ пути удобны,
И ты губишь.... кого? свирѣпѣйшій злодѣй! —
Кто, откровенностью обманутый своей,
Превыше всѣхъ коварствъ, не зря твою отраву,
Съ побѣдой уступилъ тебѣ свою здѣсь славу;
Подъ именемъ твоимъ кто спасъ сію страну
Росслава!...

ЗАФИРА.

Небо! зря ужасну толь вину
Днесь молніи своей на казнь ему не мещетъ!
Росславъ умретъ, а онъ!...

РОССЛАВЪ.

Увидь, какъ онъ трепещетъ, —
Се казнь его! и зря души моей покой,
Онъ страждетъ, я счастливъ оплаканный тобой.
Величья своего сіянія въ срединѣ
Онъ, можетъ быть, моей завидуетъ судьбинѣ;
И гласа совѣсти не могши истребить,
Удобенъ ли онъ такъ, какъ я, счастливымъ быть?

КЕДАРЪ, *къ воинамъ.*

Свершайте, царскому покорствуя уставу!

Воины приступаютъ вести Росслава.

ЗАФИРА.

Куда, куда его влекутъ?

КЕДАРЪ, *съ яростію.*

На смерть!

Зафира упадаетъ.

РОССЛАВЪ.

На славу.

Къ Зафирѣ.

О, ты, которую мой рокъ не мнѣ судилъ,
Которую всего я болѣе любилъ,
Единый только долгъ тебѣ предпочитая,
Владычествуй собой, печаль одолѣвая.
Мой гробъ въ глазахъ моихъ блистательнѣй какъ тронъ.
Вселенной тамъ найду почтенье и твой стонъ.
О, коль безцѣнная за смерть мою награда!

Къ Любомиру.

А ты, отеческа, мой другъ, достигнувъ града,
Вѣщай мою, вѣщай къ отечеству любовь;
Что жертвой малою мою я чтилъ бы кровь;
Но, съ жизнію моей Зафиру я теряю.
Я больше дѣлаю, какъ только умираю....

Напомни Россамъ, какъ я долгъ хранить умѣлъ;
Что польза ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
Блаженъ, и всѣхъ моихъ желаній тѣмъ достигну,
Коль смертію моей ихъ къ ревности подвигну
Стремиться доступать безсмертія вѣнца....
Но мнѣ извѣстны суть моихъ гражданъ сердца.
Россію до небесъ взнесенну воображаю!
Наполненъ мыслью сей, съ восторгомъ жизнь кончаю.

Кедаръ съ воинами отводятъ Росслава.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЗАФИРА.

Гдѣ я?... Росславъ!... гдѣ ты? мнѣ твой не слышенъ
гласъ.
Увы! свершилось все.... въ сей часъ, въ сей страшный часъ
Надежда для меня во гробѣ лишь осталась.

ЛЮБОМИРЪ.

Еще не вся твоя надежда миновалась:
Тревожитъ тайный слухъ обрадованный градъ,
Что свергнется въ сей день тиранъ со трона въ адъ;
И что уже Густавъ, Росславомъ сохраненный,
Къ спасенію гражданъ геройствомъ устремленный,
Летитъ со вѣтрами по Бельтовымъ волнамъ.
Какою помощью герой сей будетъ намъ!

Когда бы только лишь найти удобны средства
На мало удалить грозящей казни бѣдства;
Не тратя сихъ минутъ, спѣши народъ узрѣть.

ЗАФИРА.

Бѣгу Росслава спасть, иль купно умереть.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХРИСТІЕРНЪ, КЕДАРЪ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Волненье гнѣва гласъ въ гортани пресѣкаетъ.
Все сердце изъ меня на мщенье излетаетъ!
Зафира!... можно ли сіе снести царю?...
Тебѣ, Кедаръ, тебѣ мой другъ благодарю:
Я прозорливостью усердной мнѣ твоею
Жертвъ ярости моей въ моихъ рукахъ имѣю.
Ничто измѣнницу ужъ больше не спасетъ;
И сами прелести ей въ пущій служатъ вредъ;
Вину ея краса лишь только умножаетъ,
И всю мою любовь во злобу превращаетъ.

КЕДАРЪ.

Злодѣйство страшное! но слабая княжна
Не столь виновною казатися должна.
Росславъ, одинъ Росславъ исполненъ гнусной лести,
Невинну обольстивъ наружностію чести,
Достоинъ злѣйшу смерть въ мученіяхъ вкусить.
Тѣмъ паче должно казнь его скорѣй свершить,
Что тайну самъ Густавъ, явяся, открываетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

О, вѣсть ужасная!

КЕДАРЪ.

Все слухъ сей подтверждаетъ;
Ужъ полонъ здѣшній градъ опасною молвой,
Что вскорѣ надъ твоей монаршею главой,
Вдали ревущій громъ, обрушась, явно грянетъ,
И что Густавъ сюда со воинствомъ предстанетъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Кедаръ! днесь должно мнѣ усердіе явить
И тайно моего злодѣя погубить.
Ты знаешь, отъ моихъ сѣтей судьбой спасенный,
Народомъ какъ любимъ Густавъ предерзновенный.
Надежды нѣтъ его открытно поразить:
Иными средствами намъ должно побѣдить.
Гдѣ храбрость немощна, тамъ нужны суть коварства;
Твердѣе ратныхъ силъ сіи подпоры царства.
Въ сей крайности моей взлагаю на тебя,
Мнѣ тронъ мой сохранить, Густава истребя.
Ступай и избери къ корысти прилѣпленныхъ,
Продажныхъ оныхъ душъ и чести отчужденныхъ,
Которымъ Богъ — сребро; сокровищъ не щади
И блескомъ золота ихъ очи ослѣпи;
Блистай предъ гордыми высокихъ сановъ славой;
Да вооруженные желѣзомъ, иль отравой
И пресмыкаяся по скрытнѣйшимъ тропамъ,
Зміи, къ Густавовымъ приползшія стопамъ,
О счастьи своего царя за мзду радѣя,
Ужалятъ моего лютѣйшаго злодѣя.

КЕДАРЪ.

Не мысли, государь, чтобы въ толпѣ рабовъ
Ты вѣрныхъ не имѣлъ, изъ коихъ всякъ готовъ,

За честь тебѣ служа, со искренней любовью,
Пожертвовать какъ другъ тебѣ своею кровью.

ХРИСТІЕРНЪ.

Какъ другъ, не льщусь имѣть друзей въ рабахъ моихъ;
Корысть мнѣ ихъ дала, корысть отыметъ ихъ.
Нѣтъ нужды, изъ чего намъ польза истекаетъ;
Все свято для меня, что тронъ мой утверждаетъ:
И мнѣ ли чувствія разборчивы имѣть;
Любовью, страхомъ ли, лишь только бы владѣть.

КЕДАРЪ.

Коль ревности успѣхъ отвѣтствовати станетъ,
То вскорѣ страшный сей Густавъ дышать престанетъ.
Но между тѣмъ Росславъ, во бурныхъ сихъ стѣнахъ
Возможетъ, государь, грозы умножить страхъ.
Вели отъяти въ немъ Густаву сильно средство;
Вели его карать и тѣмъ убави бѣдство.

ХРИСТІЕРНЪ.

Поди, представь ты мнѣ съ Зафирою его.

КЕДАРЪ.

Брегися, государь, ты гордаго сего,
Во мщеніи твоемъ внимая гнѣва жару,
Подвергнуть тайно здѣсь смертельному удару.
Не должно робости народу тѣмъ явить;
Но смѣлой казнію градъ должно изумить.
Ударь передъ лицемъ къ смятенью склонной черни;
Въ сей часъ кровавою завѣсою задерни
Ея надежды лучъ; на площади лей кровь.

ХРИСТІЕРНЪ.

Представь преступниковъ; хочу я ихъ любовь,
Во ужасъ претворя, симъ зрѣньемъ насладиться.
Всегда успѣетъ кровь противная пролиться.
Или несчастіе велико умереть?

Хочу напредь я ихъ страданіе узрѣть;
Хочу, изобличa Росслава преступленье,
Отъяти у него послѣдне утѣшенье,
Что̀ въ добродѣтели одной влагаетъ онъ;
Хочу Зафиры я услышать горькій стонъ.
Поди!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХРИСТІЕРНЪ, *одинъ*.

Безумствуя, княжна, въ позорной страсти,
Почувствуешь въ сей часъ моей всю тягость власти!
Владыку своего дерзая прогнѣвлять,
Почувствуешь, меня какъ страшно оскорблять.
Тебя принудивъ снесть любовника терзанье,
Въ немъ сдѣлаю тебѣ достойно наказанье;
Въ страданіяхъ его — чѣмъ устрашу весь градъ,
Предъ смертію твоей ты вкусишь смерть стократъ.
Потомъ.... но нѣтъ.... тебѣ я люту жизнь оставлю,
И смертію тебя отъ бѣдства не избавлю.
На гробѣ вражескомъ, прогнѣванный твой царь,
Воздвигнетъ брачный здѣсь для мукъ твоихъ алтарь;
Съ тобой спрягусь, презрѣвъ твои сопротивленья,
Спрягусь не для любви, а только для отмщенья.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХРИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, РОССЛАВЪ, *въ оковахъ, и стражи.*

РОССЛАВЪ.

Зачѣмъ меня призвалъ? Скорѣе, погубя,
Избавь отъ мерзости взирати на тебя,
Избавь, тиранъ!...

ХРИСТІЕРНЪ.

Какой гордынею, надменный,
Ты можешь, подлою измѣной обличенный,
Являть невинности спокойно торжество?
То сердца твоего велико божество,
Что такъ ты обожалъ, гдѣ дѣлась добродѣтель?
Злодѣйскихъ козней ты коварнѣйшій содѣтель,
Не за отечество днесь будешь умирать.

РОССЛАВЪ.

Тиранъ! тебѣ ль меня порочнымъ почитать,
Тебѣ?...

ХРИСТІЕРНЪ.

Но какъ назвать твои преславны дѣйства,
Съ княжной твой гнусный бѣгъ и хитрыя злодѣйства?
Не ты ль, презрѣвши честь Зафиры твоея
И страстью пользуясь княжны, не ты ль...

РОССЛАВЪ.

Не я.
Когда бъ я шествовалъ путемъ бездѣльства къ счастью,
Давно бъ престалъ меня терзать твоей ты властью,
Давно бъ, когда бъ хотѣлъ, съ Зафирой сопряженъ,

Въ отечествѣ я могъ безъ славы быть блаженъ;
Но я твои пути ко счастью презираю.
Несчастенъ и гонимъ, но честенъ умираю.

ХРИСТІЕРНЪ.

Ты честенъ! Можетъ ли злодѣй сіе сказать?

РОССЛАВЪ.

Окончи клевету, начавъ меня терзать.
Тирана низости прощаю я сомнѣнье;
И Христіерново не нужно мнѣ почтенье.
Хотя на тронѣ ты, хотя во узахъ я,
Пусть міръ у ногъ твоихъ, — со мною честь моя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Въ злодѣйствіи твоемъ величиться дерзаешь!
Умри, злодѣй, умри!

ЗАФИРА.

За что его караешь?
Считая за порокъ одну безчестья тѣнь,
Тѣмъ развѣ виненъ онъ, что я его въ сей день
Кончину лютую оплакивати буду?
Невидяща ему спасенья ни откуду,
На все дерзающа въ отчаяньи моемъ,
Противъ тебя, тиранъ, виновна я во всемъ:
Чтобы его спасти, я стражу обольстила,
Темницу страшну я герою отворила, —
Но духъ Росславовъ все въ ничто преобратилъ.
За то ль его разишь, что слишкомъ честенъ былъ;
Что въ узахъ, но своей не покоряясь долѣ,
Превыше онъ тебя сѣдяща на престолѣ?
Коль должно наказать, карай меня одну,
Безмѣрну страсть мою считая за вину,

Ту страсть, которую родила добродѣтель.
Кровавыхъ ты злодѣйствъ въ вѣнцѣ моемъ содѣтель,
Коль хочешь ты моей руки достоинъ быть,
Дай только жизнь ему, — все, все могу забыть!
Клянусь у ногъ твоихъ, о, царь немилосердый!...

Становится на колѣна.

РОССЛАВЪ.

Ты слово мнѣ дала, что духъ Росслава твердый,
Который со твоимъ любовью сопряженъ,
Не будетъ никогда тобою униженъ.
Я чаялъ, за любовь лишь только сей награды;
Но ты меня и той лишаешь днесь отрады....
Воззри ты на меня, возстань и кончи стонъ.
Не жизни, чести намъ несносенъ лишь уронъ.

ЗАФИРА.

На жертву славы ты моей потребуй крови,
Я всю ее пролью, во знакъ моей любови;
Но видѣть смерть твою... оставь мнѣ то, герой...
Въ Зафириной душѣ нѣтъ твердости такой.

ХРИСТІЕРНЪ.

Твои страданія, рыданье, слезы, стоны,
Къ спасенію его суть вящшія препоны.
Умретъ....

ЗАФИРА.

Постой, тиранъ! престану я рыдать;
И сей утѣхи я не буду ужъ вкушать...
Чтó должно мнѣ еще, о, царь безчеловѣчный?
Скажи.... Суди меня, суди на муки вѣчны!
Коль хочешь, повели твоей супругой быть:
Исполню все, чтобы Росслава свободить.

Ты кровію моей алкаешь ли упиться? —
Вотъ грудь и вотъ кинжалъ... все можетъ совершиться.
Въ минуту кровь — твоя отрада — потечетъ.
Въ минуту ты меня увидишь мертву....

ХРИСТІЕРНЪ.

Нѣтъ!
Онъ долженъ умереть; онъ кровію заплатитъ
За слезы, что̀ о немъ при мнѣ Зафира тратитъ...

Къ воинамъ.

Отъ глазъ моихъ на смертѣ влеките вы его...

Воины Росслава отводятъ.

ЗАФИРА.

Постой... страшись, тиранъ, меня лишить всего!
Страшись отчаянья растерзанной тобою!
Страшись узрѣть меня въ моей странѣ княжною!
Иду въ сей страшный часъ, народа предъ лицемъ,
Твои злодѣйствія, закрытыя вѣнцемъ,
Исчисля, и мои представя къ трону права,
Когда не возмогу освободить Росслава,
Разрушить сей престолъ тобой окровавленъ,
Чтобъ ты, въ сей день его паденьемъ подавленъ,
Ужасной смертію лишенъ моей державы,
Низверженъ съ трона въ прахъ, безъ жизни и безъ славы,
Гнушеньемъ смертныхъ всѣхъ въ развалинахъ лежалъ;
Чтобъ всякъ тиранъ, зря смерть твою, вострепеталъ!

ХРИСТІЕРНЪ *къ воинамъ.*

Остановите здѣсь безумствомъ ослѣпленну!

ЗАФИРА *къ воинамъ, удерживающимъ ее.*

Прострите на княжну вы руку дерзновенну
И смертью, вами здѣсь рожденной обладать,

Стремитесь въ робости тирану угождать.
О, гнусные рабы счастливаго злодѣя!
Пронзите грудь мою, и, крови не жалѣя
Властителей своихъ оставшейся во мнѣ,
Вы ползайте предъ нимъ въ отеческой странѣ!...
И такъ Росслава спасть старанье все безплодно....
Владѣй, тиранъ, владѣй, коль Небу то угодно,
Чтобы въ порфирѣ тигръ невинность пожиралъ
И честь и святость правъ ногами попиралъ;
Коль царствуетъ порокъ, а добродѣтель мертва;
Когда иль все—тиранъ, иль все на свѣтѣ—жертва,
Владѣй, блаженствуй, сей тебя достоинъ свѣтъ.
А я, которой здѣсь пристанища ужъ нѣтъ,
Гнушаясь скипетромъ, тираномъ оскверненнымъ,
И свѣтомъ силѣ лишь одной порабощеннымъ,
Гдѣ счастіе даетъ злодѣйствію успѣхъ,
Гдѣ я въ Росславѣ всѣхъ лишаюся утѣхъ,
Гдѣ Небу жалобой скучаю я напрасной,
Я жизнь, отъ Неба сей несчастнымъ даръ ужасной...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, АДЕЛЬ.

АДЕЛЬ, *съ поспѣшностію входя.*

Все гибнетъ, государь, весь городъ возмущенъ;
Освобожденъ Росславъ, Густавъ у градскихъ стѣнъ!

ХРИСТІЕРНЪ.

Что слышу!... но Кедаръ?

АДЕЛЬ.

Растерзанный на части,
Упалъ сей твердый щитъ твоей монаршей власти.

ХРИСТІЕРНЪ.

Чіею дерзкою рукою?

АДЕЛЬ.

Весь народъ,
Повиновенія расторгнувши оплотъ,
Въ его крови омылъ убійственныя руки.
Уже Росславу въ казнь готовы были муки,
Въ уныніи, Стокгольмъ удара ожидалъ,
Который гордому Росславу угрожалъ.
Се Россkій вдругъ посолъ летитъ на мѣсто лобно.
«Кого,» кричитъ, «кого караете такъ злобно?
Героя, коимъ градъ недавно сей спасенъ,
Которымъ самъ Кедаръ къ побѣдѣ вознесенъ!
Кедаръ, врагъ честности, его заемля славу,
Подъ лестнымъ дружествомъ готовилъ смерть Росславу.
Росславъ Густаву другъ, а Христіерну врагъ.»
Едва онъ рекъ сіе, вдали крутится прахъ;
Оружій видѣнъ блескъ и слышны трубны звуки.
На небо Любомиръ, тогда воздѣвши руки,
«О, Готѳы!» вопіетъ, «приспѣлъ спасенья часъ;
Внемлите мужества тирану грозный гласъ;
Густавъ у вашихъ вратъ васъ въ помощь призываетъ.»
Народъ волнуется и все опровергаетъ.
Неустрашимъ Росславъ, имѣя мечъ въ рукахъ,
И гордо грудь неся, сугубитъ бури страхъ.
Всѣ ратники твои отвсюду притѣсненны,
Едва противятся, силъ, бодрости лишенны.

Предстань имъ, государь! ихъ взоромъ ободря,
Яви бунтующимъ ты грознаго царя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Почто не возмогу въ сей часъ, во гнѣвѣ яромъ,
Весь городъ истребить однимъ ударомъ.

ЗАФИРА.

Тиранъ! коль хочешь жить, раскайся наконецъ:
Сойди со трона здѣсь, сложи не твой вѣнецъ.

ХРИСТІЕРНЪ.

Доколь еще во мнѣ хоть капля крови будетъ,
Дотолѣ Христіернъ, что царь онъ, не забудетъ.
Коль мнѣ оставить тронъ предписано судьбой,
Низверженный вѣнецъ падетъ съ моей главой.
Но ты не льстись моей напастью утѣшаться,
Со мною ты должна во гробѣ сочетаться.

ЗАФИРА.

Рази! коль живъ Росславъ, сладка мнѣ смерть моя.

ХРИСТІЕРНЪ.

Я слышу шумъ.... Умри!

Хочетъ заколоть Зафиру.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХРИСТІЕРНЪ, ЗАФИРА, РОССЛАВЪ *съ народомъ.*

РОССЛАВЪ, *стремительно вбѣгая, вырываетъ мечъ изъ рукъ Христіерна.*

Прешла здѣсь власть твоя!
Тиранъ! ты въ градѣ семъ уже не страшенъ болѣ:
Густавъ отечества спаситель на престолѣ.

ЗАФИРА.

Росславъ! спаситель мой!

ХРИСТІЕРНЪ.

Исторгнувъ скиптръ изъ рукъ,
Исторгни жизнь мою; скорѣй избавь отъ мукъ
Зрѣть повелителемъ въ той области Росслава,
Гдѣ Христіернова была громка держава.

РОССЛАВЪ.

Имѣя жизнь твою во власти я моей
И право мстить тебѣ, лютѣйшій мой злодѣй,
Не мысли, чтобы я, забывъ къ себѣ почтенье,
Унизился платить гоненьемъ за гоненье.
Тиранъ, утратившій корону со главы!
Узнай сейчасъ во мнѣ всѣ Россы каковы.
Доволенъ, что я здѣсь, способствуя герою,
Спокойство моему отечеству устрою;
Что смертнаго на тронъ я сей странѣ дарю,
Съ душей и чувствами пристойными царю.
Забвеньемъ бѣдъ моихъ злодѣю отомщаю;
Тирана презиралъ, а слабому прощаю —
Живи, гонитель мой.

ХРИСТІЕРНЪ, *приближаясь къ Росславу.*

Во мзду твоихъ щедротъ
Я съ дара твоего сберу достойный плодъ.
Чтобъ трона наградить хоть мало мнѣ утрату,
За жизни даръ моей, прими ты смерть въ отплату.

Вынувъ сокрытый кинжалъ, бросается на Росслава; но народъ, становяся между нимъ и Росславомъ, не допускаетъ.

О, рокъ! послѣднихъ ты отрадъ меня лишилъ
И всю твою на мнѣ жестокость совершилъ!

Со страхомъ на мою судбину я взираю;
Лишенный скипетра, безъ мести умираю.

Закалается; воины его поддерживаютъ.

Такъ есть на свѣтѣ власть превыше и царей,
Отъ коей и въ вѣнцѣ не избѣжитъ злодѣй.

Христіерна отводятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

РОССЛАВЪ, ЗАФИРА, ЛЮБОМИРЪ.

ЛЮБОМИРЪ.

Спокойно все теперь; подъ властію Густава
Равно съ блаженствомъ здѣсь твоя простерта слава.
Тебя алкаютъ зрѣть вельможи, царь, народъ:
Ступай въ сей часъ вкусить твоей заслуги плодъ,
Ступай достойное принять благодаренье, —
Награды ждутъ тебя, торжественно почтенье.

РОССЛАВЪ.

Не требую я сихъ ничтожныхъ толь наградъ
Въ даръ пышной гордости блистающихъ отрадъ.
Для добродѣтели одной я благъ содѣтель,
Меня и наградитъ едина добродѣтель.
И чѣмъ утѣшенну мнѣ можно больше быть —
Могу еще, могу отечеству служить,
И сердце я мое Зафирѣ посвящаю.

ЗАФИРА.

Въ твоемъ я сердцѣ тронъ и жизнь пріобрѣтаю.

ВЛАДИСАНЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ХОРАМИ.

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ.

—

Твоей чувствительной душѣ и благородной
Я отдаю сіе твореніе на судъ.
Ермоловъ! ежели ты, въ часъ тебѣ свободный,
Читая слабый мой, несовершенный трудъ,
Найдешь въ немъ тó, съ чѣмъ твой быть можетъ духъ согласенъ, —
Не тщетно склонностью ко Музамъ я влекомъ,
Къ Парнасу тяжкій путь мой будетъ не напрасенъ,
И чувствіе твое пребудетъ мнѣ вѣнцомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ВЛАДИСАНЪ, князь славянскій, котораго мертвымъ почитаютъ.
ПЛАМИРА, супруга его.
ВЕЛЬКАРЪ, младенецъ, ихъ сынъ.
ВИТОЗАРЪ, первый вельможа.
ИЗБАРЪ, Витозаровъ наперсникъ.
ВАМИРЪ, старикъ, преданный Владисану.
ЗЕНИДА, наперсница Пламирина.
НАРОДЪ.
ВОИНЫ.

Дѣйствіе въ Славянскѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны переходы изъ княжескихъ чертоговъ къ гробницѣ, сооруженной Владисану.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМИРА, *въ черномъ одѣяніи, на колѣнахъ, уклоненная и плачущая надъ гробомъ; подлѣ нея* **ЗЕНИДА**, *народъ.*

Печальный ХОРЪ *народа.*

Чтò, смерть, твоей осталось злобѣ?
Властитель нашъ, отецъ, во гробѣ!

Когда бъ, отъявъ отъ нашихъ дней,
О, рокъ! ты князя вѣкъ умножилъ:
Разя, ты въ лютости твоей,
Нимало бъ насъ не востревожилъ.

Чтò, смерть и проч..

ЗЕНИДА, *къ народу.*

Славяне! кончите вы сей плачевный стонъ:
Пламиры горести усугубляетъ онъ.
Довольно своего усердія явили;
Пребудьте такъ, какъ вы всегда ей вѣрны были.
Подите. *Народъ уходитъ.*

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМИРА, ЗЕНИДА.

ЗЕНИДА.

Хоть на часъ прерви сей слезный токъ,
Которымъ ты винишь тебя гонящій рокъ;
Хоть мало утоли души твоей страданье,
И, вспомня, что въ тебѣ народа упованье,
Взойди опять на тронъ къ блаженству ты его,
Отъ гроба удалясь супруга твоего;
Гдѣ тщетный плачъ твой вѣкъ лишь-только прекращаетъ,
А Владисана тѣмъ уже не возвращаетъ.

ПЛАМИРА.

Не возвращаю тѣмъ! О, страшна бездна зла!
Ахъ! если бы его я возвратить могла,
Не стала бъ наполнять сихъ мѣстъ моимъ рыданьемъ.
Чтя жизнь мою на то небеснымъ дарованьемъ,
Чтобъ тратою ея супруга оживить,
Въ отчаяньи, боговъ не стала бъ я винить,
И Владисана жизнь моею искупая,
На смерть бы шла, мою судьбу благословляя.

Но все погибло, все!... моихъ подъ игомъ золъ,
У гроба плачущей не нуженъ мнѣ престолъ.
Отраднѣй прежняго мнѣ княжеска жилища
Сей гробъ — мой будетъ тронъ, а слезы, только пища.

ЗЕНИДА.

Въ безмѣрной горести, не видя ничего,
И скипетръ отложа правленья твоего,
Въ отчаяньи своемъ и тò позабываешь,
Что купно ты съ собой и сына погубляешь.
Подобье твоего супруга твой Велькаръ,
Младенецъ долженъ ли снести судьбы ударъ,
Которымъ мать его на тронѣ пораженна?
И такъ, Велькара мы, тобой не сохраненна,
Вовѣкъ не будемъ зрѣть въ сіяніи вѣнца!
Сей сынъ, несчастный сынъ отечества отца,
Сія послѣдня вѣтвь Пламиры славна рода,
Для пущей горести отчаянна народа,
Тобой оставленна, увянетъ и падетъ.

ПЛАМИРА.

Почто не жить ему, коль мать его умретъ?
Почто.... Зенида, ты мнѣ сердце раздираешь!
Какія гибели ты сыну предвѣщаешь?

ЗЕНИДА.

Вельможа гордый сей, коварный Витозаръ,
Ты знаешь, твоего желая сердца въ даръ,
Не столько страстію любовной уязвленный,
Колико жаждою гордыни воспаленный,
Алкалъ, супругомъ ставъ твоимъ, взойти на тронъ.
Преграды гордымъ нѣтъ. Ни совѣсть, ни законъ
Въ его намѣреньяхъ, — ничто не воспрещаетъ.

ПЛАМИРА.

Тебя сомнѣніе мечтою устрашаетъ.
То правда, Витозаръ, равно какъ Владисанъ,
Желая княземъ быть славянскихъ гордыхъ странъ,
Когда, оставшись я одна князей отъ рода,
Должна была себѣ, къ правленію народа,
Въ супруги избирать изъ подданныхъ моихъ, —
То правда, Витозаръ, въ желаніяхъ своихъ,
Супругомъ быть моимъ тогда не сокрывался;
Своей заслугой онъ къ сей чести ободрялся;
И ставить не могу сего ему въ порокъ.
Но послѣ, какъ ему препятствующій рокъ,
Во Владисанѣ дней моихъ включа блаженство,
Въ семъ смертномъ мнѣ явилъ безсмертныхъ совершенство;
Какъ сердцемъ онъ моимъ къ престолу избранъ былъ,
То Витозаръ ему все право уступилъ.
Подъ игомъ должности свои стѣсняя страсти,
Скрѣпясь, безъ ропота, своей подвергся части.
Усердна подданна въ соперникѣ казалъ
И на чредѣ своей съ повиновеньемъ сталъ.
Ты знаешь, вся сія страна тому свидѣтель,
Какъ ставитъ Витозаръ высоко добродѣтель;
Такъ сыну бѣдства нѣтъ; едина только мать
Судьбой осуждена въ мученьи умирать.

ЗЕНИДА.

Имѣя отъ боговъ къ престолу рѣдки свойства,
Всѣ добродѣтели для подданныхъ спокойства, —
Ты хочешь матери народъ въ себѣ лишить.

ПЛАМИРА.

Онъ долженъ не меня, однихъ боговъ винить.
Величье, счастіе, что ни-было священно,

Все сей снѣдаетъ гробъ, все въ гробѣ заключенно!
Могу ли я владѣть и видѣть солнца свѣтъ? —
На тронѣ, на землѣ ужъ Владисана нѣтъ!
На тò ли облекусь въ сіяющу порфиру,
Чтобъ горестну жену явить въ коронѣ міру?
И подданнымъ глася стенанье — не законъ,
Не помня и себя, въ тоскѣ унизить тронъ?
О, память лютая плачевнѣйшаго вида!
О, часъ! о, страшный часъ! воспомни ты, Зенида,
Ударъ мнѣ данъ рукой нежалостныхъ боговъ;
Когда, исшедшаго на брань противъ враговъ,
Супруга я ждала съ побѣдою, во славѣ,
Готовя радости во всей моей державѣ.
Успѣха нашихъ войскъ гремящу слыша вѣсть,
Любовь устроила сама супругу честь.
Великолѣпными повсюду торжествами,
Которы тщетно насъ равняютъ съ божествами,
Открыла пламенно моя горяща грудь
Ко сердцу нѣжному герою лестный путь,
И день, и часъ его прибытія исчисля,
Я шла на срѣтенье, о бѣдствіяхъ не мысля,
Которыя сразить меня готовилъ рокъ....
Какъ думать, чтобъ онъ мнѣ могъ столько быть жестокъ!
Я добродѣтелью украсила порфиру;
За чтò, свирѣпый рокъ! души лишать Пламиру?...
Природу темна ночь скрывала въ оный часъ.
Свѣтильники и трубъ побѣдоносный гласъ
Вдали пришествіе супруга возвѣщаетъ,
И трепетъ радости мнѣ сердце восхищаетъ.
Исторгшися, душа супругу предлетитъ.
Стремлюсь.... открылся мнѣ уже трофея видъ,

Который осѣнялъ побѣды колесницу.
Я, простираючи дрожащую десницу,
Глашу: «о, Владисанъ! любовникъ мой и другъ!
Твоя Пламира здѣсь, возлюбленный супругъ!
Оставя славы ты мечтательны отрады,
Отъ сердца моего примай себѣ награды....»
Не отвѣчаетъ мнѣ.... его мой ищетъ взоръ....
Невѣдомыхъ въ груди стѣсняя мукъ соборъ,
Чтó зришь, Пламира, ты!... о, жалостная жертва!
Супруга твоего окровавленна, мертва!...
Се добродѣтели, о боги! ваша мзда.
Поверженна во прахъ, безчувственна тогда,
Я скорби не могла умалить слезъ потокомъ;
Но, погруженная въ молчаніи глубокомъ
И смертныя тоски вкушая сердцемъ ядъ,
Въ растерзанной душѣ вмѣстила цѣлый адъ.
Остановилась кровь, наполненная хлада,
Приблизилася смерть — моя одна отрада.
Но пагубно ко мнѣ усердіе въ тотъ часъ,
И вспоминающій о сынѣ жалкій гласъ
Летящу душу вонъ во мнѣ остановили
И чувствомъ матери супругу оживили.
Любви безсмертныя дражайшій ты залогъ,
О, сынъ возлюбленный, Велькаръ! ты только могъ,
Отвергнувъ отъ меня желанну смерть на время,
Заставить жизни несть претягостное бремя.

ЗЕНИДА.

Се Витозаръ, и съ нимъ твой сынъ драгой идетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ЗЕНИДА, ИЗБАРЪ.

ВИТОЗАРЪ.

Усердье подданна меня къ тебѣ ведетъ:
И долгъ вельможеска носимаго мной чина,
И польза твоего къ вѣнцу рожденна сына,
Пламиры слава, честь, блаженство здѣшнихъ странъ,
И все, и даже самъ изъ гроба Владисанъ.
Оставь сію тоску, любовной слѣдство нѣги,
Узнай, весь городъ твой объяли Печенѣги.
Побѣды нашея омыть желая стыдъ,
Ихъ князь всей силой намъ за нашу славу мститъ.
Тѣмъ дерзостнѣй они въ своей стремятся злобѣ,
Что побѣдитель ихъ уже теперь во гробѣ.
Но если моего владыки нѣжна мать
Отъяту скорбью власть восхощетъ воспріять,
Увидитъ врагъ, стремя смятенны въ бѣгствѣ строи,—
Хоть въ гробѣ Владисанъ, но есть еще герои.
Къ престолу свойственнымъ наполнивъ чувствомъ грудь
И конча грусть любви, владычицей пребудь.

ПЛАМИРА.

Мнѣ кончить грусть? могу ль? она мнѣ драгоцѣнна.
Въ ней съ должностью любовь безсмертна сопряженна.
Съ душой не разлуча, не вырвавъ сердца вонъ,
Чѣмъ можно прекратить Пламиры грусть и стонъ?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я помню моего родителя рѣченья,
Онъ часто говорилъ: царевы утѣшенья,

Зрѣть счастье подданныхъ, превыше суть всего;
Вкуси, любезна мать, отраду ты его.

ПЛАМИРА.

Дней горестныхъ моихъ единая ты сладость,
Народа нашего надежда, счастье, радость,
Сколь мило зрѣть мнѣ то́ въ младенчествѣ твоемъ,
Чѣмъ Владисанъ драгой народу былъ отцемъ!
Чтобы сравнятися съ великими царями,
О, сынъ мой! шествуй лишь всегда его стезями.

Къ Витозару.

Сей подданнымъ моимъ небесъ дражайшій даръ —
Тебѣ вручаю я, усердный Витозаръ.
Ты видишь въ немъ князей твоихъ остатокъ крови;
Чтобъ онъ достоинъ былъ народныя любови,
Одной властителямъ приличной славы сей, —
Ты добродѣтели отца въ него посѣй.

ВИТОЗАРЪ.

Сколь честь толика мнѣ важна, покажетъ время;
Но нынѣ отвратить грозяще должно бремя,
Которымъ Печенѣгъ у самыхъ нашихъ вратъ
Мечемъ и пламенемъ тѣснитъ смятенный градъ.

ПЛАМИРА.

Коль сына въ юности ты будешь здѣсь правитель,
Кто жъ долженъ, коль не ты, быть войска предводитель?

ВИТОЗАРЪ.

Пламира вѣдаетъ обычай здѣшнихъ странъ,
Чтобы самъ князь на брань велъ гордыхъ согражданъ.
Хранили то́ всегда носивши здѣсь короны.
Обычьи древніе священны, какъ законы.
Помысли, отъ тоски къ разсудку преклонясь:
Князь долженъ предводить; а Витозаръ не князь.

ПЛАМИРА.

Когда подозрѣвать могла бъ я добродѣтель,
Мнѣ странна рѣчь твоя была бы въ томъ свидѣтель....

ВИТОЗАРЪ.

Отъ сердца моего клонилась рѣчь къ тому,
Что если я бразды правленія приму,
Единою тобой сей чести удостоенъ,
Предъ завистью могу ль въ усердьи быть спокоенъ?
Пускай вельможей сонмъ священно утвердитъ
Во всемъ, чего меня твой духъ достойнымъ чтитъ:
Тогда откроется пространное мнѣ поле;
Усердье вамъ служить въ моей ужъ будетъ волѣ.
У трона собраны вольможи предстоятъ,
И власти твоея сердца ихъ предлетятъ.

ПЛАМИРА.

О, иго лютое несносныя мнѣ власти!
И какъ завидую я смертнымъ въ низкой части!
Когда въ свирѣпости разитъ ихъ лютый рокъ,
Свободно въ горести лить могутъ слезъ потокъ;
А мы, отчаяньемъ на тронѣ удрученны,
И сей, толь бѣдственной, отрады мы лишенны.
Пойдемъ пожертвовать вѣнцу въ послѣдній разъ,
Чтобъ послѣ жертву несть супругу каждый часъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВИТОЗАРЪ, ИЗБАРЪ.

ИЗБАРЪ.

Въ уныньи Витозаръ, недвижимъ пребываетъ,
Когда его судьба къ престолу призываетъ.

ВИТОЗАРЪ.

Когда бъ ты зрѣлъ души волненіе моей
И бурю мрачную терзающихъ страстей,
Которы царствуютъ въ семъ сердцѣ заключенны, —
То чувства бы твои всѣ были возмущенны.

ИЗБАРЪ.

Мое усердіе извѣстно все тебѣ.
Тобою содержимъ въ возвышенной судьбѣ,
Куда меня возвелъ изъ низости ты мрака,
Тебѣ ль отъ моего скрывати тайны зрака?
Я долженъ всѣмъ тебѣ; и саму жизнь мою
Отъ вѣрности моей считай за дань твою.

ВИТОЗАРЪ.

Коль крою отъ очей твоихъ мои я тайны,
Понять ты можешь, сколь онѣ необычайны.
Страстями завлеченъ пороковъ я во тму,
Хотя моихъ коварствъ награду восприму,
Не буду счастливъ ввѣкъ я, совѣстью грызомый, —
Симъ тайнымъ судіей на страшну казнь влекомый:
Властитель скипетра, Пламириной красы,
Всѣ будутъ дней моихъ отравлены часы.
Злодѣйскимъ счастіемъ мы сердца не спокоимъ.
Сколь горько счастье то, котораго не стоимъ!

ИЗБАРЪ.

Проникнуть не могу я горести твоей;
Ты добродѣтелью въ странѣ прославленъ сей,
Толикихъ важныхъ благъ отечеству содѣтель.

ВИТОЗАРЪ.

Сія-то самая толь рѣдка добродѣтель,
Которой занималъ одинъ я только видъ,
Меня въ моей судьбѣ и паче тяготитъ,

Усугубляючи мой ужасъ и мученье.
Для хитрыя души несносно обличенье.

ИЗБАРЪ.

Но кто, и въ чемъ тебя возможетъ обличить?

ВИТОЗАРЪ.

Хочу тебѣ мое все сердце я вручить:
Къ сокрытію меня вселенныя отъ взора,
Нужна мнѣ твоего усердія подпора.
Но какъ моей души открою глубину;
Не вострепещешь ли, кленя мою вину?

ИЗБАРЪ.

Мнѣ трепетать, коль зрю тебѣ служить я средства?
Ничто не отвратитъ, готовъ дерзать на бѣдства.
На свѣтѣ мнѣ одна твоя священна власть.

ВИТОЗАРЪ.

Внимай. Ты знаешь всю мою къ Пламирѣ страсть;
Ты помнишь, какъ она, одна остатокъ рода
Князей прехрабраго Славянскаго народа,
Цвѣтуща, красотой влекла къ себѣ сердца.
Сколь сильны прелести въ сіяніи вѣнца!
Душа лучемъ очей и трономъ ослѣпилась,
Кипяща кровь моя вся въ огнь преобратилась.
Я добродѣтели тогда едины чтилъ;
Въ заслугахъ общества примѣрами свѣтилъ.
Во мзду, Пламирою отличностьми почтенный,
Надеждой ядъ крѣпя во сердцѣ вкорененный,
Я благость нѣжностью ея къ себѣ считалъ
И въ гордости себѣ погибель соплеталъ.
Во слѣпотѣ страстей мечтою обнадеженъ,
Казался мнѣ успѣхъ въ желаньяхъ неизбѣженъ:
Тогда содѣлалъ я къ пороку первый шагъ.
Закрытъ былъ отъ меня сей Владисанъ мой врагъ.

Страшась совмѣстниковъ къ Пламирѣ и престолу,
Въ непроницаему я скрылъ себя крамолу;
Изъ мрачныхъ нѣдръ ея народу я внушилъ,
Сколь нужно, чтобы князь на здѣшнемъ тронѣ былъ.
Народа общій гласъ, орудіе коварства,
Героя требовалъ къ правленью государства,
И чтобъ Пламира здѣсь супруга избрала.
Та просьба подданнымъ пріятна ей была.
Се нова пища мнѣ любви и власти жару:
Здѣсь нуженъ князь, а нѣтъ подобныхъ Витозару.
Насталъ избранья день.... о, преужасный день!
Еще мрачитъ глаза смертельной ночи тѣнь;
И мысли только лишь то время воображаютъ,
Кровь стынетъ, и уста стыдъ, горесть, гнѣвъ смыкаютъ.
Какой тобою мнѣ ударъ, Пламира, данъ!
О, рокъ! въ ея вѣнцѣ и въ сердцѣ Владисанъ!

ИЗБАРЪ.

Но Витозаръ тогда казался равнодушенъ.

ВИТОЗАРЪ.

Необходимости всякъ долженъ быть послушенъ.
Въ очахъ я рай казалъ, но въ сердцѣ адъ кипѣлъ.
Владыкою себѣ я равнаго стерпѣлъ;
И гордость и любовь закрывъ цвѣтами лести,
Устами въ вѣрности, но сердцемъ клялся въ мести.
Отъ прелестей драгихъ, отъ трона отлученъ,
Я съ ними сталъ всего и самъ себя лишенъ;
Возненавидѣлъ все, и даже добродѣтель....
Ты, лютый рокъ, во мнѣ злодѣя, ты содѣтель!

ИЗБАРЪ.

Во изумленіи твои восторги зря,
Не вижу, чѣмъ, себя порочнымъ ты творя,
Возможешь укорить твою смятенну душу?

ВИТОЗАРЪ.

Преграды всѣ тебѣ къ моимъ я тайнамъ рушу....
Измѣривъ моея надежды высоты,
Паденья моего увиди бездну ты;
Тогдашней участью моей наполнивъ мысли,
Коль можешь, горести мои ты всѣ исчисли.
Я долженъ былъ, о, рокъ! съ весельемъ на лицѣ,
Предъ торжествующимъ совмѣстникомъ въ вѣнцѣ,
Согбенный въ гордости, скрывъ ревности страданье,
Спокойно фурій всѣхъ всякъ часъ глотать терзанье.
Одной отрадой жизнь я только обновлялъ,
Что тайно на врага я жало изъощрялъ.
Но какъ успѣть его во гробъ низвергнуть съ трона? —
Духъ кротости его мнѣ въ томъ была препона.
Щедротою онъ въ чадъ преобратилъ народъ.
Здѣсь мести моея не могъ прозябнуть плодъ. —
Всѣмъ страсти жертвуя и отческой страною,
Я хитростью подвигъ на насъ враговъ войною....
Пламиры нѣжныя ни горькій плачъ, ни стонъ
Супругу не могли постановить препонъ
Геройскій духъ явить на ратномъ полѣ браней.
Извлекшись изъ драгихъ трепещущихъ онъ дланей,
Предъ войскомъ полетѣлъ изъ града на враговъ,
Гдѣ смерти ждалъ его изрытый мною ровъ.
Побѣды своея погибъ мой врагъ на лонѣ.
Се въ гробѣ прахъ его, и нѣтъ врага на тронѣ!
Но тщетно: мукъ моихъ я тѣмъ не уменьшилъ,
И смертію его въ конецъ не истребилъ.

Сей лютый Владисанъ и гроба побѣдитель
Пламиры въ сердцѣ мнѣ еще до днесь мучитель.
Хотя ужъ всѣ пути открыты къ счастью мнѣ,
Хоть купленные мной вельможи въ сей странѣ
Пламиры утвердя меня на тронъ избранье,
Ей въ тотъ же самый часъ явятъ свое желанье,
Что мнѣ за власти трудъ поставлена цѣной,
Она должна себя соединить со мной.
Хоть угрожаему за градскими стѣнами,
Мной привлеченными опять на насъ врагами,
Принужу я ее со мной вступить во бракъ;
Чтò въ томъ? потокомъ слезъ мрача прелестный зракъ,
На нѣжный пламень мой стенаньемъ отвѣчая,
И радости мои всѣ въ ядъ преобращая,
На то ея красой я стану обладать,
Чтобъ видѣть, какъ она лишь будетъ увядать!

ИЗБАРЪ.

Грусть ону истребить удобно можетъ время.

ВИТОЗАРЪ.

Но свергнетъ кто съ меня злодѣйства тяжко бремя?
Не знаю, жалость ли Пламиры горькихъ слезъ,
Или карающій проступки гласъ Небесъ,
Иль добродѣтели остатки мной забытой, —
Всякъ часъ пронзая грудь мою стрѣлой закрытой,
И Владисана тѣнь явя душѣ моей,
Какъ громомъ мнѣ твердятъ, что страшный я злодѣй!

ИЗБАРЪ.

Тебѣ ль, дерзнувшему на высоту стремиться,
Мечтаньемъ слабости въ твоемъ пути томиться?
Приближася къ плоду, вкусить страшишься плодъ!
Рожденный рабствовать, пускай одинъ народъ

Въ отважныхъ дѣйствіяхъ порока видитъ мерзость:
Страхъ создалъ намъ боговъ, царей творила дерзость.

ВИТОЗАРЪ.

О, какъ бы я желалъ, себя увѣря въ томъ,
Небесный заглушить разящій душу громъ,
И въ сердцѣ оправдавъ то все, чего содѣтель,
Спокойно находить въ порокахъ добродѣтель!
Но обращая взоръ со страхомъ на себя,
Равняя то что̀ былъ, и то что̀ нынѣ я,
Почто невинности утратя лучъ прелестной,
Я въ адѣ зрю себя изъ тишины небесной?...
Ты не порочь сихъ мукъ, — свидѣтели они,
Что добродѣтельны вкушалъ я прежде дни;
Что, не смущаемый неистовой любовью,
Я князя моего не обагрился бъ кровью.
Во тмѣ пороковъ, тѣмъ, что люто я крушусь,
Еще себѣ не столь ужаснымъ я кажусь.
Вкушая горесть всю я совѣсти грызенья,
Порочен; но еще достоинъ сожалѣнья.

ИЗВАРЪ.

Такими чувствами ослабленъ Витозаръ,
Кленя содѣланный совмѣстнику ударъ,
Когда бы Владисанъ возмогъ возстать изъ гроба,
Окончилася бы твоя къ нему вся злоба,
И ты съ Пламирою и тронъ бы уступилъ.

ВИТОЗАРЪ.

Вторично бъ острый мечъ я въ грудь ему вонзилъ!...
Я чувствую, хотя злодѣйства гнусность вижу,
Что безъ Пламиры я боговъ возненавижу;
Что, если должно мнѣ красы ея терять,
Преграды стану всѣ опять опровергать

И путь себѣ творя убійственной рукою,
Достигну до нея кровавою рѣкою.
Теперь ты, видя всѣ причины мукъ моихъ,
Еще не знаешь, чѣмъ, ко умноженью ихъ,
Меня повергшій рокъ злодѣйства въ страшну бездну;
Обременяетъ жизнь мою смятенну, слезну.
Пріемля на себя самодержавный санъ,
Я сомнѣваюся, погибъ ли Владисанъ.

ИЗБАРЪ.

Но что́ въ тебѣ сіе раждаетъ подозрѣнье?
Иль гробъ его еще тебѣ не увѣренье?

ВИТОЗАРЪ.

Вамира древняго сынъ преданный ему,
Другъ сердцемъ искренній владыкѣ своему,
Въ путяхъ опасности его препровождая
И грудь свою ему щитомъ постановляя,
Всечасно жизнь его своею охранялъ.
Не онъ ли пораженъ на мѣсто князя палъ?
Ты вѣдаешь его со Владисаномъ сходство,
И все его къ нему усердья превосходство,
Мнѣ странно то; одинъ лишь только пораженъ
И трупъ безглавый здѣсь народу предложенъ.

ИЗБАРЪ.

Когда бы Владисанъ со свѣтомъ не разстался;
Пламиры бы своей такъ долго не скрывался:
Всякъ день она его оплакиваетъ прахъ;
Зри увѣреніе себѣ въ ея слезахъ,
Что тщетно Витозаръ свои самъ муки множитъ.

ВИТОЗАРЪ.

Терзая, душу все порочную тревожитъ.
Хоть смертью въ градъ пути заграждены врагу,
Хоть вѣрно я того надѣяться могу,

Что Владисанъ, коль живъ, погибнетъ непреложно,
Но осторожнымъ быть довольно мнѣ не можно.
Избаръ, судьбу мою тебѣ вручаю я,
Во счастіи моемъ включенна часть твоя:
Закрывъ мои дѣла въ молчаніи глубокомъ,
Береги недремлющимъ мою ты славу окомъ;
Минувшій блескъ ея въ народѣ укрѣпляй,
И ложными его лучами ослѣпляй.
Лишь только я въ вѣнцѣ съ Пламирой сопрягуся,
Ко добродѣтели всѣмъ сердцемъ обращуся,
И ею возвратя себя опять богамъ,
Мой тронъ содѣлаю подобенъ небесамъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАМИРЪ *и народъ.*

ХОРЪ *народа.*

О, рокъ! намѣсто Владисана
Кому вручаешь власть вѣнца?
Возводишь на престолъ тирана,
Во гробъ низвергнулъ ты отца!

ВАМИРЪ, *къ народу.*

Изъ гроба Владисанъ не можетъ возвратиться.
Коварству, силѣ намъ днесь должно покориться.
Вельможи наши всѣ, подъ иго уклонясь,
Хотятъ, чтобъ Витозаръ.... о, стыдъ! Славянъ былъ князь.
Пламира и сама, когда не ошибаюсь,
Пламира!... горестью я въ сердцѣ разрываюсь, —
Забывъ то все, кому она была жена,
Пламира и сама на то уже склонна.

Приближась къ гробницѣ.

О, ты, владыко мой! когда потоки слезны,
Усердья чистый стонъ, сквозь алчны смерти бездны
Возмогутъ, нашъ отецъ, проникнуть до тебя;
Когда изъ бытія не все ты погубя,
Еще безсмертною твоей душей сіяешь,
Которою самихъ боговъ ты посрамляешь;
Лишася жизни ты и потерявъ вѣнецъ,
Утѣшься, жертву зря сихъ искреннихъ сердецъ.
Тирановъ и царей при жизни лесть равняетъ;
Но смерть единая ихъ только различаетъ.

Къ народу.

Почтимъ безъ робости слезами князя прахъ.
Отвергнемъ отъ себя мы оный гнусный страхъ,
Который излiять претитъ сердечны чувства.
Оставимъ лести мы придворной тѣ искусства,
Чтобъ только счастливыхъ злодѣевъ обожать,
А добродѣтели гонимы унижать.

Вамиръ входитъ во внутренность гробницы, которую народъ окружаетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ, *въ бѣдномъ одѣяніи.*

Се счастья моего жилище омраченно,
Печалiю, тоской, уныньемъ окруженно!
Отколь всѣ радости изгналъ плачевный стонъ?
Тамъ вижу я мой гробъ, гдѣ прежде былъ мой тронъ.
Свирѣпый Витозаръ! являя честность ложну,
Ты душу въ благости мою неосторожну

Едва не уловилъ во пагубную сѣть:
Но боги не дали успѣха въ томъ имѣть;
Я живъ.... вострепещи, коварный истребитель! —
Во мнѣ предсталъ тебѣ и судія и мститель.
Вострепещи!... но что? злодѣю я грожу,
А самъ, а самъ я смерть повсюду нахожу.
Отверженъ отъ живыхъ, въ отчаяньи скитаюсь,
И тѣмъ лишь я живу, что мертвымъ почитаюсь.
Безъ трона, въ нищетѣ, супруги отлученъ!...
Но сносно все, когда я ею не забвенъ:
Когда, всего лишась, убійцевой рукою,
Пламира! я еще живу твоей душою;
Коль мертву жертвуя супругу твоему,
Невинны чувствія несешь на гробъ ему;
Коль сладость горькую въ стенаніяхъ вкушаешь,
Которыя ко мнѣ отъ сердца посылаешь;
Когда, равно любя и гроба за предѣлъ,
Безсмертный жаръ въ груди хранишь еще ты цѣлъ;
Я троновъ, пышности нимало не жалѣю;
Кто счастливѣй меня?... я все въ тебѣ имѣю!...
А если.... ревностью ты духъ мой пламеня,
О, страшна ада мысль, не возмущай меня!...
О, Небо! Ты, подавъ мнѣ сердце благотворно,
Не сдѣлай, чтобъ оно само себѣ позорно
Вкусило злобы ядъ, сей душъ злодѣйскихъ даръ.
Да будетъ счастливъ тѣмъ единый Витозаръ!

Повтореніе надъ гробомъ хора; но только тише, нежели въ первый разъ.

О, рокъ! на мѣсто Владисана
Кому вручаешь власть вѣнца?
Возводишь на престолъ тирана,
Во гробъ низвергнулъ ты отца!

ВЛАДИСАНЪ.

Стенящаго о мнѣ народа вопли внемлю.
Съ какою сладостью сей чистый даръ пріемлю!
Вкушаю подданныхъ въ любви цѣленье ранъ,
Которыми раздралъ мнѣ душу мой тиранъ!
О, вы, властители, гордящися вѣнцами,
Опредѣленные народовъ быть отцами!
Какая можетъ быть сея превыше честь?
Возженный ѳиміамъ, которымъ алчна лесть
Въ дремотѣ гордой васъ на тронахъ усыпляетъ,
Хотя съ безсмертными богами васъ равняетъ,
Скажите, тщетностью взнесенны до небесъ, —
Все ваше стóитъ ли величье капли слезъ,
Которы подданныхъ любовь монарху мертву
Отъ сердца искрення ліетъ на гробѣ въ жертву?
Се слава истинна; иной владыкамъ нѣтъ.
   Но сердце къ подданнымъ приблизиться влечетъ.
Любя ихъ такъ, какъ чадъ, хочу извѣдать болѣ,
Колико стоилъ я владѣти на престолѣ.
Внявъ правду днесь изъ устъ, которые не льстятъ,
Когда судьбы опять мнѣ скипетръ возвратятъ,
То, свѣтомъ истины я озаренъ въ ненастьи,
Достойнѣй быть могу и славнѣе во счастьѣ.
Чтобы я познанъ былъ, опасности мнѣ нѣтъ.
О смерти весь моей наполненъ слухомъ свѣтъ;
Печалію черты лица преображенны,
Одеждой бѣдности рамена покровенны,
Удобны ли во мнѣ властителя явить?
Что князь я, то и самъ возмогъ бы позабыть,
Когда бъ надъ бѣдствами душа не возносилась,
Когда бъ подъ бременемъ тѣхъ чувствъ она лишилась,

Которы безъ вѣнца меня царемъ творятъ.
Душею мы цари, порфира лишь нарядъ.

Приближаясь къ народу.

Граждане храбрые, печалью отягченны!
Какимъ несчастіемъ вы нынѣ огорченны?

ОДИНЪ *изъ народа.*

Со княземъ всѣхъ отрадъ лишася до конца,
Оплакиваемъ смерть мы нашего отца.

ВЛАДИСАНЪ.

Достоинъ ли онъ былъ сего отъ васъ усердья?

ДРУГОЙ *изъ народа.*

Достоинъ ли? Сей даръ небесна милосердья!
Живый сей зракъ боговъ, коль щедры къ намъ они.
Державы мы его въ благословенны дни,
Смущались только тѣмъ въ блаженной нашей части,
Чтобъ не лишиться намъ его безцѣнной власти.
Но рокъ, жестокій рокъ, похитилъ все у насъ!

ТРЕТІЙ *изъ народа.*

И солнце радостей сокрылъ отъ нашихъ глазъ.
Кто съ горестью къ нему стоная приближался,
Увидя тотъ его, утѣшенъ возвращался.
Неисчерпаемый источникъ нашихъ благъ,
Въ немъ зрѣли мы боговъ, сокрытыхъ въ небесахъ.
Увы! своихъ щедротъ въ немъ боги насъ лишили
И наше счастье все во гробѣ заключили.

ВЛАДИСАНЪ, *въ сторону.*

Такою подданныхъ любовью награжденъ,
Могу ли я не быть до сердца пораженъ,
Могу ли удержать ліющися слезъ токи?
Нѣтъ въ лютости судьбы мнѣ не были жестоки,
Когда даютъ вкусить, подавъ конецъ бѣдамъ,
Безвѣстны сладости счастливымъ и царямъ!...

Тиранъ! вся власть твоя ничто передъ моею:
Въ порфирѣ ты, въ вѣнцѣ, а я въ сердцахъ владѣю.

ОДИНЪ *изъ народа.*

Подобно какъ и мы, онъ слезъ потокъ лiетъ,
И въ нашей горести участвуетъ весь свѣтъ.

ВАМИРЪ, *выходя изъ гробницы.*

Чтò ваши жалобы, граждане, умножаетъ?

ОДИНЪ *изъ народа.*

Зри странника сего: онъ купно сострадаетъ.
Когда и чуждыми оплаканъ нашъ отецъ,
Какъ можно подданнымъ не разрывать сердецъ?

ВАМИРЪ, *самъ себѣ.*

Сей странникъ, можетъ быть, извѣстенъ Владисану;
Онъ, можетъ быть, нося печали въ сердцѣ рану,
Утѣшенъ нѣкогда его щедротой былъ,
И между воиновъ онъ, можетъ быть, служилъ,
Которые враговъ съ нимъ купно побѣдили,
И намъ, побѣду давъ, его не возвратили.
Увы! онъ, можетъ быть, зналъ сына моего
И былъ свидѣтелемъ погибели его....
Какое чувствiе, Вамиръ, въ сей часъ имѣешь?
Во гробѣ князь, а ты о сынѣ сожалѣешь.

ВЛАДИСАНЪ.

Чтò вижу?... се Вамиръ. Почтенный старецъ сей,
Сей добродѣтельный вождь юности моей,
Въ путь славы истинной стопы мои направилъ,
Достойнаго во мнѣ властителя составилъ.
Усердьемъ искреннимъ всегда онъ мнѣ служилъ;
А сына я его виной кончины былъ.
О, какъ печальный видъ его меня терзаетъ!

ВАМИРЪ, *самъ къ себѣ.*

Какого гласа звукъ мой слабый слухъ пронзаетъ?
О, Владисанъ! мой князь!... о, Небо! или ты
Напасти наши всѣ преобратишь въ мечты?

Къ народу.

Довольно ужъ стонать; граждане, удалитесь,
На благости Небесъ въ печали положитесь.

Народъ удаляется. Вамиръ, разсматривая издали Владисана.

Се, кажется, къ вѣнцу то созданно чело,
Чтó Небо къ счастію Славянъ произвело;
Се очи, подданныхъ алкающи блаженства.
Знать, боги не могли толика совершенства
Безъ содроганія погибели предать....
Но нѣтъ, они хотятъ несчастнымъ мной играть,
Мнѣ суетно маня надеждою напрасной.

ВЛАДИСАНЪ *къ Вамиру.*

Увидь возникшаго изъ пропасти ужасной
Того, котораго считаетъ мертвымъ свѣтъ.
Иль князя въ бѣдности Вамиръ не познаетъ?

ВАМИРЪ, *упадая на колѣна.*

Я познаю, что къ намъ еще суть щедры боги!
О, князь возлюбленный! твои ль объемлю ноги,
Которы радостнымъ я мою токомъ слезъ?
Изъ гроба ль ты возсталъ? иль посланъ къ намъ съ Небесъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Ко смерти осужденъ злодѣемъ Витозаромъ,
Я живъ, ко подданнымъ любви исполненъ жаромъ;
Я живъ, чтобы тебя, отецъ мой, почитать,
И чтобъ дражайшую Пламиру обожать....

Но что при словѣ семъ ты очи отвращаешь?
Какое бѣдствіе ты симъ мнѣ возвѣщаешь?

ВАМИРЪ.

Мой князь! спокойся, зря смятеніе мое.

ВЛАДИСАНЪ.

Я чувствую, Вамиръ, страданіе твое.
И ты хотя того устами не вѣщаешь,
Но сердцемъ у меня о сынѣ вопрошаешь.
О, какъ несчастенъ я!

ВАМИРЪ.

Не оскорбляй меня,
Чтобы о сынѣ я смущаться могъ стеня,
Когда отечеству отецъ нашъ возвращенный
Утѣшитъ скоро градъ стенящій, огорченный;
Чтобы, какъ общее сіяетъ благо намъ,
За трату бы мою я волю далъ слезамъ.
Скажи лишь только мнѣ: сходя во мракъ гробницы,
Достоинъ ли меня онъ затворилъ зѣницы?

ВЛАДИСАНЪ.

Ударъ, сужденный мнѣ, пріялъ въ свою онъ грудь;
Собою заградилъ онъ мой ко гробу путь.

ВАМИРЪ.

Благодарю боговъ! превыше сожалѣнья,
Мой сынъ не слезъ моихъ достоинъ, — удивленья,
Безсмертнымъ дѣйствіемъ духъ отческій плѣня.
Кто пользу общества въ монархѣ сохраня,
Входя во гробъ, отца отечества спасаетъ,
Не жалокъ тотъ, — почтенъ и ввѣкъ не умираетъ.
Пришедъ на мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ его,
Не стонами почту я сына моего,
Не воплемъ жалобнымъ, не горести слезами,
Но пѣньемъ радостнымъ, но лаврами, цвѣтами.

ВЛАДИСАНЪ.

Подъ именемъ моимъ злодѣйствомъ пораженъ,
Подъ именемъ моимъ въ семъ гробѣ заключенъ.

ВАМИРЪ.

Къ отрадѣ моея, во смертной сына долѣ,
Награды мнѣ ему какой желати болѣ?
Онъ смертью за тебя съ тобою уравненъ,
Въ твоей гробницѣ онъ, равно какъ ты, почтенъ,
Оплаканъ такъ, какъ ты, народа благодѣтель.
Увѣнчана его съ избыткомъ добродѣтель.

ВЛАДИСАНЪ.

А я, который скиптръ на то мнѣ ввѣренъ чту,
Чтобъ на себѣ нести народа тяготу,
А я гнушаюся монаршимъ возвышеньемъ,
Коль связано оно гражданъ со огорченьемъ!
Ихъ жизнь не ради насъ во власть намъ отдана.
Смерть сына твоего мнѣ вѣчныхъ слезъ вина.
И еслибъ волѣ онъ моей повиновался,
О мнѣ бы, не о немъ, твой духъ теперь терзался.
Въ тотъ самый день, когда свирѣпый Печенѣгъ,
Поверженъ нашею рукой, во прахѣ легъ,
Въ тотъ самый только день злой умыселъ открылся,
Что лютый Витозаръ коварствомъ вооружился
Отъяти у меня и тронъ и жизнь мою.
Со равнодушіемъ я принялъ вѣсть сію.
Злодѣя моего презрительны ловитвы
Назначили мнѣ смерть во время самой битвы.
Я вѣдалъ только то, что гибель мнѣ грозитъ,
Но я познать не могъ, кто грудь мою пронзитъ;
Не могъ провѣдати, кто дружбу Владисана
И продалъ честь свою за золото тирана.
Погибелью моей нимало не смущенъ,

Но пользой общею надъ страхомъ вознесенъ,
Презрѣвшій злость, себя надъ бездною спокоилъ
И наше воинство къ побѣдѣ я устроилъ.
Твой сынъ, другъ истинный единый за меня
Прискорбенъ, горестенъ вострепеталъ, стеня;
Повергся мнѣ къ ногамъ и, слезы проливая,
Молилъ меня, себя мнѣ въ жертву предавая,
Чтобъ близкимъ пользуясь, я сходствомъ вида съ нимъ,
Подвергнулъ жизнь его опасностямъ моимъ,
И чтобъ, себя храня, моей признаки власти,
Завистны въ счастіи, но бѣдственны въ напасти,
Со смертью возложилъ на дружеско чело;
Но сердце быть мое такъ низко не могло.
Я жизни не привыкъ высоко столько ставить,
Чтобъ, подлостью ее купя, себя безславить.
Обидой чтя себѣ усердіе его,
Съ досадою отвергъ я сына твоего.
Межъ тѣмъ любезный зракъ дражайшія Пламиры,
Мой сынъ возлюбленный и подданные сиры,
Тирану преданны кончиною моей,
Тягчили мысль мою напастію своей.
Мечтаніемъ такимъ, военными трудами
Томяся, изнуренъ, подъ тихими древами
Во ожиданіи почивнуть я возлегъ,
Доколѣ восшумитъ оружьемъ Печенѣгъ.
Незапно сладостью своею сна спокойство
Смирило чувствъ моихъ колеблемыхъ нестройство:
Тогда твой сынъ въ своемъ намѣреніи твердъ,
И для меня противъ себя жестокосердъ,
Моей одеждою, оружьемъ облеченный
И именемъ моимъ опаснымъ отягченный,
Ударилъ на враговъ, сразилъ ихъ и — погибъ....

ВЛАДИСАНЪ.

Не мысли ты, чтобы ея вѣнца потеря
Мнѣ горестна, люта, несносна бы была:
Когда ужъ такъ она унизиться могла,
Коль сердце столь ея въ злодѣйствѣ стало дерзко,—
Съ измѣнницей мнѣ тронъ и само небо мерзко!...
Ты знаешь то, душа корыстна ли моя;
Ты знаешь, трономъ ли ея прельщался я;
Ты знаешь, если бы рожденна не въ порфирѣ,
Всѣхъ ниже на землѣ, во всемъ презрѣнна мірѣ,
Возвышенному мнѣ на трона высотѣ
Предстала съ прелестьми Пламира въ нищетѣ:
Престолъ бы мой тогда мнѣ въ гробъ преобратился,
Когда бы для него Пламиры я лишился.

ВАМИРЪ.

Но, можетъ быть, вотще ты самъ себя терзая...

ВЛАДИСАНЪ.

Но, можетъ быть.... ты самъ, сомнѣніе питая,
На мѣсто радостей, на мѣсто мнѣ отрадъ,
Безвѣстія даешь вкушать горчайшій ядъ;
И ты противъ меня къ злодѣйству уклонился!

ВАМИРЪ.

Кто? я?

ВЛАДИСАНЪ.

Оставь мнѣ то, Вамиръ! я чувствъ лишился.
Восторги извини ты сердца моего:
Жестоко пораженъ, не знаю никого.
Смертельно я люблю; но слабости стыжуся,
Гнушаюся собой и самъ себя страшуся....
Я чувствую, что я унизилъ сердце то,
Которо не могло доднесь смутить ничто....
Достойнѣе меня, когда собой владѣя,

Пламиру презрю я и презрю я злодѣя,
Въ пустыню удалясь, вселенну позабывъ,
Въ дубровахъ темныхъ тамъ себя навѣкъ закрывъ,
И отъ людей далекъ, не низокъ, благороденъ,
Отъ подлыхъ столько мукъ пребуду я свободенъ....
Но прежде... о, Вамиръ! единый вѣрный другъ,
Извѣдай все, простри внимательный твой слухъ,
И что̀ познаешь ты, къ лютѣйшей хоть напасти,
Яви мнѣ бездну всю моей жестокой части.
Коль будетъ должно мнѣ измѣнницу презрѣть,
Не думай, чтобъ я могъ, терзаясь, умереть.
Безъ страха все открой. Ты видишь, равнодушенъ,
Не сердцу моему, разсудку я послушенъ.

ВАМИРЪ.

Исполню все! но ты лишь только утиши
Волненье пагубно колеблемой души.
Найди пристанище ты въ сердцѣ возвышенномъ,
Для добродѣтели, не для страстей рожденномъ,
И какъ великимъ быть противяся судьбѣ,
Далеко не ищи примѣра,—онъ въ тебѣ.
Храни, дражайшій князь, намъ дни твои священны,
Повсюду сѣтію злодѣйства окруженны.
Жилища моего уединенна сѣнь,
Гдѣ, плача о тебѣ донынѣ каждый день,
Я тяжку старость влекъ до гроба мной желанна,
Для сокровенности быть кажется создана.
Отца отечества отдавъ моимъ стѣнамъ,
Собою мой чертогъ преобрати во храмъ.
Здѣсь страшно все. Пойдемъ, сокроемся отъ ока
Тирана хитраго, пронырлива, жестока.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМИРА, ЗЕНИДА.

ПЛАМИРА.

Гдѣ мнѣ убѣжище въ сей крайности найти?
Разверзися земля, Пламиру поглоти!

Къ Зенидѣ.

Ты видѣла въ сей часъ всю дерзость Витозара:
Могла ль я ожидать еще сего удара?

Обратясь ко гробу.

То мало, чтобъ тебя, супругъ, лишиться мнѣ,
Должна еще, должна въ той самой я странѣ,
Гдѣ въ славѣ возросла, гдѣ царствовать рожденна,
Предерзкаго раба быть волѣ покоренна.
Моей щедротою въ коронѣ дерзновенъ,
На тронѣ сталъ моемъ преступникъ откровенъ;
Въ коварныхъ вымыслахъ имѣя духъ обиленъ
И подлостью вельможъ въ своемъ злодѣйствѣ силенъ,
Къ супружеству со мной дерзнулъ онъ мысль простерть!
Зенида, мнѣ теперь одно спасенье — смерть.

ЗЕНИДА.

Почто къ отчаянью стремитися Пламирѣ?
Лишь только ты явись народу во порфирѣ,
Лишь властвовать дерзни, — и узришь все у ногъ.

ПЛАМИРА.

Все поздно, и тиранъ все нынѣ превозмогъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ВЕЛЬМОЖИ, ЗЕНИДА.

ВИТОЗАРЪ.

Къ увѣнчанному мнѣ тобой питая злобу,
Отъ трона ты въ сей часъ убѣгнула ко гробу.

ПЛАМИРА.

На тронѣ Витозаръ, а въ гробѣ Владисанъ.

ВИТОЗАРЪ.

Взложа ты на меня верховной власти санъ,
Иль хочешь ты, чтобы въ сіяніи короны,
Лишенный радости, пуская тяжки стоны,
Въ награду всѣхъ трудовъ несчастенъ и унылъ,
Въ величіи моемъ себѣ я въ тягость былъ?
Чтобы противъ враговъ отечества дерзая
И кровію моей долины упоя,
Я сыну бъ твоему престолъ твой сохранялъ,
А въ воздаяніе лишь только бы страдалъ?

ПЛАМИРА.

Родяся подданнымъ, ты нынѣ сталъ властитель,
Ты щитъ отечества и князя покровитель;
Я добродѣтели отверзла всѣ пути,

Чрезъ пользу общества во славы храмъ войти.
Или тò малая тебѣ въ трудахъ отрада?
Прославиться, — сердецъ великихъ вотъ награда.
Ты можешь, долженъ ты, толико мной почтенъ,
Съ моимъ почтеньемъ быть дѣлами уравненъ;
А ты, забывъ свой долгъ и презирая славу,
Чтобы вдовицу гнать, на то пріялъ державу!...

ВИТОЗАРЪ.

Чтобы Пламиру гнать! Жестокая! не гнать,
Но чтобъ тебя равно съ богами обожать.
Счастливый Владисанъ, тобой избранный къ трону,
Тебя имѣлъ во мзду за тягостну корону.
Единъ твой нѣжный взоръ, очей дражайшій взоръ
Въ минуту истреблялъ лютѣйшихъ золъ соборъ.
Ты горести его державы услаждала;
Онъ палъ за общество; но ты о немъ рыдала.
Донынѣ онъ еще оплаканный тобой,
Во гробѣ, но стократъ счастливѣй предо мной.
Съ какою бъ радостью я тронъ и дни жестоки,
Погибнувъ, промѣнялъ на слезъ драгихъ потоки!

ПЛАМИРА.

Или и плачъ — одно имѣнье днесь его,
Ту скорбну дань ему отъ сердца моего
Отняти у него въ свирѣпости желаешь?
Но тщетно на сіе, нѣтъ, тщетно ты дерзаешь.
Лишился трона онъ, не видитъ свѣтла дня,
Всего лишился онъ, но только не меня.
Пламиры для всего уже на свѣтѣ мертвой,
Остатокъ горькихъ дней ему весь будетъ жертвой.
Вотъ здѣсь, на гробѣ семъ, не осушая слезъ,
Виня противъ меня жестокости Небесъ,
Изъ гроба требовать отъ нихъ супруга стану,

И не дождавшися, на гробѣ семъ увяну.
Вотъ все на свѣтѣ то, что̀ я хочу имѣть!
Грустить — отрада мнѣ, надежда — умереть.

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу наконецъ, что должно мнѣ рѣшиться
Почтенья твоего несноснаго лишиться,
И даръ мнѣ твой вѣнца на то употребить,
Чтобы жестокостью тобой счастливымъ быть.
Я долго, долго былъ игралищемъ притворства....
И ежели мои безплодны всѣ покорства,
Коль нѣжну пламени не хочешь отвѣчать,
То огнь властителя должна ты увѣнчать,
И, покоряся мнѣ твоей въ противность волѣ,
Моей супругой быть, страдая на престолѣ.

ПЛАМИРА.

Какая сила то̀ удобна совершить?
Коль боги мнѣ могли и смертны измѣнить,
Когда въ моей странѣ я днесь въ тиранской власти,
Еще осталась я себѣ въ моей напасти;
И та, которая рожденна скиптръ носить,
Умѣетъ гнусности толики отвратить;
Возможетъ, дерзости тирана презирая,
Спастися отъ него, безъ страха умирая.

ВИТОЗАРЪ.

Предпочитаешь смерть на тронѣ быть со мной!...
Ты хочешь, чтобъ я былъ виновенъ предъ тобой;

Увидя Велькара.

Я буду.... вотъ твой сынъ.... оставь ожесточенье,
Свирѣпая, ему, себѣ и мнѣ въ спасенье.

Содѣлай сыномъ мнѣ ты сына своего;
Скажи: отецъ ли я, или злодѣй его?
Но ты молчишь.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ВЕЛЬКАРЪ, ИЗБАРЪ, ЗЕНИДА, *и вельможи.*

ПЛАМИРА.

Къ такимъ словамъ не пріученна,
Я всемъ, что̀ слышала, какъ громомъ изумленна,
Безъ мыслей и безъ чувствъ могу ли отвѣчать?...
А я еще живу!... о, рокъ!... почто я мать.

Къ Велькару.

Дражайшій узелъ дней моихъ преотягченныхъ
Изъ низостей однѣхъ и горестей сплетенныхъ!
Я не сносила бы сей части безъ тебя.
О, Владисановъ сынъ! отвѣтствуй за меня,
Внуши ты мнѣ, мой сынъ, достойныя насъ средства
Спасти тебя въ сей часъ безъ подлости отъ бѣдства.

ВЕЛЬКАРЪ *Витозару, указывая на Избара.*

Твой рабъ склонялъ меня тебя принять отцемъ
И, слабымъ чтя меня въ младенчествѣ моемъ,
Хотѣлъ, чтобъ я былъ подлъ, твоей покоренъ волѣ.
Младенецъ я, — но я младенецъ на престолѣ....

ВИТОЗАРЪ.

Еще ты не на немъ и столько же далекъ,
Какъ и послѣдній мнѣ подвластный человѣкъ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Отецъ мой Владисанъ и мать моя Пламира;
Отецъ во гробѣ, мать и плачуща и сира;
Я слабъ еще моихъ защитить святость правъ;
Вельможи здѣсь, а здѣсь тиранъ даетъ уставъ!

ВИТОЗАРЪ.

Отродье вредное того, кто въ свѣтъ родился
На то, чтобъ Витозаръ въ тирана превратился!
Престань тщеславіемъ ты отравлять твой духъ;
Престани гордостью взноситься безъ заслугъ;
Престань на помощь звать ты тщетно право рода,—
Одни достоинства днесь нужны для народа.
Свирѣпый Печенѣгъ намъ гибелью грозитъ.
Въ часъ бѣдъ отечеству родъ можетъ ли быть щитъ?
Что́ сдѣлаетъ твое съ героями днесь сродство?
Потребно ихъ души, не крови превосходство;
Я льщуся то имѣть; умѣю защитить
Сей тронъ, на коемъ ты родился только быть;
Могу примѣръ подать достойнымъ быть державы,
И показаться здѣсь въ коронѣ не безъ славы.

ВЕЛЬКАРЪ.

Родитель мой, отецъ народа своего,
Умѣлъ ли царствовать? а я, я сынъ его.
Какое можешь ты подать мнѣ наставленье?
Коварство лишь твое единое ученье;

Указывая на Пламиру. Указывая на себя.

Вдовицу, сироту на тронѣ притѣснять!
Коль должно, чтобъ владѣть, мнѣ только это знать;
Не сто́итъ тронъ того, чтобъ быть на немъ злодѣемъ.

ПЛАМИРА.

Мой сынъ несчастливый, никѣмъ не сожалѣемъ,
Сіе подобіе супруга моего,

Младенецъ царственный у трона своего
Оставленъ ото всѣхъ въ несноснѣйшей судьбинѣ,
Не видитъ помощи, подобно какъ въ пустынѣ.

Обратясь къ гробу.

О, Владисанъ драгой! отецъ гражданъ твоихъ!
За благости тебѣ какая мзда отъ нихъ!

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу, что, избравъ меня достойнымъ власти,
Желала бъ днесь, забывъ гражданъ твоихъ напасти,
Меня, подобно какъ преступника, казнить
И общество во мнѣ подпоры всей лишить;
Но поздно. Сонмъ вельможъ, отечества хранитель,
Ты буди нашъ судья и правды защититель.
Со благомъ общества презрѣвъ свою и честь,
Дерзнете ли вы мнѣ младенца предпочесть?

Вельможи уклоненіемъ изображаютъ свое покорство Витозару.

ПЛАМИРА.

О, малодушные, подъ иго уклоненны!
Вы слабыхъ удручать лишь только дерзновенны;
Безъ чести, безъ души народныя главы,
Для счастья своего велики только вы.

ИЗВАРЪ, *который въ семъ явленіи выходилъ, возвратясь, Витозару.*

Отъ князя Печенѣгъ, тѣснящихъ градъ войною,
Желаетъ посланный предстать передъ тобою.
Я, слыша, что для насъ несетъ онъ важну вѣсть,
Къ священнымъ симъ мѣстамъ дерзнулъ его привесть.

ВИТОЗАРЪ.

Да внидетъ онъ сюда; да зритъ сама Пламира,
Колико почтена ея на мнѣ порфира.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ *и* ПОСЛАННЫЙ *отъ Печенѣгъ.*

ПОСЛАННЫЙ.

Паденья своего отмщающій за стыдъ,
Мой князь, чтя мужество твое, державу чтитъ;
Но гнѣва праведна еще кипящій жаромъ,
Вступаетъ въ договоръ съ могущимъ Витозаромъ;
И чтобы прекратить кровопролитну брань,
Пламиры сына онъ желаетъ мести въ дань.
Доволенъ кровію отродія злодѣя,
Противу васъ вражды онъ болѣ не имѣя,
Погаситъ пламенникъ погибельной войны.

ВИТОЗАРЪ.

Рача о пользѣ я отеческой страны,
Помыслю, что̀ творить мнѣ для сего предмета.
Поди и моего ты ожидай отвѣта.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТОЗАРЪ, ПЛАМИРА, ВЕЛЬКАРЪ, ИЗБАРЪ, ЗЕНИДА,
Вельможи.

ВИТОЗАРЪ.

Ты видишь, сей ударъ свершить мнѣ долгъ велитъ,
Который мнѣ мое отечество гласитъ.
Предъ онымъ все твое стенаніе напрасно,
И все противъ тебя со мной уже согласно.
И словомъ, общество, мой гнѣвъ и самый рокъ, —
Все требуетъ того, чтобы я былъ жестокъ.
Отвсюду бѣдствами ты нынѣ окруженна;
Лишь слово я реку — ты будешь истребленна
И сына твоего польется токомъ кровь.
Одна тебѣ моя осталася любовь;
Одна сія любовь горяща, раздраженна
Къ спасенью твоему дорога откровенна.
Печальной смутности во мракѣ, вѣрь мнѣ, вѣрь;
Свѣтильнику ея послѣдуй ты теперь.
Съ тобою сопряженъ, я все тогда забуду:
Пламиру лишь одну я видѣть только буду.
Взведя тогда на тронъ я сына твоего,
Коль должно умереть, умру я за него.
Въ коронѣ первый рабъ твоей красы любезной,
Чтобъ осудить въ очахъ твоихъ потокъ сей слезной,
Потокъ, снѣдающій жизнь горькую мою,
Я нѣжну душу всю на то лишь пролію,
Чтобъ пламенемъ моимъ безсмертнымъ, безпредѣльнымъ
Явить, сколь гнѣвомъ ты, противъ меня смертельнымъ,

Виновна въ лютости неправедной была;
Что душу мнѣ судьба лишь для тебя дала.
Тобою пламенно все сердце обнаружу
И ненависть твою къ раскаянью принужу.
Но ты должна ее въ сей часъ преодолѣть.
Еще единый мигъ — и станешь сожалѣть.
Супругомъ страждуща, застонешь и о сынѣ.
Смятенныхъ чувствъ моихъ въ волнуемой пучинѣ
Мнѣ должно сей же часъ пристанище найти:
Иль къ краю счастія, иль въ гробъ съ тобой войти.
Посредства не могу въ отчаяніи видѣть:
Коль страстно не любить, то смертно ненавидѣть.

ПЛАМИРА.

Жестокій! я найду, я средства для тебя
Избавить честь твою, и сына и себя.
Владѣй; но съ сыномъ мнѣ позволи удалиться,
Въ пустынѣ дикой съ нимъ позволь ты мнѣ сокрыться.
Со мною бракъ тебѣ лишь нуженъ для того,
Чтобъ бѣдства отвратить отъ трона твоего;
Коль чуждый на главѣ вѣнецъ тебя смущаетъ,
Владѣй безъ страха; въ томъ Пламира увѣряетъ.
Владѣй; ты мстителя себѣ не обрѣтешь.
Въ пустынѣ, ежели ты сына дни спасешь,
Дамъ чувствія ему я равны нашей долѣ:
Чтобъ онъ, оставя быть надежду на престолѣ,
Забыть навѣки могъ, къ чему на свѣтъ рожденъ.
Умѣренъ въ гордости, судьбою униженъ,
Во мракѣ онъ лѣсовъ съ своей сравнится частью,
И тамъ, безъ скипетра, однако не подъ властью,
Ручаюся, мой сынъ не будетъ отомщать,
Мой сынъ со мною лишь научится рыдать.

ВИТОЗАРЪ.

Чтó въ тронѣ мнѣ, когда не будешь ты со мною?
Исчезнутъ Небеса, вселенна вся съ тобою.

ВЕЛЬКАРЪ.

Престань, любезна мать, о мнѣ лить токи слезъ,
И дай послѣдовать предѣлу мнѣ Небесъ;
Они достойную мнѣ смерть опредѣляютъ:
И ежели уже вѣнца меня лишаютъ,
Когда я не могу, какъ мой отецъ, владѣть,—
Могу со славою я такъ же умереть,
Отечество моей кончиной искупая.

ВИТОЗАРЪ къ *Вельможамъ.*

Ты хочешь,—и умрешь. По долгу поступая,
Влеките въ жертву вы отечества его.

Вельможи Велькара отводятъ.

ПЛАМИРА, *бросаясь къ Вельможамъ.*

Постойте, онъ мой сынъ!... не внемлютъ ничего....
Увиди, Витозаръ, у ногъ твоихъ вдовицу,
Досель сихъ гордыхъ странъ всевластную царицу,
Стенящу, горестну, забывшую себя,
Просящу милости у подданна тебя.
Чтобъ не унизиться, чего бъ я пожалѣла,
Когда бъ, къ несчастію, я сына не имѣла.
Но, ахъ! я мать: могу ль чтó нынѣ пощадить,
Чтобъ сына моего отъ смерти свободить?

ВИТОЗАРЪ.

Поди къ нему, поди, чтобы идти оттолѣ
Во гробѣ зрѣть его, иль видѣть на престолѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВИТОЗАРЪ, ИЗБАРЪ.

ВИТОЗАРЪ *Избару.*

А ты уготовлять вели ко браку храмъ.
Да будетъ, Небеса! сей бракъ угоденъ вамъ.
Имъ кончатся мои бѣды и злодѣянья.
Во ожиданіи достойна воздаянья,
Сбери ты силы всѣ усердья твоего
Скрыть мрачныя стези коварства моего.
По граду разглашай, что, мной не принужденна,
Пламира будетъ днесь со мною сопряженна.
Все преклоняся крѣпитъ мою здѣсь власть:
Одинъ Вамировъ видъ вѣщая мнѣ напасть,
Суровой строгостью весь духъ мой возмущаетъ.
Какого странника днесь домъ его вмѣщаетъ?
Кто онъ? извѣстно мнѣ, что, бѣденъ и презрѣнъ,
Сей странникъ у него и принятъ и почтенъ.
Скажи ему, когда его онъ не отвергнетъ,
Весь гнѣвъ мой на себя сей старецъ опровергнетъ.
А только лишь Вамиръ исполнитъ мой приказъ:
Ты, странника закрывъ отъ всѣхъ въ минуту глазъ,
Потщись узнать, кто онъ? зачѣмъ онъ здѣсь? откуда?
Мой духъ трепещущій зритъ пропасти повсюду.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИЗБАРЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ, *не видя Избара.*

Какая лютая по граду мчится вѣсть!
Дотолѣ можетъ ли забыть Пламира честь!

ИЗБАРЪ *Вамиру.*

О благѣ общемъ вѣсть внимай изъ устъ Избара,
Что, сердце преклоня къ желанью Витозара,
Пламира къ браку съ нимъ вступаетъ нынѣ въ храмъ,
Чтобъ княземъ истиннымъ его вѣнчати намъ.
Кто можетъ, днесь его противясь повелѣнью,
Безъ наказанья быть причастенъ дерзновенью?...

ВАМИРЪ.

Къ кому рѣчь клонится толь грозная?

ИЗБАРЪ.

Къ тебѣ.

ВАМИРЪ.

Страшась однихъ боговъ въ невидимой судьбѣ,
Безсиленъ удержать злодѣйствія успѣхи,
Кому содѣлалъ я ко счастію помѣхи?
Отъ свѣта отвращенъ, отъ пышностей далекъ,
Кого, забытый я, ко зависти привлекъ?

ИЗБАРЪ.

Скрываешь странника, и Витозаръ то̀ знаетъ.

ВАМИРЪ.

Иль добродѣтельнымъ онъ быть не позволяетъ?
Я призрилъ чуждаго и далъ ему покровъ.
Иль тѣмъ виновенъ я, что духъ мой не суровъ,
Что въ бѣдности моей несчастнымъ сострадаю?

О, Владисанъ! твою щедроту вспоминаю.
Подъ властію твоей что стоило похвалъ,
За то преступникомъ уже я нынѣ сталъ.

ИЗБАРЪ.

Владыки твоего покорствуя уставу,
Не подвергай себя его ты гнѣва праву:
Отвергнувъ странника, ты милостей ищи;
А ежели не то, — страшися, трепещи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАМИРЪ, *одинъ.*

Не сталъ бы трепетать, когда бы надлежало
Лишь только отъ себя врага отвергнуть жало;
Но я, храня отца народа своего,
Я ужасаюся, страдая за него.
О, пагубная страсть къ супругѣ лицемѣрной!
Какую я ему, въ его тоскѣ безмѣрной,
Къ отрадѣ принесу смертельну, страшну вѣсть?
Какую долженъ скорбь въ томъ сердцѣ произвесть,
Которо нѣжное, чувствительно, горяще
И отъ сомнѣнія ужъ кровію слезяще,
Послѣдній сей ударъ не можетъ пренести?
О, боги праведны! какъ мнѣ его спасти?
Злодѣйство, кое все пронырствомъ проницаетъ,
Его послѣдняго пристанища лишаетъ.
Благотворитель нашъ, въ плачевнѣйшей судьбѣ,
Не зритъ убѣжища въ отечествѣ нигдѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВЛАДИСАНЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ.

Какой опасности себя ты подвергаешь?
Мой князь!...

ВЛАДИСАНЪ.

Медленіемъ меня ты умерщвляешь.
Безвѣстья не могу я болѣе терпѣть.
Ты все ль узналъ? мнѣ жить, иль должно умереть?
Скажи, почто весь градъ, явя отрады знаки,
Печали истребилъ по мнѣ всеобщи мраки?
Какія радости готовятся въ сей часъ?
Какое торжество вѣщаетъ трубный гласъ?
Или Пламира, казнь сверша врагу коварну,
Открыла мнѣ пути къ народу благодарну?...
Но, ахъ! не то твой видъ вѣщаетъ мнѣ, мой другъ...

ВАМИРЪ.

Гонимый рокомъ князь! несчастнѣйшій супругъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Пронзай мнѣ грудь скорѣй, не утомляя болѣ.

ВАМИРЪ.

Свершити не могу.

ВЛАДИСАНЪ.

Въ моей несносной долѣ
Утѣшь меня, мнѣ давъ послѣдній ты ударъ.

ВАМИРЪ.

Скрѣпись. Съ Пламирою спряжется Витозаръ!

ВЛАДИСАНЪ.

Свершилось все!

ВАМИРЪ.

Мой князь, ты далъ твое мнѣ слово,
Чтобъ сердце нѣжное, на всѣ бѣды готово,
Превыше лютыя судьбины вознести,
Забывъ любовь, себя для славы соблюсти.
Се оный часъ пришелъ; ты будь себя достоинъ,
И, скорби одолѣвъ, спокойся.

ВЛАДИСАНЪ.

Я спокоенъ.

ВАМИРЪ.

Но сколько мнѣ сія ужасна тишина!
Подобна смертныя мнѣ кажется она.
Отъ сердца, тягостнымъ стѣсненнаго страданьемъ,
Отвергнуть горести не можешь ты стенаньемъ.
Молчанье лютое и смерти блѣдна тѣнь
Вѣщаютъ мнѣ, что твой пришелъ послѣдній день.
Такъ твой народъ отца ужъ больше не имѣетъ,
Несчастный твой народъ, увы, осиротѣетъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Пламира!

ВАМИРЪ.

Позабудь невѣрную жену,
И, устремясь спасать отеческу страну,
Помысли о своемъ ты собственномъ спасеньи.
На тронѣ нашъ тиранъ, смущаясь въ подозрѣньи,
Темнѣйши тайны знать въ своемъ пронырствѣ скоръ.
Уже коварный тó его проникнулъ взоръ,
Что странникъ принятъ мной, въ моихъ стѣнахъ таится;
Уже мой домъ тебѣ опасенъ становится.

ВЛАДИСАНЪ.

Такъ мнѣ пристанища на свѣтѣ болѣ нѣтъ!
Но вотъ мой гробъ: онъ мнѣ убѣжище даетъ.
Вотъ тронъ мой, вотъ мое отечество любезно,
Отрадно мнѣ въ сей часъ, пріятно и полезно....
Отъ счастія, вѣнца, Пламиры и отрадъ,
Вотъ что осталось мнѣ—лишь гроба смертный хладъ.

ВАМИРЪ.

Остался весь народъ, кѣмъ духъ твой усладится.

ВЛАДИСАНЪ.

Такъ нѣтъ сомнѣнія, и бракъ ихъ совершится?

ВАМИРЪ.

О, еслибъ я хотя сомнѣнье могъ имѣть!...

ВЛАДИСАНЪ.

О, еслибъ я возмогъ ее въ сей часъ узрѣть!...

ВАМИРЪ.

На то ль, чтобы, узря предавшуся тирану,
И паче растравить твою смертельну рану?

ВЛАДИСАНЪ.

Мнѣ рану растравить ужъ болѣе нельзя.
Хочу ее узрѣть, чтобъ, сердце изразя,
Предъ смертію моей ее увидѣть мертву,
Мученью моему растерзанну на жертву,
Окровавленную.... Вамиръ! вотъ вѣрность та,
Которую ко мнѣ измѣнницы уста
И гроба за предѣлъ хранити обѣщали!
Какую мнѣ любовь ея глаза вѣщали,
Какъ горькой должностью моей одушевленъ,
За общество противъ враговъ вооруженъ,
Отсель спѣшилъ искать и смерти я и славы.
Взоръ томный, полный взоръ прелестныхъ слезъ отравы,

Гласъ умирающій, рыданіе и стонъ
Мою ослабленну влекли всю душу вонъ.
Я думалъ, зря ея неизреченны муки,
Не можетъ перенесть она со мной разлуки;
Я думалъ, мѣря скорбь ея моей тоской,
Исчезнетъ для нея вселенна вся со мной,
Я думалъ.... какъ съ душой, я съ нею разлучаясь,
Что ежели, съ врагомъ за общество сражаясь,
Утрачу жизнь мою, то съ смертію моей
Угаснутъ и лучи ея печальныхъ дней,
Я думалъ.... а она, въ слезахъ своихъ притворна,
И страсти моего губителя покорна,
На то умѣла такъ стонать и слезы лить,
Чтобъ, уловя меня, удобнѣй грудь пронзить;
И брачныхъ, тягостныхъ ей узъ освобожденна,
Пріять въ одръ кровію моею обагренна.
О, Небеса!

ВАМИРЪ.

Сбери разсудокъ расточенъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Чтó дѣлалъ сей народъ, мной столько одолженъ?
Чтó дѣлалъ ты, Вамиръ?... въ усердіи спокойны,
Вы были ль своего властителя достойны?
Низвергли ль варвара въ Пламириныхъ глазахъ?
Тронъ, ими оскверненъ, преобратили ль въ прахъ?
Тирана оскорбивъ, подвергся ли кто казни?
Вы плакали о мнѣ, — вотъ весь сей жаръ пріязни!
Слезами ваша лишь платила мнѣ любовь;
Не слезы нужны мнѣ, Вамиръ, не слезы,—кровь.

ВАМИРЪ.

Ахъ, еслибъ, государь, всѣхъ нашихъ дней утрата
Не тщетна быть могла тебѣ отъ насъ отплата!

ВЛАДИСАНЪ.

Поди. У варвара ты милостей ищи;
Отъ гнѣва моего сокройся, трепещи!
Поди туда, поди, гдѣ счастье и порфира...
Страшися! все теперь мнѣ кажется Пламира.

ВАМИРЪ, *становясь на колѣна.*

Когда тѣмъ грусть твою ты можешь облегчить,
Чтобъ грудь мою пронзивъ, всю кровь мою пролить,
Рази! и будетъ мнѣ пріятна смертна рана,
Котора возвратитъ народу Владисана.

ВЛАДИСАНЪ, *поднимая Вамира.*

Прости, любезный другъ, жестокости мои.
Ты знаешь, сродны ли душѣ моей они.
Измѣнница мой часъ послѣдній помрачаетъ,
И сердце лучшее несчастье развращаетъ.
Я злобенъ? я? о, рокъ!

ВАМИРЪ.

Ты плачешь?

ВЛАДИСАНЪ.

Сей токъ слезъ
Жестокій, мрачный токъ не есть тотъ даръ Небесъ,
Когда на тронѣ я, несчастнымъ сострадая,
И въ благости моей возмездье обрѣтая,
Отъ радости, что я стенящихъ утѣшалъ,
Въ слезахъ я сладости сердечныя вкушалъ....
Прости. Ужъ на землѣ нѣтъ мѣста Владисану,
Прости, любезный другъ, я жить во гробѣ стану.
Но люто время то, въ которое мое
Межъ горькой жизнію и смертью бытіе,
Въ несносныхъ бѣдствіяхъ колеблясь, мутится,
Ужасно время то не долго продолжится.
Однимъ отмщеніемъ привязанъ къ свѣту я,

Единой яростью душа живетъ моя.
Лишь только кровію злодѣевъ насыщуся,
Со злобою моей и жизни я лишуся.

ВАМИРЪ.

Послѣдую тебѣ.

ВЛАДИСАНЪ, *удерживая его.*

Остановись, постой:
Тамъ будутъ Фуріи бесѣдовать со мной.

Входитъ въ гробницу.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

Театръ представляетъ глубокую ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИСАНЪ, *выходитъ изъ гробницы.*

Простерта мрачная завѣса тихой ночи.
Пламиры сладкій сонъ теперь смыкаетъ очи;
Во ожиданіи мнѣ смертна торжества;
Вкушаетъ даръ сего отрадна божества.
Кровавый мой тиранъ покоится на тронѣ,
Утѣшенъ, радостенъ своихъ злодѣйствъ на лонѣ,
Почіетъ все теперь, земля и небеса;
Единый только я, простерши очеса,
Въ ужасной пустотѣ стеню минуту кажду,
И, житель гроба, я дражайшей крови жажду;
Съ невѣрной не могу и купно умереть.
Напрасно льщуся я ее у гроба зрѣть.
Преступники оттоль свои отводятъ взоры,
Гдѣ счастіе мрачатъ ихъ совѣсти укоры....
Несчастный!... совѣсти?... ахъ, есть ли въ ней она?
Супруга своего свирѣпая жена,

Которая его убійцу въ одръ пріемлетъ,
Иль гласу совѣсти въ порочной страсти внемлетъ?
Во добродѣтели безплодной я моей,
Я только мучуся, какъ мучится злодѣй;
А счастливый порокъ, невинности подобенъ,
Во сердцѣ каменномъ спокоенъ быть удобенъ...
О, боги праздные, со громомъ въ небесахъ,
Одной невинности внушающіе страхъ!
Иль ужасаютъ васъ самихъ злодѣйства смѣлы?
Скажите, для кого громовы ваши стрѣлы,
Когда блаженствуетъ коварный Витозаръ?
Когда, чтобъ увѣнчать къ нему свой лютый жаръ,
Пламира!... о, судьба!... ты знаешь то, невѣрна,
Колико пламенна моя любовь безмѣрна.
Ты знаешь, какъ тебя супругъ твой обожалъ;
Твой взоръ, единъ твой взоръ мою судьбу вмѣщалъ!
Тобой лишь быть могу блаженъ и злополученъ;
А ты... слабѣетъ гласъ... кровь стынетъ... духъ раз-
мученъ,
Не можетъ болѣе сей мысли преносить.
Се мой послѣдній часъ... я долженъ смерть вкусить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ.

Мой князь!

ВЛАДИСАНЪ.

Оставь меня.

ВАМИРЪ.

Вкуси надежды сладость.

ВЛАДИСАНЪ.

Какую мнѣ принесъ, мой другъ, съ собой ты радость?
Или Пламирою, какъ прежде, я любимъ?
Отдай скорѣе жизнь ты чувствіямъ моимъ.
Вѣщай, отвѣтствуй мнѣ, какія внялъ ты вѣсти?

ВАМИРЪ.

Усердью слѣдуя, и должности, и чести,
Граждане вѣрные, храня къ тебѣ любовь,
Готовы за тебя пролить свою всю кровь,
Чтобы тебя опять увидѣть на престолѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

Пойдемъ, когда тò такъ, пойдемъ, не медля болѣ,
Тирану моему вонзить мечъ острый въ грудь.

ВАМИРЪ.

Но прежде должно намъ устроить вѣрный путь,
Гдѣ понесемъ на тронъ тебя, дражайшие бремя;
Къ собранью нужныхъ силъ потребно прежде время.
Чтò въ томъ, когда, воздѣвъ на рамена тебя,
Погибнемъ, и тебя съ собою погубя,
Когда и кровь твоя безцѣнная прольется?

ВЛАДИСАНЪ.

Но завтра мой злодѣй въ Пламирой сопряжется;
Но завтра тронъ, народъ и весь мнѣ свѣтъ — ничто.

ВАМИРЪ.

Стыдись, когда еще тебя терзаетъ то,
Что слабая жена, не чувствуя позора,
Порочна хочетъ быть, не потупляя взора;
Стыдись въ тотъ часъ, какъ сонмъ твоихъ вѣрнѣйшихъ чадъ....

ВЛАДИСАНЪ.

О, рокъ! такихъ ли я, Пламира, ждалъ наградъ?
Повсюду окруженъ тиранскими сѣтями,
Влача жизнь тяжкую пустынями, лѣсами,
Терпя всѣ бѣдствія, стѣсненный нищетой,
Питая духъ твоей одною красотой,
Въ надеждѣ сладостной, что ты хранишь мнѣ вѣр-
ность,
Несчастья моего не чувствовалъ безмѣрность,
И съ трона я низпавъ въ горчайшу саму часть,
Спокоенъ духъ имѣлъ и твердъ, презрѣвъ напасть...
Но такъ сраженну быть дражайшею рукою...
Ахъ! сжалься надъ моей растерзанной душою,
Ахъ! сжалься надъ моей ты яростью, Вамиръ!
На мѣсто брачнаго дадимъ кровавый пиръ.
Веди меня, веди въ тѣ гнусные чертоги,
Злодѣйству страшному гдѣ попускаютъ боги,
Я тамъ...

ВАМИРЪ.

Тамъ жизнь твою опасности предавъ,
Ихъ торжество свершишь, злодѣйству жертвой ставъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты видишь ли ко мнѣ невѣрной омерзенье?
Коль совѣсти ея не трогаетъ грызенье,
Коль сердце ей о мнѣ уже не говоритъ,
Хотябъ наружностью прикрывъ потока видъ,
Притворной скорьбію украшенна во злобѣ,
Пришла въ послѣдній разъ меня оплакать въ гробѣ.
Но, нѣтъ; въ любви забывъ и честь и Неба громъ,
Грядущая въ порокъ съ возвышеннымъ челомъ,
Во упоеніи преступническа жара
Не слышитъ и не зритъ окромѣ Витозара.

ВАМИРЪ.

Я зрю свѣтильника дрожащій, томный свѣтъ,
Идущихъ въ темнотѣ ко гробу онъ ведетъ.
Сокройся, государь.

ВЛАДИСАНЪ, *становясь на колѣна.*

О, вы, безсмертны боги!
Когда рѣшили то предѣлы ваши строги,
Чтобъ я, подобно какъ порочный человѣкъ,
Стеня, въ несноснѣйшихъ мученьяхъ кончилъ вѣкъ;
Воспомнивъ, что я, чтя едину добродѣтель,
На тронѣ смертнымъ былъ отрада, благодѣтель:
Въ награду мнѣ за то Пламиру дайте зрѣть,
И, грудь ея пронзивъ, съ ней купно умереть!

Отходитъ въ гробницу.

ВАМИРЪ.

Пойдемъ, гражданамъ всѣмъ его являя рану,
Уготовлять ударъ лютѣйшему тирану.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИСАНЪ *во гробѣ*, ПЛАМИРА, ЗЕНИДА *со свѣтильникомъ.*

ЗЕНИДА.

Подъ игомъ горести трепещущей ногой,
Влеча смертельное отчаянье съ собой,
У гроба можешь ли ты чѣмъ тоску умѣрить?

ПЛАМИРА.

Супруга моего иду я тѣнь увѣрить,
Что скоро, скоро съ нимъ здѣсь буду обитать.

ЗЕНИДА.

Какая люта мысль! когда должна спасать
Ты сына твоего, отдавъ тирану руку,
Ты сердца матери опять забыла муку,
И, отъ спасительна союза отвратясь,
Желаешь умереть, къ супругу обратясь.
Вѣрь мнѣ: онъ самъ, когда бъ могъ быть гласъ мертвыхъ
слышенъ,
Желая, чтобъ на тронъ былъ сынъ его возвышенъ,
Изъ гроба глубины къ тебѣ бы возстеналъ
И въ сынѣ спасть себя тебя бы умолялъ.

ПЛАМИРА.

Исполню я тò все, чтò долгъ повелѣваетъ.
Иль, сердце знавъ мое, Зенида помышляетъ,
Что я могу предать — о, страшна мысль! — кого?
Возлюбленный залогъ супруга моего —
Сіе подобіе драгого Владисана?
Лишь только вображу жестокости тирана,
Такимъ же варварамъ, каковъ онъ самъ свирѣпъ,
Хотящаго отдать въ кровавый ихъ вертепъ
Младенца, княжеской остатокъ жалкій крови,
Отторгнувь отъ моей сердечныя любови
Велькара, для того сношу еще сей свѣтъ;
О томъ едина мысль мнѣ смерти злѣй... нѣтъ, нѣтъ!
Мой сынъ, ты будешь живъ, ты будешь сынъ любезный!
Свершу сей лютый бракъ, сей бракъ тебѣ полезный.
Но я предъ алтаремъ въ присутствіи боговъ,
Связавша узелъ злой несносныхъ мнѣ оковъ,
Отъ коихъ днесь моя трепещетъ вся природа,
Передъ лицемъ вельможъ, передъ лицемъ народа,
Святѣйшей клятвою тирана обязавъ,
Чтобы Велькаровыхъ онъ былъ хранитель правъ,

Чтобъ Владисана кровь на тронѣ возсіяла,
Чтобъ сынъ мой счастливъ былъ за то, что мать страдала.
Потомъ изъ храма я, на гробъ сюда пришедъ,
Гдѣ мой супругъ моихъ не ощущаетъ бѣдъ,
Гдѣ ожидаетъ онъ свою Пламиру вѣрну,
Я съ жизнью сей рукой окончу грусть безмѣрну,
И тѣмъ исполню все, покорствуя судьбѣ,
Чѣмъ сыну я должна, супругу и себѣ.
Симъ средствомъ исцѣля мою несносну рану,
Жизнь сыну сохраню, а вѣрность Владисану.
Довольны будутъ сынъ, супругъ, я, Витозаръ.

ВЛАДИСАНЪ, *во гробѣ.*

Любезный внемлю гласъ и внемлю, о, ударъ!
На то, чтобъ слышать мнѣ злодѣйское названье.

ПЛАМИРА *Зенидѣ.*

О, ужасъ! слышишь ли во гробѣ ты стенанье?...
О, тѣнь, любезна тѣнь! мятуща весь мой умъ,
Окровавленный видъ, питанье горькихъ думъ!
Когда мой плачъ и стонъ и все мое страданье
Проникли до тебя въ безвѣстно пребыванье;
Когда тó истина, что съ прахомъ не погасъ
Сей нѣжный сердца жаръ, спрягалъ который насъ,
Внявъ голосъ мой въ сію горчайшую минуту,
Прости, что я могла склониться къ браку люту,
Прости, супруга я; но я, увы! и мать:
Я сына твоего должна въ сей день спасать;
Должна къ отрадѣ я дать видѣть на престолѣ
Твое подобье тамъ, тебя, гдѣ нѣтъ ужъ болѣ....

Во гробѣ слышенъ стонъ. — Пламира приближается къ гробу.

О, Владисанъ! души несчастной не тревожь,

Стенаніемъ твоимъ ты мукъ моихъ не множь.
Судьбины лютыя покорствуя удару,
Позволь симъ узамъ быть спасительнымъ Велькару.

ВЛАДИСАНЪ.

Моею кровію хотѣла ихъ купить:
Но боги не дадутъ злодѣйства совершить.

ПЛАМИРА.

Супругомъ лишь назвавъ во храмѣ Витозара...

ВЛАДИСАНЪ, *выходитъ.*

Могу ли ярости сдержать стремленье жара?
То мало, что живу во гробѣ я тобой,
Еще пришла на гробъ, чтобы ругаться мной,
Пришла твердить твое ужасно злодѣянье!

ПЛАМИРА.

Зенида! гласъ его!... любезное мечтанье!...
Зенида!... Владисанъ!... онъ самъ!... его черты!

ВЛАДИСАНЪ.

Невѣрна!

ПЛАМИРА.

Мой супругъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Я тотъ несчастный!...

ПЛАМИРА.

Ты!
Ты живъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Я живъ на то, чтобъ остріемъ смертельнымъ
Свершити казнь твоимъ злодѣйствамъ безпредѣльнымъ.

ПЛАМИРА.

Противна я тебѣ?... я жизни не брегу.

ВЛАДИСАНЪ.

Противна!...

ПЛАМИРА.

Поражай! вотъ сердце.

ВЛАДИСАНЪ.

Не могу....

Вострепещи, прервавъ священны узы брака!
И видя моего ты смертны тѣни зрака,
Недовершенное твое злодѣйство зри....
Должна ты умереть, преступница! умри.

Возноситъ мечъ, чтобъ Пламиру поразить.

ВАМИРЪ, *вбѣгаетъ съ гражданами.*

Удерживая руку Владисана.

Постой! что̀ дѣлаешь, супругъ ожесточенный!

ВЛАДИСАНЪ, *порываясь умертвить Пламиру.*

Что̀ должно, что̀ велитъ мой духъ преогорченный.

ВАМИРЪ, *удерживая его.*

Невинна... но тиранъ... она гонима имъ.

ВЛАДИСАНЪ, *бросая мечъ.*

Невинна! и тобой, какъ прежде, я любимъ!...

ПЛАМИРА.

Гоненія судьбы или мнѣ было мало?
Несчастной мнѣ еще сего не доставало!...
Такъ вѣрилъ ты, что я супругу моему
Могла... ты вѣрилъ?... нѣтъ, не вѣрилъ ты тому.

ВЛАДИСАНЪ, *упавъ къ ногамъ Пламиры.*

О, жизнь души моей! дражайшая Пламира!
Прости, когда душа моя горяща, сира,
Которой безъ тебя вселенная ничто,

Къ усугубленью мукъ воображая то,
Что можетъ оскорбить твою небесну душу,
Прогнѣвала тебя. Я жизнь мою разрушу,
Когда сравнишь твой гнѣвъ съ моею ты виной.

ПЛАМИРА.

Ахъ, можешь ли ты быть виновенъ предо мной!
Дражайшая вина страданія прелюта!
Все заплатила мнѣ толь радостна минута.
Ты живъ, забыто все; гоненія небесъ,
Неправота людей и весь мой адъ исчезъ.
Ты живъ, драгой супругъ, ты живъ, меня ты любишь!
Вкушай сихъ сладость слезъ, которы ты сугубишь.
Когда бъ, меня виня, чѣмъ виненъ Витозаръ,
Свершилъ ты надо мной смертельный твой ударъ,
Въ тотъ часъ, въ который бы тобой я смерть вкушала;
Въ тотъ самый часъ тебя любила бъ и прощала.

ВАМИРЪ, *къ гражданамъ, съ нимъ пришедшимъ.*

Друзья! вы видите тиранскихъ дѣло рукъ.
Преступникъ Витозаръ, содѣтель общихъ мукъ,
Издавна сѣя здѣсь своихъ злодѣйствій сѣмя,
Во злости медленной готовилъ гнусно бремя,
Чѣмъ нынѣ онъ тягчитъ на тронѣ согражданъ.
Сей змій, который намъ отъ адскихъ мраковъ данъ,
Кого здѣсь сонмище злодѣевъ обожало,
Въ изгибахъ хитрости свое вращая жало,
Тамъ нашего отца стремился уязвить,
Гдѣ онъ стремился кровь свою за насъ пролить.

ПЛАМИРА.

О, варваръ!

ВАМИРЪ.

Но мой сынъ, Вамирова отрада,
Былъ, съ помощью боговъ, злодѣйствію преграда;
Сей сынъ отечества, сей сынъ любезный мой
Отцу своихъ гражданъ пожертвовалъ собой.
О, сколько часть его должна намъ быть завидна!
И сколько бъ жизнь его тогда была постыдна,
Когда, чтобъ нѣсколько безславныхъ дней продлить,
Онъ умеръ бы навѣкъ хотящъ безъ чести жить.
Онъ въ гробѣ; но его свѣтъ славы озаряетъ;
Онъ дышетъ славою и ввѣкъ не умираетъ;
Онъ спасъ отечество, ему отца отдавъ.
О, Владисановыхъ защитники вы правъ,
Пріобрѣтенныхъ имъ его души добротой,
Начертанныхъ у насъ въ сердцахъ его щедротой!
Осталось нынѣ намъ то дѣло совершить,
Осталось намъ себя ко славѣ пріобщить,
Къ которой насъ мой сынъ изъ гроба приглашаетъ.
Иль васъ чудовище на тронѣ устрашаетъ?...
Нѣтъ, нѣтъ, друзья; не то являетъ мнѣ вашъ видъ:
Онъ гнѣва пламенемъ багрѣющій горитъ;
Онъ кровь злодѣйскую тирана лити жаденъ.
И кто возможетъ быть толико гнусно хладенъ,
Безчувственъ столько, подлъ, чтобъ Владисана зрѣть
И, зря, къ его врагу во гнѣвѣ не горѣть?

ВЛАДИСАНЪ.

Друзья! вашъ князь, вашъ другъ, ко смерти осужденный,
Супруги своея, престола, васъ лишенный,
Нигдѣ убѣжища на свѣтѣ не имѣлъ;
И вотъ — сей только гробъ его одинъ удѣлъ.
Но съ вами я теперь — да вострепещетъ злоба,

Я съ вами — и мнѣ шагъ одинъ на тронъ изъ гроба,
На оный тронъ, гдѣ васъ равно любилъ какъ чадъ.

ПЛАМИРА.

Пламира, Владисанъ, нашъ сынъ и весь сей градъ
Подъ игомъ варварскимъ презлѣйшаго тирана!
Со трона истина его ногой попрана.
Завѣсой честности закрытый сей злодѣй,
Сіе страшилище и неба и людей,
Все въ жертву принося своей прегнусной страсти,
Лишивъ меня всего, лишивъ супруга, власти,
Хотѣлъ, тиранствуя и сердцемъ онъ моимъ,
Чтобъ бракомъ я была соединенна съ нимъ.
Упорности моей назначилъ мнѣ въ награду
Онъ сына умертвить, — мою одну отраду!
Велькаръ несчастливый теперь въ его рукахъ.
Заутра я должна, о, страхъ! смертельный страхъ!
Иль лютый бракъ свершить, или лишиться сына.

ВЛАДИСАНЪ.

Открыта вся теперь злодѣйствъ его пучина,
Котору сокрывалъ коварства мракъ отъ глазъ.
Какою хитростью обманывалъ онъ васъ!
Вы зрите, тартаръ онъ, прикрытый небесами.

ВАМИРЪ, *вынимая мечь.*

Чтобъ истребить его, клянитеся мечами.

ХОРЪ *гражданъ, обнажившихъ свои мечи.*

Зри нашу клятву ты на острыхъ сихъ мечахъ!
На нихъ твоимъ врагамъ сверкаетъ смерть и страхъ!
Да упадетъ тиранъ со трона,
Смутя злодѣйствами нашъ градъ!
Сей врагъ, рушитель сей закона,
Да упадетъ во адъ!

ВАМИРЪ.

Друзья! усердья чадъ отцу стенящу сладко;
Но должно обратить намъ въ пользу время кратко,
Которое даетъ оставшей ночи мракъ;
Ужъ скоро, скоро здѣсь зари багряный зракъ
Предвозвѣститъ тотъ день, который зрѣть не долженъ
Кровавый нашъ тиранъ, въ злодѣйствахъ осторо-
женъ.
Пойдемъ, сообщниковъ число умножимъ мы,
И поспѣшимъ сюда извлечь изъ гроба тмы,
И возвратить на тронъ Пламиру, Владисана.

ПЛАМИРА.

Ахъ! сынъ несчастный мой во власти у тирана!

ВАМИРЪ.

Невинности его защита небеса.

ВЛАДИСАНЪ, *Пламирѣ.*

Въ минуты я сего сладчайшаго часа,
Въ который для тебя тобою оживаю,
За сына, за тебя я только уныváю.
Но какъ ни будетъ мнѣ днесь рокъ мой лютый строгъ,
Мнѣ счастье у твоихъ умреть любезныхъ ногъ!

ПЛАМИРА.

Ты счастье мнѣ принесъ на тронъ, гдѣ нынѣ злоба;
Я счастіе найду съ тобой и въ мракѣ гроба.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМИРА, ВЛАДИСАНЪ.

ПЛАМИРА.

Уже заря верхи горъ здѣшнихъ позлащаетъ.
Вамира медленность мнѣ сердце разрываетъ:
Въ усердіи своемъ Вамиръ остановленъ.
Конечно, онъ въ сей часъ тираномъ уловленъ?
Погибла я, увы! я зрю тебя надъ бездной.

ВЛАДИСАНЪ.

Сей сердцу моему толико страхъ любезной,
Сей трепетъ обо мнѣ и горестный сей стонъ
Мой гробъ мнѣ дѣлаетъ стократъ милѣй какъ тронъ,
Который нашъ тираннъ возмогъ у насъ похитить.
Да придетъ кровью онъ моей себя насытить;
Всей силою рабовъ злодѣйства вооруженъ,
Неправосудными богами покровенъ,
Да придетъ мнѣ явить свое чело крамольно.
Мнѣ добродѣтели моей одной довольно,
Довольно мнѣ меня злодѣйство устрашить,
Или безъ робости поцарски смерть вкусить.

Увижу, какъ снесутъ, хотя и безъ вѣнца,
Чело священно имъ властителя, отца.

ПЛАМИРА.

Или не знаешь ты сердецъ сихъ смертныхъ низкихъ,
Корыстью, слабостью всегда къ злодѣйству близкихъ?
Твой духъ возвышенный носяся въ небесахъ,
Не можетъ, уклонясь, провидѣть весь мой страхъ,
Который мракъ въ меня ползущихъ душъ вселяетъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Ихъ низость мнѣ не страхъ, презрѣніе внушаетъ.
Чего страшиться мнѣ, коль я тобой любимъ?
Съ такимъ же духомъ я въ сей часъ предстану имъ,
Съ такимъ же духомъ ждать моей и смерти стану,
Съ такою же душой отъ рукъ убійцъ увяну,
Съ какою царствовалъ, рача о счастьи ихъ.

ПЛАМИРА.

Теряешь ты меня въ геройскихъ чувствахъ сихъ
И сына твоего со мною забываешь.
Когда ты смертныхъ такъ за гнусность презираешь,
Что ты для нихъ себя не хочешь сохранить,
Чѣмъ сына можешь ты, Пламиру обвинить?
Сей сынъ, не устрашась ни рока, ни тирана,
Младенецъ, но явилъ, что сынъ онъ Владисана.
Спаси себя отсель; я слѣдую съ тобой:
Пламиры жалобы гонимыя судьбой,
И смертныхъ и боговъ склоняя къ отомщенью,
Найдутъ подвижниковъ супруга къ защищенью.
На тронахъ царствуетъ злодѣйство не вездѣ.
Мы обрѣтемъ владыкъ, которые въ бѣдѣ
Разящей насъ свои увидятъ оскорбленья.
Тирана противъ насъ имъ общи преступленья.

И добродѣтели отдать вѣнецъ твоей,
Возлюбленный супругъ! есть дѣло всѣхъ царей.

ВЛАДИСАНЪ.

Лишась вѣнца, могу ль я чуждыхъ ждать усердья,
И, ползая, искать у троновъ милосердья?
Когда властитель средствъ въ себѣ не можетъ зрѣть,
Позорна жизнь тогда и должно умереть.

ПЛАМИРА.

Въ какое ты меня отчаянье ввергаешь!
Ты мертвъ меня терзалъ, и живъ—еще терзаешь...
Но, ахъ! какой вдали мой слухъ пронзаетъ звукъ?
Вина ли радостей моихъ? вина ли мукъ?
Вамиръ, или тиранъ къ мѣстамъ симъ поспѣшаютъ?...
Спасенье ль, смерть ли намъ свѣщи тѣ возвѣщаютъ,
Которы, ускоря грядущій лютый день,
Прогнали до конца оставшей ночи тѣнь?...
Оттоль Вамиру путь; но путь сей тихъ и мраченъ...
Остатки вѣрности Вамиромъ плодъ утраченъ!
Сей шумъ, сей блескъ, супругъ драгой, для насъ свирѣпъ.
Оттуда громъ течетъ, гдѣ варваровъ вертепъ.
Для орошающихъ ты слезъ моихъ зѣницы
Скрой жизнь мою съ собой во мракѣ сей гробницы.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты любишь ли меня?

ПЛАМИРА.

Не вѣришь ты тому?

ВЛАДИСАНЪ.

Я вѣрю; но хочу, чтобъ сердцу моему
Не страхомъ, твердостью любовь ты доказала,
Которыя и смерть сама не прерывала.

ПЛАМИРА.

Безсильна, признаюсь... но ближе звукъ разитъ,
Свѣтъ умножается... о, видъ! о, страшный видъ!...
Вельможи, воины, жрецы, тиранъ кровавой!...
И дышетъ воздухъ весь смертельною отравой....
Пламиру любишь ты? за что жъ ты ей такъ строгъ?
Пламиру любишь ты? увидь ее у ногъ
Близъ смерти, своего просящую спасенья.
Содѣтель моего несноснаго мученья,
Свирѣпый Витозаръ, какъ ни былъ мнѣ жестокъ,
Съ такою лютостью не тяготитъ мой рокъ;
Не такъ меня терзалъ тиранскимъ сердца свойствомъ,
Какъ мучишь ты меня смертельнымъ симъ геройствомъ...
Ты долженъ моего супруга сохранить,
Котораго не могъ и врагъ мой погубить;
Кого моимъ слезамъ днесь Небо возвращаетъ.
За муки имъ оно невинность награждаетъ,
За горесть мнѣ мою лишь онъ одинъ цѣна,
А люто такъ тобой отъемлется она.
Не властенъ ты надъ симъ боговъ драгимъ мнѣ даромъ...
Когда жъ предъ варварскимъ узрю тебя ударомъ,
Трепещуща, зря смерть летящу на тебя,
Отъ вида лютаго освобожу себя,
Въ отчаяньи мое я сердце растерзаю,
И смерти страхъ твоей я смертью окончаю.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты хочешь; долженъ я желанье совершить,
И долженъ чести я себя тобой лишить:
Ты хочешь, — я иду во мракѣ скрыти гроба
Тотъ видъ, отъ коего содроглася бы злоба:

Иду я, робостью униженный твоей,
Иду, стыдяся самъ я слабости моей,
Котору ты одна во сердце мнѣ внушаешь.

ПЛАМИРА.

Тиранъ идетъ; поди, меня ты умерщвляешь,
Поди, сокрой себя, вруча меня богамъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Полезный богъ теперь едина твердость намъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ *во гробѣ,* ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, *Вельможи, Жрецы, Воины.*

ВИТОЗАРЪ.

Пламиру ль вижу я у тщетныя гробницы,
Встрѣчающу восходъ предутренней денницы
Того торжественна дражайшаго мнѣ дня,
Въ который бы себя со мной соединя,
На тронѣ ей сей гробъ забыти надлежало,
Любви досадной мнѣ изъ сердца вырвавъ жало?

ПЛАМИРА.

Мнѣ гробъ забыти сей?... какъ ты его забылъ?
Здѣсь скрыта жизнь моя! кто въ томъ виновенъ былъ?

ВАМИРЪ.

Виновенъ рокъ одинъ; его всевластна сила
Побѣду даровавъ, супруга умертвила.
Отвѣтствовать Небесъ кто можетъ за предѣлъ?

ПЛАМИРА.

Кто смертныхъ обмануть въ злодѣйствіи умѣлъ;
Иль можетъ въ счастіи надеждой гордой льститься
Отъ ока и боговъ всевидящихъ укрыться?

ВИТОЗАРЪ.

Какая рѣчь! кого виня злодѣйствомъ ты,
Смятенна горестью, творишь себѣ мечты?
О мнѣ ль сомнѣніе? всякъ можетъ ясно видѣть,
Что боги увѣнчавъ, не могутъ ненавидѣть,
И знакъ щедроты ихъ—на сей главѣ вѣнецъ,
И тò, что будешь мнѣ супругой наконецъ.

ПЛАМИРА.

Мнѣ быть супругою? тебѣ?

ВИТОЗАРЪ.

Дала ты слово.
Пылаетъ жертвенникъ и все уже готово.

ПЛАМИРА.

Дала я слово?

ВИТОЗАРЪ.

Ты. Свидѣтели мнѣ въ томъ
Вельможи и жрецы, и мещущіе громъ
Съ небесъ, которы клятвъ рушителей караютъ,
Безсмертны...

ПЛАМИРА.

А они тебя не поражаютъ?

ВИТОЗАРЪ.

Безсмертны, давшіе мнѣ нынѣ царску часть,
Мнѣ ввѣрили свою надъ смертными и власть.
Ступай во храмъ: моей покорствуя ты волѣ,
Рожденна къ власти, будь достойна на престолѣ
Ты рода твоего; сей родъ священный мнѣ
Лишь мною подкрѣпленъ быть можетъ въ сей странѣ,

Сей родъ, котораго стремится гнать судьбина.

Къ Вельможамъ.

Введите вы сюда ея любезна сына.

Велькара приводятъ.

ВИТОЗАРЪ, *продолжаетъ къ Велькару.*

Ужель вошедъ въ себя и пользы зря твои,
Согласенъ воспримать старанія мои?
Отъ славы твоея не отвращая взора,
Ты зришь ли, что во мнѣ тебѣ нужна подпора?
Отвѣтствуй, хочешь ли себя ты покорять?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я далъ уже отвѣтъ: еще ли повторять?
Пріятнѣй умереть мнѣ сыномъ Владисана,
Какъ сыномъ царствовать презрѣннаго тирана.

ВИТОЗАРЪ.

Младенецъ, юностью, безумствомъ ослѣпленъ
И въ слабости моимъ терпѣньемъ дерзновенъ,
На чемъ ты утвердилъ такую злость презрѣнну?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я слабъ отмстить за мать, за честь уничиженну;
Однако я не слабъ презрѣть тебя и смерть.

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу, должно мнѣ днесь власть мою простерть;
Ставъ выше ихъ мнѣ толь обидна униженья,
Возвысить ихъ къ себѣ, презрѣвъ отриновенья.
Ведите ихъ во храмъ.

ПЛАМИРА.

А любишь ты меня?
Почто же ты, па смерть несчастну обвиня,
Ты смерть мою въ сей день свершити ускоряешь?
Жестокостью ль одной ты мнѣ любовь являешь?

Покрытый смертiю богамъ явлю я зракъ,
Въ слезахъ, трепещуща... какой ужасный бракъ!
Коль хочешь, Витозаръ, въ любви меня увѣрить...
Любовь могу одной лишь кротостью измѣрить....
Ты сжалься надо мной, и бракъ ты сей отсрочь!
На время, день единъ, еще едину ночь
Ты дай у гроба мнѣ слезами насладиться...
Отъ гроба не могу въ сей часъ я удалиться....

ВИТОЗАРЪ.

Когда не можешь ты оставити сей гробъ,
Да сокрушится онъ, вина твоихъ мнѣ злобъ,
Источникъ горестей, которыми терзаясь,
На части сердце рвешь ты, мнѣ сопротивляясь.
Ступайте, воины, преобратите въ прахъ
Преграду моего вы счастiя.

ПЛАМИРА.

О, страхъ!

Бросаясь на воиновъ, хотящихъ исполнить повелѣнiе тирана.

Постойте, варвары! какое дерзновенье!
Нѣтъ, прежде нежели свершите преступленье,
Должны вы разстерзать мою стенящу грудь;
Сквозь сердце вамъ мое единый только путь.
Не приближайтеся: Пламира вамъ вѣщаетъ!
Пламира власть свою отъяту возвращаетъ....
На чтò? на то ль, чтобы престолъ мой возвратить?
Ахъ, нѣтъ! одну сiю гробницу сохранить.
Страшитесь: Владисанъ, здѣсь злобой пораженный....

ВИТОЗАРЪ.

Чтò можетъ твой супругъ, во гробѣ заключенный?
Скажи.

ВЛАДИСАНЪ, *являясь вдругъ изъ гроба.*

Преступника, тирана наказать.
Зря князя твоего, чтò можешь ты сказать?
Злодѣй!

ВИТОЗАРЪ.

Чтó вижу я?

ПЛАМИРА.

О, Владисанъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

Родитель!

ПЛАМИРА.

Вельможи! се вашъ князь! народъ! се твой спаситель!
Се горькихъ слезъ моихъ возлюбленный предметъ!
Разрушьте гробъ; теперь въ немъ больше нужды нѣтъ.

ВИТОЗАРЪ, *къ воинамъ.*

Возникнуть можетъ ли вашъ князь изъ вѣчна мрака?
И вамъ ли трепетать подложнаго призрака?
О, храбры воины! потщитесь истребить
Мечту, которую обманъ возмогъ родить.

ПЛАМИРА.

Обманъ!... сей слезъ потокъ обманъ ли вамъ вѣщаетъ?
Природы пусть одинъ тиранъ не ощущаетъ:
Привыкнувъ къ лютости, дыша коварствомъ онъ,
Возможетъ почитать притворствомъ сердца стонъ;
Но вы, или сему злодѣю вы подобны?
Или мученій тѣхъ не чувствовать удобны,
Которыя меня предъ вами тяготятъ,
И что онъ мой супругъ, толь ясно говорятъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Или, унывшіе подъ бременемъ тирана,
Не смѣете познать вы друга, Владисана?
Межъ вами ратниковъ тѣхъ славныхъ познаю,
Съ которыми я лилъ отважно кровь мою,
Которы къ славѣ мнѣ сопутниками были;
А днесь они чело подъ иго уклонили
Тирана гнуснаго, убійцы моего,
Чело, что̀ должно быть страшилищемъ его.

ВИТОЗАРЪ.

Страшитеся меня во гнѣвѣ предъ собою!
О, малодушные! послѣдуйте за мною:
Разити научу моею васъ рукой.

ВЕЛЬКАРЪ.

Постойте! онъ отецъ и мой и вашъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ВАМИРЪ, *вбѣгая поспѣшно съ толпою народа.*

ВАМИРЪ.

Постой!
Теперь осмѣльтеся забыть вашъ долгъ священный.
На трупахъ согражданъ путь кровью орошенный,
На трупахъ братіевъ тотъ долженъ сотворить,
Кто хочетъ въ лютости отцеубійцемъ быть.
Се общій нашъ злодѣй! се нашъ отецъ гонимый!

Вамиръ становится на колѣна предъ Владисаномъ, а за нимъ, какъ тѣ, которые съ нимъ пришли, такъ и тѣ, которые съ Витозаромъ были.

ВИТОЗАРЪ.
Послѣдній сей ударъ, ударъ неотвратимый!

ИЗБАРЪ, *держащій Велькара.*
Еще тебя, еще возможно защитить;
И коль нельзя спасти, возможно отомстить.

Направляетъ мечъ на грудь Велькира.

ПЛАМИРА.
Граждане, воины, спасайте всѣ Велькара!

ИЗБАРЪ.
Не приближайтеся, страшась сего удара.
Иль ваше торжество плачевно будетъ вамъ.

ПЛАМИРА, *къ тѣмъ, которые порываются противъ тирана.*
Постойте!... лютый видъ Пламиринымъ очамъ!
Мой сынъ, несчастный сынъ подъ остріемъ смертельнымъ!

ВЛАДИСАНЪ.
Чудовищи! такимъ злодѣйствомъ безпредѣльнымъ
Какія радости хотите вы сыскать?

ИЗБАРЪ.
Въ срединѣ счастія вамъ сердце растерзать.

ВЕЛЬКАРЪ.
О, боги! зрю отца и матерь я любезну!
А помощь ихъ закрыть мою не можетъ бездну.
Предъ смертью не могу я ихъ облобызать.
Прости, родитель мой! прости, о, нѣжна мать!

ВИТОЗАРЪ, *вырывая мечъ изъ рукъ Избара.*
Оставь злодѣйствіе толь гнусно и безплодно:
Погибнуть должно намъ, погибнемъ благородно.
Алкая въ страсти я Пламирою владѣть,

И добродѣтели, и все умѣлъ презрѣть.
Совмѣстника сего пронзити грудь стремился;
Охотно бъ и теперь я кровью обагрился,
Охотно бъ опровергъ престолы, алтари;
Для ней мнѣ все ничто, и боги и цари:
Но рокъ возвелъ мою надежду толь высоко,
Чтобъ было лишь мое паденіе глубоко;
Чтобъ страшный мной примѣръ вселенной показать,
Что боги есть всегда преступниковъ карать.
Пламиры я лишенъ, себя не защищаю;
Прервите вы вашъ стонъ, вамъ сына возвращаю.

ПЛАМИРА, *обнимая Велькара.*

О, сынъ возлюбленный! сынъ сердца моего.

ВЛАДИСАНЪ, *Витозару.*

Симъ дѣйствомъ тяготу преступка твоего
И лютость мнѣ твоихъ гоненій облегчаешь,
И душу ты мою на благость преклоняешь!
Ты добродѣтелью былъ славенъ въ сей странѣ;
Пребудь таковъ, живи и буди другомъ мнѣ.
Тебѣ всѣ милости я прежни предлагаю,
Тѣ милости мои....

ВИТОЗАРЪ, *закалывается.*

А я ихъ отвергаю.
Тебя лищаю средствъ мнѣ милости казать;
Не можешь ты меня ужъ ими унижать....
Пламира не моя, — коль такъ судьбы мнѣ строги,
Чѣмъ милостивы быть мнѣ могутъ сами боги?

Къ Избару.

А ты, который мнѣ толь твердый духъ казалъ,
Какъ я злодѣйства въ путь идущій унывалъ,
Меня смятеннаго въ преступкахъ ободряя,

Учися у меня, ты грудь свою пронзая,
Достойное твоимъ неистовствамъ воздать.

ИЗБАРЪ.

Иду тебя, иду и въ гробъ препровождать.

Закалывается.

ВАМИРЪ.

Оставь, мой князь, сіи мѣста, злодѣйствомъ полны.
Желаньемъ зрѣть тебя народа шумны волны
Видѣньемъ твоего ты взора укроти;
Какъ солнце намъ себя по бурямъ возврати;
Яви ты здѣшнихъ странъ на тронѣ озаренье.

ВЛАДИСАНЪ.

Пойдемъ во храмъ, воздать богамъ благодаренье.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОЛКЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЯРОПОЛКЪ, князь кіевскій.	{	сыны Святослава,
ВЛАДИМІРЪ, князь новгородскій.	}	князя всероссій-
	(	скаго.

РОГНѢДА, княжна полоцкая.

КЛЕОМЕНА, княжна греческая, плѣненная Святославомъ при покореніи Херсонеса и живущая у Ярополка.

СВАДЕЛЬ, вельможа Ярополковъ.

ВАДИМЪ, вельможа Владиміровъ.

ВАЛЬМИРА, наперсница Рогнѣдина.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ княжескихъ чертогахъ.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОЛКЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

СВАДЕЛЬ.

Въ печальныхъ Кіева стѣнахъ Вадима зря,
Могу ль надѣяться, что тихая заря
По грозныхъ буряхъ намъ отъ Волхова блистаетъ?
Ужель Владиміръ мечъ злодѣйственный влагаетъ,
Который въ ярости на брата устремлялъ?
Россію росскій князь Россіей истреблялъ!
Ужель отрада есть стенящему народу?

ВАДИМЪ.

Сомнѣнья не имѣй; и радуйся приходу
Владиміра въ сей градъ. Внимай желанну вѣсть,
Творящую тебѣ, Свадель, безсмертну честь;
Вкушай плоды твоей къ отечеству любови.

Ты словомъ заградилъ потоки общей крови,
Изъ рукъ исторгнувъ мечъ у князя моего,
Изъ тигра въ агнца ты преобратилъ его.
Увѣдомленъ тобой, что жаръ исчезъ той страсти,
Въ которой Ярополкъ, Россіянъ для напасти,
Рогнѣдою горя, ему соперникъ былъ,
Въ раскаяніе гнѣвъ Владиміръ премѣнилъ;
И, чая окончать онъ страстна сердца стоны,
Быть добродѣтельнымъ не зритъ себѣ препоны.

СВАДЕЛЬ.

Блаженства общаго, о, гнусная вина!
Къ чему, Россія, ты теперь приведена
Волненіемъ страстей твоихъ князей строптивыхъ!
Твоя зависитъ часть отъ взоровъ женъ кичливыхъ.
Страна героевъ, днесь игралище любви,
Вѣрнѣйшихъ чадъ твоихъ ты плаваешь въ крови:
Но меньше ль и тогда ты будешь униженна,
Какъ злоба братьевъ сихъ пребудетъ прекращенна?

ВАДИМЪ.

Иль новая грозитъ отечеству напасть?

СВАДЕЛЬ.

Та жъ самая любви толь пагубная страсть
Несчастій нашихъ видъ лишь только премѣняетъ;
Раздоры потуша, намъ низость представляетъ
И въ ново бѣдствіе влечетъ сію страну.
Ты знаешь греческу плѣненную княжну,
Сію унылую, прекрасну Клеомену?
Она содѣлала толь чудную премѣну:
И слабый Ярополкъ, Гречанкой ослѣпленъ,
Рогнѣду позабывъ, даетъ себя ей въ плѣнъ.
Ты зришь теперь, Вадимъ, что̀ миръ сей устрояетъ.
Любовь одна князей душею управляетъ,

И льстивою маня Россіи тишиной,
Готовитъ свой ударъ надъ Кіевской страной;
А я хочу ихъ влечь, прервавъ гражданъ напасти,
Ко славѣ отъ стыда, ко должности отъ страсти;
И слабость истребя изъ княжескихъ сердецъ,
Ихъ славою хочу быть общихъ благъ творецъ,

ВАДИМЪ.

Но страсти ихъ, когда гражданъ умолкнутъ стоны,
Блаженству общему быть могутъ ли препоны?
Рогнѣдѣ ль Ярополкъ, Гречанкѣ ли супругъ,
Не все ли то равно, коль обществу онъ другъ,
Коль прекратитель онъ намъ пагубнаго рока?

СВАДЕЛЬ.

Кто страстенъ, слабъ; кто слабъ, тотъ близокъ отъ порока.
Когда бы княжескій съ Гречанкою союзъ
Касался только лишь однѣхъ любовныхъ узъ;
Когда бы страсть его во сердцѣ затворенна
Къ позору не была престола устремленна,
И еслибъ онъ, любя, Россіи не вредилъ,
Пускай Гречанку бы на тронъ къ себѣ взводилъ.
Но прежнія лютѣй вкушая онъ отраву,
И для утѣхъ своихъ забывъ и долгъ, и славу,
Отца великаго отмещетъ плодъ побѣдъ
И Грекамъ Херсонесъ обратно отдаетъ:
За сердце плѣнницы, ея младенцу-брату
Готовитъ тамъ престолъ Россіи во утрату.
Онъ все любви своей на жертву принесетъ.
На тронѣ Россовъ Грекъ раба себѣ найдетъ,
На твердомъ тронѣ семъ, герои гдѣ владѣли,
Отколѣ молніи ужасныя летѣли,

Объятый Ярополкъ цѣпями изъ цвѣтовъ,
Задремлетъ и падетъ къ ногамъ своихъ враговъ.

ВАДИМЪ.

Предвижу бѣдствіе и дни безчестьемъ полны.

СВАДЕЛЬ.

Довольно ли, Вадимъ, чтобы ревущи волны
Со брега тщетно зря, въ уныніи стонать?
Намъ должно дѣйствовать и согражданъ спасать,
И, для отечества низвергшися въ пучину,
Погибнуть, иль его предупредить кончину.
Вельможей на чреду поставлены судьбой —
На вышней степени на то ли мы съ тобой,
Чтобъ бреннымъ возносясь лишь правомъ славна рода,
Во гордой праздности, какъ идолы народа,
Пріемля расточенъ безплодно ѳиміамъ,
Безъ чувствъ, гражданъ своихъ мы зрѣли бъ слезы, срамъ,
И блескомъ только титлъ души скрывая малость,
Что жили мы, о томъ оставили бы жалость?...
Народамъ и царямъ вельможи суть оплотъ.
Коль въ буйности на тронъ волнуется народъ,
Вельможей долгъ его остановлять стремленье;
Но если царь, вкуся величества забвенье,
Покорныхъ подданныхъ во снѣдь страстямъ поправъ,
Изступитъ изъ границъ своихъ священныхъ правъ,
Тогда вельможей долгъ привесть его въ предѣлы.

ВАДИМЪ.

Твоей претвердыя души совѣты смѣлы
Я внемля, слѣдовать тебѣ готовъ во всемъ;
Но вѣрныхъ средствъ не зрю въ намѣреньи твоемъ....

СВАДЕЛЬ.

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не льстить страстямъ князей —
Вотъ были способы всегда души моей,
Съ которыми хотя бъ вселенна, рушась, пала,
Душа бы и тогда моя не трепетала!

ВАДИМЪ.

Я, удивляяся геройству такову,
Превосходящему всеобщую молву,
Коль нашихъ яростныхъ князей воображаю,
Успѣховъ никакихъ себѣ не предвѣщаю.

СВАДЕЛЬ.

Еще не весь для насъ исчезъ надежды свѣтъ.
Любовь ихъ созвала, а слава сопряжетъ.
Взлагая на гражданъ претяжкой власти бремя,
Порочны; но они героевъ нашихъ племя.
Свирѣпства въ ихъ сердцахъ тирановъ нѣтъ прямыхъ;
Лія кровь подданныхъ, о бѣдствѣ плачутъ ихъ.
Къ отрадѣ Россовъ средствъ я много обрѣтаю,
И даже на любовь надежду возлагаю.
Гречанки горестной необоримый хладъ,
Ея презрѣніе на мѣсто всѣхъ отрадъ,
Которыхъ Ярополкъ въ любви безплодной чаетъ,
Мое намѣренье успѣхомъ увѣнчаетъ.
Я знаю моего кипящій князя нравъ:
Свою возлюбленну въ досадѣ растерзавъ,
Со ненавидимой Рогнедой съединится.
Симъ способомъ и самъ Владиміръ исцѣлится.
Лишенъ надежды всей къ успѣху въ страсти злой,

Исчезнетъ человѣкъ, останется герой.
Вадимъ! любовь всегда съ надеждой погасаетъ.
Но се Владиміръ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ, *самъ къ себѣ.*

Все мои вины вѣщаетъ.
Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ,
Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возращенъ,
Гдѣ добродѣтели великой зрѣлъ примѣры;
А я... о, рокъ! моимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры!
О, бѣдоносна страсть! о, пагубна любовь!
Вокругъ меня моихъ гражданъ дымится кровь!
Остатки зданія разрушенна курятся!
Опустошеніе и смерть повсюду зрятся!
Безславны толь слѣды загладить чѣмъ могу?
Ко брату миръ несу какъ лютому врагу!

Къ Сваделю.

Свадель! зри съ ужасомъ ты сына Святослава.
Увидь чудовище, низринувше всѣ права!
Нелицемѣрный другъ героя и отца,
Какъ долженъ презирать ты россихъ бѣдъ творца!

СВАДЕЛЬ.

Терзался, зря тебя порочна, развращенна,
Могу ли не любить въ путь славы обращенна?

ВЛАДИМІРЪ.

Меня?... но какъ врага отечества жалѣть,
Который самъ себя не долженъ бы терпѣть,
Который громъ небесъ злодѣйствомъ привлекаетъ,
Котораго сей громъ на то не истребляетъ,
Что не достоинъ онъ быть Небомъ пораженъ,
А только челюстью лишь ада поглощенъ?

СВАДЕЛЬ.

Съ собою принося отечеству отраду,
Прерви противъ себя толь смертную досаду.
Несчастьемъ приведенъ порочнымъ, лютымъ быть,
И славу возлюбя, ты долженъ позабыть,
Что совѣсти твоей грызенія питаетъ.
Ко славѣ на пути тотъ медленъ, кто страдаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Намѣсто, чтобъ мои страданья укрощать,
Ты горести мои старайся умножать.
Къ усугубленію полезнаго мученья,
Коль можешь, увеличь мнѣ совѣсти грызенья,
Убійца яростный Рогнѣдина отца,
Рушитель града ихъ и хищникъ ихъ вѣнца,
Врагъ брату моему, Россіи возмутитель,
И смертныхъ и боговъ кровавый оскорбитель,
Вселенной ужасъ, страхъ и извергъ естества,
Кому лишь фуріи едины божества...
Когда бъ не совѣсти терпѣлъ я казни строги,
Забылъ бы, можетъ быть, что мстители есть боги.

СВАДЕЛЬ.

И такъ, толь сильнаго раскаянія гласъ
Вѣщаетъ ясно мнѣ, что огнь вражды угасъ,
Которымъ пожиралъ Россію ты несчастну;
Что жизнь минувшую и мрачну, и ужасну

Кляня, покажешь всѣмъ, что сынъ героя ты.
Дерзай преобратить прошедшее въ мечты.
Свирѣпа, гнѣвнаго, любовью униженна
Забудь Владиміра въ пороки погруженна
И будь Владиміромъ грядущимъ славы въ путь.
Къ отечеству твою наполнивъ жаромъ грудь,
Искореня навѣкъ вражду въ объятьяхъ брата,
Яви, что всякая тебѣ сносна утрата,
Когда отечество возможешь ты спасти.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ должно ль жизнь ему на жертву принести?

СВАДЕЛЬ.

Велика ль жертва та, чтобъ только жизнь утратить?
Обыкновенный духъ такой цѣною платить.
Какой Россіянинъ, отечество любя,
На пользу общества не принесетъ себя?
Но одолѣть себя для счастія народа,
Презрѣвъ отрады всѣ, прельщаетъ чѣмъ природа,
Жить для отечества страдая и крушась....

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу!... трепещу!... какой ужасный гласъ!...
Рогнѣда!... Ярополкъ!... я самъ себя страшуся....
И такъ обманутъ я, надеждой тщетной льщуся?...
О, Небо! ты, такимъ несчастьемъ мнѣ грозя,
Злодѣйства упреди, меня въ сей часъ разя.

СВАДЕЛЬ.

Такъ, благо общества, великихъ душъ утѣха,
Лишь страсти твоея зависитъ отъ успѣха?
Коль гнѣва твоего отринется ударъ,
Не твой ужъ будетъ то, любви то будетъ даръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я къ добродѣтели теку, въ ней славу вижу;
Но безъ Рогнѣды все опять возненавижу.

СВАДЕЛЬ.

Что сердце отвратилъ свое твой братъ отъ ней,
Ни малаго о томъ сомнѣнья не имѣй.
Стенаньемъ гордости, свидѣтелемъ измѣны,
Рогнѣда подтвердитъ сей истину премѣны.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ будешь ты моя!... Но, ахъ! въ драгихъ очахъ
Лютѣй чудовищей, носящихъ смерть и страхъ,
Какою льститься я могу отъ ней любовью?
Какъ, обагренному ея дражайшей кровью,
Предстать мнѣ ей, и чѣмъ то сердце преклонить,
Которое я такъ свирѣпо могъ разить? —
Вотъ право: я ея породы истребитель!
Вотъ титло: я всего отечества губитель!
Влекомый фуріей, а не любви рукой,
Любезной достигалъ кровавою рѣкой.

СВАДЕЛЬ.

Хоть раны, данныя тобою, и глубоки —
Но бѣдства прошлыя не столько намъ жестоки.
Всю злобой упоя, презрѣнная любовь
На брата твоего ея волнуетъ кровь
И лютость ей твою въ забвеніе приводитъ.
Надежды нѣкій лучъ мой духъ тебѣ находитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ праведну ея мнѣ злобу истребить,
Скажи, что̀ дѣлать мнѣ, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Героемъ быть.
И брату показавъ весь стыдъ его безъ лести,

Подать ему самимъ собой примѣры чести,
Явить его глазамъ, что ты, забывъ вражды,
Дабы загладить всѣ отечества бѣды,
Вознесши гордый духъ превыше мрачной страсти,
Освободилъ себя ея позорной власти.
Гнушайся явно тѣмъ, что твой порочный братъ
Во славѣ не ища равно, какъ ты, отрадъ,
Любовью предъ тобой во узахъ Грековъ связанъ,
Того не помнитъ, чѣмъ отечеству обязанъ:
Представь ему... Но мнѣ ль героя наставлять,
Какъ долженъ онъ себя героемъ представлять.
Могу ли такъ вѣщать, какъ дѣйствовать ты можешь?
Когда отечества бѣдамъ конецъ положишь,
Когда изъ братнина исторгнешь сердца ты
Россіи вредныя Гречанки красоты,
Тогда со славою предстанеши Рогнѣдѣ:
Она, узрѣвъ тебя въ преславной сей побѣдѣ,
Всю ненависть къ тебѣ въ почтенье превратитъ:
Герой лишь будетъ зримъ, а врагъ ея забытъ,
И гордый духъ ея, измѣной оскорбленный,
Жестоко желчію презрѣнья упоенный,
Измѣннику врага, конечно, предпочтетъ,
Котораго любовь виной ея всѣхъ бѣдъ.
Скорѣе мы враговъ удары забываемъ,
Какъ оскорбленья тѣхъ, которыхъ обожаемъ.
Се братъ твой! Помни: чтобъ Рогнѣду заслужить,
Героя долженъ ты теперь въ себѣ явить.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Мнѣ боги наконецъ щедроту изъявили:
Россіи счастіе, мнѣ брата возвратили,
Который на меня такъ люто воруженъ....
Но что́, забудемъ то, чѣмъ духъ нашъ униженъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Воззримъ на тѣ мѣста, гдѣ наша злоба дышетъ,
Кровавой гдѣ рукой безчестіе намъ пишетъ,
Гдѣ слышанъ стонъ гражданъ, и гдѣ, о, вѣчный стыдъ!
Братъ брата своего, и сынъ отца разитъ.
Пріемля отъ князей своихъ примѣры яры,
Герои днесь стремятъ разбойничьи удары.
То само воинство, съ которымъ Святославъ,
Великій нашъ отецъ, ко славѣ путь начавъ,
Толь часто потрясалъ престолъ коварныхъ Грековъ—
Подъ властью нашею презрѣнье человѣковъ.
Сражаяся съ собой за нашъ Россія стыдъ,
Сама себя во грудь своимъ мечемъ разитъ.
Давно вѣнцы на насъ; что̀ жъ дѣлаемъ на тронѣ?
Мы страстны, государь, а подданны во стонѣ.
Князья ли мы? и въ чемъ Владиміръ, Ярополкъ,
Для блага подданныхъ, исполнили свой долгъ?
Который гражданинъ, утѣшенъ нашей властью,
И скиптра нашего не чтя себѣ напастью,
Въ восторгѣ радости вкушая сладость слезъ,
Князей своихъ нарекъ щедротою небесъ?
Ліются токи слезъ, но горесть проливаетъ;

Подъ властью нашей все дрожитъ и унываетъ;
Все гибнетъ пламенемъ и гибнетъ все мечемъ.
Мы правимъ здѣсь; а мы въ погибель все влечемъ.
Отечества враги на троны вознесенны,
Какъ терпятъ боги насъ, злодѣйствомъ раздражен-
ны?...
Но слезы вижу я, мой братъ, въ очахъ твоихъ.
Не тщися удержать стремленія ты ихъ.
Не слабость то, когда отечество страдаетъ.
Природы извергъ тотъ, кто жалости не знаетъ.
Пускай въ свирѣпости стыдится слезъ тиранъ:
Не слезы днесь текутъ, но счастіе гражданъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ! если бъ чувствія толико благородны,
Къ которымъ кажемся довольно оба сродны,
Мой братъ, давно пріявъ, себя преодолѣлъ,
Когда бъ, предвидя зло, онъ слезы лить умѣлъ:
Онъ брата бъ не привелъ къ защитѣ устремиться,
И храбрости своей противъ него стыдиться.

ВЛАДИМІРЪ.

Но толико ли сіе уничижаетъ насъ,
Чѣмъ я виновенъ былъ, забывъ природы гласъ?
Есть бѣдства безъ меня Россіи къ униженью:
Я слышалъ, общаго врага къ возстановленью,
Плѣненный плѣнницы заразами твоей,
Во угожденіе ты слабости своей,
Въ дарахъ горящія твоей любви безмѣренъ,
Побѣды помрачить россійскія намѣренъ?

ЯРОПОЛКЪ.

На пользахъ скипетра я вѣся власть мою,
Съ престола никому отчета не даю.

Симъ бракомъ утвердя владѣнье здѣсь безбѣдно,
Въ томъ пользу я найду, что̀ кажется быть вредно.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ тщетно нашъ отецъ для Россовъ побѣждалъ?
Чтобъ славны были мы, вотще того желалъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Онъ свой престолъ возмогъ побѣдами прославить;
Я миромъ возмогу ту честь себѣ доставить.
Но то, что́ мной еще доднесь не рѣшено,
Не будетъ, можетъ быть, и ввѣкъ совершено.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ можетъ, государь, еще Рогнѣда льститься?...

ЯРОПОЛКЪ.

За тѣмъ ли здѣсь мой братъ, чтобъ только извѣститься,
Кѣмъ духъ пылаетъ мой? ты миръ ко мнѣ принесъ.
Ко благу общества или твой жаръ исчезъ,
Или къ избранью здѣсь любовницъ мы стремимся?
Оставимъ слабости и оныхъ устыдимся.
Что въ томъ, Рогнѣдѣ ли, Гречанкѣ ль я супругъ,
Когда отечество любя, тебѣ я другъ? —

Къ Свадѣлю.

Поди, Свадель, и градъ наполнивъ торжествами,
Народу возвѣсти желанный миръ межъ нами.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА.

ЯРОПОЛКЪ.
Прихода твоего чтò мнѣ считать виной?
Или увидѣться желала ты со мной?

КЛЕОМЕНА.
Я шла къ мѣстамъ, гдѣ братъ мой заключенъ, страдаетъ,
И тщетно отъ Небесъ спасенья ожидаетъ.

ЯРОПОЛКЪ.
Спасти его одна возможетъ власть твоя.

КЛЕОМЕНА.
Лишенная всего, могу ль чтò сдѣлать я?

ЯРОПОЛКЪ.
Все можешь, все; и бывъ вселенной мнѣ милѣе,
Оружья Грековъ всѣхъ едина ты сильнѣе.
Польсти хоть взоромъ мнѣ твоихъ драгихъ очесъ —
И брату въ тотъ же часъ подвластенъ Херсонесъ.

КЛЕОМЕНА.
Ты брату наградишь всю счастія премѣну;
Но чѣмъ обрадуешь печальну Клеомену?
Чтó въ томъ, что буду здѣсь на тронѣ обладать?
Величье счастія не можетъ намъ подать.
Могу ли позабыть, терзаясь повсечасно,
Сколь было ваше намъ оружіе ужасно?
Ты брату возвратишь державу и вѣнецъ;
Но гдѣ любовникъ мой, скажи, и гдѣ отецъ?

ЯРОПОЛКЪ.
Погибъ любовникъ твой и твой отецъ навѣки:
Но я остановить хочу слезъ горькихъ рѣки,

Исторгнуты изъ глазъ твоихъ отцемъ моимъ;
Я все презрѣвъ, хочу супругомъ быть твоимъ.
Иль славныхъ Россовъ князь не стоитъ мрачна Грека,
Однимъ родствомъ царямъ извѣстна человѣка,
Который въ счастіи изъ гроба мнѣ претитъ?

КЛЕОМЕНА.

Мой князь! сей Грекъ, кого твой духъ толь мало чтитъ,
Герой, за общество пролившій токи крови,
Какимъ ко мнѣ горѣлъ онъ пламенемъ любови,
Ты видишь, о, мой князь! изъ токовъ слезъ моихъ.
И, ахъ! ты слышишь то въ стенаньяхъ горькихъ сихъ,
Чего былъ сей герой возлюбленный достоенъ.
Мой жаръ къ нему его кончиною удвоенъ.
Лишился жизни онъ, мой духъ навѣкъ плѣня;
Всего лишился онъ, но только не меня.
Онъ сердце горестно, всечасно населяетъ;
Мое стенаніе его одушевляетъ.
Одинъ мой только плачъ награда всѣхъ заслугъ,
Въ которыхъ похищенъ его геройскій духъ.
Ввѣкъ будетъ въ мысляхъ жить сія душа геройска;
Сей ужасъ вашего неодолима войска.
Ты помнишь, онъ одинъ, какъ лютый твой отецъ
Стремился съ моего отца сорвать вѣнецъ,
Единый лишь Фаретъ противуополченный,
Любовью самъ себя превыше вознесенный,
Сражаясь, вашихъ всѣхъ мечемъ остановилъ.
Я плѣнна бъ не была, когда бы живъ онъ былъ.
Онъ въ брани палъ, и съ нимъ упали наши стѣны,
И счастье пало все стенящей Клеомены.
Героя мнѣ сего возможно ль позабыть?
И, позабывъ его, твоей супругой быть?

ЯРОПОЛКЪ.

Я вижу, что тебя мнѣ должно ненавидѣть,
Я вижу.... но страшись меня во гнѣвѣ видѣть,
Жестокая! страшись въ отчаянье привесть:
На жертву мщенію все, все могу принесть.
Меня теперь и самъ Владиміръ укоряетъ,
Что должность Ярополкъ въ твоихъ красахъ теряетъ,
Что славу я отца, къ тебѣ горя, мрачу;
Но я тебѣ за стыдъ мой вскорѣ отплачу.
Преодолѣвъ себя, чѣмъ должно быть, явлюся,
На гибель Грековъ я со братомъ примирюся.
Я больше сдѣлаю: не могши быть любимъ,
Растерзанъ, огорченъ презрѣніемъ твоимъ,
Я гнѣву моему предѣловъ не увижу:
Какъ смертно я люблю, я такъ возненавижу.
Кровь брата твоего безъ жалости пролью
И оправдаю тѣмъ я ненависть твою.

КЛЕОМЕНА.

И такъ умретъ мой братъ несчастенъ и безсловенъ,
Лишь только мукою сестры своей виновенъ!
За чтó погибнетъ онъ? — что плачу я и рвусь;
Но кто жъ виновенъ въ томъ, что смертно я крушусь?
Гоненья твоего отца ты самъ свидѣтель;
А братъ невинный мой какихъ вамъ бѣдъ содѣтель?

ЯРОПОЛКЪ.

Блаженство общества, достоинство вѣнца
И слава нашего великаго отца,
Мой долгъ и самъ мой братъ, и все мнѣ возглашаетъ,
Что пламень мой къ тебѣ честь нашу разрушаетъ,
Что лютой страстію, въ чемъ я отрадъ не зрю,
Ко утвержденію лишь Грековъ я горю.
Я очи отворилъ и все я вижу ясно:

Коль братъ твой будетъ живъ, для Россовъ тѝ опасно.
Взмужавъ, потщится онъ престолъ свой возвратить
И побѣдителямъ обиды отомстить.

КЛЕОМЕНА.

Достойная вина сердцамъ геройскимъ страха!
Боятся, чтобъ мой братъ, свой павшій тронъ изъ праха
Воздвигнувъ, ополчась, обиды не отомстилъ;
Но кто жъ въ героевъ сихъ опасность ту вселилъ?
Кто въ нихъ внушилъ сей жаръ свирѣпѣйшаго гнѣва?
Младенецъ заключенъ и плачущая дѣва!

ЯРОПОЛКЪ.

Поди, поди обнять ты брата своего;
Но помни то, чѣмъ ты должна спасти его.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Рогнѣды гордыя не познаю я болѣ:
Ко трону званная еще не на престолѣ.
Невѣрный Ярополкъ, презрѣвши свой обѣтъ,
Тронъ, сердце отъ нея къ ногамъ иной несетъ;
А духъ, Рогнѣдинъ духъ не прибѣгаетъ къ мести?

РОГНѢДА.

Кто гнусенъ предо мной, не стóитъ гнѣва чести.
Жду съ равнодушіемъ измѣны сей конца,
Чтобъ низостей такихъ презрѣть навѣкъ творца.

ВАЛЬМИРА.

Славнѣе упредить позоръ отриновенья.
Оставя совѣсти измѣннику грызенья,
Оставь навѣкъ тебѣ противную страну;
Иную видишь гдѣ себѣ предпочтену.

РОГНѢДА.

Не явно Ярополкъ къ невѣрности стремится
И кажется, что онъ злодѣйствія стыдится.

Стократно онъ равно, каковъ всегда бывалъ,
Съ раскаяньемъ къ ногамъ Рогнѣды упадалъ,
И, мукой оправдавъ и стонами измѣну,
Мнѣ клялся позабыть навѣки Клеомену.

ВАЛЬМИРА.

Не все ль тебѣ, княжна, не все ли говоритъ,
И самый сей возвратъ, что сердце не горитъ,
Что презрѣнъ отъ иной, у ногъ твоихъ страдаетъ,
Что онъ свой стыдъ твоимъ позоромъ награждаетъ,
Что не любовь его, но гордость лишь вела,
Что если бъ былъ любимъ, забыта бъ ты была.
Ты плачешь?

РОГНѢДА.

Плачу: стыдъ влечетъ сіи потоки;
Но будутъ слезы тѣ измѣннику жестоки,
Которы не любовь, ни злобы ядъ ліетъ.

ВАЛЬМИРА.

Ахъ, если бъ Ярополкъ лишь гнѣва былъ предметъ,
Когда бъ твой духъ отъ узъ возмогъ освободиться,
Которы любитъ онъ, хотя ихъ и стыдится, —
Невѣрна сердца ты презрѣвъ ничтожный даръ,
Не медлила свершить съ грозою и ударъ;
Иль благороднѣйшимъ вооружася мщеньемъ,
Унизила бъ его сама твоимъ презрѣньемъ,
И удалясь отсель....

РОГНѢДА.

А я хочу здѣсь быть,
Чтобъ радости его любви всякъ часъ мрачить.
Не тщетныя меня надежды обольщенье
Удерживаетъ здѣсь, — едино отомщенье.
Какая радость зрѣть на пасмурныхъ очахъ
Грызенья совѣсти, смятеніе и страхъ,

Мѣшающи въ любовь его свои отравы!
Сей лютый князь унылъ среди своей державы,
Всемъ властвуя въ своей пространной толь странѣ,
Имѣя страшну казнь своихъ злодѣйствъ во мнѣ,
Чтобъ ихъ свершить, того онъ будетъ ужасаться.

ВАЛЬМИРА.

Ты будешь между тѣмъ надеждою ласкаться.

РОГНѢДА.

Могу ль иную я надежду днесь питать,
Какъ только, чтобъ его присутствіемъ терзать?
Вѣрь, если бъ онъ, свою отвергнувъ Клеомену,
Любовію хотѣлъ загладить всю измѣну;
Когда бъ, раскаянья пуская тяжкій стòнъ,
Онъ съ сердцемъ бы повергъ опять къ ногамъ мнѣ тронъ, —
Ты зрѣла бъ отъ него съ гнушеньемъ òтвращенну
Меня, къ послѣднему изъ смертныхъ обращенну.

ВАЛЬМИРА.

Но сердце можетъ ли подвергнуться тому,
Чтò гнѣву гордости угодно твоему?
Въ надеждѣ зрѣть возвратъ, себя ты омрачаешь
Надъ тою пропастью, въ котору упадаешь;
И, льстясь его презрѣть покорнаго себѣ,
Не чувствуешь, какъ милъ невѣрный сей тебѣ,
Не чувствуешь, что гнѣвъ презрѣнной страсти слѣдство,
Утѣха гордости, сугубитъ только бѣдство.

РОГНѢДА.

Почто передо мной ту бездну открывать,
Которой я сама стараюсь не видать?
Почто, жестокая? Хвали мою побѣду
И мысли ты со мной безстрастну здѣсь Рогнѣду.

Являй всѣ гнусности злодѣя моего....
Въ какія бѣдствія я ввергалась для него!
Лишилась братьевъ я, родителя лишилась!
Когда бъ измѣнникомъ я симъ не обольстилась,
Цвѣло бъ отечество и царствовалъ отецъ;
Новградскій бы давно на мнѣ сіялъ вѣнецъ;
Могла бы я сама его страшить на тронѣ.
Презрѣла все, чтобъ здѣсь иную зрѣть въ коронѣ!
Презрѣла все, увы, несчастна! для кого?
Въ комъ вижу лютаго злодѣя моего!
Отъ прелестей любви, чѣмъ духъ мой утѣшался,
Ко трону званной мнѣ лишь только гробъ остался.

ВАЛЬМИРА.

Не гробъ тебѣ судьба готовитъ, — пышный тронъ;
И князь, котораго тобой былъ презрѣнъ стонъ,
Владиміръ въ сихъ стѣнахъ....

РОГНѢДА.

Сей, князь отверженъ мною,
Увидитъ гордую Рогнѣду предъ собою,
Невѣрнымъ презрѣнну, оставленну въ стыдѣ,
Надежды для себя не зрящую нигдѣ!
Сколь нашей бѣдности несносенъ намъ свидѣтель,
Который въ насъ къ себѣ презрѣнья былъ содѣтель!

ВАЛЬМИРА.

Владиміръ можетъ ли Рогнѣдѣ досаждать?
Содѣланно имъ зло стараясь награждать,
И душу давъ и скиптръ, ничѣмъ не востревожитъ....

РОГНѢДА.

Щедрота вражеска несчастье наше множитъ.
Онъ будетъ видѣть то, что я, лишась всего,
Ждать помощи должна лишь только отъ него —
И се Рогнѣдино послѣдне униженье.

Въ томъ помощь зрѣть, къ кому питала я презрѣнье!
Услуги будутъ тѣ меня лишь тяготить;
Его покорства стыдъ всечасно мой твердить.
Я стану зрѣть, терпя мученіе презлое,
Въ семъ лютомъ счастіи несчастіе прямое.
Услуги отъ враговъ горчаѣ всѣхъ обидъ.
Ужасенъ для меня Владиміровъ и видъ.

ВАЛЬМИРА.

Стараяся сіи воображать мечтанья,
Ты тщишься умножать твои бѣды, страданья.
Почто того себѣ злодѣемъ представлять,
Кто не былъ бы врагомъ, коль меньше бъ могъ страдать,
Суровость кто твою и гордость позабудетъ
И будетъ рабъ тебѣ, коль презрѣнъ онъ не будетъ?

РОГНѢДА.

Ты о Владимірѣ мнѣ только говоришь;
Но Ярополка ты безчестнымъ такъ ли чтишь,
Что онъ, когда его тѣмъ слава увядаетъ,
Что онъ невинную Рогнѣду покидаетъ,
Безъ угрызенія въ преступокъ погруженъ,
Какъ сущій былъ злодѣй въ порокѣ утвержденъ?
Рогнѣда и одна, вѣрь мнѣ, его тревожитъ;
А ежели свою мнѣ помощь пріумножитъ
Отечество его, которо онъ срамитъ,
И слава скипетра, которую онъ тмитъ,
Сколь сильно бъ духъ его любовь ни ослѣпляла,
Измѣнникъ сей герой, Рогнѣда имъ пылала:
Самъ братъ ему напоминаетъ долгъ;
Владиміръ любитъ честь, возлюбитъ Ярополкъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Игралище моей немилосердой части,-
Тобой размученный, творецъ твоей напасти,
Княжна, къ твоимъ ногамъ дерзаетъ упадать. -
Не мысли, чтобъ себя я льстился оправдать.
Иной, загладить тѣмъ свою вину желая,
Сказалъ бы, твой отказъ презорный вспоминая,
Что въ пламени любви къ Рогнѣдѣ онъ кипя, -
Ее не стоилъ бы, презрѣніе стерпя.
И что тебя лишась, вселенну ненавидя,
Стремился, ничего въ отчаяньи не видя:
Но тщетно все, когда стонаетъ грудь твоя.
Страдаешь ты, и смерть вкусить достоинъ я. -
Вотъ грудь растерзанна раскаяньемъ, любовью
И обагренная тебѣ дражайшей кровью,
Вотъ грудь врага — отмщай за братій, за отца,
За гибель твоего народа и вѣнца.
Вина моихъ злодѣйствъ, скончай мою казнь люту,
Въ которой мучуся я каждую минуту;
Всякъ часъ вкушаю смерть, разгнѣвавши тебя!
Утѣшь несчастнаго, порочна истребя....
Но очи полныя слезами отвращаешь?
Иль, зря раскаянье, ты жалость ощущаешь?

РОГНѢДА.

Я бѣдства всѣ мои въ сей часъ хочу забыть,
И, зря Владиміра, могу спокойна быть,
То вѣдая, что онъ свои преступки видя,

Вошелъ въ себя; и всѣ злодѣйства ненавидя,
Для блага общества стремяся къ симъ стѣнамъ,
Желанну тишину принесъ съ собою намъ:
Что въ мысляхъ лишь одно отечество имѣя,
Стыдяся въ братѣ зрѣть преступника, злодѣя,
Который предаетъ россійскихъ плодъ побѣдъ,
Ко должности его и славѣ онъ зоветъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтó я ни говорилъ, на все то не взирая,
Колеблется мой братъ; и, славу презирая,
Любовью новою жестоко возмущенъ,
Быть кажется совсѣмъ отъ долга отвращенъ.

РОГНѢДА.

Невѣрный!... сколько тò Россіянамъ постыдно!
Такъ къ славѣ ревнія нимало въ немъ не видно?

ВЛАДИМІРЪ.

Не видно. Въ пламенной онъ страсти слѣпъ,
Не видитъ прелестей, къ которымъ сталъ свирѣпъ.

РОГНѢДА.

Хоть любитъ онъ меня, хотя онъ ненавидитъ,
Нѣтъ нужды больше въ томъ; и онъ сіе увидитъ,
Что я безъ горести его презрѣть могу.
Рогнѣда я была, Рогнѣду собрегу.

ВЛАДИМІРЪ.

Начни жъ презрѣньемъ симъ скорѣй мое блаженство.
Увидишь скоро ты той страсти совершенство,
Въ которой духъ къ тебѣ Владиміра горитъ.

РОГНѢДА.

Иль униженія сего твой духъ не зритъ,
Въ которое себя навѣки ты ввергаешь,
Что брата обратить ко славѣ средствъ не знаешь.
Владиміръ, скажутъ всѣ, не могъ имѣти силъ....

ВЛАДИМІРЪ.
А нужды нѣтъ тебѣ, чтобъ онъ тебя любилъ?
Признайся, что его не можешь ненавидѣть.

РОГНѢДА.
Но въ чемъ же страсть мою Владиміръ можетъ видѣть?
Измѣнника презрѣть сама мнѣ честь велитъ.

ВЛАДИМІРЪ.
Но то ль, что́ честь твоя, и сердце говоритъ?

РОГНѢДА.
Я знаю, слабый духъ того не понимаетъ,
Какъ сердце съ честію Рогнѣда соглашаетъ.
Я знаю, что иной отверженъ, посрамленъ
Обидой прежнею никакъ не оскорбленъ,
И возвратясь, еще на новыя дерзаетъ
И слабости свои въ сердца другихъ влагаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.
Я знаю; на меня стремится сей глаголъ...
Достоинъ я такихъ, достоинъ лютыхъ золъ!
Я знаю, должно бъ мнѣ тебя забыть, жестока!
И отвратясь моихъ пороковъ отъ истока,
И безъ твоей красы счастливымъ быть умѣть:
Но какъ ни долженъ бы мой духъ того хотѣть,
Съ какою силою себя ни устремляю,
Изъ сердца рвя тебя, я сердце вырываю.
Смертельно пораженъ, виновенъ ли я въ томъ,
Что и безсмертныхъ мнѣ тогда не слышенъ громъ,
Какъ, отчужденъ, тебя съ тобою тратя душу,
Я въ страшныхъ мукахъ всѣ къ тебѣ преграды рушу?
Я виненъ ли, что рокъ, немилосердый рокъ —
Въ предѣлахъ мнѣ своихъ толико былъ жестокъ,
Что счастье все мое онъ въ той одной включаетъ,
Которая меня презрѣньемъ отягчаетъ.

РОГНѢДА.

Не проникающій премѣны чувствъ моихъ,
Неправеденъ теперь въ укорахъ ты своихъ.
Какъ ни былъ ты въ своемъ отчаяньи мнѣ злостенъ;
Но ты не столько мнѣ, какъ Ярополкъ несносенъ.
Не знаешь ты, что я тебя предпочитаю
И что любить тебя желала бъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Понимаю.
Стремишься ты теперь, съ твоей борясь судьбой,
Ко мнѣ желаніемъ, а къ брату всей душой.
Противъ невѣрнаго ты нынѣ раздраженна;
Но можетъ ли моя тѣмъ участь быть блаженна?
Ахъ! чтя любовь твою превыше я всего,
Колико бы желалъ я гнѣва твоего,
Который болѣе твою горячность кажетъ,
Который лишь грозитъ, но вѣчно не накажетъ,
Который...

РОГНѢДА.

Не желай на мѣстѣ брата быть:
Смертельно бы тебя стремилась не любить.

ВЛАДИМІРЪ.

Тѣмъ больше бы свою любовь ты утвердила;
И сердца твоего обремененна сила,
Стараяся тебя отъ ига свобождать,
Принуждена всегда подъ иго упадать.
Противъ невѣрнаго хотя ты гнѣвъ сугубишь,
Стремяся не любить, сильнѣе только любишь.
Безъ пользы стоны, скорбь скрываетъ гордый видъ;
Чѣмъ болѣ гасишь огнь, тѣмъ болѣ кровь кипитъ.

РОГНѢДА.
Иль стонами любовь являютъ непреложно?
Или во гнѣвѣ намъ стонати не возможно?
Не ясно ли тебѣ вѣщала рѣчь моя,
Что братъ твой гнусенъ мнѣ, что ненавижу я?

ВЛАДИМІРЪ.
Единый ли языкъ любовна страсть имѣетъ?
Не все ль являетъ огнь, коль духъ во страсти тлѣетъ?
Коль сердце пламенемъ объятое горитъ,
Не всѣмъ ли страсть тогда изъ сердца говоритъ?
Поступки, видъ лица и тайно воздыханье,
Унылы взоры, все, и самое молчанье
Сокрытыхъ въ сердцѣ искръ есть самый ясный видъ.
Яснѣе словъ самихъ тѣмъ пламень нашъ открытъ.

РОГНѢДА.
Ты видишь тò во мнѣ, чтò видѣть вображаешь;
Къ безславью своему Рогнѣду унижаешь,
И, мало чтя меня, себя ты мало чтишь.
Ты мысли, государь, тогда перемѣнишь,
Коль таинство тебѣ души моей открою:
Что я, измѣною лишенная покою,
Прибытья твоего въ сіи мѣста ждала
И мыслью иногда тебя сюда звала.

ВЛАДИМІРЪ.
Когда то такъ, что ты, зря гнусную измѣну,
Познала моея безсмертной страсти цѣну,—
Оставь ты стыдъ свой здѣсь, ступай отсель со мной,
Гдѣ тронъ тебѣ готовъ....

РОГНѢДА.
Смущаяся мечтой,
Теряешь въ слабости тебѣ дражайше время.
Пріявъ на рамена отечества все бремя,

Россіи пользу ты старайся соблюсти
И брата къ должности и славѣ привести.
Истребуй отъ него рѣшительна отвѣта,
Потомъ приди спросить Рогнѣдина совѣта...
Живѣе опиши безчестіе его...
Почто не возмогу, изъ сердца твоего
Всю слабость истребя, тебѣ тотъ жаръ доставить,
Которымъ бы навѣкъ ты могъ себя прославить;
Который бы въ тебѣ героя показалъ,
Который бы того все сердце растерзалъ,
Превыше Россовъ всѣхъ кто Грековъ почитаетъ?...
Ô, стыдъ! россійскій князь къ Гречанкѣ въ страсти таетъ,
Побѣды отчески кидаетъ за ничто:
А брата, сносно ли! не возмущаетъ то.
Ступай, героя сынъ, и ополчаясь смѣло,
Съ раченьемъ продолжай начатое ты дѣло.
Проси его, моли для имени боговъ;
Грози ему... Когда жъ уже не станетъ словъ,
Коль честь и все забывъ, и страсти лишь покоренъ.
Во ослѣпленіи пребудетъ онъ упоренъ;
Когда намъ помощи ничто не принесетъ:
Тогда я, можетъ быть... но Ярополкъ идетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Отвергнувъ я предъ симъ мнѣ твой совѣтъ полезный,
Прогнѣвалъ, можетъ быть, тебя, мой братъ любезный!

Оставь сіе, оставь смятенью моему;
Что брату быть не могъ покоренъ своему;
Что былъ я властвовать безсиленъ надъ собою;
Но днесь достойно я отвѣтствую герою.
Тебѣ я долженъ всѣмъ: ты честь мнѣ возвратилъ.
О всемъ размыслилъ я, что́ страстію губилъ.
Увидь во мнѣ теперь желанну перемѣну:
Преодолѣвъ себя, оставлю Клеомену.
А чтобъ яснѣй явить, какъ общество люблю,
Опаснаго ея я брата истреблю.
Поди, оставь меня, и будь теперь спокоенъ.
Благодари боговъ, твой братъ тебя достоинъ.
Увидишь ты, какъ я безчестія брегусь;
Съ Рогнѣдой предъ тобой навѣки сопрягусь.

ВЛАДИМІРЪ, *отходя, самъ къ себѣ.*

Злодѣй!

ЯРОПОЛКЪ, *къ Рогнѣдѣ.*

Но предъ тобой могу ли оправдаться?
Достойнымъ быть тебя я чѣмъ могу ласкаться?
Я извиненія ни въ чемъ себѣ не зрю.

РОГНѢДА.

Зри въ самой той любви, въ которой я горю,
Въ безсмертномъ пламени, что презрилъ ты, жестокій!
Въ слезахъ, которыхъ днесь ліются сладки токи.

ЯРОПОЛКЪ.

Избавь меня, избавь отъ зрѣлища сего;
Мученья множишь тѣмъ ты сердца моего,
Сугубишь ты мое ужасное нестройство.
Оставь растерзанна, мнѣ нужно днесь спокойство.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Еще ли скажешь ты, что мной владѣетъ страсть?
Еще ль не отдаю надъ сердцемъ чести власть?

СВАДЕЛЬ.

Мужайся, государь, избравь пути толь строги.
Владѣющимъ собой подобны только боги.
Увиди съ высоты ты твердости твоей,
Сколь гнусенъ прежній мракъ предъ блескомъ тѣхъ лучей,
Которыми себя ты нынѣ озаряешь;
Ты симъ однимъ уже съ отцемъ себя равняешь.

ЯРОПОЛКЪ.

Чего лишался я, Гречанкою горя!
Я все, что́ есть, терялъ, на свѣтѣ все презря;
А низость, вѣчный стыдъ тому едины слѣдства.
Какія за собой любовь влечетъ намъ бѣдства!
Тронъ, славу, пользу все, взоръ лестный помрачалъ.
Я счастье въ немъ одномъ и жизнь мою встрѣчалъ.
Но то́ все минуло; ты будешь мнѣ свидѣтель.
Открывшимъ очи какъ прелестна добродѣтель!

СВАДЕЛЬ.

Чтобы героемъ быть, одной предайся ей.

ЯРОПОЛКЪ.

Какую горесть я вкушалъ въ любви моей!
Жестокая! за всѣ сердечны восхищенья
Давала желчь вкушать мнѣ злѣйшаго мученья!
Какіе проводилъ мучительны часы!

Но то все кончилось.... Надѣясь на красы,
Иль думаетъ она, что ввѣкъ любить я стану,
Что счастьемъ чту питать погибельную рану?
Обманывается, увидитъ то она.

СВАДЕЛЬ.

Съ какою красотой Рогнѣда рождена!

ЯРОПОЛКЪ.

Когда бъ я упоенъ былъ прежнею отравой
И не стремился бы, гася любовь, за славой,
Сказалъ бы, что всея вселенной красоты
Предъ Клеоменою пустыя лишь мечты;
Что въ сердце радости лія неизреченны,
Безъ ней всѣ кажутся мѣста опустошенны;
Что горесть самая отъ лютости ея
Отрады всякія пріятнѣй для меня....
Но все прошло. Себя къ Рогнѣдѣ обращаю:
Величіе ея души я почитаю.

СВАДЕЛЬ.

Ты долженъ то, и долгъ и слава то велитъ.
Съ Рогнѣдой бракъ тебя отъ Грековъ удалитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Въ нечаянной такой и лютой перемѣнѣ
Какія горести открою Клеоменѣ!

СВАДЕЛЬ.

Несчастна ль, счастлива ль, забудь навѣкъ ее:
Привыкни находить въ томъ счастіе твое,
Рогнѣду чтобъ любить, ей нравиться единой.

ЯРОПОЛКЪ.

Оставленна отъ всѣхъ, гонимая судьбиной,
Стеняща плѣнница, забвенная и мной,

Лишась отца, съ своей раставшися страной,
Теряетъ и меня. Зри часть ея презлостну...
Но должно бъ умѣрять ей гордость толь несносну,
Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Престань о томъ и думать и вѣщать,
Удобно что̀ твое спокойствіе смущать.

ЯРО́ПОЛКЪ.

Ты мыслишь, я крушусь? Безстрастенъ и спокоенъ,
Пребудетъ Ярополкъ навѣкъ себя достоенъ.
А чтобъ ты зрѣлъ, какъ я за гордость ей плачу,
Я Клеоменѣ днесь съ тобой предстать хочу.
Пускай жестокая, терзаяся, застонетъ;
Ни плачъ ея, ничто меня уже не тронетъ.
Что властвую собой, хочу я доказать.
Пойдемъ.

СВАДЕЛЬ.

Ступай себя предъ нею ты терзать,
И, павъ къ ногамъ ея, въ ней гордость умножая,
Презрѣнье навлекать, свирѣпу обожая;
Предать отечество, россійскихъ плодъ побѣдъ,
И ввергнуться навѣкъ въ пучину страшныхъ бѣдъ.
Я мыслилъ зрѣть тебя ужъ близко храма славы;
Но ты еще далекъ, наполненъ той отравы...

ЯРОПОЛКЪ.

Остатокъ извини ты слабости моей:
Хотя подъ бременемъ колеблюся душей,
Но не страшись того. Твой слухъ теперь внимаетъ.

Послѣдній стонъ любви, котора издыхаетъ.
Совѣту твоему послѣдовать готовъ.
Мнѣ должно ль бѣдствія Гречанку ввергнуть въ ровъ?
Мнѣ должно ли возвесть къ себѣ на тронъ Рогнѣду?

СВАДЕЛЬ.

Поди ты къ ней теперь свершить твою побѣду.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВАДИМЪ.

Скрѣпясь, сноси ударъ ниспосланный судьбой.

ВЛАДИМІРЪ.

Чѣмъ, Небо! виненъ толь Владиміръ предъ тобой,
Что ты себя его напастью утѣшаешь?
Не ты ль меня, не ты ль къ злодѣйству обращаешь?
Отдай Рогнѣду мнѣ, отдай, свирѣпый рокъ!
Иль будешь виненъ ты, коль буду я жестокъ,
Коль мною кровь врага и брата проліется!

ВАДИМЪ.

Коликой славою Владиміръ вознесется!
Всѣ скажутъ: онъ пришелъ прервать Россіи стонъ;
Героемъ онъ пришелъ, а сталъ убійцей онъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ какой свирѣпостью, не страстію сгарая,
А только лишь меня терзати онъ алкая
И утѣшаяся погибелью моей,
Къ Рогнѣдѣ обратясь, отвергъ меня отъ ней!

Когда бы не было еще его здѣсь брата,
Презрѣніе любви ея была бы плата.
Не можетъ и теперь злодѣй ее любить;
Но мучится, меня чтобъ только погубить.
Возлюбленну свою онъ хочетъ видѣть мертву,
И ненависти онъ любовь приноситъ въ жертву.—
Не будешь ты, тиранъ, сей радости вкушать.
Сей день назначенъ мнѣ злодѣйства окончать,
Къ которымъ я на свѣтъ произведенъ судьбою!

ВАДИМЪ.

Забывъ, что онъ твой братъ, рви яростной рукою;
Но радостей не жди, совмѣстника поправъ;
Хотя бъ любимъ ты былъ, нашелъ бы тму отравъ.
Злодѣйствомъ къ счастію достигнуть не возможно.
Порочныхъ счастіе есть только счастье ложно.

ВЛАДИМІРЪ.

Раскаянья мой духъ не будетъ ощущать:
Мнѣ должно умереть; но должно отомщать!
Или для радостей я къ мести прибѣгаю?
Я смертью съ тѣмъ себя навѣки сопрягаю?
Который позабывъ, что братомъ мнѣ рожденъ,
Одною злобою ко мнѣ одушевленъ;
Который, мнѣ пути къ Рогнѣдѣ заграждаетъ...
Сей варваръ злость свою ко мнѣ въ нее вселяетъ.
Я знаю, какъ мной днесь ругается она.
Къ нему любовію, мнѣ гордостью полна,
Летая въ радости, счастлива и спокойна
И мыслить обо мнѣ не чтитъ меня достойна.
Но вспомнить о себѣ ее принужу я!
Принужу... и рука отчаянна моя
Пронзивши брату грудь и грудь мою несчастну,
Заставитъ клясть ее любовь намъ толь ужасну,

Заставитъ... и ее ко гробу привлечетъ.
Тамъ купно и любви и злобы зря предметъ,
Тамъ въ смертной горести, размученна тоскою
Надъ братомъ возрыдавъ, заплачетъ надо мною.

Къ Вадиму.

Поди, и уготовь послѣдовавшихъ мнѣ
Служити моему отмщенью въ сей странѣ.
Вадимъ, увы! вся въ томъ отрада мнѣ осталась,
Чтобъ часть моихъ враговъ съ моею соравнялась.

Свадель приходитъ при послѣднихъ двухъ стихахъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ.

СВАДЕЛЬ.

Но кто твои враги?

ВЛАДИМІРЪ.

Рогнѣда и твой князь.

СВАДЕЛЬ.

Скажи ты лучше то, скажи не устыдясь,
Что добродѣтель, честь врагами почитаешь, —
Вотъ миръ, который ты со братомъ утверждаешь.
Объемля ты его, готовишь смерть ему;
За то ль, что слѣдуетъ онъ долгу своему?
Се рока твоего рѣшительны минуты
Тирановъ злобнѣйшихъ принять названья люты;
Иль обожаемыхъ владыкъ въ пути вступить,
Съ любовію во всѣхъ сердцахъ безсмертно жить,
Или изъ рода въ родъ со ужасомъ мечтаться.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу ль любовію вселенной утѣшаться,
Когда лишаюся Рогнѣды я навѣкъ?
Всѣ къ добродѣтели мнѣ рокъ пути пресѣкъ!

СВАДЕЛЬ.

Скажи, что днесь тебѣ къ ней путь онъ отверзаетъ.
Для славы твоея твой рокъ тебя терзаетъ.
И къ добродѣтели всѣ смертные текутъ,
Коль счастія пути безтрудно къ ней влекутъ.
Любить ее, то всѣхъ обыкновенно свойство;
Но для нея страдать — вотъ истинно геройство.

ВЛАДИМІРЪ.

Страдати для нея? страдать и я бъ умѣлъ,
Ее на вышнюю чреду бы я возвелъ,
Для добродѣтели я жизни бъ могъ лишиться;
Но, ахъ! мнѣ должно днесь съ Рогнѣдой разлучиться.

СВАДЕЛЬ.

Тѣмъ больше для тебя....

ВЛАДИМІРЪ.

Не внемлю ничего!
И благонравія жестокость твоего
Отчаянной души не исцѣляетъ рану.
Отдай Рогнѣду мнѣ; или я кровь лить стану!
Не ты ль, жестокій, самъ мнѣ жалость днесь казалъ?
Жалѣй меня въ сей часъ.

СВАДЕЛЬ.

Жалѣнье ощущалъ
Я къ князю, совѣсти растерзанну грызеньемъ,
Который, собственнымъ размученъ преступленьемъ,
Изъ пропасти злыхъ дѣлъ ко славѣ обращенъ
И добродѣтели лучами освѣщенъ,
То видѣлъ, кто онъ былъ, и самъ себя страшился

И изъ мучителя отцемъ гражданъ явился.
Но гдѣ теперь сей князь? яви ты мнѣ его:
Я сердца чувствія открою для него.
Яви монарха мнѣ, героя, человѣка,
Отраду Россіянъ и ужасъ хитра Грека.

ВЛАДИМІРЪ.

Вступающему въ гробъ все тщетно для меня.
Отдай Рогнѣду мнѣ — Владиміръ буду я.
Спаси меня, спаси отечество и брата.

СВАДЕЛЬ.

Но виненъ ли твой братъ? возлюбленной утрата
И смерти злѣйшія ужаснѣе ему.
Подобенъ горестью онъ брату своему.
Скучаетъ жизнію, томится и страдаетъ;
Но другъ его въ пути ко славѣ утверждаетъ.
Сей другъ обоихъ васъ къ мученію влечетъ,
И виненъ въ томъ, что васъ навѣкъ прославитъ свѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда бъ я могъ познать творца моей напасти,
Я сердце бъ растерзалъ сего врага на части.

СВАДЕЛЬ.

Терзай, коль смѣешь, князь! Вотъ сердце предъ тобой,
Сраженно бѣдственной отечества судьбой,
Въ путь славы и тебя влекущее, и брата.
Рази, да будетъ смерть за то Свaделю плата,
Что онъ Владиміра героемъ почиталъ.
Рази.... за общество я смерть встрѣчать дерзалъ
Съ родителемъ твоимъ на ратномъ полѣ брани:
Но подвергаемы враговъ разящей длани,
И смерть тогда сама щадила дни мои.
Коль хочешь, обагри сѣдины ты сіи

За славу Россіянъ остаткомъ литой крови,
На жертву и меня повергни ты любови.

ВЛАДИМІРЪ.

Князей россійскихъ рабъ! какъ можешь ты дерзать
По воли твоея сердца владыкъ терзать?
И презирая насъ, ты какъ возмогъ забыться,
Чтобъ съ дерзостью такой въ безчиніи открыться?
Или забылъ, кто я? Владиміра губя,
Надежду на кого взлагаешь?

СВАДЕЛЬ.

На себя.
Превыше бѣдствій всѣхъ, готовъ оставить землю,
Спокоенъ въ совѣсти, я страсти грозъ не внемлю.
Не мысли, государь, ты страхъ въ меня вліять:
Отъемля жизнь мою, не можешь честь отъять.

ВЛАДИМІРЪ.

Не льстися тѣмъ, не льстись: упавъ на мѣстѣ казни,
Властителей твоихъ отверженъ отъ пріязни,
Что ты невиненъ былъ, кто будетъ знать о томъ?
Когда во смертнаго боговъ ударитъ громъ,
Громъ слыша, смертнаго вселенная забудетъ:
Хотя бъ невиненъ былъ, порочнымъ признанъ будетъ.

СВАДЕЛЬ.

А если и весь міръ, неправедно судя,
Съ презрѣніемъ меня ко гробу проводя,
Предразсужденія объятый темнотою,
Одѣнетъ честь мою порока гнусной мглою,
Довольно, ежели покорствуя судьбѣ,
Что безпороченъ я, воспомню самъ себѣ;
И славы звучныя почтеннѣе свидѣтель,
У гроба предстоять мнѣ будетъ добродѣтель.

ВЛАДИМІРЪ.
Поди отъ глазъ моихъ; не стóишь ты того,
Злодѣй! чтобъ жертвою быть гнѣва моего.
Живи! ты будешь жить, чтобъ совѣстью терзаться
И добродѣтелью твоей всякъ часъ гнушаться:
Ты будешь жить, чтобъ ставъ злодѣйствъ моихъ винной,
Днесь брата моего сразить моей рукой.

СВАДЕЛЬ.
Доколь хоть слабый лучъ блистать очамъ симъ станетъ,
Дотолѣ честь твоя злодѣйствомъ не увянетъ.
Дерзаетъ кто владыкъ отъ страсти отвращать,
Тотъ, не щадя себя, дерзнетъ ихъ защищать.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, КЛЕОМЕНА.

КЛЕОМЕНА.
Къ твоей, мой князь, къ твоей щедротѣ прибѣгаю!
Я брата твоего всю лютость ощущаю.
За чтó онъ гонитъ насъ! Всего лишенна, я
Послѣднія лишусь отрады моея.
Готовитъ моему онъ смерть младенцу брату,
Закрытой въ будущемъ его вины въ отплату.
Убійства онъ тебя виновникомъ назвавъ,
Въ злодѣйствіи своемъ казаться хочетъ правъ.
Готовъ тиранства мечъ законну власть стремящій:
Князь! человѣчества услыши гласъ стенящій;

Гласъ добродѣтели невнятный лишь звѣрямъ;
Героевъ красоту любезну Небесамъ,
И всѣхъ несчастливыхъ то право нерушимо,
Начертано въ сердцахъ, природою гласимо:
Герой не есть герой, коль онъ не человѣкъ.
Тронися жалостью и облегчи мой вѣкъ.
Ахъ! то ли долгъ владыкъ, чтобъ кровь несчастныхъ
лити!
И трудно ль въ счастіи великодушнымъ быти?

ВЛАДИМІРЪ.

Чего желаешь ты?

КЛЕОМЕНА.

Чтобъ только жилъ мой братъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Смотри, какихъ себя лишаешь ты отрадъ.
Борясь сама съ твоей счастливою судьбою,
Отмещешь ты вѣнецъ плѣненнаго тобою.

КЛЕОМЕНА.

Удобно ли вѣнцемъ несчастной льстить себя?
Ахъ, нѣтъ, мой князь! я все, что́ было, погубя,
Несчастье участью моею почитаю:
Не тронъ себѣ, не тронъ, — пустыню избираю.
Отвергни бѣдную въ отеческу страну.
Я съ братомъ тамъ на рокъ взлагая всю вину,
Оплакивать свою несчастну долю буду,
И помня то что́ я, что̀ я была, забуду.

ВЛАДИМІРЪ.

Какія радости найдешь ты въ той странѣ?

КЛЕОМЕНА.

Ахъ! мало ли утѣхъ осталось тамо мнѣ.
Тамъ прахъ отца и прахъ любовника хранится:
Мой тамо съ ними духъ стенаньемъ съединится.

Гдѣ счастлива была, увижу тѣ мѣста,
Въ которыхъ прежде мнѣ дражайшія уста
Съ толикой вѣрностью клялись меня любити.
Могу ли, государь, гдѣ счастливѣе быти?
Съ Фаретомъ гдѣ была, чертоги тѣ найду,
Гдѣ хаживала съ нимъ, по тѣмъ тропамъ пойду.
Кропя слезами ихъ, я стану утѣшаться;
Которымъ онъ дышалъ, тѣмъ воздухомъ питаться.
Тамъ будетъ все о немъ тоскѣ моей твердить,
Фарета тѣнь вездѣ я стану находить.
Увижу, гдѣ въ тотъ день.... о, день! о, часъ жестокій!
Какъ крови греческой лились рѣками токи,
Герой возлюбленный, готовяся на бой,
Спасенье выводилъ отечества съ собой.
То мѣсто сердце мнѣ укажетъ смертной скукой,
Гдѣ съ нимъ прощаяся, объята страшной мукой,
Уже въ послѣдній разъ навѣкъ простилась съ нимъ.
Предстанетъ мыслямъ тó отчаяннымъ моимъ,
Какъ я идущаго его на мѣсто брани,
Простерши съ высоты трепещущія длани,
Шла духомъ въ слѣдъ ему, глазами проводя,
Въ отчаяньи бѣды предвѣстье находя,
Стенаньемъ, знаками обратно призывала
И, ахъ! вторично съ нимъ проститься я желала;
Узрю, гдѣ онъ, разя, враговъ остановилъ,
И гдѣ сражался такъ, какъ онъ меня любилъ;
Гдѣ строгій рокъ его пресѣкши дней теченье,
Мой вѣкъ преобративъ въ плачъ вѣчный и мученье.
Не могши наконецъ всѣхъ горестей стерпѣть,
Лобзая гробъ его, могу я умереть.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, *къ Владиміру.*

Се часъ насталъ, тобой толико ожидаемъ,
Явить, какъ ревностно мы къ обществу пылаемъ.
Гречанку гордую оставилъ я навѣкъ.
Да радуется Россъ и да трепещетъ Грекъ.
Уже свѣтильники на алтаряхъ пылаютъ,
Твой миръ со мной, мой бракъ съ Рогнѣдой возвѣщаютъ.
Лишь только вѣчнымъ съ ней союзомъ сопрягусь,
Надменныхъ Грековъ сихъ я кровью обагрюсь,
И брата истребя противной Клеомены,
На Константиновы я устремлюся стѣны:
Владиміръ твердый самъ поборникъ будетъ мнѣ;
И лавры мы пожнемъ въ той самой сторонѣ,
Гдѣ оныхъ сѣмена посѣялъ нашъ родитель.
Какъ я, подобно такъ ты страсти побѣдитель.
Забывъ прошедшее, со мною внидешь въ храмъ,
Предъ самымъ алтаремъ гдѣ бракъ....

ВЛАДИМІРЪ.

Я.... буду тамъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но твой суровый видъ не дружбу предвѣщаетъ;
Иль огнь твоей вражды ко Грекамъ угасаетъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Ты въ храмъ меня зовешь, во храмѣ буду я.

Указывая на Рогнѣду.

Довольно ли сего для радостей ея? *Къ Рогнѣдѣ.*
Но счастливой себя ты рано почитаешь.
Напрасно въ радостяхъ ты мыслями летаешь:
Къ веселью, кажется, готово все теперь,
Согласны боги въ томъ; я живъ.... богамъ не вѣрь!

РОГНѢДА.

Какое право ты имѣешь надо мною?
Не ты ль мою лилъ кровь свирѣпою рукою?
Не ты ли и отца и братьевъ растерзалъ?
Не тѣмъ ли къ моему ты сердцу путь сыскалъ?
Тиранъ! лишь только я тебя воображаю,
Отъ страха трепещу, отъ горести стонаю.

ВЛАДИМІРЪ.

Все знаю то, чѣмъ я виновенъ предъ тобой;
Но мнѣ тебя любить предписано судьбой:
Но мнѣ страданія сносить нельзя ужъ болѣ.
Была ль ты отъ меня когда въ такой злой долѣ?
Не льстись, свирѣпая, спастися отъ меня!
Я живъ еще, я живъ, и я горю стеня.
Страшись! еще твое блаженство не свершенно
И остріе еще мнѣ въ сердце не вонзенно.
Коль хочешь отъ моей избавиться любви,
Ищи спасенія себѣ въ моей крови,
Блаженства твоего ищи въ моемъ ты гробѣ.
Вотъ тамъ конецъ любви и мукъ моихъ и злобѣ!
Я живъ!... ничто съ тобой не разлучитъ меня —
Ни брата кровь, ни громъ, ни ненависть твоя.
Хотя бъ отъ рукъ твоихъ мнѣ рокъ судилъ умрети,
Съ тобой спрягусь, чтобъ мигъ тебя моею зрѣти.
Терзайте днесь меня и лейте кровь мою, —
Или безъ жалости я вашу пролію.
Тираны! смерть свою моею упредите

И до злодѣйствія меня не допустите.
Самъ храмъ святой меня не можетъ удержать;
Убійца былъ для ней, и буду святотать.
Я тамо кровь лія отчаянной рукою,
Не видя и самихъ безсмертныхъ предъ собою,
Разруша алтари, одну Рогнѣду зря,
Достигну до нее, перуновъ громъ презря!!

ЯРОПОЛКЪ.

На что перуновъ громъ? — моей руки довольно
Остановить твое стремленье своевольно.
Чего любовь сама содѣлать не могла,
То дерзость днесь твоя во мнѣ произвела:
И если бъ я ее и смертно ненавидѣлъ,
Сопрягшася меня ты съ нею бы увидѣлъ;
Чтобы явить тебѣ, сколь мало я страшусь,
И чтобъ тебя терзать, всего, что есть, лишусь.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ грудь твою пронзить, вотъ вся моя отрада.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

РОГНѢДА, ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, *къ Рогнѣдѣ.*

Межъ нами рушилась теперь ужъ вся преграда,
Ужъ больше униженъ не будетъ Ярополкъ.
И польза общества, и честь и самъ мой долгъ
Свѣтильникъ воспаля неугасимый брака,
Прогнали страстнаго остатокъ весь призрака,

Чѣмъ столько я себя на тронѣ помрачалъ.
Забудь все, чѣмъ твою я душу огорчалъ;
Во храмѣ, на моемъ возвышенная тронѣ,
Во мнѣ измѣнника забудь въ моей коронѣ.
Узри совмѣстницу поверженну къ ногамъ,
Замѣшанну въ толпѣ, причисленну къ рабамъ,
Забвенну, презрѣнну и жалости достойну.
Ступай передъ боговъ, имѣя мысль спокойну,
Увидишь тамъ меня достойнаго тебя.

РОГНѢДА.

Минувшаго и тѣнь изъ мыслей истребя
И вѣря вшедшаго въ себя героя чести,
Иду передъ боговъ, карателей злой лести.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты гордостью своей лишилася всего,
Содѣлала врагомъ владыку твоего:
Ты вмѣсто скипетра оковы принимаешь,
И брата, и себя, и все пренебрегаешь,
Чтобъ только радости свирѣпыя вкушать,
Презлѣйшу ненависть ко мнѣ вовѣкъ питать.
Желала ты меня злодѣемъ лютымъ видѣть;
Утѣшься, стану я смертельно ненавидѣть:
Тобою омерзенъ, мнѣ въ гнѣвѣ каждый Грекъ
Теперь быть кажется гнуснѣйшій человѣкъ;
Ихъ гибель съ твоего начну любезна брата....

КЛЕОМЕНА.

Рази; но помни, то послѣдня мнѣ утрата:
Рази, и дней моихъ ты узелъ разрѣши.
Ужъ не останется для горестной души,
Всего лишенной, чѣмъ на свѣтѣ веселиться;
За братомъ и сестра во гробъ переселится...
Но человѣкъ ли ты, или лютѣйшій звѣрь?
Отверзи мнѣ безъ мукъ гробницы мрачну дверь:
Иль столько можешь ты несчастну ненавидѣть,
Чтобъ, смерть дая вкусить, хотѣть въ терзаньяхъ видѣть;
Чтобы очамъ моимъ явить сей страшный видъ,
Какъ варварска рука младенца поразитъ,
Какъ братъ, невинный братъ влекомъ на мѣсто казни,
Не зная ничего, безъ злобы, безъ боязни
Объемля, станетъ тѣхъ мучителей ласкать,
Которы повлекутъ безгласнаго терзать?
Скрой видъ сей отъ меня кончиною моею.
Свирѣпою рукой сраженная твоею,
Во гробѣ счастлива, не буду зрѣть того,
Какъ въ сердце мечъ вонзишь ты брата моего:
А можетъ быть, сестры ты кровью утоленный
И тѣнью жалостной моею умоленный,
Несчастну вспомянувъ, которую любилъ,
Которую терзавъ, свирѣпо умертвилъ,
Чтобы пожертвовать мнѣ пагубной любови,
Во братѣ сохранить моей остатокъ крови.

ЯРОПОЛКЪ.

Постой. Я чувствую, что я еще люблю;
Но я въ послѣдній разъ мой громъ остановлю.
Тебя, упорную, на тронъ ведущу року,
Впослѣдни умолять унижуся жестоку.

Впослѣдни... помни то! для имени боговъ!...
Уже и брачный храмъ и острый мечъ готовъ...
Трепещешь... трепещи! я самъ себя страшуся!
Когда теперь твоимъ упорствомъ огорчуся...
Въ ужаснѣйшемъ душа волненіи моя...
Я брата поражу... умрешь... умру и я!
Рѣшись въ сей часъ... вотще потоки слезъ сугубишь.

КЛЕОМЕНА.

Коль тѣмъ виновенъ братъ, что ты несчастну любишь,
Которая любить не можетъ никого...
Готова жертвой быть спасенія его.
Влеки меня отсель на смертное закланье;
И, презираючи страдающей стенанье,
По брачномъ торжествѣ вели готовить гробъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Довольно ли сего ко обличенью злобъ,
Которыя ко мнѣ, жестокая, питаешь?
Но тщетно утомить мою любовь желаешь.
Чѣмъ болѣ мучишь ты, тѣмъ болѣ я люблю,
И если я тебя, несклонную, гнѣвлю,
Коль сердце я твое свирѣпствомъ раздираю,
Оставь отчаянье; ты видишь, умираю!
Во ослѣпленіи противъ меня твоемъ
Ты хочешь умереть предъ самымъ алтаремъ,
Велишь готовить гробъ: я тронъ уготовляю,
Твою разрушенну страну возстановляю,
На брата твоего взлагаю я вѣнецъ.
Я жизнь любить тебя принужу наконецъ.
Въ коронѣ находить нетрудно намъ отрады.
Иль мнѣ за жаръ и той не хочешь дать награды,
Чтобъ жить, чтобъ обладать и Кіевомъ и мной?
Клянуся Небомъ я, клянусь тобой самой,

Клянусь безсмертною къ тебѣ моею страстью,
И каплю слезъ твоихъ считать моей напастью,
Твои желанія всегда предупреждать
И жизнь въ твоихъ очахъ дражайшихъ обрѣтать;
Коль должно, жертвовать тебѣ моею кровью!
Готовься въ храмъ, моей увѣрена любовью:
Чтò князь твой обѣщалъ, исполнитъ все супругъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, *по нѣкоторомъ молчаніи.*

Безмолвенъ ты, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Ты паки Грекамъ другъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Я послушаніемъ раба усердье мѣрю
Не умствованьемъ.

СВАДЕЛЬ.

Нѣтъ; еще сему не вѣрю.
Не вѣрю, государь, хотя ты самъ сказалъ,
Чтобы вознесшійся твой духъ опять низпалъ.

ЯРОПОЛКЪ, *съ гнѣвомъ.*

Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Пусть гнусный льстецъ, безславье князя множа,
Предатель общества робѣетъ злой вельможа,
Коль очи гнѣвныя властитель обратитъ;

Меня лишь честь твоя и польза Россовъ льститъ.
За нихъ я, государь, твои объемлю ноги,
За нихъ всѣ казни мнѣ твои не будутъ строги.
Вотъ грудь моя — рази! я жити не хощу,
Коль жертвой сей гражданъ напасти прекращу;
И жити не могу, коль князь мой устремится
На гибель общества и онымъ посрамится.
Рази!... на что мнѣ жить? на то ль, чтобъ зрѣть тебя
На тронѣ отческомъ унизивша себя
Изъ обладателя рабомъ любви и Грека?
Отъемли, государь, остатокъ слабый вѣка
Того, героямъ кто служити пріобыкъ;
Иль жизнь во мнѣ оставь, ты ставши самъ великъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Сокройся отъ меня, мнѣ горестей содѣтель!
Въ пустыняхъ исполняй ты вредну добродѣтель;
Въ изгнаньи ею ты по волѣ веселись,
Ступай, и въ сей же часъ изъ града удались.

Уходитъ.

СВАДЕЛЬ.

Коль князи истину отъ троновъ удаляютъ, —
Невинны только тѣ, кого они караютъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Мнѣ удивительно терпѣніе сіе:
Когда свершается безчестіе твое,
Когда на пышный тронъ, тебѣ опредѣленный,
Измѣнникъ, красотой иныя ослѣпленный,
Возводитъ странницу, ругаяся тобой:
Ты, не тревожася ужаснѣйшей судьбой,
Въ молчаньи, кажется, спокойна пребываешь;
Но симъ молчаніемъ меня ты ужасаешь.
Громъ страшный слѣдуетъ нерѣдко тишинѣ.

РОГНѢДА.

Поди и призови Владиміра ко мнѣ.

ВАЛЬМИРА.

Конечно, премѣнить его желаешь долю,
И счастіемъ...

РОГНѢДА.

Скорѣй мою исполни волю:
Скажи Владиміру, чтобъ онъ пришелъ въ сей часъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНѢДА, *одна.*

Въ глазахъ свѣтъ меркнетъ, гнѣвъ перерываетъ гласъ!
Восторги ревности! отчаянье смертельно!
Подобное любви отмщенье безпредѣльно!
Вамъ, боги вы мои! вамъ нынѣ предаюсь!
Любовницей была и Фуріей являюсь!...
А ты, о, вредна страсть! готовяща намъ гробы,
Преобрати свой огнь во мрачный пламень злобы.
Любовь, котору я толь сладостною чла!
Вотъ радости въ тебѣ какія я нашла!
Я зрю невольницу, тобой превознесенну,
Себя отверженну, навѣки посрамленну.
Она пріемлетъ скиптръ, а я пріемлю стыдъ:
Но смерть загладитъ все, и въ гробѣ насъ сравнитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Не тщетно ль счастіемъ Вальмира мнѣ ласкала?
Могу ль повѣрить я? ты зрѣть меня желала?
Или не такъ тебѣ несносенъ я кажусь?

РОГНѢДА.

Что любишь ты меня, не тщетно ли я льщусь?

ВЛАДИМІРЪ.

Люблю ли я тебя! еще ль сего не знаешь?
Еще ли страсти ты моей не примѣчаешь
Въ отчаяньи моемъ, въ очахъ смятенныхъ сихъ,
Въ моихъ восторгахъ всѣхъ, въ несчастіяхъ твоихъ,
Въ свирѣпости, мою затмившей добродѣтель,
Во злодѣяніяхъ, которыхъ я содѣтель,
Въ стенаньяхъ горестныхъ отечества всего,
И, ахъ! родителя въ паденьи твоего, —
Во всемъ, чтó въ ужасъ днесь Владиміра приводитъ?
О, рокъ! въ несчастьяхъ лишь твоихъ мой духъ находитъ,
Чѣмъ страсть тебѣ мою зловредну доказать.

РОГНѢДА.

Чѣмъ виненъ предо мной, все можешь оправдать,
И можешь быть ты мнѣ всего милѣй на свѣтѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу! кто? я? открой въ дражайшемъ мнѣ отвѣтѣ,
Скажи, чтò дѣлать мнѣ? должно ль умереть? —
Готовъ лить кровь мою, всѣ бѣдства претерпѣть.

РОГНѢДА.

Но если предъ тобой Рогнѣда изъяснится,
Жаръ скоро, можетъ быть, во хладъ преобратится.

ВЛАДИМІРЪ.

Сомнѣніемъ такимъ мое ты сердце рвешь;
Въ часъ радости моей во грудь мнѣ ядъ ліешь.
Что жертва я любви, тебѣ ли сомнѣваться?
Чѣмъ клясться мнѣ, что я готовъ во все вдаваться?
Какихъ боговъ мнѣ знать? Клянусь твоей красой....
Ты вѣришь ли теперь? откройся предо мной'

Коль должно не щадить тебѣ на жертву крови,
Я смертью клятву дамъ тебѣ въ моей любови;
Скажи лишь только мнѣ, что́ должно совершить?
Чѣмъ быть могу я милъ?

РОГНѢДА.

Въ грудь брата мечъ вонзить,
Измѣну наказать, мой стыдъ омыти кровью,
Злодѣйства тѣмъ твои загладить предъ любовью....
Но ты оцѣпенѣлъ; куда твой дѣлся жаръ?

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ брата кровь пролить? мнѣ?

РОГНѢДА.

Кто жъ свершитъ ударъ?
Коль будетъ жить твой братъ, не буду я твоею.
Нѣтъ способовъ иныхъ владѣть моей душею.
Стенаньемъ варвара прерви Рогнѣдинъ стонъ!
Содѣлавъ столько ты любви твоей препонъ,
Толико оскорбивъ несчастную Рогнѣду,
Ты видишь надо мной нетрудную побѣду;
Любить себя велю, повелѣвая мстить:
Ты можешь то; а! ты не хочешь поразить.

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ, къ чему меня приводишь;
И къ счастью моему какой ты путь находишь!
Велишь злодѣйствіемъ тебя достойнымъ быть!
Братоубійца ты возможешь ли любить?

РОГНѢДА.

Нѣтъ нужды: мщеніе въ обидѣ я имѣя,
Зря кровь, могу любить гнуснѣйшаго злодѣя....
Трепещешь!... не страшись.... нельзя порочнымъ быть;

Всему отечеству тѣмъ можешь услужить,
И не злодѣй, герой уже Владимiръ будетъ,
Для блага общества коль братство онъ забудетъ.
Сразить его тебѣ колико есть причинъ!
Отца великаго достойный ли ты сынъ?
Герой ли ты? Внимай отечества стенанье.
Ты любишь ли меня? услышь мое страданье.
Зри слезы ярости, которы стыдъ лiетъ,
Которы кровь врага въ минуту пресѣчетъ.
Сугубый тронъ тебя, Владимiръ, ожидаетъ,
Рогнѣда предстоитъ и быть твоимъ желаетъ.
Лишь только Ярополкъ вздохнетъ въ послѣднiй разъ,
Супругой назовешь меня ты въ тотъ же часъ.

ВЛАДИМIРЪ.

Я знаю, Ярополкъ достоинъ лютой казни,
Я знаю, все велитъ презрѣть родства прiязни;
Но низкой хитростью велишь его сразить.
Въ оливахъ мирныхъ мечъ возможно ли укрыть,
Не облекаяся въ безчестье вѣроломства?
Могу ли я не быть злодѣй въ очахъ потомства?
Когда стремится братъ Россiянъ ко стыду,
Себѣ къ безславiю, отечества къ вреду,
Пускай уже свое злодѣйствiе свершаетъ
И наше мщенiе съ тобою оправдаетъ;
А мы, отшедъ отсель къ престолу моему,
Къ защитѣ общества, къ погибели ему,
Отъ Волховскихъ бреговъ собравши сильны рати,
Открытою войной пойдемъ врага попрати,
И не измѣною, побѣдою сразимъ:
Мы далѣ молнiю войны распространимъ;
Отъ грома Росскаго тронъ Грсковъ потрясется.

РОГНѢДА.

Однако онъ въ сей день съ Гречанкой сопряжется.
Ты хочешь, чтобы я терпѣньемъ облеклась,
Презрѣнна, со стыдомъ отселѣ отвлеклась,
И, горестна, враговъ оставила бъ въ утѣхѣ;
Чтобъ на сомнительномъ еще войны успѣхѣ
Мой духъ отмщенія надежду возлагалъ;
А я хочу, чтобъ днесь весь Кіевъ возрыдалъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ безчестье...

РОГНѢДА.

Малодушный!
Иль ярости одной, иль робости послушный!
Ты не безчестія, страшишься смерти ты.
Поди; стенанія твои — обманъ, мечты.
Безъ жалости меня въ мученьи можешь видѣть.
Ты любишь такъ меня, какъ должно ненавидѣть.
Я средство подаю Рогнѣду заслужить,
Я способы кажу меня достойнымъ быть;
А тó Владиміръ все презрѣвъ, уничтожаетъ
И быть любезнымъ мнѣ безчестьемъ вображаетъ.
Поди... достойный братъ злодѣя моего!
Покорствуй, будь рабомъ ты брата своего!
Онъ ту, кѣмъ ты горишь, смертельно раздираетъ,
Ставъ лютымъ Грекамъ другъ, онъ брата презираетъ,
Предъ нимъ въ его очахъ отечество срамитъ.
И слава, и любовь, и все тебя стремитъ,
А ты, передо мной вздыхая, только млѣешь:
Злодѣя наказать трепещешь и робѣешь;
Какой еще злодѣй! онъ мнѣ въ сей день постылъ,

А завтра, можетъ быть, опять мнѣ будетъ милъ.
Коль днесь не ускоришь явить его мнѣ мертва,
То завтра отъ тебя сія безплодна жертва.

ВЛАДИМІРЪ.

Коль такъ, мнѣ должно днесь пронзити грудь его...
Онъ можетъ быть любимъ... довольно мнѣ сего....
Погибнуть долженъ сей отечества предатель:
Я долженъ, долженъ быть его злодѣйствъ каратель
И остріе вонзить во сердце... но за что?
Чего алкаю я, онъ мнѣ даруетъ то.
Въ сей самый часъ, какъ званъ тобой, къ тебѣ стре-
милcя,
Со мною Ярополкъ навѣки примирился.
«Оставимъ», онъ сказалъ, «мы прежнихъ злобъ мечты;
Люби меня: владѣй навѣкъ Рогнѣдой ты.»

РОГНѢДА.

Сей страшный Ярополкъ, тобой непобѣжденный,
Твоею робостью какъ нѣкій богъ почтенный,
Пускай возможетъ всѣмъ царямъ законъ давать
И ими, какъ тобой, равно повелѣвать;
Пускай весь міръ къ его ногамъ восхощетъ пасти,
Но знай, Рогнѣдинъ духъ его превыше власти...
О, тѣнь родителя! оставь мою вину,
Которую, собой гнушаяся, кляну,
Что я, смятенная, унизилась въ забвеньи
Къ убійцѣ твоему простерть мои прошеньи:
Оставь; какъ лютымъ я сего врага ни чла,
Его еще въ сей часъ стократъ лютѣй нашла.

Къ Владиміру.

Благодарю тебѣ: твоимъ отриновеньемъ,
Ты разлучилъ меня съ моимъ уничиженьемъ
Быть должною тебѣ, и злобу утвердилъ,

Которой лютый рокъ едва не истребилъ.
Не омрачаяся отмщенія въ надеждѣ,
Ты больше гнусенъ мнѣ, какъ былъ ты гнусенъ прежде.
Я къ брату твоему въ сей самый часъ иду,
Грызенье совѣсти ему съ собой веду.
Коль нѣки прелести во мнѣ онъ прежде видѣлъ,
Не мысли, чтобъ меня онъ такъ возненавидѣлъ,
Чтобы не тронуться стенаніемъ моимъ,
Чтобъ равенъ былъ тебѣ безчувствіемъ своимъ:
Я сердце оттворю, явлю, какъ я крушуся.
А ежели уже всѣхъ способовъ лишуся,
Утраченную честь своей рукой найду,
И въ сердце я его со остріемъ войду.
Тамъ смертью помрачу тотъ зракъ побѣдоносный,
Совмѣстницы моей сей образъ мнѣ несносный,
И въ тотъ же часъ сама я съ жизнью разлучусь;
Не могши купно жить, съ нимъ въ гробѣ сопрягусь.
Вотъ то намѣренье, которо предпріемлю!
Какъ хочешь рвись, кляни и небо ты и землю,
Но поздно будетъ все: пустымъ ты звукомъ словъ
Не возвратишь меня.

Рогнъда хочетъ идти.

ВЛАДИМІРЪ.

Остановись... готовъ....
Постой, жестокая!... твою исполню волю:
Кровь брата съединитъ мою съ твоею долю.
Любовь не сопрягла, спрягаетъ злоба насъ.
Вѣрь: будешь ты моя, и будешь въ сей же часъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Къ чему въ отчаяньи толь лютомъ приступаешь?
Въ какую ты себя опасность повергаешь?
Не видишь...

РОГНѢДА.

Ничего; и видѣть не хочу.
Къ погибели моей я съ радостью лечу,
Лишь только бъ отомстить.

ВАЛЬМИРА.

Но Ярополкъ вступаетъ.

РОГНѢДА.

Спѣши къ Владиміру, скажи, да не дерзаетъ
Еще отмщенію служити моему:
Когда разить, я тò сама скажу ему.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯРОПОЛКЪ, РОГНѢДА.

ЯРОПОЛКЪ.

Быть можетъ, мой приходъ твой паче духъ тревожитъ
И дерзостью моей мои преступки множитъ;
Но я винѣ моей не тщась видъ правды дать,
Что виненъ предъ тобой, пришелъ тебѣ сказать.

Иной, стараяся невиннымъ показаться,
Подлѣй бы только сталъ, дерзая притворяться;
Иной бы могъ сказать, на мѣстѣ бывъ моемъ,
Что, зря совмѣстника во братѣ онъ своемъ,
Россію утомилъ враждой единокровныхъ:
Завѣсу въ томъ нашедъ для слабостей любовныхъ,
Блаженствомъ общества закрывъ бы свой порокъ,
Явилъ участникомъ въ своихъ преступкахъ рокъ.
Но къ низкимъ Ярополкъ притворствамъ не способенъ,
И въ слабостяхъ моихъ я самъ себѣ подобенъ;
Таковъ въ невѣрности, каковъ я былъ любя.
Сражался съ братомъ я, ты знаешь, за тебя;
Но днесь тебя уже Владиміру вручаю.
Спасеньемъ Россіянъ себя не извиняю.
Неодолимою я страстію горю;
И сердце и престолъ иной навѣкъ дарю:
Не крой и ты себя, свою отверзи душу;
И ежели я твой покой измѣной рушу,
Когда еще того могу достоинъ быть,
Чтобъ гнѣвъ твой на себя хоть мало обратить,
Не притворяяся сама передо мною,
Обременяй меня моею ты виною.
Не гнѣва твоего, молчанія страшусь;
Я скромностью твоей лишь болѣ сокрушусь.

РОГНѢДА.

Не удивляюся, что, сильный бы въ властитель,
Возможешь слабый быть ты клятвъ своихъ блюститель;
Что славы не храня и не смотря на честь,
На мѣсто мнѣ любви казалъ едину лесть,
Дщерь князя обманувъ, въ презрѣніи оставилъ,
И сердце явно въ путь злодѣйствія направилъ.

Ты больше дѣлаешь: отечество, вѣнецъ
И самъ себя даешь въ плѣненье наконецъ.
Сынъ побѣдителя стократъ попранныхъ Грековъ,
Уничиженіемъ быть хочешь человѣковъ.
Чего иного ждать, кто мало чтитъ себя?
Невинну оскорбить, достойно то тебя:
Но вѣдай же и ты, что то меня достойно,
Чтобы, презрѣвъ тебя, ждать мщенія спокойно.
Я пѣнями себя не стану посрамлять;
Еще пылаетъ кто, тотъ долженъ укорять.
Не можешь, сею ты утѣхой услаждаясь,
И зря, какъ буду я, стоная и терзаясь,
Моей тоской твое величить торжество,
Тѣмъ сердца твоего возвыся божество,
По пѣняхъ ей моихъ предстать въ покорномъ видѣ:
Не пѣни, государь, но кровь течетъ въ обидѣ.
Чтобъ зрѣть меня въ стыдѣ, дерзнувши оскорбить,
Въ единый хочешь день ты слишкомъ счастливъ быть.
Ты стоновъ отъ моей любви не опасайся,
Какъ хочешь тай, гори и въ страсти погружайся
И прелестей въ красахъ иныя находи;
Но если вѣришь мнѣ, во храмъ ты не входи.

ЯРОПОЛКЪ.

Отъ пѣней бы твоихъ мой духъ возмогъ смутиться:
А устрашить меня Рогнѣда тщетно льстится.
Терзался, мысля быть я виненъ предъ тобой;
Но радуюсь, нашедъ согласную со мной.
Я обманулъ себя, твоихъ зря строгость взоровъ.
Любиму должно быть, чтобъ ждать себѣ укоровъ.
Спокойно сердце днесь могу иной отдать.
Давно бы намъ себя престати принуждать
И, отвративъ сердца, не могши съединиться,

Развратомъ таковымъ другъ съ другомъ согласиться:
И ты могла бъ того оставить завсегда,
Кто можетъ быть любимъ, и не былъ никогда.

РОГНѢДА.

Престолъ, отца и все на свѣтѣ погубила;
А я тебя, а я, о, варваръ! не любила.
Что жъ дѣлала, скажи? искала ль я чего,
Окромѣ одного лишь сердца твоего?
Не скажешь ли, твоей короны я желала?
Но меньше ль твоея державы потеряла?
Новградъ прiять меня мнѣ длани простиралъ.
Не для тебя ль мой духъ въ немъ князя презиралъ,
Которому меня, жестокiй, ты вручаешь?
Ахъ! чѣмъ ты наградишь за то, чего лишаешь?
Прибавь къ Владимiру всея вселенной власть,
Давать законъ царямъ его пусть будетъ часть,
Отдай и свой вѣнецъ, въ пустыню удалися:
Послѣдую тебѣ, лишь только обратися.
Я тамъ, владѣючи единымъ лишь тобой,
Превыше всѣхъ царей, блаженна той судьбой,
Ни тронамъ, ни богамъ завидовать не буду
И, счастливѣе всѣхъ, съ тобой весь мiръ забуду.
Ты видишь, и теперь еще ты какъ мнѣ милъ;
Люблю невѣрнаго; а если бъ вѣренъ былъ....
Но ты ни слова мнѣ, тиранъ, не отвѣчаешь,
Потеряннымъ со мной ты время почитаешь,
И только ты отсель отвергнуться спѣшишь;
Взираешь на меня, но ты меня не зришь,
И обращаяся душею съ Клеоменой,
Ты утѣшаешься лютѣйшею измѣной.
Ты здѣсь, но мыслiю во храмѣ ты давно;
Ты слышишь только лишь и видишь то одно.

Безмолвенъ, очи ты безъ чувства простираешь:
Ступай, злодѣй, ты мнѣ лишь сердце раздираешь!
Но будешь отвѣчать за низость мнѣ мою,
За стыдъ, за слезы тѣ, которыя лію,
За стоны горестны, за всѣ восторги тщетны,
Которые тебѣ въ сей часъ едва примѣтны,
Которы слышати тебѣ твой огнь претитъ.
Сокройся отъ меня и скрой съ тобой мой стыдъ!
Все кажетъ мнѣ твою ужасную измѣну;
Ступай на смерть!

Уходитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Узрю во храмѣ Клеомену.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, *одна.*

Гдѣ я? куда иду?... отчаянна, смятенна,
Судьбиною на край стремнины приведенна,
Я чувствую, паду въ глубоку бездну бѣдъ!
Я слышу, мнѣ любовь, мнѣ жалость вопіетъ:
Постой, свирѣпая! къ чему ты приступаешь,
И радостей какихъ отъ мщенія ты чаешь?
Свирѣпою рукой чью кровь теперь ліешь?
Какіе ты плоды со злобы соберешь?
Увидь того, кто былъ тебѣ всего милѣе,
Попранна!... что̀ сего возможетъ быти злѣе?
Я зрю трепещуща его въ ручьяхъ крови,
О, видъ, ужасный видъ!... се плодъ моей любви....
Геройское чело покрыто смертной тмою!...
Пускай умретъ.... когда спрягается съ иною....
Иную онъ на одръ возводитъ и на тронъ!
Иную.... сладокъ мнѣ его смертельный стонъ....
Почто же трепещу? почто же я страдаю?
Ахъ! чувствую, что съ нимъ я купно умираю.
Несчастная! умри, коль должно умереть;

Но будь невинна...., Мнѣ во торжествѣ узрѣть,
Который такъ меня жестоко оскорбляетъ,
Который до того несчастну презираетъ,
Что въ сей ужасный часъ, смертельный для меня,
Изъ сердца совѣсть всю и честь искореня,
И вѣдать онъ о томъ гнушается во страсти:
Жива ли я еще въ моей несносной части!
Мнѣ жалость ощущать къ лютѣйшему врагу!
Я ненавидѣти его не возмогу....
Онъ знаетъ, что̀ ему я въ жертву приносила,
Онъ вѣдаетъ, его какъ страстно бъ я любила.
Всего лишилась я и все пренебрегла;
И все бъ въ одной его любви найти могла.
Погибнуть долженъ онъ и заплатить мнѣ кровью,
Чего онъ заплатить не могъ своей любовью.
Противъ преступниковъ коль громъ небесъ замолкъ,
Я гряну въ гнѣвѣ....

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

РОГНѢДА.

Что? Владиміръ?... Ярополкъ?...

ВАЛЬМИРА.

Во храмѣ Ярополкъ, и жертвенникъ пылаетъ.

РОГНѢДА.

Онъ живъ? злодѣй!...

ВАЛЬМИРА.

И всю вселенну забываетъ.
Я видѣла, какъ онъ, любовью упоенъ,
Неслыханнымъ своимъ безстыдствомъ восхищенъ,
Гордяся гнусностью лютѣйшія измѣны,
Не видя ничего при видѣ Клеомены,
Тебѣ обѣщанный вручая ей вѣнецъ,
Вѣщалъ: «Я дѣлаю твоимъ бѣдамъ конецъ.
«Униженна судьбой, своимъ велика родомъ,
«Владѣй какъ мной, такъ симъ подвластнымъ мнѣ народомъ.»
Потомъ, къ собранію смятенну обратясь:
«Се вамъ владычица!...

РОГНѢДА.

Престань.... О, робкій князь!
Владиміръ гнусный! ты, меча не извлекая,
Сихъ словъ не прервалъ, грудь измѣннику пронзая!
Чего ты ждешь?... И онъ мнѣ хочетъ измѣнить!
Я вижу, должно мнѣ надежду отложить,
Котору на сего я робкаго взлагаю.
Ему ко счастію дорогу предлагаю;
А онъ, я знаю то, онъ медлитъ и дрожитъ.
Постой! то все одна Рогнѣда совершитъ.
Пойду; и, въ ярости, отчаянной рукою,
Не видя ничего въ смятеньи предъ собою,
Повергну перваго представшаго очамъ;
Не пощажу, хотя бъ то былъ Владиміръ самъ:
Мнѣ срама сей злодѣй прибавилъ только къ сраму.

ВАЛЬМИРА.

Стопами томными онъ влекъ себя ко храму.
Онъ шелъ служить тебѣ, владычицѣ своей,
И на челѣ его, позорище страстей,

Необычайныя я видѣла премѣны.
Страшася гнуснаго онъ имени измѣны,
Братоубійцемъ быть отъ ужаса блѣднѣлъ;
И вдругъ отъ ярости какъ въ пламени горѣлъ,
Когда воображалъ, что тѣмъ тебя лишится,
Коль мщеніе твое въ сей часъ не совершится.
Я видѣла его имуща грозный видъ,
И видѣла, что онъ въ уныніи дрожитъ.
Казалось мнѣ, уже и мечъ онъ извлекаетъ,
Казалось, слезы льетъ и горестно стонаетъ,
И словомъ, страсти всѣ его волнуютъ кровь:
Отчаяніе, стыдъ, и жалостъ, и любовь.
Стремится вихремъ вдругъ, и вдругъ онъ каменѣетъ.

РОГНѢДА.

Что жъ будетъ наконецъ? имъ радость овладѣетъ,
Не сдѣлавъ ничего, придетъ передъ меня
Хвалить свою любовь, меня одну виня.
И чтò онъ сдѣлаетъ?...

ВАЛЬМИРА.

Тебѣ ли сомнѣваться,
Чтобъ волѣ онъ твоей не сталъ повиноваться?

РОГНѢДА.

Ступай во храмъ, увидь ты робкаго сего,
Всей Фуріи моей влей пламень ты въ него;
Напомни, кто ему готовится въ награду:
Скажи, что въ немъ одномъ я зрю мою отраду;
Что, Ярополкову я мысля видѣть кровь,
Ужъ стала чувствовать къ Владиміру любовь.
Спѣши.... постой.... скажи, чтобъ, мечъ онъ въ грудь вонзая,

Сказать не позабылъ, что онъ, его терзая,
Моей лишь ярости на жертву предаетъ.
Вся сладость моего отмщенья пропадетъ,
Коль, издыхая, врагъ мой лютый не узнаетъ,
Что злость моя одна его во гробъ ввергаетъ....
Чтó слышу? стонъ и вопль наполнилъ воздухъ весь!

ВАЛЬМИРА.

Конечно, твой злодѣй свой вѣкъ кончаетъ днесь.
Возрадуйся, твоя свершилася побѣда:
Владиміръ обагренъ.

РОГНѢДА.

Несчастная Рогнѣда!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Свершилось все!... мой братъ!... угодно ль то тебѣ?
Поверженъ Ярополкъ!... я мерзостенъ себѣ!

РОГНѢДА.

Ужъ нѣтъ его!

ВЛАДИМІРЪ.

Увы! скончался братъ любезный!...
Еще ль не вѣришь?... вѣрь, мои зря токи слезны....
Зря ужасъ на лицѣ, жестокая, повѣрь!...
Я самъ себя страшусь!... довольна ль ты теперь?
Спокойна ль?... торжествуй!... насытилася злоба!
Низверженъ братомъ братъ во мрачны тѣни гроба!
И блѣденъ, и кровавъ!... его померкшій видъ

Владиміру Небесъ отмщеніемъ грозитъ.
Повсюду слѣдуетъ сей страшный зракъ за мною!
Братоубійца я! Мнѣ нѣтъ нигдѣ покою!...
Я зрю, какъ воинствомъ моимъ онъ окруженъ,
Въ минуту острыми мечами изъязвленъ,
Взирая на меня укоровъ полнымъ окомъ,
Измѣны смерть вкушалъ въ молчаніи глубокомъ.
Я слышу сей его мой духъ пронзившій гласъ,
Которымъ совершилъ онъ свой послѣдній часъ:
«Оставьте, Небеса, вы брату ослѣпленну
«Вину его, не имъ, но страстью сотворенну!...»
Ставъ гнусенъ и себѣ, и смертнымъ, и богамъ,
Хотѣлъ бы я въ сей часъ себя убѣгнуть самъ!...
Но ты осталась мнѣ единая отрада.
Ужели рушилась межъ нами вся преграда?
О, плодъ, дражайшій плодъ злодѣйства моего!
Ужель все кончилось для мщенья твоего?

РОГНѢДА.

Ахъ, что̀ содѣлалъ ты!

ВЛАДИМІРЪ.

Что̀ злость твоя велѣла,
Въ чемъ кровь противилась, чего любовь хотѣла,
И, словомъ, лютый твой исполнилъ я приказъ.

РОГНѢДА.

Сокройся отъ моихъ, чудовище, ты глазъ!
Не множи моего смертельнаго мученья,
Не представляй ты мнѣ ужаснаго видѣнья
Въ крови омытыхъ рукъ!... Кого ты умертвилъ?
И чью ты пролилъ кровь? и чѣмъ онъ виненъ былъ?
За что? и кто велѣлъ? кто въ томъ тебя наставилъ?
И кто судьей тебя надъ княземъ здѣсь поставилъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу! Небеса!... не ты ль велѣла мнѣ?
Не ты ль, жестокая? Иль было то въ снѣ?

РОГНѢДА.

Велѣла я; но ты ль то́ долженъ былъ исполнить
И кровью братнею мѣста сіи наполнить?
Велѣла я; почто ты вѣрилъ мнѣ, злодѣй?
И, ослѣпленіе ты страсти зря моей,
Стремясь къ злодѣйствію, почто не возвратился?
На грудь подъявши мечъ, ты какъ не устрашился?
Почто ты не пришелъ еще меня спросить?
Ты, можетъ быть, меня возмогъ бы умягчить.
Но, нѣтъ; ты братниной алкалъ напиться крови,
Ты смерти моея искалъ, а не любови.
Зачѣмъ сюда пришелъ? Ты въ Кіевъ миръ принесъ,
Какой ужасный миръ! источникъ смертныхъ слезъ!
Когда́бъ не осквернилъ ты града пребываньемъ,
Когда бы воздуха не заразилъ дыханьемъ,
Еще бы Ярополкъ, въ волненіи страстей,
Пристанища къ бѣдѣ не избралъ бы своей;
Колеблясь, между насъ донынѣ бъ не рѣшился,
И, можетъ быть, ко мнѣ бъ впослѣдокъ обратился.
Ты смерти моея единая вина?
Тобой, злодѣй, всего Рогнѣда лишена!
Тобою дней своихъ Рогнѣда ненавидитъ?
Мнѣ гнусенъ солнца свѣтъ; его Владиміръ видитъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чей слышалъ голосъ я? и кто мнѣ здѣсь вѣщалъ?
Рогнѣда ли была? иль адъ ко мнѣ дышалъ?
О, братъ несчастный! О, фурія презлая!
Вадимъ! я виненъ тѣмъ, что злость ея слѣпая
Моею пользуясь несчастной страстью къ ней,
Соединивъ меня со яростью своей,
Прегнуснѣйшимъ въ сей день злодѣемъ учинила?....
О, страшная любовь! ты все теперь свершила.
Любовницы своей невиннаго отца
Лишилъ я и сыновъ, и жизни, и вѣнца:
Противъ отечества и брата воружился,
Терзалъ моихъ гражданъ, ихъ кровью обагрился!
Къ злодѣйствамъ симъ чего не доставало мнѣ?
Но мало то: я къ сей приблизился странѣ
Подъ видомъ утвердить отечества спокойство,
Во сердцѣ ярость несъ, являючи геройство.
Здѣсь князь и братъ меня какъ друга воспріялъ:
Онъ мнѣ даруетъ то, чего я столь алкалъ:
Во храмѣ зря меня, меня еще лобзаетъ;
А братъ ему, а братъ во сердце мечъ вонзаетъ!

ВАДИМЪ.

Оставь раскаянье безплодное твое;
И, въ пользу время ты употребя сіе,
Старайся избѣжать гражданей здѣшнихъ злобы.
Ты князя ихъ сразилъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пускай готовятъ горбы
Они обоимъ намъ.

Хочетъ заколоться.

ВАДИМЪ, *отнимая мечъ.*

Сбери разсудокъ твой,
И вспомни: обществу ты долженъ самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Гдѣ я?... густая мгла мнѣ очи помрачаетъ.
О, страшна тишина! никто не отвѣчаетъ.
Не вижу я тебя, небесъ пресвѣтлый верхъ.
Живаго кто меня въ подземны бездны свергъ?...
Мое злодѣйствіе.... Какіе скорбны стоны!...
Не здѣсь ли строгіе и праведны законы
Безсмертныхъ истину злодѣямъ казнь вершатъ?
Какія дремлющи свѣщи меня страшатъ?
Во мракѣ тартара лишь ужасъ умножаютъ!
Какія блѣдныя мнѣ тѣни угрожаютъ?
То жертвы, яростью пожертыя моей!...
Вотъ слѣдствіе въ страстяхъ заблуждшихся князей!
Кровавые ручьи и виды только мертвы....
А вы, несчастные! моей вы злости жертвы!
Граждане! коихъ кровь рѣками проливалъ,
Страданье ваше все я въ сердце воспріялъ!...
Престаньте мучити порочна, но несчастна,
И сжальтесь надо мной!... о, жалоба напрасна!
Немилосердаго кто хочетъ пощадить?...
И ты, мой братъ, ты здѣсь!... престань вину твердить
Злодѣю твоему, убійцѣ и тирану;
Закрой еще твою дымящуюся рану,
Котора на меня отмщеньемъ вопіетъ,

Которая не кровь, но казнь мою ліетъ....
Рогнѣда!... Ярополкъ, сокроемся отселѣ!...
Зри страшну фурію въ ея прекрасномъ тѣлѣ;
Смотри, какъ взоръ ея отъ ярости горитъ;
Взираетъ молніей и громомъ говоритъ.
Какая злость!... Еще ль ты алчешь нашей крови?
Еще ли ищешь ты злодѣйствъ въ моей любови?
Но ихъ умножити что̀ можешь изобрѣсть?

ВАДИМЪ.

Спасемъ его, спасемъ, доколѣ время есть!

СОФОНИСБА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СИФАКСЪ, царь нумидскій.

СОФОНИСБА, жена его, дочь Асдрубала, брата Карѳагенскаго Аннибала.

МАССИНИССА, князь нумидскій, подкрѣпляемый Римлянами и ищущій своего наслѣдственнаго престола, у него Сифаксомъ похищеннаго.

СЦИПІОНЪ, римскій консулъ.

ЛЕЛІЙ, намѣстникъ Сципіоновъ.

НАРЦЕСЪ, Массиниссинъ наперсникъ.

ФИЛОНЪ, придворный Сифаксовъ.

ФЕНИСА, }
КОРИСВА, } наперсницы Софонисбины.

Дѣйствіе въ Циртѣ, нумидскомъ городѣ, въ царскомъ чертогѣ, гдѣ тронъ, закрытый завѣсами, и въ отдаленіи жертвенникъ богамъ.

СОФОНИСБА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА.

ФЕНИСА.

Царица, прекрати тѣ лютыя мученья,
Тѣ совѣсти твоей напрасныя грызенья,
Неправедно твою снѣдающія грудь.
Невинна будучи, спокойна ты пребудь.
Въ тоскѣ порочныхъ душъ ты можешь ли быть зрима?

СОФОНИСБА.

Нумидскій юный князь, нашъ врагъ и другъ сей Рима,
Сей Массинисса, кѣмъ встревоженъ весь нашъ градъ,
Грозитъ намъ гибелью съ мечемъ у нашихъ вратъ;
И, Римомъ подкрѣпленъ, онъ молніей сверкаетъ,
Которую ему злость Рима поручаетъ,
Чтобъ тронъ разрушить нашъ, Сифакса истребя;
А я, Сифаксова жена, забывъ себя,

Хотяща превратить я Массиниссу въ друга
И скрывъ намѣренье мое отъ глазъ супруга,
Унизилась писать ко общему врагу.
Коль тò откроется, — чѣмъ оправдать могу?
Хоть правъ поступокъ мой, но кажетъ онъ злодѣйство,
Любови прежнія сіе почтутъ за дѣйство
И возмутится духъ супруга моего.

ФЕНИСА.

Ты льстила ли въ письмѣ любви врага сего?
Не нѣжность, ненависть твоей рукой водила;
Та къ Риму ненависть, которыя вся сила
Тебѣ родителемъ въ наслѣдство предана.
Дщерь Асдрубалова, иль тѣмъ огорчена,
Что слабый твой супругъ, преклонный къ подозрѣнью,
Возможетъ пищу дать безчестному сомнѣнью?

СОФОНИСБА.

Онъ знаетъ всю мою ко Массиниссѣ страсть,
Котору и сама родительская власть,
Согласная съ моей душею, подтверждала;
Въ которой вѣчное я счастье обрѣтала.
Ужъ день желаннаго назначенъ брака былъ,
Но рокъ жестокій все въ ничто преобратилъ!
И Массинисинъ духъ, прельщенный властью царства,
Повергся наконецъ въ сѣть Римскаго коварства.
Другъ Рима, моему отцу онъ сталъ врагомъ.
Сразила вѣсть сія меня, какъ страшный громъ.
Тогда я, къ алтарю съ Сифаксомъ привлеченна,
Ни смертныхъ, ни боговъ не зрѣла, чувствъ лишенна.
Стѣсняя въ сердцѣ грусть, снѣдая токи слезъ,
Клялась, не смѣюща воззрѣть на свѣтъ небесъ,
Клялась.... ахъ, нѣтъ! не я тѣ клятвы изрекала....
Чтò мой языкъ вѣщалъ, душа то отрицала....

Не я клялась, — отецъ ту лютость совершалъ,
Отецъ мой клятвы мнѣ ужасныя внушалъ,
Чтобъ Массиниссу вѣкъ, презрѣвши, ненавидѣть!...
Безсмертные! сердца могущіе провидѣть,
Должны ли были вы тѣ клятвы допустить,
И смертію меня отъ нихъ не свободить?

ФЕНИСА.

И такъ любовью грудь твоя еще томится?

СОФОНИСБА.

Но, Софонисбы честь сей страсти не страшится.
Ты въ низостяхъ меня не смѣй подозрѣвать!
Страдаю, но себя умѣю почитать.
Я признаюсь, тебѣ я сердце открываю,
Что я безплодно страсть мою одолѣваю.
О Массиниссѣ мысль питаетъ горькій духъ;
Имъ полно зрѣніе, имъ полонъ весь мой слухъ;
Мою я душу имъ единымъ составляю;
И только лишь тогда о немъ не помышляю,
Какъ горестью, сама лишенная себя,
Не знаю, я живу ль, всѣ чувства погубя.
Но скрыты муки тѣ, тѣ тайны слезы, стоны,
Не добродѣтели, а сердцу лишь уроны.
Порочно ль, вѣчну страсть питая безъ плода,
Въ страданьи умирать, крушася завсегда;
И должности святой храня уставы строги,
По мукамъ только знать, что есть безсмертны боги.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА, КОРИСВА.

КОРИСВА.

Царица, все теперь открылося, о, страхъ!
Письмо несчастное въ Сифаксовыхъ рукахъ.
Разгнѣванный супругъ въ молчаньи взоры мещетъ,
Передъ которыми все въ ужасѣ трепещетъ.
Сокройся, удались отъ ярости царя.

СОФОНИСБА.

Невинна, не смущусь ничѣмъ, супруга зря.

ЯВЛЕНІЕ III.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, ФЕНИСА, КОРИСВА.

СИФАКСЪ.

Царица безъ души, супруга ты безъ чести,
Достойная моей ужаснѣйшія мести,
Вострепещи въ твоей винѣ!...

СОФОНИСБА.

Мнѣ трепетать?
Почто?

СИФАКСЪ.

Дерзаешь ты такъ смѣло вопрошать!
Но твердость воспріявъ невинности пристойну,
Напрасно душу ты являешь мнѣ спокойну.
Притворства твоего сквозь завѣсу сію,

Сугубящу мой гнѣвъ зрю горесть и твою.
Злодѣйски не всегда обманываютъ лики.
Признаньемъ отврати ты низости улики,
Достойныя твоей, но не моей души.

СОФОНИСБА.

Стремленье дерзостно ты гнѣва утиши.
Что Софонисба я, того не забывая,
Коль хочешь, поражай, меня не унижая.

СИФАКСЪ.

Во гнѣвѣ праведномъ мнѣ должно бы разить,
И грудь невѣрную измѣнницы пронзить,
Котора, позабывъ то все, что́ намъ священно,
Меня предать врагу стремилась ухищренно;
Мнѣ должно бы пролить твою порочну кровь,
За тронъ, за общество, а паче за любовь,
Любовь безмѣрную, тобою оскорбленну,
Котора, и въ сей часъ, себя зря посрамленну,
Во сердцѣ слабомъ семъ стонаетъ за тебя....
Жестока! все тебѣ на жертву погубя,
Противу трона пользъ я ставъ злодѣемъ Риму,
Дерзнулъ на силу я его неодолиму.
На край стремнины тѣмъ мой тронъ постановилъ;
Но, слыша Рима громъ, спокоенъ духомъ былъ,
И вашу ненависть пріявъ себѣ въ наслѣдство,
Мнѣ счастьемъ за тебя казалось само бѣдство!
Чѣмъ платишь ты? о, часть! о, горька часть моя!
Милѣй кто жизни, та, въ себѣ змѣю тая,
Царицу позабывъ и позабывъ супругу,
Къ злодѣю моему писала такъ, какъ къ другу.
Какой твой умыселъ? Сифакса истребя,
Восторгамъ прежнія любви предать себя?
Коль только жизнь моя въ семъ счастіи препона,

Почто, невѣрная, безъ униженья трона,
Не восхотѣла ты достигнуть до того?
Во упоеніи я сердца моего,
Когда тебя не зрѣлъ, ту каждую минуту,
Считая для меня за кару саму люту,
Ядъ новый черпая всякъ часъ въ твоей красѣ,
Съ тобою проводилъ минуты жизни всѣ!
Имѣла ль ты, скажи, когда превратно время,
Мнѣ грудь пронзивъ, себя освободить отъ бремя,
Такъ люто не смутя всей жизни моея,
Котору чту теперь ужаснѣй смерти я?
Могла бъ сразить меня во страсти безопасна,
Не умножаючи злодѣйства преужасна,
Не пріобщаяся къ лютѣйшему врагу,
Который.... продолжать я болѣ не могу....
Я силъ лишаюся и мой языкъ нѣмѣетъ,
Кровь стынетъ, меркнетъ свѣтъ и сердце каменѣетъ.
Жестока! довершай. Исторгнувъ мечъ ты мой,
Убійство кончи днесь начатое тобой;
Затми въ моихъ глазахъ небесное свѣтило,
Которо мнѣ тобой одною только льстило.
Избавь его лучей, могущихъ освѣщать,
Что́ съ громомъ молнія должна бы пожирать,
И сердце накажи ты слабостью обильно,
За то, что наказать оно тебя безсильно....
Зрю слезы изъ очей текущія твоихъ.
Скажи, что вижу я въ свидѣтеляхъ такихъ? —
Раскаянье ль твое, иль стыдъ отъ неуспѣха?
Злодѣйства ль то́ печать, или моя утѣха?

СОФОНИСБА.

Униженна тобой, себя я оправдать,
Могу ли горькихъ слезъ рѣкой не проливать.

Ты знаешь, государь! душѣ благорожденной,
Сколь тяжко, люто быть невинно помраченной.
Чело, привыкшее вовѣки не краснѣть,
Въ преступкахъ можетъ видъ невинности имѣть;
Но кто безчестія страшится даже тѣни,
Равно преступнику, смутяся, внемлетъ пѣни.
Я плачу... и кажусь виновна предъ тобой.
Я плачу... купно плачь, жестокой, ты со мной.
Во сердцѣ чувствуя твоихъ укоровъ жало,
Не плакать, умереть въ сей часъ мнѣ надлежало.
Но люту жизнь мою мнѣ должно сохранить.
Въ сей часъ себя могла бъ я смертью обвинить.
Отрада всѣмъ одна въ намѣреньяхъ безпрочныхъ,
Она убѣжище нерѣдко и порочныхъ.
Знай также, низостью я оправданья чту.
И такъ въ молчаніи неся неправоту,
Какъ свѣтъ ни тягостенъ, я жить не устрашаюсь:
Не словомъ предъ тобой, но жизнью оправдаюсь.

СИФАКСЪ.

Ты оправдаешься? коль можешь то свершить,
Почто жъ сей радости хотѣть меня лишить?
И если истинно мое несносно бѣдство,
Хоть омрачить меня найди себѣ посредство.
Но какъ? и чѣмъ? открытъ мнѣ мой свирѣпый рокъ!
Тобой, въ твоихъ чертахъ доказанъ твой порокъ.
Чѣмъ можешь скрыть твой стыдъ и облегчить мнѣ муку?
Смотри, и устыдись, познавъ невѣрну руку.

Показываетъ Софонисбѣ письмо ея къ Массиниссѣ.

СОФОНИСБА.

Ты ревности слѣпой надъ сердцемъ власть отдавъ,
Стыдися самъ себя, тѣ строки прочитавъ,

Въ которыхъ включено отечества спасенье,
Но изъ которыхъ ты извлекъ мнѣ посрамленье...
Не мысли, чтобъ твоя несчастная жена,
Не сердца нѣжностью съ тобой сопряжена,
Но только злобою одною противъ Рима,
Могла бъ, сомнѣніемъ твоимъ въ сей часъ разима,
Въ притворствѣ скрывъ себя, являть къ тебѣ любовь,
Которою ея не воспаленна кровь.
Съ такою твердостью себя одолѣваю,
Столь твердо предъ тобой и сердце открываю.
Жестокій! зри его томящеся всегда,
Мученій полное, однако не стыда,
И Массиниссою влекомо безпрестанно,
Во узахъ должности стѣсненно и попранно....
Въ сей день, несчастный день, обоимъ лютый намъ,
Я, зря съ тобой нашъ тронъ подверженный бѣдамъ,
Стремнины на краю клонящійся къ паденью,
И зная, что твой духъ, несклонный къ униженью,
Погибель низости удобенъ предпочесть,
Чтобъ съ трономъ и тобой спасти твою и честь,
Симъ скрытымъ отъ тебя письмомъ на то дерзнула,
И Массиниссѣ долгъ его напомянула.
Читай... «Воспомни кровь, текущую въ тебѣ.
«Измѣною обрѣсть желаешь ты корону.
«Изъ друга нашего ставъ другомъ Сципіону,
«Какъ можешь Римскаго раба сносить въ себѣ?
«Бѣды отечеству и Аннибалу строя,
«Предатель общества ты въ счастливой судьбѣ.
«Раскайся, возврати намъ прежняго героя.
«Скинь узы Римскія съ безчестіемъ твоимъ.
«И если ты хотѣлъ когда быть мной любимъ,
«Съ побѣдою твое оставя униженье,

«Тѣмъ Софонисбино ты заслужи почтенье.»
Теперь, коль смѣешь ты, супругу укоряй,
И купно и себя со мною оскорбляй.
Множь бѣдство ревности ты низкимъ подозрѣньемъ,
Однимъ любовникамъ приличнымъ симъ мученьемъ.
Но время ли любить, когда бѣды грозятъ?
Не нѣжность намъ съ тобой, но гробы предлежатъ.
Царь! въ слабости любви престани погружаться:
Летаетъ смерь вкругъ насъ, днесь должно намъ сра-
жаться.

СИФАКСЪ.

Летаетъ смерть, и я на встрѣчу ей спѣшу;
На полѣ чести я мою судьбу рѣшу:
Я тамъ представлю грудь совмѣстнику счастливу;
И въ красности храня я душу горделиву,
Котору низостью никто не укоритъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ заглажу я тотъ стыдъ,
Что̀ въ Массиниссѣ мнѣ спасенья ты искала.
Коль есть оно, душа еще моя не пала.
Безъ помощи твоей пойду моимъ путемъ
И преклоню врага не просьбою, мечемъ;
А если пасть предъ нимъ я осужденъ судьбою,
Предъ нимъ я преклонюсь, но разлученъ съ душою.
Тогда, свободна ты отъ брачныхъ тяжкихъ узъ,
Возможешь довершить сердечный твой союзъ;
Тогда, забывъ родство съ Великимъ Аннибаломъ
И клятвы, отъ тебя пріяты Асдрубаломъ,
Унижься, и презрѣвъ его ты дочь въ себѣ,
Зри въ Сципіоновомъ ты счастіе рабѣ!
Но трепещи ты, злость воспомнивъ горда Рима;
Ту злость, котора ввѣкъ для насъ неукротима.

Въ ней будетъ свѣтъ мою отмстительницу зрѣть.
Живи, а я иду со славой умереть.

СОФОНИСБА.

Я слѣдую тебѣ. Повсюду, гдѣ ни будешь,
Того, что я тебя достойна, не забудешь.
Во пламени войны, среди кровавыхъ рѣкъ,
Мой будетъ сопряженъ съ твоимъ всечасно вѣкъ;
И, смертью окруженъ, ты будешь мой свидѣтель,
Что тщетно ты мрачилъ супруги добродѣтель.
Увидишь славу грудь мою передъ твоей
Безъ трепета тебѣ щитомъ противъ мечей.
Коль Массиниссу рокъ представитъ мнѣ во брани,
Въ очахъ твоихъ къ нему простру мои я длани;
Но я простру, чтобъ грудь невѣрную пронзить,
Котора обществу дерзнула измѣнить.
Коль должно умереть, всѣ трое будемъ мертвы.

СИФАКСЪ.

Останься; отъ тебя не требую сей жертвы.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, ФИЛОНЪ.

ФИЛОНЪ.

Изъ Массиниссиныхъ гражданскихъ нашихъ войскъ,
Почувствовавъ въ себѣ, хоть поздно, духъ геройскъ,
Съ раскаяньемъ, что кровь гражданей проливали,
Чтобъ съ нами умереть, здѣсь воины предстали.

СИФАКСЪ.

Причисли ихъ, Филонъ, ты къ ратникамъ моимъ.
Щедроты моея яви ты знаки имъ.
Извѣдай, Сципіонъ ужель...

ФИЛОНЪ.

Онъ близко града.
Въ сей день погибельна окончится осада;
И Массиниссою ужъ приступъ учрежденъ
Къ паденью страшному несчастной Цирты стѣнъ.

СИФАКСЪ.

На ихъ развалинахъ пойдемъ себя прославить
И Римлянъ жадности единый прахъ оставить.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА, *одна.*

О, грозная судьба! все гибнетъ для меня!
Супругъ, мой томный духъ сомнѣньемъ бременя,
Почтенья своего невинную лишаетъ;
Любовникъ мой меня напастью угрожаетъ
И трона съ высоты въ сей день свергаетъ въ плѣнъ.
Противъ меня, о, рокъ! весь гнѣвъ твой устремленъ,
И можетъ ли когда твоя быть больше злоба,
О, состояніе, ужаснѣйшее гроба!

═

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАССИНИССА *въ одѣяніи простого воина,* НАРЦЕСЪ.

НАРЦЕСЪ.

Какое, государь, намѣренье сіе:
Сокрыть въ одеждѣ сей величіе твое?
И Массиниссѣ ли пристойно днесь коварство,
Когда побѣдою ему открыто царство?

МАССИНИССА.

Искалъ его я, духъ отмщеньемъ упоя.
Не царства я ищу, но жизни моея.
Любовь, которая казалась мнѣ презрѣнна,
Досадою была въ семъ сердцѣ заглушенна;
Но днесь, когда блеснулъ надежды лучъ для ней,
Сталъ гнусенъ самъ себѣ въ побѣдѣ я моей.

НАРЦЕСЪ.

Какой надежды лучъ твоей блистаетъ страсти?

МАССИНИССА.

Ты слышалъ, что, презрѣвъ лютѣйшія напасти,
Мнѣ Софонисба днесь отважилась писать,
Когда бы не любовь, почто на то дерзать
И лютой ревности Сифакса подвергаться?

Отважностью въ любви хочу я съ ней сравняться.
Подъ броней ратника, въ опасныхъ сихъ мѣстахъ
Хочу найти я то въ возлюбленныхъ устахъ,
Что у меня съ письмомъ Сифаксомъ похищенно.

НАРЦЕСЪ.

Не тщетно ли твое тѣмъ сердце восхищенно?
Какъ въ гнѣвѣ, такъ въ любви, не видя гдѣ предѣлъ,
На вихряхъ ты страстей всегда нестися смѣлъ,
Смертельно ты любилъ дочь горда Асдрубала;
Но въ Фурію любовь преобращенна стала;
Какъ Римлянъ другъ въ тебѣ имъ былъ отриновенъ.
Единой желчію вражды одушевленъ,
Летѣлъ ты въ слѣдъ орламъ побѣдоносна Рима
И въ лаврахъ месть твоя была вседневно зрима.
Въ сей день ужъ напряженъ послѣдній твой ударъ:
Тронъ всей Нумидіи готовъ отъ Римлянъ въ даръ;
Но благость ихъ презрѣвъ и дружбу Сципіона,
Всей славы твоея любовь опять препона.
И что̀ тому виной? едина тщетна вѣсть,
Которая мрачитъ царицы здѣшней честь.
Но Софонисбина извѣстна добродѣтель.
Ты можешь самъ себѣ быть страшныхъ бѣдъ содѣтель.

МАССИНИССА.

Пускай мой смертный врагъ, Сифаксъ, познавъ кто я,
Отраву истощитъ всей злости на меня;
Пусть гордый Римъ, царей сей алчный истребитель,
Пускай и весь съ нимъ міръ пребудетъ мой гонитель:
Коль Софонисбою, какъ прежде, я любимъ,
Ничто мнѣ и Сифаксъ, и міръ, и грозный Римъ.
Вотъ все намѣренье, которо предпріемлю.

НАРЦЕСЪ.

Но, государь...

МАССИНИССА.

Ни чьихъ совѣтовъ я не внемлю.
Безъ Софонисбы мнѣ противенъ цѣлый свѣтъ.
Любовь — разсудокъ мой, а сердце — мнѣ совѣтъ.
Царицу жду. Ужъ ей донесено, что воинъ,
Усердьемъ къ ней ея всѣхъ благостей достоинъ,
Желаетъ зрѣть ее, чтобъ тайную ей вѣсть
И важную для ней къ ногамъ ея принесть.
Се шествуетъ она. Красы сея царицы,
Подобно какъ восходъ пресвѣтлыя денницы,
Мнѣ въ сердце мрачное вливаетъ жизни свѣтъ.
О, зракъ! отраднѣй всѣхъ и троновъ и побѣдъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, КОРИСВА, НАРЦЕСЪ.

СОФОНИСБА, *Корисвѣ.*

Не сей ли воинъ мнѣ открыть желаетъ тайну?

КОРИСВА.

Онъ самъ.

СОФОНИСБА, *Массиниссѣ.*

Какую вѣсть имѣешь чрезвычайну?
Вѣщай... что вижу!... рокъ!... онъ!... вотъ его черты...
Не ошибаюся ль?... ты, Массинисса, ты?...
О, ты, отечества несчастный притѣснитель!
Другъ Рима, врагъ ты мой и лютый мой гонитель!

Забывъ преграды всѣ межъ мною и тобой,
Какой ты привлеченъ въ сіи мѣста судьбой?
Зачѣмъ пришелъ? моей тоскою ль насладиться?
Слезами ль горестной царицы возгордиться?—
Насыться зрѣніемъ несчастій всѣхъ моихъ!

МАССИНИССА.

Когда въ ліющихся слезахъ изъ глазъ драгихъ
Драгія слезы есть изъ сердца мнѣ пролиты;
Коль чувства нѣжныя мнѣ стонами открыты
И жаръ, что̀ все мое блаженство составлялъ,
Который никогда во мнѣ не погасалъ,
Я сердце приношу, отчаяньемъ виновно,
Отъ рукъ возлюбленныхъ вкусити смерть безсловно;
А если твоего я сердца отлученъ,
Коль Массинисса въ немъ Сифаксомъ помраченъ,
Своей рукою, самъ себѣ несносно бремя,
Пришелъ я сократить плачевно жизни время.

СОФОНИСБА.

Въ часы, когда тобой отверзты гробы намъ,
Когда здѣсь алчна смерть летаетъ по стенамъ,
Приносишь чувство ты и поздно и безпрочню,
Священно прежде мнѣ, но днесь уже порочню.
Стремись отечество въ развалинахъ узрѣть,
А мнѣ, несчастной, дай съ супругомъ умереть.

МАССИНИССА.

Ты можешь отомстить отечества рушенье,
Супруга твоего съ престола низверженье:
Несчастій всѣхъ твоихъ виновникъ предъ тобой.
Вотъ мечъ, потрясшій всей Нумидскою страной,
Вознесшій днесь на васъ послѣдніе удары;
Да будетъ онъ моей орудьемъ смертной кары!
Рази, искореняй тебѣ противный видъ.

Ужъ сердце то твоимъ ударамъ предлетитъ,
Которое тобой единой жизнь вкушало;
Отверженно тобой, оно безъ жизни стало.
Не казнь мнѣ будетъ смерть, но благость отъ тебя.
Не свѣта, мукъ лишишь, меня ты погубя.
Рази! Могу ль я жить, когда меня не любишь.
Но слезъ возлюбленныхъ потоки ты сугубишь?

СОФОНИСБА.

Жестокій! скройся ты отъ сихъ опасныхъ стѣнъ,
Гдѣ страстію твоей ты тщетно ослѣпленъ;
Сугубя только тамъ мнѣ горесть нестерпиму,
Стремишься въ лютости на смерть неизбѣжиму.
Скажи, сей дерзостью что̀ можешь произвесть?
Утратя жизнь твою, мою утратишь честь.
Довольствуйся ты тѣмъ, что, слезъ лія потоки,
Оплакиваю дни твои, мнѣ толь жестоки:
Не сдѣлай, чтобъ твою зря смерть я въ сихъ мѣстахъ,
Оплакала бъ ее супруга во очахъ.

МАССИНИССА.

Оплачешь смерть мою? О, смерть отраднѣй свѣта!
О, Небо! моего услыши гласъ обѣта!
Да придетъ сей супругъ и, въ бѣшенствѣ своемъ,
Въ очахъ ея пронзитъ мнѣ томну грудь мечемъ;
Отъ слезъ ея драгихъ я смерть вкушая сладку,
Всей жизни предпочту сію минуту кратку;
И самъ Сифаксъ, твоей владѣющій красой,
Мнѣ позавидуетъ оплаканну тобой.

СОФОНИСБА.

Онъ знаетъ, что въ моемъ ты сердцѣ обитаешь,
Что противъ воли грудь тоскою наполняешь:
Я то̀ отважилась саму ему сказать;
Но ты не долженъ ли сей смѣлостью познать,

Что та, которая во слабости призналась,
Нимало слабости своей не устрашалась;
Что въ сердцѣ гордомъ страсть, сколь сильно ни горитъ,
Безъ дѣйства огнь ея, коль должность говоритъ;
И что хотя умру я, не стерпя злой части,
Не честь мою, мои оплачутъ лишь напасти.
Ты внемля то, чего дерзаешь ожидать?
Невинно, не могу я на тебя взирать.
Ступай и скрой твой видъ, отъ глазъ тобой прельщенныхъ,
Отъ чувствъ любовію, тоской, стыдомъ смущенныхъ.
Отъ сердца, никакихъ не знающаго средствъ,
Какъ только смерти ждать моихъ предѣла бѣдствъ.
Пусть, видясь, счастливы любви вкушаютъ радость;
А мнѣ надежда — гробъ, отчаяніе — сладость.
Доволенъ частью той, что въ сердцѣ я твоемъ
Превыше жизни чту остаться вѣчно въ немъ.
Иду отъ глазъ твоихъ, твоей покоренъ волѣ:
Не побѣдить, умреть на ратномъ брани полѣ.
Въ моемъ злодѣѣ чтя супруга твоего,
Не извлеку я тамъ меча противъ него.
Чтобъ угодить тебѣ, одну ту мысль питая,
Приму его ударъ, себя не защищая.
Но въ награжденіе за жертву мнѣ сію,
Простри десницу ты дражайшую твою.
Въ послѣдній разъ позволь облобызать мнѣ руку,
И тѣмъ идущаго на смерть смягчи ты муку.

СОФОНИСБА.

Почто сей мыслію обременять меня,
Живи, мой князь, живи, супруга дни храня!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ, КОРИСВА.

СИФАКСЪ.

О, преступленіе, какова не бывало!
Къ несчастью моему, сего не доставало,
Чтобы въ мѣстахъ, гдѣ все подвластно мнѣ, мой врагъ,
Забывъ почтеніе къ царю и должный страхъ,
Дерзнулъ бы, допущенъ супруги гнусной страстью,
У ногъ ея моей ругаться тщетной властью.
Но жизнію твоей заплатишь мнѣ за стыдъ,
Которымъ днесь меня ея смущаетъ видъ,
Являя о тебѣ мнѣ жалость и мученья!
Пронзивъ тебя, мои исторгну огорченья
Изъ сердца твоего.

МАССИНИССА, *вынимаетъ мечь.*

Одинъ я съ симъ мечемъ,
Побѣдою тебя стѣснившимъ въ градѣ семъ,
Предаться моему отважася злодѣю,
Не сталъ бы трепетать предъ силою твоею;
И смѣлость храбростью дерзая оправдать,
Умѣлъ бы дорого я жизнь мою продать.
Но ты ея супругъ, — и я не защищаюсь.

Бросаетъ мечь.

Безмолвенъ, я твоимъ ударамъ подвергаюсь.
Ты робостью того не можешь укорять,
Кто, побѣдивъ тебя, приходитъ смерть пріять.
Рази, но не дерзай ты въ низкомъ подозрѣньи,
Супруги твоея усугублять мученьи;

Чтя добродѣтели возвышенной души,
Моей виной ея ты сердца не круши.
Отъ сердца дерзостна, въ любви горяща страстно,
Ты сердце отличи пороку непричастно.
Когда тебѣ нужна днесь жертва — поражай,
Но купно ты со мной супругу обожай.

СОФОНИСБА, *Массиниссѣ.*

Остави, государь, свое ты обоженье:
То вѣдай, мнѣ твоя защита—униженье.
И добродѣтели довольно мнѣ моей,
Чтобъ оправданіе найти въ душѣ своей.
Когда кто въ совѣсти не чувствуетъ упрековъ,
Превыше мнѣній тотъ пристрастныхъ человѣковъ.

Къ Сифаксу.

Ты знаешь моего всю сердца глубину;
Ты знаешь рану ту, которую кляну;
И, алча исцѣлить, я излечить безсильна.
Судьба въ гоненіяхъ своихъ ко мнѣ обильна,
Лишь только чувствовать себя я начала,
Сію безсмертную любовь произвела.
Я бѣдства отъ отрадъ себѣ не предвѣщала;
Сердечной склонности моей не побѣждала.
Уготовляя скорбь, которую терплю,
Уже любила я, не зная что люблю.
Любовь со мной росла. Не кровь во мнѣ лилася,
Но огнь, которому всѣмъ сердцемъ предалася.
Не мысль была во мнѣ, но Массиниссинъ зракъ;
Все было безъ него пустыня, горесть, мракъ.
Цвѣтами зря любви усѣянну дорогу,
Изъ сердца создала алтарь сему я богу.

Указывая на Массиниссу.

Онъ здѣсь; онъ внемлетъ то въ присутствіи твоемъ

Что долженъ былъ внимать боговъ предъ алтаремъ.
Онъ внемлетъ, что отецъ, съ моей согласный страстью,
Мнѣ къ счастью подтверждалъ родительскою властью...
Въ немъ Асдрубалъ тогда героя почиталъ....
Онъ внемлетъ, что и самъ Сифаксъ предъ бракомъ
зналъ.
Мой духъ, отъ низостей пороковъ удаленной,
Дерзалъ отверзтымъ быть предъ цѣлою вселенной.
Притворствомъ помрачать себя я не могла:
Что ты вина мнѣ бѣдъ, я то тебѣ рекла.
Но добродѣтелью моею ободренны,
И ты, и мой отецъ, вы были устремленны
Моей напастію себя соединить....
Оставь.... я не хочу и въ томъ тебя винить;
И я, чувствительность супруга почитая,
Виню одинъ мой рокъ, грусть въ сердце заключая...
Оставь.... невольною преступница виной,
Не смѣетъ вопрошать, чѣмъ винна предъ тобой.
Коль гнѣву твоему разить необходимо,
Да будетъ сердце имъ одно мое разимо.
Чтобъ славу моего властителя спасти,
Готова я себя на жертву принести.
Лей кровь ты, не къ тебѣ горящу нѣжнымъ жаромъ.
Но не безславь себя убійца ты ударомъ.

МАССИНИССА.

Меня рази, меня! все требуетъ того:
Отечество, любовь, честь трона твоего.
Безчестія такимъ ударомъ не покажешь,
Которымъ ты врага отечества накажешь.

СИФАКСЪ.

Отмщеньемъ низкимъ честь не помрачу мою:
Хоть смерти стòишь ты, я жизнь тебѣ даю,

Ступай и возвратись вѣщати Сципіону,
Что царь, котораго отъемлетъ онъ корону,
Дабы ее тебѣ, мой лютый врагъ, отдать,
Владѣя самъ собой, достоинъ обладать;
Что ты, оружіемъ надъ нимъ снискавъ побѣду,
Не могъ ни малаго себѣ увидѣть слѣду,
Великодушіе стѣсненно побѣдить.
Какъ въ дерзости меня ни тщился оскорбить,
Поступкомъ таковымъ возмогши помрачиться,
Не могъ унизити меня съ тобой сравниться.
Хотя ужъ клонется къ паденію мой тронъ,
Не страшны мнѣ никто, ни ты, ни Сципіонъ.
Ступай. Увидимся съ тобой на полѣ чести:
Тамъ слава, пріобщась къ моей правдивой мести,
Покроетъ огнь ея сіяніемъ своимъ.
За общество мечемъ вооруженный симъ,
Въ гробъ сниду, удрученъ враговъ несмѣтныхъ строемъ,
Не Массиниссинымъ убійцей, но героемъ.

МАССИНИССА.

Я, Софонисбина супруга чтя въ тебѣ,
Противясь на тебя стремящейся судьбѣ
И съ сожалѣніемъ оружье простирая,
Спасу тебя, ее достоинъ умирая.

СИФАКСЪ.

Не посрамляй меня сей жалостью твоей;
Не смѣя сожалѣть, сражаться только смѣй.
И ежели сей мечъ Сифакса не избавитъ,
Инымъ посредствомъ онъ себя не обезславитъ.
Ты Рима подданный, ступай твой долгъ свершать:

Я царь — иду мой санъ до гроба защищать.

Массинисса и съ нимъ Нарцесъ уходятъ.

Къ Софонисбѣ.

И свѣта и тебя навѣки я лишаюсь.
Алкая умереть, тѣмъ только огорчаюсь,
Что Асдрубала дочь позора вкуситъ зло,
Предъ Римомъ преклоня увѣнчанно чело.
Познать властителя несносно для царицы!
Несноснѣй въ слѣдъ идти побѣды колесницы,
У коей водитъ Римъ прикованныхъ царей,

Отходитъ и съ нимъ Филонъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФОНИСБА, КОРИСВА.

СОФОНИСБА.

О, смертна мысль душѣ отчаянной моей!
О, Римъ! о, Асдрубалъ! о, вѣчная ты злоба!
Пріятнѣй для меня врата ужасны гроба,
Какъ униженіе, чѣмъ мнѣ судьба грозитъ!
Чего страшуся?—смерть всѣ бѣдства прекратитъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА.

СОФОНИСБА.

Остановимся здѣсь. Трепещуща, смятенна,
Не помню я себя, всѣхъ чувствъ моихъ лишенна.
Влача по всѣмъ мѣстамъ отчаянье съ собой,
Не видѣть не могу и зрѣть страшуся бой.
Онъ·въ полномъ пламени свирѣпости пылаетъ,—
И кровь вкругъ нашихъ стѣнъ рѣками протекаетъ.
Свершай, судьба, свершай послѣдній твой ударъ:
Въ семъ состояніи мнѣ смерть — пріятный даръ!

ФЕНИСА.

Се звукъ оружія по граду раздается,
Уже по улицамъ кровава брань несется.

СОФОНИСБА.

Какой ужасный вопль колеблетъ воздухъ весь!
Отъ шума страшнаго трепещутъ стѣны здѣсь.
Но се Филонъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА, ФИЛОНЪ.

СОФОНИСБА, *къ Филону.*

Скажи.... о чемъ я вопрошаю?
Я на твоемъ лицѣ всѣ бѣдства созерцаю.
Погибло все?...

ФИЛОНЪ.

Навѣкъ престолъ Сифаксовъ палъ.

СОФОНИСБА.

Но живъ ли мой супругъ?

ФИЛОНЪ.

Поцарски жизнь скончалъ.
Не унижай его слезами сожалѣнья;
Кто такъ умретъ, не слезъ достоинъ — обоженья.
Внимай, царица, тѣ геройскія дѣла,
Чѣмъ слава въ храмъ его безсмертія ввела.
Вооружась, сіи оставилъ онъ чертоги,
Спокоенъ, свѣтелъ, какъ съ небесъ нисходятъ боги.
Устроивъ ратниковъ, со твердостью имъ рекъ:
«Лишь мужествомъ богамъ подобенъ человѣкъ.
«Иного воинамъ нѣтъ къ храму славы слѣду;
«Даруетъ не число, но храбрость намъ побѣду.
«И что мы смертію возможемъ потерять? —
«Ту жизнь, которую намъ должно презирать,
«Жизнь гнусную и мной со омерзеньемъ зриму,
«Сужденную навѣкъ влачиться въ рабствѣ Риму.»
Приономъ словѣ царь содрогся, поблѣднѣлъ,
И вдругъ отъ гнѣва зракъ его какъ туча рдѣлъ,

Котора, молнію сокрывъ въ кипящемъ чревѣ,
На крыльяхъ вѣтренныхъ при бурномъ, страшномъ
ревѣ,
Пареньемъ дерзостнымъ терзая неба твердь,
Наноситъ ужасъ, страхъ, отчаянье и смерть.
Таковъ Сифаксъ: на брань стремяся за стѣнами,
Единодушно былъ сопровождаемъ нами.
Удара нашего не могъ сдержати врагъ.
Въ первые Римляне познали смертный страхъ,
И легіоновъ ихъ орлы непобѣдимы,
Парящи съ трепетомъ, предъ нами были зримы.
Се Массинисса къ нимъ, какъ быстрый вихрь
паритъ,
Бѣгущимъ воинамъ со гнѣвомъ онъ гласитъ:
«Вы, Римляне!...» лишь рекъ, судьба перемѣнилась:
Вскипѣла брань; отъ насъ побѣда удалилась.
Внушаетъ бодрость онъ своимъ, а нашимъ страхъ;
Въ его десницѣ смерть, а молнія въ глазахъ.
Успѣха своего Сифаксъ узря предѣлы,
Стремится сквозь мечи, сквозь копія и стрѣлы;
Опровергая все разящею рукой,
Достигъ въ минуту онъ кровавою рѣкой,
Гдѣ Массиниссинъ гласъ одушевлялъ все войско.
Царя туда влекло стремленіе геройско;
Нашедъ совмѣстника достойнаго себя,
Отмстить и умереть, побѣду погубя,
Пресѣкли войска брань, смятенныя симъ боемъ.
Замолкло все: герой сражается съ героемъ.
Со изступленіемъ Сифаксъ врага разитъ;
Но Массиниссинъ духъ спокойствіе хранитъ;
И только лишь, его удары отвращая,
Онъ защищается, царя не поражая.

Но, наконецъ.... о, рокъ! ты такъ опредѣлилъ,
Своею храбростью лишенъ остатка силъ,
Стыдяся смерть искать, котора убѣгаетъ,
Сифаксъ безплодный мечъ во грудь свою вонзаетъ,
Падетъ съ коня и прахъ онъ кровію багритъ,
Которая еще отмщеніемъ горитъ.
Симъ зрѣньемъ тронутъ врагъ его великодушный,
Ліетъ потоки слезъ, на трупъ царя бездушный.
Но между тѣмъ простря во гнѣвѣ храбру длань,
Вожди Сифаксовы творятъ упорну брань
Не побѣдить — они возможностью считаютъ,
Но къ Риму ненависть Сифакса продолжаютъ,
И, воздвигая гробъ царю изъ римскихъ тѣлъ,
Остаться живъ изъ нихъ никто не восхотѣлъ —
Покрыла каждаго вѣнцемъ лавровымъ слава.
Вотъ какъ свершилася сія война кровава!
Коль должно истину и ко врагамъ хранить.
Позволь мнѣ чувствіе мое тебѣ явить,
Что Массинисса сей достоинъ обоженья.
И если онъ великъ во грозный часъ сраженья,
Не меньше онъ великъ, побѣду одержавъ.
Стремленье ратниковъ жестокихъ обуздавъ,
Во градѣ жителей стенанье укрощаетъ:
Побѣдой данно зло щедротой превышаетъ.
Толико милосердъ, колико въ брани строгъ,
Въ бою онъ—богъ войны, здѣсь—мира кроткій богъ.

СОФОНИСБА.

Онъ съ Римомъ побѣдилъ, его подверженъ власти,
Что сдѣлаетъ моей къ отрадѣ онъ напасти?
Несчастливый Сифаксъ! о, жертва рока злобъ!
Супруга за тобой послѣдуетъ во гробъ.

ФЕНИСА.

Почто въ отчаянье толь лютое ввергаться?
Рожденная прельщать, должна ли сокрушаться?
Твоей небесною плѣненный красотой,
Въ оковахъ у тебя самъ побѣдитель твой.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, ФЕНИСА.

МАССИНИССА.

Къ ногамъ возлюбленнымъ я лавры повергаю,
Которы слезъ моихъ потокомъ орошаю.
Супругъ твой кончилъ вѣкъ на Марсовыхъ Поляхъ.
Зря очи моея владычицы въ слезахъ,
Содрогшись отъ нея тоски я сердцемъ страстнымъ,
Невиненъ, чту себя преступникомъ ужаснымъ.
Но Небомъ я клянусь, клянусь твоей красой,
Что жилъ бы твой супругъ, коль менше бъ былъ герой,
Когда бы уступить онъ могъ своей судбинѣ.

СОФИНИСБА.

Могу ли, государь, кого винить я нынѣ?
Одно гоненіе жестокія судьбы
Унизило меня до участи рабы....

МАССИНИССА.

Рабы!... кто? ты раба?.... о, слово грому равно!
О, чувство, не тебѣ, но только мнѣ безславно!
Я живъ, я побѣдилъ, все здѣсь подвластно мнѣ,
А ты быть думаешь рабою въ сей странѣ....
Народомъ какъ, такъ мной повелѣвай со трона.

Податель буду здѣсь я лишь того закона,
Который изъ твоихъ дражайшихъ устъ приму.
Дающей сердцу жизнь плѣненну моему
Покоренъ, счастіемъ съ богами равенъ буду.
Въ твоихъ очахъ я Римъ и цѣлый міръ забуду.

СОФОНИСБА.

Но ненависть сія, котору Асдрубалъ
Межъ Римомъ и межъ насъ безсмертною создалъ!...
Ты знаешь, что сія мнѣ злость опредѣляетъ....
О, мысль, которая меня какъ адъ терзаетъ!...
Ты знаешь, я должна въ оковахъ въ Римъ предстать,
И торжество моимъ позоромъ возвышать.

МАССИНИССА.

Героевъ нашихъ дщерь! души моей царица!
Обязанный мнѣ Римъ, не будетъ мой убійца,

СОФОНИСБА.

А если, государь....

МАССИНИССА.

А если онъ дерзнетъ,
Забывъ мои дѣла, которы видѣлъ свѣтъ,
Свое чело, моей поддержанно рукою,
Съ презрѣніемъ ко мнѣ возвысить предо мною;
И отрицаяся почтенье къ той хранить,
Котору долженъ онъ со мной боготворить,
Явитъ гнуснѣйшую ко мнѣ неблагодарность,
Унизить возмогу его высокопарность;
Ставъ долженъ ненависть я вашу воспріять,
Сей Римъ я, можетъ быть, принужу трепетать.
Одною хитростью онъ въ силахъ возрастаетъ,
И троны ею онъ толь дерзко попираетъ,
То зная, я его уже предупредилъ,
И Аннибалу то сокрыто возвѣстилъ:

Что былъ я врагъ ему, не могши снесть обиду;
Но днесь въ объятія его съ побѣды сниду;
Симъ уготовилъ я убѣжище для насъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, ФИЛОНЪ.

ФИЛОНЪ, *Массиниссѣ.*

Здѣсь нѣкій Римлянинъ, твоей побѣды въ часъ,
Со дерзостнымъ челомъ, предтеча Сципіона,
Вѣщая, что предъ нимъ ничто твоя корона,
И присвояя власть, пристойную тебѣ,
Гремитъ законами, не ставя мѣръ себѣ.
Предѣловъ наглости своей не полагаетъ;
Царицу Римскою рабою нарицаетъ.

МАССИНИССА, *къ Филону.*

Поди. Я дерзости такія прекращу,
И почитать себя на тронѣ научу.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

МАССИНИССА.

Въ сей крайности, когда спасать тебя мнѣ должно,
Обрядовъ свѣта намъ хранити не возможно,
Оставимъ вымыслы пустые тѣхъ людей,
Чтò, добродѣтели не зря въ душѣ своей,

Ее наружностью единой замѣняютъ
И пустоту души тщетою наполняютъ.
Должна ли сердцемъ ты супругу твоему?
Ты слишкомъ принесла и въ жизни жертвъ ему,
Чтобъ днесь еще твоя тѣснилася свобода.
Тебя мнѣ отдаетъ побѣда и природа,
Любовь безсмертная, которою живу,
Злость Рима, на твою гремящая главу.
Все, въ сей же самый часъ насъ къ браку призываетъ:
Единый толькой бракъ со мной тебя спасаетъ.
Ты знаешь весь мой духъ. Я за тебя готовъ
Дерзать на цѣлый міръ, дерзать противъ боговъ.
Увижу, гордый Римъ тираномъ ставъ ко другу,
Какъ можетъ изъ моихъ исторгнуть рукъ супругу.

СОФОНИСБА.

Влекомая къ тебѣ и сердцемъ и судьбой,
Спрягаюся душей навѣки я съ тобой.

Указывая на алтарь.

Се тотъ алтарь, для насъ пылалъ гдѣ пламень брачный,
Который превратилъ Сифаксъ во пламень мрачный.
Днесь, въ смутные часы не будетъ онъ горѣть;
Нѣтъ нужды, чтобъ меня тебѣ супругой зрѣть,
Не алтари — сердца намъ въ вѣрности залоги;
А брачные жрецы намъ будутъ сами боги.

Приближается къ алтарю.

Клянусь тебѣ, клянусь твоей супругой быть.

МАССИНИССА.

Клянусь и умереть и для тебя и жить;
Клянусь въ тебѣ одной мою вселенну видѣть,
И какъ тебя люблю, Римъ столько ненавидѣть.

Се Лелій гордостью, и наглостью надменъ,
Который былъ теперь Филономъ возвѣщенъ.

Съ нимъ купно шествуютъ и дерзость и обида:
Сокройся отъ его противнаго ты вида,
Да не мрачитъ твоихъ очей небесный взглядъ
Въ немъ Римской дикости царямъ лютѣйшій ядъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАССИНИССА, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Споспѣшникъ ты побѣдъ владычественна Рима,
Се, на челѣ твоемъ уже корона зрима,
Которую Сифаксъ такъ долго похищалъ,
Которой защищать не могъ и Аннибалъ!
Щедротой царствуешь ты Римскаго народа.

МАССИНИССА.

Щедротой!... моего сей тронъ наслѣдье рода;
Я право кровію моею искупилъ,
И, самъ себѣ служа, я Риму услужилъ.
Я далъ ему въ себѣ союзника достойна,
Мной нынѣ власть его во Африкѣ спокойна;
И грозный Аннибалъ у Карѳагенскихъ стѣнъ
Успѣхомъ подвиговъ моихъ остановленъ;
Въ груди моей еще и нынѣ видны раны....
Неблагодарны суть единые тираны!

ЛЕЛІЙ.

Неблагодарностью тò ль смѣешь называть,
Что можешь въ сей странѣ въ вѣнцѣ повелѣвать;
Скажи, Римъ можетъ ли быть такъ судьбой наказанъ,
Чтобъ онъ Нумидцу былъ за милости обязанъ?

Благотворителемъ твоимъ хотѣлъ онъ быть;
Великодушіе его страшись забыть:
Неодолимый онъ несчастнымъ сострадатель,
Неблагодарности неумолимъ каратель.
Зри молніей его низверженныхъ царей —
Плачевный тò примѣръ для дерзости твоей.

МАССИНИССА.

Римъ, нужду зря въ моей рукѣ простертой къ мести,
Блисталъ передо мной сіяньемъ ложной чести
И добродѣтелью притворной уловлялъ
Мой духъ, который ввѣкъ коварства презиралъ;
Но днесь щадить меня ужъ нѣтъ ему причины.
Се, силы римскія единыя пружины;
Монарховъ пользуясь волненіемъ страстей,
Съ успѣхомъ возмущать царей противъ царей;
Другъ другомъ съ высоты ихъ троновъ низлагать
И побѣдителя потомъ въ свой плѣнъ ввергать.
Сначала Римъ мой гнѣвъ, какъ другъ мой, подкрѣп-
ляетъ;
Лишь только палъ Сифаксъ, мнѣ Римъ ужъ угро-
жаетъ,
И во устахъ твоихъ владыкой говоритъ.

ЛЕЛІЙ.

Римъ вида своего вовѣкъ не премѣнитъ.
Онъ только справедливъ и никогда не злобенъ,
Какъ въ счастьи, такъ въ бѣдахъ всегда себѣ по-
добенъ,
Главы ни предъ какой онъ силой не склонялъ.
Побѣдой какъ надъ нимъ взносился Аннибалъ,
Всегда неколебимъ онъ къ безднѣ приближался,
Съ той славой умиралъ, съ какою и раждался.
Коль ты ему днесь другъ, тебѣ Римъ будетъ щитъ,

Подъ сѣнью крылъ орловъ своихъ онъ довершитъ
Твое величье, плодъ полезной дружбы съ нами.

МАССИНИССА.

Я Риму другомъ былъ за циртскими стѣнами,
Я другъ его и здѣсь; не премѣнюсь и ввѣкъ,
Коль помнитъ Римъ, что я и царь, и человѣкъ.

ЛЕЛІЙ.

Остави ты царя ничтожно титло Риму;
Предъ нимъ порфиру скрой рабомъ боготвориму,
Коль хочешь, чтобы онъ тебя не пренебрегъ.
Ты Рима другъ, вѣрь мнѣ, се титло выше всѣхъ.
Оно единое героевъ созидаетъ,
А часто царское тирана закрываетъ.

МАССИНИССА.

Но дружба равенство всегда должна хранить;
Тотъ можетъ ли быть другъ, кто хочетъ оскорбить?

ЛЕЛІЙ.

Въ нелицемѣріи ты оскорбленье видишь.
Едва въ вѣнцѣ, а ты ужъ правду ненавидишь.
Се титла царскаго все право и вся честь,
Чтобъ строгу истину отъ глазъ скрывала лесть.
Отъ римскихъ устъ сія удалена отрава.
Ихъ жертва — мужество, а боги — вольность, слава.

МАССИНИССА.

Тѣ жъ боги и мои.

ЛЕЛІЙ.

Увидимъ.

МАССИНИССА.

Довершай;
Желай всего, мою лишь честь не помрачай.
Вся Риму кровь моя за дружество безъ лести.
Чего желаетъ онъ, скажи?

ЛЕЛІЙ.

Твоей лишь чести.
Вѣщаютъ, будто бы Сифаксовой вдовой
Въ оковы вверженъ ты и сердцемъ и душой;
Что, Рима силою надъ нею побѣдитель,
Противу Рима ты ей нынѣ покровитель;
Что тайно на него острищь невѣрный мечъ....

МАССИНИССА.

Клянусь я симъ мечемъ, сей мечъ тотчасъ извлечь
Противу варваровъ, кто мнѣ ни будутъ строги....
То самъ ли Римъ, или то будутъ сами боги!...
Хоть громомъ воруженъ, смущая міръ съ небесъ,
Восхощетъ у меня ее отнять Зевесъ....
Отецъ боговъ! рази, въ ней вся моя отрада.
Сражаться за нее, и громъ твой не преграда!

ЛЕЛІЙ.

Се дружбы твоея и вѣрности отвѣтъ!

МАССИНИССА.

Се гнѣва римскаго достойнѣйшій предметъ.

ЛЕЛІЙ.

Ты знаешь ненависть сію непримириму:
Что стоила она отъ Аннибала Риму?
Сената нашего ты вѣдаешь предѣлъ:
Согласенъ прежде съ нимъ, ты самъ того хотѣлъ.

МАССИНИССА.

Хотѣлъ, и даже былъ съ мечемъ того рачитель,
Хотѣлъ, когда Сифаксъ, красы ея мучитель,
Въ дражайшемъ сердцѣ мнѣ казался счастливъ быть.
Смертельно уязвленъ, стремяся только мстить,
Обманутъ злобой, я любовь возненавидѣлъ,
И въ прелестяхъ ея единый ужасъ видѣлъ;
Отчаянной рукой лія рѣками кровь,

Все тщился истребить, природу и любовь,
И самого себя.... кому Римъ долженъ мною?
Безъ гнѣва моего чтó бъ сдѣлалъ онъ рукою,
Изъ коей Аннибалъ уже исторгнулъ мечъ,
Лишь только сей мой гнѣвъ возмогъ его извлечь.
Изъ рабства гордыя во счастьи Карѳагены,
Велики нынѣ вы отъ мнимой сей измѣны.
Коль злобой Римъ моей на прежней высотѣ,
Римъ долженъ всѣмъ лишь сей несчастной красотѣ,
Котора быть должна моихъ побѣдъ цѣною.

ЛЕЛІЙ.

Римъ долженъ бы своей гнушатися судьбою;
Когда бъ мечтѣ страстей побѣдой одолженъ,
Чтить слабости твои онъ былъ бы униженъ.

МАССИНИССА.

Онъ долженъ почитать не слабость, счастье друга.
Чтобъ словомъ все сказать, — она моя супруга.

ЛЕЛІЙ.

Чтобъ словомъ все сказать, рѣшись на сихъ часахъ.
Скажи, чтó Римъ тебѣ? твой другъ ли, врагъ ли?

МАССИНИССА.

Врагъ!

Уходитъ.

ЛЕЛІЙ, *одинъ.*

Коль хочешь погибать, ввергайся въ бездну съ трона.
Но сколько оскорблю я онымъ Сципіона;
Какой отвѣтъ ему неожиданный дамъ;
Я сердце кроткое его.... но вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Разсудокъ погубя и честь свою и славу,
Не покоряяся могуща Рима праву,
Нумидецъ дерзостный утратить долженъ тронъ,
Который отдалъ Римъ ему и Сципіонъ.
Дочь Асдрубалова въ немъ все преодолѣла;
Въ немъ ненависть ея къ намъ нынѣ воскипѣла.

СЦИПІОНЪ.

Быть можетъ, строгости простерши за предѣлъ,
Душею овладѣть ты гордой не умѣлъ.
Я знаю духъ его, открытый и свободный,
Подвластный всѣмъ страстямъ, однако благородный:
Противу гордости онъ дикъ, неукротимъ,
Но нѣженъ къ кротости и дружбой умолимъ.

ЛЕЛІЙ.

И дружбой умолимъ!.. Такъ должно унижаться,
Римлянину просить царя и съ нимъ равняться?
Къ покорству сихъ владыкъ намъ должно пріучать.
Часть римская гремѣть, а царска трепетать.

СЦИПІОНЪ.

Владѣть сердцами, — нѣтъ сея пріятнѣй власти.

ЛЕЛІЙ.

Мы часто кротостью ввергаемся въ напасти.

СЦИПІОНЪ.

Не столь оружіемъ я Риму пріобрѣлъ,
Великодушіемъ я болѣе успѣлъ.

ЛЕЛІЙ.

Такъ хочетъ Сципіонъ, противясь Рима долѣ,
На то лишь побѣждать, чтобъ видѣть на престолѣ
Преслушныхъ, дерзостныхъ царей, вѣнчанныхъ имъ.

СЦИПІОНЪ.

Извѣстенъ я тебѣ: всего мнѣ выше Римъ;
И тщетный гласъ его мнѣ есть законъ священный.
Моею славою мой духъ не обольщенный,
Что Римъ мнѣ повелѣлъ исполнить все готовъ.
Дочь Асдрубалова не избѣжитъ оковъ.
Хоть часть жалка и мнѣ несчастной сей царицы,
Увидитъ въ узахъ Римъ ее у колесницы.
Но смертныхъ бѣдствіе почто отягощать?
Почто безъ жалости желати ихъ терзать?
Не бремени предѣлъ поставленъ Небесами,
Несчастье усладимъ мы нашими слезами.
Я Массиниссы скорбь, его зря, утолю.
Мнѣ Римъ проститъ, что я сего царя люблю;
Что строгость надъ его любезной совершая
Въ немъ грусти укрощу, я дружбой утѣшая.

ЛЕЛІЙ.

Что можетъ дружество, когда гласитъ любовь.
Неизреченный огнь его волнуетъ кровь.
Какъ Этна пламень, онъ къ намъ злобу извергаетъ.
Вѣрь мнѣ, я знаю то, онъ тайно сплетаетъ,
Намъ вредный умыселъ. Брегись, чтобъ Аннибалъ,
Тобой низверженный, днесь паки не возсталъ!

СЦИПІОНЪ.

Къ несчастнымъ жалостливъ, о нихъ я сожалѣю;
Неустрашимъ, смирять измѣнниковъ умѣю.
Мнѣ Массинисса другъ и Риму услужилъ,
Герой, пріязни онъ моей достоинъ былъ;

Страсть пламенна его теперь преображаетъ,
И Римъ его руки прехрабрыя лишаетъ.
Оставя пользы всѣ, погибеленъ себѣ,
Онъ африканской днесь покорствуетъ судьбѣ.
Потщимся отъ него, его въ сей часъ избавить;
Мнѣ друга, Риму въ немъ союзника доставить.
Чтобы преступникомъ себя не обличилъ,
Ослѣпшаго въ любви лишимъ мы вредныхъ силъ:
Исторгнувъ мечъ изъ рукъ, ослабимъ безразсудна.
Въ томъ польза и ему и Риму обоюдна.
Не будетъ Римъ жалѣть, что долженъ наказать
Того, который намъ услуги могъ казать;
А царь, оставшися во славѣ и на тронѣ,
Не станетъ сожалѣть, зря друга въ Сципіонѣ.
Подъ видомъ оградить его престолъ, поди
Нумидски всѣ полки изъ града изведи.
Да будутъ стражами нетвердыя короны
Едины римскіе лишь только легіоны.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

СОФОНИСБА.

Твое уныніе и твой печальный взглядъ,
Драгой супругъ, ліютъ мнѣ въ сердцѣ смертный ядъ.
Чтó сдѣлалось тебѣ? открой твою мнѣ душу,
Не я ли чѣмъ, не я ль твое спокойство рушу?
Чтобъ грусть твою прервать, нужна ли кровь моя?
Коль будешь счастливъ ты, умру спокойно я.

МАССИНИССА, *въ смятеніи.*

Нѣтъ, прежде нежели съ тобою разлучуся....
Небесной красотой твоей я въ томъ клянуся,
А не безсмертными.... и чтó мнѣ въ сихъ богахъ!
Въ часъ нашихъ бѣдъ они спокойны въ небесахъ!...
Римлянамъ щедры лишь, остатку міра строги!
Твое мнѣ сердце — міръ, твои глаза мнѣ — боги!
Клянуся ими я....

СОФОНИСБА.

На что мнѣ клятвы тѣ,
Нерѣдко бытіе дающи и мечтѣ?
Что Массинисса мнѣ не можетъ лицемѣрить,

Моя любовь одна удобна въ томъ увѣрить.
Сія безсмертная и пламенна любовь,
Хотя бъ равно твою не воспаляла кровь,
Отверзта предъ тобой во всемъ ея блистаньи,
Заставила бъ тебя вкусити состраданьи,
И равнымъ чувствіемъ твою наполнивъ грудь,
Ко счастью моему могла бъ тебя тронуть.
Какъ я въ тебѣ, во мнѣ все счастье обрѣтая,
Люби меня безъ клятвъ ты, сердцемъ увѣряя.
Но ты смущаешься, твой паче страждетъ духъ!
Какую вижу я премѣну страшну вдругъ?
Едва съ тобою я союзомъ сопряженна,
Иль тѣмъ ужъ мучишься, что я тобой блаженна?

МАССИНИССА.

Я мучусь, что еще кровь Римляней не лью.
Тираны!

СОФОНИСБА.

Довершай; открой мнѣ смерть мою.
Ничто отъ злобы ихъ меня не защищаетъ,
И даже то меня несчастну не спасаетъ,
Что именемъ твоей супруги почтена,
Что съ ихъ спасителемъ навѣкъ сопряжена?
Отвѣтствуй и яви мнѣ всю жестокость Рима.
Иль злоба и тобой его неумолима?
Отвѣтствуй.

МАССИНИССА.

Мой отвѣтъ предъ воинствомъ моимъ,
Когда, содрогшися отъ ужаса весь Римъ,
Плывущаго меня въ его крови увидитъ
И лютости свои онъ самъ возненавидитъ.
Уже я далъ приказъ, чтобы мои полки,
Привыкщи побѣждать подъ кровомъ сей руки,

Противъ моихъ враговъ готовились дерзать;
Со мною за тебя сражаться, умирать.

СОФОНИСБА.

Чтó Риму сдѣлала? невинна и несчастна,
Чѣмъ я ему, скажи, чѣмъ быть могу опасна?

МАССИНИССА.

Намъ тратить должно ли часы въ пустыхъ словахъ;
Въ кровавыхъ помощь намъ потокахъ, не въ слезахъ.
Не ослабляй моей ты твердости душевной;
Одно имѣнье мнѣ она въ часъ рока гнѣвной;
Въ сей лютый часъ, когда, лишаяся тебя,
Все должно мнѣ губить, и самого себя.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ.

МАССИНИССА, *къ Нарцесу.*

Исполнено ль мое тобою повелѣнье,
И наше праведно готово ль отомщенье?

НАРЦЕСЪ.

Нумидцы наши всѣ....

МАССИНИССА.

Готовы умирать
И славѣ дань съ мечемъ геройску отдавать.
Я знаю храбрость ихъ, и я не сомнѣвался,
Чтобъ Римлянъ побѣдить ихъ духъ поколебался.
Ужъ время!...

НАРЦЕСЪ.

Государь....

МАССИНИССА.

Почто сей робкій взоръ
И смутное чело, гдѣ горестей соборъ,
Которыхъ ты открыть не смѣешь, видѣнъ ясно?

НАРЦЕСЪ.

О, безполезный гнѣвъ! стараніе напрасно!

МАССИНИССА.

Вѣщай, что сдѣлалось? открой мнѣ все скорѣй.
Не возмутитъ судьба ничѣмъ души моей.
Или мои полки?...

НАРЦЕСЪ.

Изъ града изведенны.
Римлянами сіи чертоги окруженны.
Взирая на сію печальную страну,
Быть кажется сей градъ, а съ нимъ и мы въ плѣну.

МАССИНИССА.

Невѣрныхъ Римлянъ се послѣдне ухищренье:
Се дружбы пагубной, коварной обличенье.

СОФОНИСБА.

Несчаетій всѣхъ твоихъ едина я вина;
Ты гибнешь отъ того, что я твоя жена.
Гдѣ я, повсюду тамъ напасти, злость, измѣна.

Упадая на колѣна:

Твои, о, государь! объемлю я колѣна!

МАССИНИССА, *поднимая ее.*

Тебѣ ли упадать съ моленіемъ къ ногамъ!
Пристойно ли твоимъ то царственнымъ красамъ!

СОФОНИСБА.

Забудь величіе, мнѣ тяжкое въ напасти.
Днесь униженіе моей прилично части.
Сужденна предъ лицемъ я Рима стать рабой,
Лишенна средства быть спасенна и тобой;

Супруга ль я твоя и здѣшняя ль царица?
Героевъ сирота, Сифаксова вдовица;
Могу я безъ стыда упасть къ твоимъ ногамъ,
Противна Риму я, противна и богамъ.
Гдѣ я покровъ найду въ сіи часы толь строги?
Ты мнѣ одинъ покровъ, отецъ, супругъ и боги;
Одинъ удобенъ ты меня въ сей часъ спасти;
А что̀ и болѣе, возможешь соблюсти
Твои драгіе дни во славѣ, на престолѣ....
Предѣлы положи моей несносной долѣ;
И мой свершить позоръ не допуская Римъ,
Содѣлай смертію конецъ бѣдамъ моимъ.
Зря образъ твой драгой въ часы моей кончины,
Забуду лютыя гоненія судьбины;
И помня, что ты тѣмъ спасенъ отъ римскихъ злобъ,
Блаженна, я твоей супругой сниду въ гробъ.

МАССИНИССА.

Стѣсняя въ сердцѣ адъ, недвижимъ я, безгласенъ,
Сердечны чувствія открыть мой трудъ напрасенъ....
Неблагодарности такой примѣра нѣтъ.
Мой гнусну Риму мечъ побѣду подаетъ,
Подъять его главу изъ бездны помогаетъ,
Добычею царей и славой осыпаетъ.
За подвиги мои, за раны, за труды
Тебя одну, иной не требую я мзды;
А онъ.... возможно ль то изречь не содрогаясь!
Завѣсой дружества въ коварствѣ покрываясь,
На раменахъ моихъ воздвигнутъ, укрѣпленъ....
Несчастный! я же имъ, я нынѣ подавленъ!
И чтобъ священны всѣ разрушить вдругъ союзы,
Благотворителя онъ ввергъ во гнусны узы.
Нѣтъ. Должно мнѣ собой примѣръ великій дать,

Отмщеніе мое съ обидою сравнять—
Да возрыдаетъ Римъ, на мнѣ узрѣвъ оковы!

НАРЦЕСЪ.

Воспомни, сколько намъ теперь судьбы суровы;
Безъ помощи рука оставлена твоя.
Противу Рима силъ съ тобой кто станетъ?

МАССИНИССА.

Я,

Единый только я, — и для меня довольно!
Иль славно умереть несчастному невольно?

Къ Софонисбѣ.

Вѣрь мнѣ, доколь еще со мной сей будетъ мечъ
И крови въ сердцѣ семъ хоть капля станетъ течь,
Дотоль царица ты, дотоль моя супруга.

СОФОНИСБА.

Береги могущаго себѣ ты въ Римѣ друга;
Храни наслѣдіе твое ты въ сей странѣ;
Ты долженъ подданнымъ собою, а не мнѣ.
Я смертію моей твое отвергну бѣдство.

МАССИНИССА.

Безъ низости умреть, вотъ все мое наслѣдство,
Поди и, помня всю мою къ тебѣ любовь,
Коль должно смерть вкусить, два гроба ты готовь.

Софонисба уходитъ.

Къ Нарцесу.

Послѣдуй ей и всѣ движенья примѣчая,
Храни ее, за жизнь дражайшу отвѣчая.

Нарцесъ уходитъ.

Я вижу шествуетъ сей кроткій Сципіонъ,
Мой прежде другъ, иль днесь мучитель мой и онъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

СЦИПІОНЪ, МАССИНИССА.

СЦИПІОНЪ.

Свирѣпы взгляды зря, того не понимаю,
Чѣмъ Массиниссу я толико раздражаю?
Какою отягченъ во славѣ ты тоской?
Увѣнчанъ лаврами, короною....

МАССИНИССА.

Постой.
Чтó знаю я, почто ты тó мнѣ возглашаешь?
Ты прежде мнѣ скажи, съ кѣмъ ты теперь вѣщаешь?
Со другомъ ли? или со плѣнникомъ твоимъ?

СЦИПІОНЪ.

Со другомъ, коль тебя такимъ увидитъ Римъ.

МАССИНИССА.

И такъ, когда бъ твой Римъ коваренъ, кровожаденъ,
Забывъ, сколь въ бѣдствіяхъ ему я былъ отраденъ,
Во мзду погибель бы мою опредѣлилъ,
И въ лютости какъ тигръ...

СЦИПІОНЪ.

Ты, царь, себя забылъ.
Воспомни, на главѣ кѣмъ носишь діадиму.
Не должно бъ мнѣ терпѣть слова безчестны Риму;
Но мы теперь одни; и консулъ днесь его
Прощаетъ все тебѣ для друга своего.

МАССИНИССА.

Для друга?... я твой другъ и ты всесиленъ здѣсь,
А ты... о, рокъ! я мой разсудокъ трачу весь! ..
А ты... какъ то свершить безъ трепета отъ злобы!...
Супругѣ ты моей и мнѣ готовишь гробы.

СЦИПІОНЪ.

Супругѣ! кто она?

МАССИНИССА.

Героевъ нашихъ дщерь;
Царица Цирта....

СЦИПІОНЪ.

Нѣтъ царицы здѣсь теперь.
На тронѣ Рима другъ, герой и побѣдитель,
И своего врага и нашего рушитель.

МАССИНИССА.

Но гдѣ сей Рима другъ? не вижу я его.

СЦИПІОНЪ.

Ты кто же?

МАССИНИССА.

Отлученъ отъ войска моего,
Гнушаюся собой я на моемъ престолѣ!

СЦИПІОНЪ.

То сдѣлано, чтобъ зрѣть тебя въ счастливой долѣ.

МАССИНИССА.

А ты мнѣ другъ?... тиранъ!

СЦИПІОНЪ.

Такимъ теперь кажусь;
Но какъ въ твоихъ глазахъ тогда преображусь,
Когда, отъ смертнаго ты пламени избавленъ,
Останешься герой и царь навѣкъ прославленъ.
Твою надежду Римъ, въ наградахъ превзошедъ,
Потщится удивить щедротой цѣлый свѣтъ,
И истоща свою признательность дарами,
Онъ друга своего осыплетъ царствъ вѣнцами.
Какъ позавидуютъ цари твоей судьбѣ,
Тогда скажи, тогда, что я тиранъ тебѣ.

МАССИНИССА.

А что мнѣ въ сихъ вѣнцахъ, коль жизнь моя въ царицѣ?
Слезами ль ихъ кропить, стоная въ багряницѣ?
Величье въ горести лишь бремя для сердецъ.
Жестокой Сципіонъ, возьми и мой вѣнецъ,
Возьми и жизнь мою!... За кровь мою въ награду,
Хоть нѣсколько минутъ вкусить мнѣ дай отраду, —
Дочь Асдрубалову царицей здѣсь узрѣть,
И скиптръ оставя ей, спокойно умереть.

СЦИПІОНЪ.

Когда бы низкій духъ, имѣя женски свойства,
Безчувственъ къ славѣ былъ безсмертья и геройства,
И въ суетныхъ красахъ все счастье полагалъ,
Я муки зря его, съ презрѣньемъ бы молчалъ:
Но, Массинисса, ты!...

МАССИНИССА.

Ты варваръ жесточайшій!...
Се славный Сципіонъ, се смертныхъ другъ кротчайшій,
И даже отъ враговъ имъ сверженныхъ любимъ....
Несчастный! лишь одинъ имъ смертно я разимъ!

СЦИПІОНЪ.

Имѣя къ лютости я сердце неприступно,
Скорбь друга чувствуя, съ тобою плачу купно.

МАССИНИССА.

Ты плачешь, а въ твоемъ намѣреньи ты твердъ.
Плачь меньше, Сципіонъ, будь больше милосердъ.

СЦИПІОНЪ.

Притворства кинувъ всѣ ненужны предъ героемъ,
Мы наши, какъ друзья, сердца теперь откроемъ.
Увидь мое, увидь, тебѣ извѣстенъ я,
Стѣсненно бѣдствіемъ супруги твоея.

Хоть не имѣла бы и дружба въ томъ участья,
Я, тронутъ горестью толь злѣйшаго несчастья,
Чтобъ осушить ея источникъ горькихъ слезъ,
Всѣ пользы собственны на жертву бъ ей принесъ.
Когда жъ отраду дать несчастнымъ всѣмъ способенъ,
Чего бъ для дружбы я содѣлать неудобенъ.
Ты, зная, какъ тебя я искренно люблю,
Повѣрь, что равную твоей тоску терплю.
Но только сострадать, одно въ моей тѝ волѣ.
Коль дружбѣ долженъ я, я Риму долженъ болѣ.
Ты вѣдаешь его отмщенія предѣлъ;
Исполню слѣпо то, чтѝ Римъ мнѣ повелѣлъ.
Я стражду, но его священной волѣ внемля....

МАССИНИССА.

Жестокій! продолжай, рази меня объемля.
Стонай и плачь о мнѣ, мою пронзая грудь.
Я вижу то, чтó мнѣ претитъ тебя тронуть.
Несчастну посрамить какая польза Риму?
Питая гордость ты въ душѣ неукротиму,
Лишь только ты одинъ неумолимъ, свирѣпъ,
Всѣ чувства потерявъ, во тщетной славѣ слѣпъ,
Алкаешь вознестись несчастіемъ царицы
И видѣть у своей влекому колесницы.
Не ради Рима лютъ, для пышности одной,
Она единая твой Римъ и идолъ твой;
Все тратить для нея, и даже добродѣтель;
Для ней одной моихъ ты адскихъ мукъ содѣтель.

СЦИПІОНЪ.

Колико, глубину зря сердца моего,
Отъ бренностей ты сихъ далека зрѣлъ его.
Всѣ пышны почести, тѝ черни удивленье,
И часто и вельможъ ей равныхъ обольщенье,

Отрада не моя. Хоть слава мнѣ мила,
Не почести, ее гласятъ мои дѣла.
Священной должности я твердый исполнитель,
Для сей я должности и твой теперь мучитель.
Все въ жертву ей несу, и самого тебя:
Коль должно, ей отдамъ на жертву и себя.
Любезный другъ! тебѣ Римлянъ извѣстны нравы:
Любовь къ отечеству,—вотъ ихъ источникъ славы.
Быть можетъ, я бы могъ гнѣвъ Рима оправдать,
Отъ коего теперь ты долженъ такъ страдать;
И вспомня бѣдствія всѣ римскаго народа,
Терпимы долго имъ отъ Софонисбы рода,
И какъ мрачилася героевъ нашихъ честь,
Сказать бы могъ: кротка сія отъ Рима месть.
Но лютые сіи доводы оставляю
И друга моего я горесть почитаю.
Не бременя его....

МАССИНИССА.

Такъ нѣтъ надежды?

СЦИПІОНЪ.

Нѣтъ.

МАССИНИССА.

Толь лютой хладности на звѣрскій сей отвѣтъ,

Указывая на свой мечъ.

Тиранъ! мнѣ должно бъ симъ орудіемъ смертельнымъ
Содѣлати конецъ обидамъ безпредѣльнымъ,
Къ которымъ никогда мой духъ не привыкалъ;
Мнѣ должно бы за то, что тщетно я искалъ
Утѣшить скорбь мою, не мстящею рукою,
Но унижаяся прошеньемъ предъ тобою,
Мнѣ должно бы за то, что дружбой ослѣпленъ,
Служилъ врагу и имъ такъ подло уловленъ,

Мнѣ должно бы за кровь, за Сципіона литу
И въ горьки мнѣ часы безтрудно позабыту,
Отмщая, острый мечъ во грудь твою вонзить!...
Но не могу еще тебѣ подобенъ быть.
Хоть наши всѣ тобой разрушены союзы,
Еще я дружбы чту священнѣйшія узы.
Я время вспомнить то, кто я, тебѣ даю,
И въ сердцѣ заключа всю ярость я мою,
Я болѣ предъ тобой не изреку ни слова.
Когда твоя душа безчувственна, сурова,
Восхощетъ у меня съ царицей все отнять,
Сквозь сердце ты мое къ ней долженъ доступать, —
Сквозь сердце, симъ мечемъ опаснымъ воруженно;
Вѣрь мнѣ, тогда ничто не будетъ мнѣ священно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Что правду я вѣщалъ, ты видишь, Сципіонъ.

СЦИПІОНЪ.

Неколебимъ и твердъ въ своемъ несчастьи онъ.
Но не душѣ его, а страсти причитаю,
Что болѣе я въ немъ героя не срѣтаю.
Намъ должно отъ него царицу удалить
И Риму въ немъ опять героя возвратить.
Хоть страстію теперь его весь духъ разстроенъ,
Вѣрь, Лелій, мнѣ, онъ быть Римляниномъ достоенъ.

ЛЕЛІЙ.

Уже способствуя желанью твоему,
Къ царицѣ положилъ преграды я ему.
Подъ стражею моимъ стараньемъ заключенна,
Не будетъ зрима имъ.

СЦИПІОНЪ.

Какъ часть ея плачевна!

═══

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ.

МАССИНИССА.

Теперь уже всего властитель твой лишенъ!
Толпою Римляней безчестно окруженъ,
Отвсюда ими я стѣсненъ, обезоруженъ....
А свѣтъ оставленъ мнѣ! что въ немъ! мнѣ свѣтъ не нуженъ.
Возьмите, варвары, возьмите жизнь мою!...
Напрасно въ горести къ царицѣ вопію.
Разлучена со мной, она того не знаетъ,
Какимъ отчаяньемъ ея супругъ страдаетъ;
И, можетъ быть, о, рокъ! подъ тягостью оковъ,
Винитъ меня, въ сей часъ виной моихъ враговъ.

НАРЦЕСЪ.

Чтобъ тронъ твой сохранить, превознесись надъ страстью.

МАССИНИССА.

Чтобъ я, согласенъ ставъ царицы съ горькой частью,
Лютѣйшій врагъ себѣ; корыстью ослѣпленъ,
Тò продалъ бы за тронъ, чѣмъ духъ мой оживленъ,

И подлость бы явилъ всему земному кругу,
Рабою Риму давъ царицу и супругу.
Возвысить можетъ ли тронъ славу дней моихъ?
Увѣнчанъ лаврами, я выше троновъ сихъ.
Хоть воинъ безъ меча, хоть царь теперь безъ войска,
Но та жъ еще во мнѣ и днесь душа геройска.
Ступай ты къ консулу: скажи, что я въ сей часъ
Хочу узрѣть его уже въ послѣдній разъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

МАССИНИССА, *одинъ.*

Для избѣжанія отъ лютой Рима злобы,
Теперь надежда намъ едины только гробы.
О, смерть! убѣжище въ отчаяньи одно,
Которо отъ боговъ несчастливымъ дано,
Едина только ты отъ гнусностей избавишь
И честь мою, и честь супруги ты возставишь....
Но какъ тотъ страшенъ часъ, въ который долженъ я,
Спряженный съ ужасомъ злой части моея,
За то, что ею я любимъ толь страстно, нѣжно,
Сказать: умри! умреть должна ты неизбѣжно!...
Душа души моей! за твой безсмертный жаръ
Для сердца твоего се отъ супруга даръ!

Вынимаетъ сокрытый кинжалъ.

Отъ трона, отъ любви чѣмъ духъ нашъ утѣшался,
Одно сокровище намъ сей кинжалъ остался.
И чтобъ, бѣжа стыда, пронзить себѣ намъ грудь,
Мнѣ должно было днесь тирановъ обмануть,

Сокрывъ намѣренье отъ алчуща ихъ взора,
Видѣньемъ нашего насытиться позора.

Увидя Сципіона, скрываетъ кинжалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СЦИПІОНЪ, МАССИНИССА.

МАССИНИССА.

Почто смущаешься, взирая на меня?
Не для того тебя я звалъ, чтобы виня
Жестокости твои невольны, принужденны,
Безплодно жалобы творить отриновенны.
Вѣрь мнѣ, не для того.... я дружествомъ твоимъ
Ко славѣ обращенъ..,. доволенъ будетъ Римъ!
Доволенъ Сципіонъ! души моей зря крѣпость....
Я даже превзойду и Римляней свирѣпость.
Ты вострепещешь самъ.... На все согласенъ я....
Согласенъ!

СЦИПІОНЪ.

Отъ чего жъ трепещетъ грудь твоя?
Согласенъ ты на все, а скрытно ты рыдаешь.
Смерть вижу на лицѣ и слезы ты снѣдаешь.

МАССИНИССА.

То человѣчества остатокъ.... извини.

СЦИПІОНЪ.

Не крой ты слезъ твоихъ и предо мной стени.
Дерзаешь оскорблять тѣмъ сердце Сципіона,
Коль думаешь, что онъ далекъ отъ слезъ и стона;

Что человѣчества дражайшихъ знаковъ сихъ,
Не можетъ показать онъ въ чувствіяхъ своихъ.
Навѣки истребись то сердце люто, звѣрско,
Противно Небесамъ и человѣкамъ мерзко,
Какъ камень твердое несчастливыхъ къ бѣдамъ.
Ты слезы примѣшай твои къ моимъ слезамъ,
На лоно дружества сложи печали бремя.

МАССИНИССА.

Когда рѣшился я, лить слезы ужъ не время.
Не слезы нужны мнѣ.... лишаяся всего,
Прошу единаго отъ друга моего.

СЦИПІОНЪ.

Вѣщай, и все тебѣ исполню въ угожденье.

МАССИНИССА.

Жестокой горести моей во услажденье,
Узрѣть царицу мнѣ позволь въ послѣдній разъ,
Позволь почерпнуть жизнь мнѣ изъ прекрасныхъ глазъ.
Мнѣ жизни безъ того не станетъ съ ней въ разлуки.
Узря ее, мои я кончу смертны муки.

СЦИПІОНЪ.

Тѣмъ горесть болѣе умножится твоя.

МАССИНИССА.

Увидясь съ ней, клянусь, спокоенъ буду я,
Клянуся и ее свиданьемъ успокоить.
То Рима можетъ ли желаніе разстроить?
И жертву у него могу ли я отъять?
Обезоруженну что можно предпріять?
Хоть смертію бъ хотѣлъ безчестія избавить,
Кто можетъ смерти мнѣ орудіе доставить?
Твоимъ стараніемъ всего мы лишены;
И къ гробу намъ пути вездѣ заграждены....

Иль дружбы моея толь малы суть успѣхи,
Что ты откажешь мнѣ и въ горькой сей утѣхи?

СЦИПІОНЪ.

Увидишь ту, тебѣ котора толь мила,
Котору къ бѣдствіямъ судьба произвела.
Но въ лютые часы, толь горестной разлуки,
Владѣя самъ собой, умѣрь сердечны муки,
И помни то, что ты прославленный герой;
Что царь; что сей странѣ ты долженъ самъ собой;
Что другъ ты мнѣ; что Римъ десницу простираетъ,
Которая твой тронъ до облакъ возвышаетъ;
И что побѣды лавръ хоть славно пріобрѣсть,
Умѣть его хранить стократъ славнѣе честь.

МАССИНИССА.

Для сей-то чести я, душѣ моей жестокой,
Свиданья требую въ моей тоскѣ глубокой.
Но чтобъ свидѣтелей присутство никакихъ
Не возмутило бы прощаній здѣсь моихъ,
Утѣшь ты тѣмъ мою тоску неутолиму,
Потомъ приди, влеки твою ты жертву Риму.

СЦИПІОНЪ.

Желанье будетъ все твое совершено.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАССИНИССА, *одинъ*.

А сердце кровію твое насыщено.
Упейтесь ею вы, тиранны люты, дики,
Безчувственностію единою велики!
Умремъ!... и чѣмъ себя на свѣтѣ утѣшать?

Всего лишенъ, чѣмъ могъ я жизнь мою питать,
Подъ игомъ уклоненъ, величія въ уронѣ,
Тирановъ гнусный рабъ, иль ввѣкъ рыдать на тронѣ?
Въ уныньи, въ робости, чтя Рима горду власть,
Снѣдая горести, благословлять злу часть?
Мнѣ жить? мнѣ возводить на грозно небо взоры,
Творя безплодныя, невнемлемы укоры?
Мнѣ жить, неся ничѣмъ неисцѣлимъ ударъ?
О, боги лютые! коль жизнь моя вашъ даръ,
Возьмите вы его, я имъ себя терзаю;
Я сей несносный даръ вамъ нынѣ возвращаю.
Возьмите вы его... пусть Римляне живутъ;
Въ злодѣйствахъ счастливы, пускай несчастныхъ рвутъ,
Которые, равно животнымъ укрощеннымъ
Имъ выю преклоня, ярмо ихъ чтутъ священнымъ.
Пусть Римляне живутъ, кровавый ставя пиръ,
Отъемлютъ вашу власть, ввергая въ узы міръ;
А я души на то склонити не умѣю,
Чтобъ гнусну жизнь влачить, покорствуя злодѣю.

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

СОФОНИСБА.

Изъ заключенія воззванна я тобой,
Что̀ мнѣ ты повелишь, супругъ, властитель мой?

МАССИНИССА, *въ сторону.*

Чего, о, рокъ! чего ты въ ней меня лишаешь!

СОФОНИСБА.

Почто же отъ меня ты взгляды отвращаешь?
Дражайши свѣта мнѣ ты очи обрати
И жизнь увядшую хоть взоромъ подкрѣпи.
Отчаянье мнѣ въ грудь ужъ смерти хладъ вливало,
Но сердце жизнью, зря тебя, вострепетало,
И возвратило свѣтъ, несносный безъ тебя.

МАССИНИССА, *съ смятенiемъ указывая на тронъ.*

Царица! се твой тронъ....

СОФОНИСБА.

Престолъ сей погубя,
Была бы счастлива я въ бѣдности, въ пустынѣ,
И выше всѣхъ царицъ тобой однимъ.

МАССИНИССА.

Но нынѣ...
Могу ли я свершить?... трепещущiй мой гласъ
Не можетъ изъяснить...,. о, часъ! о, страшный часъ!

СОФОНИСБА.

Съ тобою я, а часъ сей страшнымъ называешь.
Какъ нѣжно я тобой, не такъ ты мной пылаешь.
Хотя бы я должна въ сей часъ и умереть,
О чемъ стонать, когда могу тебя я зрѣть....
Изъ глазъ твоихъ текутъ невольно слезъ потоки!

МАССИНИССА.

За чтó, о, Небеса! вы столько мнѣ жестоки?

СОФОНИСБА.

Мнѣ должно умереть?

МАССИНИССА.

Ты тò сама рекла,
Чего душа моя открыти не могла.
Судьбою ввержены мы лютыхъ Римлянъ въ узы;

Межъ нами рушены навѣки тѣ союзы,
Безъ коихъ мнѣ и смерть, не только не горька,
Но даръ Небесъ драгой, пріятна и сладка.
Свершилось все, увы! оставлены богами
И римской гордости попранные ногами,
Спасенье отъ стыда у насъ въ рукахъ теперь.
Сносить ли намъ позоръ, героевъ нашихъ дщерь?
Преграды ль положа судьбы и Рима злобѣ,
Сыскать отъ варварства пристанище во гробѣ?

СОФОНИСБА.

Такъ мало можешь ли супругу почитать;
И хоть единый мигъ въ сомнѣньи пребывать,
Чтобы оковы зря, она, въ стыдѣ спокойна,
Могла бы твоего быть сердца недостойна.
Чтобы, лишаяся она навѣкъ тебя,
Хотѣла жить, мрача супруга и себя.
Противъ тирановъ зря твое изнеможенье,
Я съ просьбой шла къ тебѣ отвергнуть униженье,
Дражайшею рукой отъявъ сей свѣтъ отъ глазъ,
Являющъ мнѣ тебя уже въ послѣдній разъ.
До ужаса бъ сего тебя не допустила,
И люту жизнь мою сама бы прекратила;
Но способовъ и сихъ, несчастна! лишена.

МАССИНИССА.

Коль наша до того судьба доведена,
Что намъ завидуютъ и въ горькой сей отрадѣ,
Тирановъ обмануть умѣлъ я, къ ихъ досадѣ.

Вынимаетъ кинжалъ.

Се люто остріе, но люто меньше ихъ;
Оно препона имъ въ намѣреніяхъ злыхъ.
Оно отворитъ намъ убѣжище спокойно,
Злодѣйства хищнаго гоненье недостойно

Не можетъ гдѣ до насъ достигнути вовѣкъ:
Гдѣ Римлянинъ не богъ, такой же человѣкъ;
Гдѣ скипетры, вѣнцы та радости утѣха,
Во прахѣ смѣшанны безъ славы, безъ успѣха;
Подъ игомъ тяжкимъ гдѣ невинность не стенетъ;
Гдѣ всѣ равны, коль есть; гдѣ всѣ ничто, коль нѣтъ....
Прими изъ рукъ моихъ бѣдъ нашихъ окончанье....

Отдаетъ ей кинжалъ.

Коль любишь ты меня, прерви мое страданье,
И, прежде поразя мою стѣсненну грудь,
Моею смертію начни нашъ къ гробу путь.
Да провожденъ твоей любезною рукою
Ко мрачной тишинѣ, къ желанному покою,
Кончины твоея всего ужаснѣй видъ,
Мнѣ сердца нѣжнаго предъ смертью не пронзитъ;
Да не узрю очей дражайшихъ помраченья,
Ужъ отъ единаго я мучусь вображенья,
И содрогаюся я то все мысля зрѣть;
Избавь меня отъ мукъ два раза умереть.

СОФОНИСБА.

А любишь ты меня? а мнѣ повелѣваешь
Свершити лютости, которыхъ не дерзаешь....
Когда бъ безсмертіе боговъ имѣя въ даръ,
Питала бъ я къ тебѣ, какъ днесь, подобный жаръ,
Чтобъ страшна смерть твоя меня не огорчила, —
Безсмертіе презрѣвъ, его бы уступила
И счастливой себя считала бъ умереть....
Вѣрь мнѣ, не буду я твоей кончины зрѣть....
Се нашъ престолъ!... на немъ кинжалъ въ моей лишь власти:
Да будетъ скипетромъ онъ мнѣ въ моей напасти.
Я только имъ однимъ повелѣвать могу,

Я имъ царицы честь на тронѣ собрегу.
Имъ отвративъ мою смертельную обиду,
Съ престола прямо я въ гробницу темну сниду.
Прости.

МАССИНИССА.

Куда спѣшишь?

СОФОНИСБА.

На тронѣ смерть вкусить.

МАССИНИССА.

Помедли.

СОФОНИСБА.

Ты герой! тебѣ ль о томъ просить,
Чтобъ, удаляя гробъ, къ напасти приближаться,
Въ оковахъ Рима мнѣ безчестно жить остаться.
Въ минуту, можетъ быть, предстанетъ Сципіонъ,
И въ рабство повлечетъ твою супругу онъ.

МАССИНИССА.

Я трепещу. Ступай.... постой еще минуту.
О, жизнь моей души! зри муку страшну, люту.

СОФОНИСБА.

Она окончится и все тотчасъ минетъ,
Лишь только лютый сей въ глазахъ померкнетъ свѣтъ.

МАССИНИССА.

Въ сей день, въ сей самый день великъ, побѣдоносенъ,
Я могъ ли воображать, что самъ себѣ несносенъ.
О, ты единое мнѣ счастье на землѣ,
Я долженъ на твоемъ зрѣть смерти тѣнь челѣ!
Что, сопряженъ съ тобой нѣжнѣйшею любовью,
Я тронъ мой обагрю твоей дражайшей кровью.

СОФОНИСБА.

Почто любовь сію на память призывать,

И душу ослаблять, коль должно умирать.
Прости въ послѣдній разъ!

МАССИНИССА.

О, слово преужасно!

СОФОНИСБА.

Воспомни мой супругъ, медленіе опасно.

Софонисба съ поспѣшностію восходитъ на тронъ, и закрывается завѣсами.

МАССИНИССА, *спѣша за нею.*

Постой! могу ли я твой смертный стонъ снести!
Мнѣ прежде умереть! *открываетъ завѣсы.* Чтò вижу я!

СОФОНИСБА *умирающимъ голосомъ.*

Прости.
Свѣтъ меркнетъ.... мой супругъ!... простри твою мнѣ руку.

МАССИНИССА.

Ужъ нѣтъ ее!... *бросается къ ея ногамъ.* Прерви мою несносну муку!
Чтобъ усладить мнѣ смерть, хоть разъ еще взгляни
И, пожалѣвъ о мнѣ, хоть разъ ты воздохни!...
Царица!... нѣтъ ее!... Супруга!... все свершилось!
И сердце ужъ ея біенія лишилось,
Которымъ дней моихъ считалися часы.
Померкли тѣнію смертельною красы,
А съ ними радости мои и свѣтъ небесной!
Закрыты очи тѣ, гдѣ пламень толь прелестной,
Огнь жизни моея мнѣ въ сердцѣ возжигалъ.
Мой тронъ, мой духъ, весь міръ въ небытіе упалъ.
Ужасенъ самъ себѣ, себя я ненавижу;
А я еще, а я свѣтъ слабый солнца вижу,
Межъ лютой жизнію и смертію борюсь.

Дражайша кровь течетъ, а я лишь только рвусь!
Окончимъ смерть, меня котора пожираетъ.
Умремъ!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ, МАССИНИССА.

СЦИПІОНЪ, *къ Массиниссѣ.*

Мой духъ меня ко другу привлекаетъ.
Прости, что, устрашась въ прощаньи мукъ твоихъ,
Чтобы тебя спасти, пришелъ нарушить ихъ,
Спѣша утѣху дать....

МАССИНИССА.

Поди, твой другъ утѣшенъ.

СЦИПІОНЪ.

Что къ славѣ мой совѣтъ не будетъ безуспѣшенъ,
Того я ожидалъ, и зналъ, что ты герой,
Что, превзошедъ себя и властвуя собой,
Достоинъ будешь ты Римляниномъ назваться;
Что съ нами духомъ ты возможешь уравняться.

МАССИНИССА.

Сравнялся съ вами я! достойный васъ злодѣй!

ЛЕЛІЙ.

Считаешь лютостью тò въ слабости твоей,
Чтó съ Римомъ днесь тебя навѣки сопрягаетъ;
Что грозною его рукою ограждаетъ
Воздвигнутъ имъ твой тронъ.

МАССИНИССА.

Мнѣ страшенъ сей престолъ!

СЦИПІОНЪ.

Но гдѣ жъ несчастная?

МАССИНИССА.

Она отъ всякихъ золъ
Свободна, Рима узъ не можетъ устрашаться;
Отъ звѣрства вашего не станетъ содрогаться.
Коль боги есть, она, на небо возлетѣвъ,
Съ презрѣньемъ зритъ теперь безплодный Рима гнѣвъ,
Избѣгнувъ вашего свирѣпства недостойна,

При семъ словѣ раскрывая совсѣмъ завѣсы трона, показываетъ мертвую Софонисбу.

Увидьте, какъ она блаженна и спокойна!
Увидьте вы сіи кровавые ручьи,
И нестерпимы зря страданія мои,
Насытьте ваши вы сердцà толь крови жадны
И восхищайтесь, зря красы безъ чувствій, хладны,
Которы не могли васъ, варвары, тронуть.

СЦИПІОНЪ.

Чтò сдѣлалъ ты?

МАССИНИССА.

Не я, ей вы пронзили грудь.
Вы вашею рукой тѣ прелести затмили,
Которы Небеса на то производили,
Чтобъ смертнымъ на землѣ свой образъ предъявить;
А вы могли то все въ ничто преобратить!
А вы!... а громомъ васъ не поражаютъ боги,
И не падутъ на васъ обрушася чертоги,
Гдѣ вы, злодѣйствіе неслыханно сверша,
Скверните воздухъ сей, симъ воздухомъ дыша!...
О, Римъ! прими мои послѣдніе обѣты:
Да всѣ цари, твоей жестокости предметы,
Униженны тобой, почувствовавъ себя,

Совокупя свой громъ, низринуть на тебя!
Съ Востока, съ Запада возставшіе народы,
Со пламенемъ, съ мечемъ, ища своей свободы,
Да съединятся всѣ тебя разрушить въ прахъ!
Да гордость вся твоя преобращенна въ страхъ,
Предъ коей алтари вселенныя курятся,
Униженна у ногъ гнуснѣйшихъ пресмыкаться,
Увидитъ въ рабствѣ всѣхъ твоихъ надменныхъ чадъ!
Да истребится твой мучителей сенатъ!
Да капитолія и всѣ твои вертепы,
Исчезнутъ и падутъ во адовы заклепы!
Поросшій терніемъ и прахомъ покровенъ,
Изъ смертныхъ памяти да будешь истребленъ!
Вотъ все, чего тебѣ, желая, предвѣщаю,
И съ симъ предвѣстіемъ спокойно умираю.»

Закалается.

ЛЕЛІЙ.

За дерзки толь слова достоинъ умереть.
Кто Риму хощетъ золъ, не стоитъ солнце зрѣть.

СЦИПІОНЪ.

Кто смерти не страшась, страшится униженья,
Достоинъ Римскихъ слезъ, достоинъ тотъ почтенья.

ХВАСТУНЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ВЕРХОЛЕТЪ, хвастунъ.

ПОЛИСТЪ, слуга его.

ПРОСТОДУМЪ, дядя Верхолетовъ, сельскій дворянинъ, недавно изъ деревни пріѣхавшій.

ЧВАНКИНА, богатая новопріѣзжая изъ деревни дворянка.

МИЛЕНА, дочь ея.

МАРИНА, служанка Чванкина.

ЧЕСТОНЪ, совѣтникъ изъ намѣстничества.

ЗАМИРЪ, сынъ его, влюбленъ въ Милену.

ПОРТНОЙ.

ПРИКАЩИКЪ.

БЛАГОЧИННЫЙ.

Лакеи, гайдуки, скороходы Верхолетовы.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ наемномъ домѣ, гдѣ Верхолетъ и Чванкина живутъ.

ХВАСТУНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛИСТЪ, *богато одѣтый.*

О, скучный дяди видъ! нечаянный пріѣздъ!
Сѣдой нашъ Простодумъ свалился будто съ звѣздъ.
Онъ шелъ за мной.... его давно мы не видали,
И гостя этого отнюдь не ожидали....
Боюся, чтобы онъ Полиста не узналъ,
И чтобы напередъ слуги не потазалъ
За шалость своего племянника въ задатокъ;
Уже давно отвыкъ отъ русскихъ я ухватокъ,
Которы бѣдныхъ слугъ толь тягостны бокамъ....
Однако передъ нимъ пріосамлюсь и самъ.
Какъ баринъ наряженъ, могу я притвориться,
Что я, не я.... а вотъ ужъ онъ и самъ валится.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛИСТЪ, ПРОСТОДУМЪ.

ПРОСТОДУМЪ, *издали разсматривая Полиста.*

Такъ, это плутъ Полистъ, племянниковъ слуга....
Нѣтъ, кажется.... тепла у этого нога;
Весь золотомъ облитъ, спѣсивъ и рыжій волосъ.

ПОЛИСТЪ, *гордо.*

Что̀ вамъ угодно?

ПРОСТОДУМЪ.

Такъ, Полистовъ это голосъ.
Полистъ! здоровъ ли ты?

ПОЛИСТЪ, *дразнитъ.*

Полистъ, здоровъ ли ты?
Какія въ голову вселились вамъ мечты?
И кѣмъ я вамъ кажусь?

ПРОСТОДУМЪ.

Какое вижу сходство!
Прости, коль ваше я обидѣлъ благородство;
Вы Верхолетовымъ казались мнѣ слугой.

ПОЛИСТЪ, *гордо.*

Кто этотъ Верхолетъ? и кто ты самъ такой?

ПРОСТОДУМЪ.

Племянникъ онъ, а я ему ближайшій дядя;
Дивлюся, на твою высоку милость глядя.
Вовѣкъ не видывалъ я двухъ сходнѣе рожъ;
Племянниковъ слуга во всемъ на васъ похожъ.
Замашки тѣжъ, лице, не погнѣвися, то же;
Лишь только десять лѣтъ назадъ онъ былъ моложе,

Да чорны волосы; еще жъ не такъ одѣтъ,
Еще жъ великій плутъ....

ПОЛИСТЪ, *съ досадой.*

Довольно сихъ примѣтъ;
Оставши грубости не нынѣшняго вѣка,
Они вредятъ ушамъ честнаго человѣка.
Узнай, старикъ, узнай: кто прежде звался плутъ,
Того уже теперь искусникомъ зовутъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Въ деревнѣ живучи, мы вашихъ модъ не знаемъ.
Бездѣльниковъ всегда плутами называемъ,—
Вотъ такъ у насъ въ глуши. Да дѣло не о томъ:
Сказали, Верхолетъ свой здѣсь имѣетъ домъ;
Вы это знаете?

ПОЛИСТЪ.

Я вѣдалъ бы конечно;
Но я не слыхивалъ....

ПРОСТОДУМЪ.

Жалѣю я сердечно.
Къ слугѣ было его привезъ я добру вѣсть;
Да видно будетъ мнѣ ее назадъ отвезть.
Вѣсть эта не плоха, довольно серебриста,
Обрадовала бы она весьма Полиста.

Хочетъ идти.

ПОЛИСТЪ, *останавливая его учтиво.*

А! а! Полиста — вы изволили сказать;
Авось-либо о немъ могу я толкъ вамъ дать.
Мнѣ кажется, его не знаю, какъ то знаю.

ПРОСТОДУМЪ.

Вамъ кстати ль знать слугу! я васъ не унижаю
Знакомствомъ таковымъ, и вѣрить не хочу....

ПОЛИСТЪ.

Я не спѣсивъ, и мнѣ всѣ люди по плечу.
Полистъ извѣстенъ мнѣ, и я вамъ въ томъ божуся,
И, можетъ быть, его представить обяжуся....
Да чтó вы привезли?

ПРОСТОДУМЪ.

Въ наслѣдство сто рублей.

ПОЛИСТЪ, *съ радостью.*

Чтò слышу я! Да кто жъ, по милости своей,
Оставя здѣшній свѣтъ, Полисту сдѣлалъ дружбу?

ПРОСТОДУМЪ.

Старуха, тетушка его, которой службу
Я буду помнить вѣкъ, оставила ему
По смерти всю свою накопленну суму.
Хоть милости такой плутъ этотъ не достоенъ;
Но въ совѣсти своей не буду я спокоенъ,
Когда я теткиныхъ денженокъ не отдамъ.
Я знаю, пьяница Полистъ....

ПОЛИСТЪ.

Не стыдно ль вамъ
Такою клеветой злословить добродѣтель?
Я самъ, сударь, всегда бывалъ тому свидѣтель,
Какъ онъ по улицамъ чиннехонько идетъ,
Какъ прямо онъ себя, какъ вѣжливо ведетъ,
Ногами никогда онъ вензелей не пишетъ;
А если о винѣ онъ какъ нибудь услышетъ,
Всегда наморщится и придетъ тошнота.
Повѣрьте мнѣ, Полистъ лакеевъ красота.
Моимъ слугамъ всегда его въ примѣръ я ставлю....
Когда изволите, я дѣло все исправлю,
Отдайте деньги мнѣ, а я ему отдамъ
И, можетъ быть, тотчасъ его....

ПРОСТОДУМЪ.

Не стыдно ль вамъ
Въ дѣла чужихъ людей безъ просьбы ихъ мѣшаться?
Прощайте.

ПОЛИСТЪ, *останавливая его.*

На часокъ. *Самъ себѣ.* Ну можно ль удержаться?

Къ Простодуму.

Скажите жъ мнѣ, за что́ вы гнѣвны на него?

ПРОСТОДУМЪ.

Скажите, нужда вамъ какая до того?

ПОЛИСТЪ.

Я жалостливъ, до ссоръ я очень не охотенъ,
И добрыхъ я людей мирить всегда заботенъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Да я съ плутягами мириться не люблю.
Полисту прежде я ударовъ сто влѣплю,
А тамъ и сто рублей отдамъ на томъ же мѣстѣ
Охотно.

ПОЛИСТЪ.

И того Полистъ получитъ двѣсти.
Онъ могъ бы сотнею одной доволенъ быть,
То есть рублевою.

ПРОСТОДУМЪ, *съ сердцемъ.*

Нѣтъ! нѣтъ!

ПОЛИСТЪ, *подставя спину.*

Извольте жъ бить,

ПРОСТОДУМЪ.

Проказить надо мной еще ты молоденекъ.

ПОЛИСТЪ.

Удары палошны моихъ на выкупъ денегъ
Изволь отсчитывать, извольте,—я Полистъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Не вѣрю.

ПОЛИСТЪ.

Я клянусь!... и вашей трости свистъ,
И молодецкое моей спины терпѣнье
Докажутъ, что у васъ въ рукахъ мое имѣнье.
Всмотритесь, у меня Полистовъ глазъ, ротъ, носъ....

ПРОСТОДУМЪ.

Такого жъ вора видъ; да онъ черноволосъ.
Ты не Полистъ.

ПОЛИСТЪ.

Я онъ и тѣломъ и душою!...
Вотъ что̀ Французы, вы надѣлали со мною!
Отъ желтой, сударь, ихъ причинныя муки
Такіе вышли мнѣ ужасные крюки.
Французамъ да чертямъ лишь можно такъ штукарить,
Чтобъ даже въ моду ввесть и пудру въ печкѣ жарить,
И ею волоса природны засыпать
На то, чтобъ не могли наслѣдника узнать!

Указывая на брови.

Повѣрьте хоть бровямъ, природнаго остатку,
Они увѣрятъ васъ, рѣша сію загадку;
Что черенъ волосомъ я какъ винновый тузъ;
А что я рыжъ кажусь, виновенъ въ томъ Французъ,
У коего муку мой баринъ покупаетъ,
Племянникъ вашъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Вотъ какъ повѣса мой мотаетъ!
Я слышалъ, по уши онъ втюрился въ долги?
Скажи, мошенникъ, мнѣ, скажи же, да не лги.

ПОЛИСТЪ.

Скажите прежде, кѣмъ теперь я вамъ кажуся?

ПРОСТОДУМЪ.

Преплутомъ, наглецомъ!

ПОЛИСТЪ.

Прекрасно! я божуся!
Мнѣ обхожденіе пріятнѣй безъ чиновъ,
И всякой ужасъ мнѣ противенъ пустословъ.
Пусть незнакомые между собой чинятся,
А намъ, пріятелямъ, недалеко считаться.

ПРОСТОДУМЪ.

Кто? мы пріятели?

ПОЛИСТЪ.

А для чего жъ не такъ?
Или...

ПРОСТОДУМЪ, *поднявъ трость.*

Какъ смѣешь ты равняться мнѣ, дуракъ?

ПОЛИСТЪ.

Потише, господинъ, прокиснувшій въ деревнѣ,
Потише говорю! вѣдь здѣсь вы не въ харчевнѣ;
Великой господинъ въ сихъ комнатахъ живетъ!

ПРОСТОДУМЪ, *струся.*

Такъ видно у него племянникъ служитъ?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ.
Какой же человѣкъ ты, сударь, непонятной!
Теперь племянникъ вашъ и самъ ужъ баринъ знатной,
А я секретаремъ имѣю честь служить.

ПРОСТОДУМЪ.

Не въ правду ль?

ПОЛИСТЪ.

Стану я пустое говорить!

ПРОСТОДУМЪ.

Да какъ секретаремъ? ты грамотѣ не знаешь.

ПОЛИСТЪ.

Чтò нужды.

ПРОСТОДУМЪ.

Какъ же ты дѣла-то отправляешь?

ПОЛИСТЪ.

Пословицъ господинъ не помнитъ Простодумъ:
Вы это знаете, что честь раждаетъ умъ.
Какъ съ прочими въ чинахъ съ пустою головою,
Сія пословица сбылася и со мною.

ПРОСТОДУМЪ.

Да какъ же въ письменныхъ безъ грамоты дѣлахъ?

ПОЛИСТЪ.

Мы съ бариномъ дѣла всѣ кончимъ на словахъ.
Онъ знатный человѣкъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Какая же причина?
Какова жъ, секретарь Полистушка, ты чина?
Губернской ли? или?...

ПОЛИСТЪ.

Не знаю я какой,
А только вѣдаю, что самый я большой.

ПРОСТОДУМЪ.

Коллежской?

ПОЛИСТЪ.

Болѣе.

ПРОСТОДУМЪ.

Ахти! сенатской?

ПОЛИСТЪ.

Болѣ.

ПРОСТОДУМЪ.

Ума не приложу!... въ твоей однако жъ волѣ,
Сенатскихъ выше нѣтъ у насъ секретарей.

ПОЛИСТЪ.

Вы ничего въ глуши не знаете своей.
Вы скудны разумомъ, хоть хлѣбомъ тамъ богаты.
Недавно новые чинамъ здѣсь вышли штаты.

ПРОСТОДУМЪ.

А! а!

ПОЛИСТЪ.

Племянникъ вашъ, дѣлами здѣсь вертя,
Все это сработалъ, за службу мнѣ платя.

ПРОСТОДУМЪ.

И такъ племянникъ мой не шуточный здѣсь баринъ.
За добру вѣсть тебѣ, мой другъ, я благодаренъ;
Вотъ денежки твои. Пожалуй, позабудь
Прошедшую вражду и милостивъ мнѣ будь.

ПОЛИСТЪ.

Надѣйтесь на мое у барина старанье,
И, если нужда есть, откройте мнѣ желанье.

ПРОСТОДУМЪ.

Какъ нужды не имѣть тому, кто дворянинъ;
Есть споры по землямъ, притомъ же малый чинъ....

ПОЛИСТЪ.

Все это сдѣлать онъ бездѣлкой почитаетъ.
Чего изволите, все, все вамъ обѣщаетъ.
Онъ губернаторства какъ щепки раздаетъ,
И словомъ то сказать: на милости онъ мотъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Что будетъ онъ таковъ, я вѣдалъ то и прежде;
Хоть онъ пошаливалъ, я былъ всегда въ надеждѣ,
Что онъ исправится и будетъ человѣкъ.—
Ты видишь ли, Полистъ, я истину прорекъ.

ПОЛИСТЪ.

Конечно, сударь, такъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Съ такою головою,
Всегда я говорилъ, не пойдетъ онъ съ сумою.

ПОЛИСТЪ, *самъ къ себѣ.*

Вотъ какъ теперь совсѣмъ оборотился листъ.

Къ Простодуму.

Скажите же, каковъ вамъ кажется Полистъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Такихъ разумниковъ на свѣтѣ, право, мало.

ПОЛИСТЪ.

Скажите лучше, что еще и не бывало.

ПРОСТОДУМЪ.

И будетъ ли впередъ, того нельзя сказать.

ПОЛИСТЪ.

Вотъ, сударь, каково на свѣтѣ выйти въ знать!
Давно ли вы меня дубинкою пугали?

ПРОСТОДУМЪ.

Пожалуй, то оставь, теперь друзья мы стали.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ, ПОРТНОЙ.

ПОРТНОЙ.

Твой баринъ дома ль?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ.

ПОРТНОЙ.

А гдѣ же?

ПОЛИСТЪ.

Во дворцѣ,
Да развѣ подождать не могъ ты на крыльцѣ?
И безъ доклада къ намъ осмѣлился ввалиться.

ПОРТНОЙ.

Да у кого, скажи, мнѣ было доложиться?

ПОЛИСТЪ.

Какъ? мало ли людей? не тамъ ли нашъ гайдукъ?

ПОРТНОЙ.

Тамъ нѣту никого... мнѣ деньги за сюртукъ.

ПОЛИСТЪ.

Тихо портному.

Потише говори.... *Въ слухъ.* Гдѣ наши скороходы?

ПОРТНОЙ, *громко.*

Нѣтъ, я хочу кричать....

ПОЛИСТЪ, *громче его.*

О, скверные народы!
Лишь баринъ со двора,—и всѣ съ двора тотчасъ.

ПОРТНОЙ, *громко.*

Я денегъ....

ПОЛИСТЪ.

Зажимая ротъ у портного, кричитъ.

Водится лишь только тô у насъ.
Нѣтъ хуже тамо слугъ, гдѣ знатный баринъ кротокъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Да у племянника день можетъ быть коротокъ.
Всегда онъ у Двора, всегда въ большихъ дѣлахъ,
Нѣтъ время посмотрѣть, а людямъ надо страхъ.
Хотя бы ты....

ПОЛИСТЪ.

И я всегда въ дѣлахъ бываю.

Къ портному.

Все будетъ сдѣлано, поди, я обѣщаю.

ПОРТНОЙ.

Скажи же барину, Полистъ, чтобъ въ сей же день...

ПОЛИСТЪ, *толкая вонъ портного.*

Все будетъ, слышишь ли, негодный, грубый пень?
Вонъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ.

ПРОСТОДУМЪ.

Этотъ человѣкъ ремесленникъ, какъ видно.
Чего онъ требовалъ такъ нагло и безстыдно?

ПОЛИСТЪ.

Ему есть надобность, она у насъ въ рукахъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Какая?

ПОЛИСТЪ.

Люди всѣ рѣхнулись на чинахъ.
Портные, столяры, всѣ одинакой вѣры;
Купцы, сапожники, всѣ метятъ въ офицеры.
И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.
Портной, что̀ былъ теперь, стараніемъ Полиста
Желаетъ чинъ достать себѣ протоколиста.

ПРОСТОДУМЪ.

Такъ можетъ и Полистъ уже давать чины?

ПОЛИСТЪ.

Да; мелкіе одни во власть мнѣ отданы,
А крупные себѣ племянникъ вашъ оставилъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Скажи, какъ онъ себѣ такую знать доставилъ?
Какой заслугой сталъ великой господинъ?
Каковъ богатствомъ онъ? какой имѣетъ чинъ?

ПОЛИСТЪ, *увидя входящаго Верхолета.*

А вотъ онъ самъ вамъ все разскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕРХОЛЕТЪ, ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *вдали съ смятеніемъ увидя Простодума.*

Это дядя!
Онъ.

ПРОСТОДУМЪ, *самъ къ себѣ.*

Сердце прыгаетъ, на знать такую глядя.
Какъ свѣтлый мѣсяцъ онъ, весь въ златѣ, въ серебрѣ.
Кого поищетъ Богъ....

ПОЛИСТЪ, *Верхолету.*

Сегодня при Дворѣ
Необычайно какъ вы очень долго были.

ВЕРХОЛЕТЪ, *важно и надменно.*

Меня дѣлами тамъ сегодня задушили...
А! кстати, я было-сказать и позабылъ...
Оно бездѣлица, я, право, не просилъ...
Иной бы вздоромъ могъ себя такимъ забавить...
Но я... поздравь меня.

ПОЛИСТЪ.

Имѣю честь поздравить!
Да только, сударь, съ чѣмъ?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Такъ... ничего... я графъ.

ПОЛИСТЪ.

Я радъ.

ПРОСТОДУМЪ, *самъ къ себѣ.*

Какъ счастливъ я, роднею графу ставъ.

Къ Верхолету.

Я, ваше графское сіятельство, желаю
Благополучія и съ тѣмъ же поздравляю.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Чѣмъ вамъ могу служить?... Полистъ, кто онъ такой?

ПОЛИСТЪ.

Бывалъ онъ дядя вашъ, теперь пусть будетъ мой.
Когда племянникомъ его быть не хотите,
Изъ милости къ нему, мнѣ въ дяди уступите.

Къ Простодуму.

Полисту быть родней, ей-ей, не малый чинъ:
За счастье тó сочтетъ и знатный дворянинъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Я радъ всѣмъ быть, чѣмъ графъ сіятельный прика-
жетъ;
И сдѣлавъ дядею твоимъ, меня обяжетъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.
Со временемъ опять въ мои произведу.
ПРОСТОДУМЪ.
То есть, когда въ чинокъ поболѣ попаду
По вашей милости, чтобъ дядей быть достойнымъ...
ВЕРХОЛЕТЪ.
Я обѣщаю вамъ дотоль не быть спокойнымъ,
Доколѣ вашего желанья не свершу.
ПРОСТОДУМЪ.
Я очень многаго уже и не прошу;
Хотя бы штабскаго чинишка мнѣ добиться.
ВЕРХОЛЕТЪ, *съ сердцемъ.*
Стыдитесь, дядя мой!... какъ можно не сердиться!
Тотъ самый, кто моимъ въ свѣтъ дядею рожденъ,
Быть можетъ столько подлъ и духомъ униженъ,
Чтобъ далѣ не хотѣть, какъ быть лишь ассессоромъ.
Нѣтъ, я произвести хочу васъ сенаторомъ.
ПРОСТОДУМЪ, *струся, съ радостію.*
Да какъ...
ПОЛИСТЪ.
Пожалуйте не приводите въ гнѣвъ:
Онъ втюритъ въ канцлеры, на васъ освирѣпѣвъ.
ПРОСТОДУМЪ.
Ахти! бѣда моя.... боюсь.
ВЕРХОЛЕТЪ, *грозно.*
Ни слова болѣ,
Иль съ глазъ моихъ долой.
ПРОСТОДУМЪ.
Инъ быть по вашей волѣ.
ВЕРХОЛЕТЪ.
Межъ тѣмъ вы можете мнѣ сами услужить.

ПРОСТОДУМЪ.

Готовъ! но чѣмъ могу полезенъ графу быть?
Я рабски услужу.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мой прежній управитель
Доходовъ былъ моихъ весьма дурной хранитель,
Я сбилъ его съ двора.

ПОЛИСТЪ.

Онъ на руку не чистъ.

Въ сторону.

Чтобъ пыль въ глаза пускать, какъ баринъ мой рѣчистъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Безъ управителя я могъ бы обойтися
Дней нѣсколько; но мнѣ задумалось жениться;
И свадьба можетъ быть сегодни ввечеру...
Ужъ городъ знаетъ то́, извѣстно и двору....
А управителя.

ПРОСТОДУМЪ.

Я буду, коль угодно.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Вамъ можно́ показать на мѣстѣ семъ свободно
Природой данныя способности къ дѣламъ,

Онъ треплетъ Простодума по плечу.

И выйти въ свѣтъ; а тамъ... увидимъ мы... а тамъ.
Ни слова напередъ.

ПОЛИСТЪ.

А тамъ и въ сенаторы.
Но только вы, прибравъ доходовъ нашихъ сборы,
Не дѣлайте того, какъ было прежде васъ,
Чтобъ голодомъ морить въ иное время насъ.

ПРОСТОДУМЪ.

О, Боже упаси!... а сколько въ годъ дохода?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да было.. сколько бишь прошедшаго мнѣ года?
Пятнадцать тысячъ?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ, сударь, до тридцати.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Онъ знаетъ то... Полистъ, пожалуй ты сочти.

ПОЛИСТЪ, *въ сторону.*

Коротокъ будетъ счетъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Но прежній управитель
Негодный человѣкъ!

ПОЛИСТЪ.

Проклятый разоритель,
Доходовъ много онъ и будущихъ пожралъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Полистъ, на сколько, бишь, меня онъ обокралъ?

ПОЛИСТЪ.

Я думаю, сударь, что на пятнадцать тысячъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Какой же плутъ!... А вы не приказали высѣчь,
Или бездѣльника на каторгу сослать.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Ну кстасти ль мнѣ, сударь, такъ низко помышлять
И за бездѣлицу такъ много разсердиться...
То правда, что когда мнѣ надобно жениться,
Онъ сдѣлалъ то со мной, что въ самый свадьбы день
Я отъ бездѣльствъ сего мошенника сталъ въ пень;
И, право, какъ мнѣ быть, того не разумѣю.

Но много денегъ я еще въ долгахъ имѣю.
Полистъ, ты ѣздилъ ли?

ПОЛИСТЪ.

Куда, сударь?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Къ купцу,
Который долженъ мнѣ; вѣдь надобно къ вѣнцу....

ПОЛИСТЪ.

Я былъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Что жъ деньги?

ПОЛИСТЪ.

Онъ сегодня не исправенъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

А я въ сей день женюсь... куда какъ онъ забавенъ;
Взбѣситься надобно, купецъ богатый толь....

ПРОСТОДУМЪ.

Возьмите у меня, сіятельный, изволь!
Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.
Сіятельнѣйшій графъ, пожалуй все возьми,
Я послѣ получу.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мнѣ, право, это стыдно.

ПРОСТОДУМЪ.

Когда откажете, мнѣ будетъ то обидно.

ПОЛИСТЪ, *Верхолету на ухо.*

Рѣхнулись чтò ли вы? берите чтò даютъ:
Занять ужъ негдѣ намъ и рокъ нашъ очень крутъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Простодуму*.

Я соглашаюся отъ васъ принять услугу
И долженъ вамъ, сударь, открыться такъ, какъ другу,
Что мнѣ не хочется женитьбы пропустить.

ПРОСТОДУМЪ.

А кто особа та, коль смѣю я спросить,
Избранна вашего сіятельства невѣста?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Вдовы богатыя изъ отдаленна мѣста,
Дворянки Чванкиной молоденькая дочь;
Онѣ, гонясь за мной, не отступаютъ прочь,
И даже въ этотъ домъ ко мнѣ переселились.

ПРОСТОДУМЪ.

Экъ лакомы!

ПОЛИСТЪ.

Онѣ въ насъ по уши влюбились.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Подумай, отъ меня дѣвчонка безъ ума.

ПРОСТОДУМЪ.

Любуясь Верхолетомъ.

Я это думаю.

ПОЛИСТЪ.

И также мать сама.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Изъ жалости одной я долженъ согласиться.

ПОЛИСТЪ.

На ней изъ милости изволитъ онъ жениться.

ПРОСТОДУМЪ.

А для чего жъ? когда приданое при томъ.

ПОЛИСТЪ.

Какъ чаша полная дворянки этой домъ;
И душъ двѣ тысячи, и денегъ страшна бездна.

ПРОСТОДУМЪ.

Такъ эта дѣвушка, ей-ей! весьма любезна.
Извольте же со мной, чтобъ деньги получить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЛИСТЪ, *одинъ*.

Благодаря судьбѣ, о чемъ теперь тужить?
Есть денежки у насъ и также управитель.
Не дядя это,—кладъ; онъ нашъ отъ бѣдъ спаситель.
Намъ очень кстати то, что этотъ глупъ старикъ.
Ужъ наша-было знать заѣхала въ тупикъ.
За недостаткомъ бы блистательнаго свѣта
Узнали бъ всѣ, что мы фальшивая монета;
И Чванкина, что̀ намъ такъ алчетъ быть роднёй,
Сошедшая съ ума на знатности одной,
Дочь барину отдать конечно бъ отказала,
Но глупость дядина намъ крылья подвязала
И превратила насъ изъ черепахъ въ орловъ.
Что̀ бъ дѣлать хвастунамъ, коль не было бъ скотовъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕРХОЛЕТЪ, ПОЛИСТЪ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Вотъ деньги, дядя мой....

ПОЛИСТЪ.

Ошиблись, управитель.
Признайтеся, что онъ вашъ нынѣ воскреситель,
Что имъ....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Но я ему за то и отслужу,
И сколько я силенъ, надъ нимъ тȯ покажу.
Чему жъ смѣешься ты?

ПОЛИСТЪ.

Снимите ваши маски
При томъ, кто различать умѣетъ всяки краски.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я ѣду гайдуковъ, лакеевъ нанимать,
Чтобы себя во всемъ сіяньи показать,
И чтобъ за мной всегда блестящи скороходы
Давали знать, что я презнатныя породы.

ПОЛИТТЪ.

Опомнитесь, сударь, и тѣхъ, кому должны,
Спокойте мало хоть изъ дядиной казны.

ВЕРХОЛЕТЪ.

По свадьбѣ намъ о томъ подумать будетъ можно;
Дотолѣ поступай лишь только осторожно,
Увидишь ты, что я умѣю награждать.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ.

ПРОСТОДУМЪ.

Его сіятельство изволилъ поскакать?

ПОЛИСТЪ.

Поѣхалъ ко двору, а послѣ къ намъ заѣдетъ.

ПРОСТОДУМЪ.

А у меня весь умъ о сенаторствѣ бредитъ.
Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки какъ мокры воробьи.
Какъ это мнѣ смѣшно!

ПОЛИСТЪ.

Еще смѣшнѣе будетъ.
Межъ тѣмъ, я думаю, сенаторъ не забудетъ,
Что управителемъ онъ прежде долженъ быть.

ПРОСТОДУМЪ.

Чѣмъ только управлять, а то какъ мнѣ забыть.
Не вижу гайдуковъ, лакеевъ, скороходоо,
О коихъ ты кричалъ, не вѣдаю доходовъ.

ПОЛИСТЪ.

Самъ графъ вамъ это сдастъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Сіятельство его,
На мнѣ не полюбя кафтана моего,

Изъ денегъ мнѣ моихъ пожаловалъ на пару;
Не лишне ль это?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ; наружный блескъ товару
Въ глазахъ людей цѣны безмѣрно придаетъ.
Иной бы, кто себя какъ куколку ведетъ,
Кафтаномъ лишь однимъ уменъ и благороденъ;
Сними съ него уборъ, куда бъ онъ былъ пригоденъ?
Нарядъ достоинствамъ замѣна и умамъ;
И такъ вы видите, какъ это нужно вамъ.
Марину вижу я; вотъ Чванкиной служанка,
Вотъ сердца моего любезная приманка.

Громко.

Смотрите жъ, дядюшка, и управляя домъ,
Вы не ударьтеся безчинно въ грязь лицомъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА.

ПОЛИСТЪ.

Дѣвица горничной, прекрасной, несравненной,
Красѣ всѣхъ горничныхъ, Маринѣ пребезцѣнной
Мое почтеніе.

МАРИНА.

За то благодарю
Превеличайшему изъ всѣхъ секретарю.

ПОЛИСТЪ.

Примолви: графскому.

МАРИНА.

Я этого не знаю.

ПОЛИСТЪ.

Что графомъ Верхолетъ, я это объявляю.

МАРИНА.

Давно ли?

ПОЛИСТЪ.

Вотъ теперь, при дядюшкѣ моемъ,
Пріѣхавъ, объявилъ о счастьи онъ своемъ.

МАРИНА.

А это дядя вашъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Къ услугамъ лишь на время.

МАРИНА.

На время?

ПОЛИСТЪ.

Да, онъ дѣлъ имѣя здѣсь беремя,
Пріѣхалъ на часокъ-было, да въ добрый часъ.
Онъ управителемъ останется у насъ.

Простодуму на ухо.

На привязи языкъ держите свой болтливой.

ПРОСТОДУМЪ, *также.*

Забылся, виноватъ.

МАРИНА.

Вотъ дядя молчаливой!

ПОЛИСТЪ.

Съ дороги онъ усталъ.

МАРИНА.

Далекъ ли путь его?

ПРОСТОДУМЪ.

'ямо изъ села пріѣхалъ моего.

МАРИНА, *Полисту.*
Вашъ дядя дворянинъ?
ПОЛИСТЪ.
Не шутишь ли, Марина?
Ты видѣла всегда въ Полистѣ дворянина,
А родомъ дядя мой со мною одинакъ.
ПРОСТОДУМЪ.
Дворянство докажу я множествомъ бумагъ;
Лишь выну грамоты, всякъ будетъ безотвѣтенъ.
ПОЛИСТЪ.
Я ближе всѣхъ ему, а дядя мой бездѣтенъ.
Не правда ли?
ПРОСТОДУМЪ.
Да, такъ, нѣтъ у меня дѣтей.
ПОЛИСТЪ.
Подите жъ, дядюшка, вы къ должности своей.
МАРИНА, *сама къ себѣ.*
Что дворянинъ Полистъ, все это не притворство.
ПРОСТОДУМЪ, *отходя, самъ къ себѣ.*
Не сталъ бы потакать, кабы не сенаторство.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПОЛИСТЪ, МАРИНА.

ПОЛИСТЪ.
Теперь ты видишь ли, какой я сладкой кусъ?
Ты можешь свѣсить всѣхъ моихъ достоинствъ грузъ;
Породой дворянинъ, изряднаго я чина;
Достатокъ есть, служу у знатна господина;

Молодчикъ станомъ я, не дуренъ и лицомъ;
И правду говорить, могу своимъ умомъ,
Какому хочешь ты уму свернуть я шею:
И такъ, мнѣ кажется, все право я имѣю
То́ думать, что́ моей быть счастьемъ ты сочтешь.

МАРИНА.

Теперь увѣрена я ставъ, что ты не лжешь,
Дворянству твоему всѣмъ сердцемъ предаюся.

ПОЛИСТЪ.

И такъ сегодни же я съ графомъ и женюся.

МАРИНА.

А я такъ думаю, что надо отложить.

ПОЛИСТЪ.

А для чего? смотри, чтобъ послѣ не тужить.
Вздыхательной любви не сильной я работникъ
И долго ждать конца я право не охотникъ.

МАРИНА.

По мнѣ, мой свѣтъ, хотя бъ сегодня свадьбѣ быть,
Мнѣ право хочется дворянкою пожить;
Но барыня моя вертушка престарѣла,
Сего́дня отдавать Милену отхотѣла.

ПОЛИСТЪ.

Какія дерзости! рѣхнулась что ль она?

МАРИНА.

Нѣтъ; я затѣмъ отъ ней нарочно прислана.
Ты знаешь, только дочь у ней въ окошкѣ свѣта;
Хоть хочется имѣть ей зятемъ Верхолета,
Но, плачемъ дочери растрогана своей,
Была принуждена дать нѣсколько ей дней,
Чтобъ разгулять угаръ ея любви къ Замиру.
Готово было все ко свадебному пиру,
И ужъ приданое вселилось въ сундуки.

ПОЛИСТЪ.

А съ графомъ вѣримъ мы какъ-будто дураки;
Но знатными людьми не можно такъ ругаться.

МАРИНА.

И я совѣтую никакъ не дожидаться,
На барыню мою какъ можно наступать,
Чтобъ обѣ свадебки сегодня окончать.
Я точно слышала, и знаю безъ ошибки,
Что можемъ ускользнуть отъ васъ мы такъ, какъ
рыбки.
Предъ слабой матерью проливши слезный токъ,
Милена лишь на то и выпросила срокъ,
Чтобъ только ей отца Замирова дождаться;
Съ Честономъ же, не какъ съ инымъ, легко тягаться:
Правдуха человѣкъ, не любитъ онъ шутить;
И барынѣ моей, не знаю, какъ и быть;
Давъ слово, отъ него она не отвертится,
Такъ лучше безъ хлопотъ сегодня бъ вамъ жениться.

ПОЛИСТЪ.

Что̀ должно, сдѣлаемъ мы съ нашей стороны;
Но знай, мы къ низостямъ никакъ не рождены:
Марина для себя сама должна проворить.

МАРИНА.

Я постараюся любовниковъ поссо̀рить.
Лишь-только бъ удалось любовь отсѣль прогнать,
А тамъ бездѣлица, все дѣло—наплевать.

═══

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧВАНКИНА, МАРИНА.

ЧВАНКИНА.

Смотрясь въ карманное зеркало.

Я что-то не къ лицу сегодня нарядилась.

МАРИНА, *въ сторону.*

Лѣтъ двадцать не къ лицу, сегодня спохватилась.

ЧВАНКИНА, *смотрясь также.*

Не знаю, что-то бровь одна не такова.

МАРИНА, *въ сторону.*

Не такъ написана.

ЧВАНКИНА, *смотрясь.*

И что-то голова....

МАРИНА, *въ сторону.*

Пуста, да какъ же быть?

ЧВАНКИНА.

Причесана прескверно.

Къ Маринѣ.

Маринѣ битой быть, и это очень вѣрно.

МАРИНА.

А мнѣ такъ кажется, что ваши красоты
Сегодня новые пустили въ ростъ цвѣты.
Хоть прелесть ваша свѣтъ уже давно прельщаетъ,
Но старость къ ней еще напрасно приступаетъ,
И....

ЧВАНКИНА.

Старость? бредишь ты, Маринушка мой свѣтъ,
Скажи-ка, сколько бы ты думала мнѣ лѣтъ?

МАРИНА.

По свѣжему лицу, еще цвѣтутъ гдѣ розы,
На вашихъ парникахъ хоть были ужъ морозы,
Однако жъ, ежели повѣрить мнѣ глазамъ,
Не больше... но боюсь сказать я правду вамъ:
Вы вздумать можете, что это будто шутки.

ЧВАНКИНА.

Ну! говори, оставь излишни прибаутки.
Вѣдь я люблю, когда мнѣ правду говорятъ.

МАРИНА.

Хоть зависть говоритъ, что вамъ за пятьдесятъ,
Но зависть это вѣдь; а я такъ безъ издѣвки
Могу сказать вамъ то, что есть васъ старѣ дѣвки.

ЧВАНКИНА.

То правда; но мои ты лѣта мнѣ сочти.

МАРИНА.

По виду кажется вамъ меньше двадцати.

ЧВАНКИНА.

И столько бъ мнѣ еще Марина ни казалось,
Коль сердце бы мое печалью не терзалось;
Но дочь упрямица, Замира полюбя,
Любовью низкою и мать свою губя
И въ глупой горести никакъ не видя свѣта,

Не видитъ счастья быть женою Верхолета.
Подумай, онъ какой случайный человѣкъ!
Онъ только при Дворѣ проводитъ весь свой вѣкъ.
Богатства у него и знатности палата;
И графы и князья всѣ съ нимъ за панибрата.

МАРИНА.

Боюсь, откажетъ онъ, теперь спѣсивѣй ставъ.

ЧВАНКИНА.

А что?

МАРИНА.

Вы слышали ль, что онъ и самъ ужъ графъ.

ЧВАНКИНА.

Ну, что̀ я сдѣлала, душа моя, Марина!
О, дочь негодная! какая жъ я скотина,
Что въ жалость я пришла!... однако какъ же быть?
Я также не хочу Милены уморить....

МАРИНА.

Не слушайте никакъ Милены вашей вздора;
Замужство будто бы для дѣвушекъ умора;
Не вѣрьте этому, и, поступя какъ мать,
Извольте только ей построже приказать.

ЧВАНКИНА.

Ты правду говоришь.

МАРИНА.

А впрочемъ ваша воля....
Какова будете вы ягодою поля,
Когда графинею звать станутъ вашу дочь.

ЧВАНКИНА.

Когда придетъ Замиръ, гони его ты прочь.

МАРИНА.

Къ намъ станутъ прiѣзжать графини, да княгини;
И наши сельскiя всему дивясь разини,

Которымъ здѣшняя за диво и коза,
На васъ, сударыня, какъ выпялятъ глаза!
А вы такъ и взглянуть на нихъ не захотите.

ЧВАНКИНА.

Какъ скучны мнѣ они.

МАРИНА.

Смотрите жъ не введите
Себя, сударыня, вы съ графомъ-то въ разладъ.
Подумайте о томъ, какой же это складъ,
Вы свадьбу окончать сегодня дали слово,
А послѣ отложить....

ЧВАНКИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь все готово.

МАРИНА.

А какъ же барышня сама....

ЧВАНКИНА.

Пустое, вретъ!
И въ правду, отъ того она вѣдь не умретъ.

МАРИНА.

Графиней сдѣлаться нимало не смертельно;
И все отчаянье Миленино недѣльно.
Скажите, кто Замиръ? дворянчикъ онъ простой,
Такой же какъ какъ Полистѣ, женихъ любезный мой.
Смотрите, ваша дочь, Замиру ставъ женою,
Не стыдно ль это вамъ? сравнялася бъ со мною.

ЧВАНКИНА.

Она глупа; смотрѣть не надо на нее.

МАРИНА.

Быть графской тещею—какое вамъ житье!

ЧВАНКИНА.

Графиней сдѣлаю ее и по неволѣ.

МАРИНА.

А вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, МАРИНА.

МИЛЕНА.

Въ моей ужасной долѣ
Безъ васъ я, матушка, не нахожу утѣхъ.

МАРИНА, *на ухо Чванкиной.*

Пріосамитесь...

ЧВАНКИНА, *на ухо Маринѣ.*

Я сердита не на смѣхъ:
Не бось, увидишь ты.

МИЛЕНА.

Вы мнѣ во утѣшенье
Со свадьбой удалить изволили мученье;
Чтό въ томъ, сударыня, сужденна умереть,
И, смерти ждя, могу ль спокойствіе имѣть.

ЧВАНКИНА.

Не плачь, Милена.

МИЛЕНА.

Вы меня всегда любили;
А нынѣ....

МАРИНА, *на ухо Чванкиной.*

Вы уже и крылья опустили.

ЧВАНКИНА, *на ухо Маринѣ.*

Не бось, Маринушка... Миленушка мой свѣтъ,
Ты это слышала ль, что графомъ Верхолетъ?
Или уже тебя и графство не искуситъ?

Къ Маринѣ.

Отъ этого она, я думаю, поструситъ.

Къ Миленѣ.

Графиней будешь.

МИЛЕНА.

Пусть онъ будетъ хоть царемъ.
Замиръ владѣетъ мной и въ сердцѣ онъ моемъ.

ЧВАНКИНА.

И въ сердцѣ онъ твоемъ! диковина какая!
Да знаешь ли ты, дочь, въ невѣжествѣ слѣпая,
Что долженъ завсегда чинъ чина почитать;
И въ сердцѣ у тебя, тебѣ тò надо знать,
Чтобъ не подвергнуться законовъ строгихъ штрафу,
Такъ долженъ уступить дворянчикъ мѣсто графу.

Къ Маринѣ.

Марина, каково?

МАРИНА.

Изрядно.

ЧВАНКИНА.

Знай ты, дочь,
Какую сверхъ того сей графъ имѣетъ мочь.
Такіе у него, какъ твой Замиръ, дворяне
Въ слугахъ.

МАРИНА.

Я думаю и всѣ его крестьяне,
Не много менѣе дворянъ.

МИЛЕНА.

Пускай все такъ;
Но если мнѣ онъ милъ не можетъ быть никакъ,
Чтò въ знатности его, въ которой онъ сіяетъ:
Она вѣдь не всегда намъ счастье составляетъ.
Пусть жертвы свѣтъ несетъ случайности его,
Тò лестно гордости, но сердцу ничего.
Съ Замиромъ въ низкости стократъ счастливѣй буду;
Забыта всѣми я, съ нимъ цѣлый свѣтъ забуду.

ЧВАНКИНА.

Марина, слышешь ли, какъ жалко говоритъ?

МАРИНА.

А мнѣ смѣшно. Она вѣдь это все твердитъ
Изъ книгъ, которыя по всякой день читаетъ.

ЧВАНКИНА.

И въ правду, точно такъ. Тотъ вѣчно не вздыхаетъ,
И веселъ завсегда, кто въ книги не глядѣлъ.

Къ Миленѣ.

Чтó ты ни говори, а графство твой удѣлъ;
Ты слышешь ли, хочу, чтобъ ты была графиня.
Марина! каково сказала?

МАРИНА.

Какъ княгиня.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, МАРЙНА, ПОЛИСТЪ.

ЧВАНКИНА.

А, господинъ Полистъ! ужъ вы забыли насъ.

ПОЛИСТЪ.

Никакъ, сударыня; лишь-только сей же часъ
У графа рѣчь была о всячинѣ со мною.
Я и объ васъ ему напомнилъ: онъ душою
На вашей дочери сей день жениться радъ.
Хоть это для него по правдѣ и не кладъ;
Но дѣлать счастье онъ другимъ всегда желаетъ;
Притомъ же любитъ васъ и очень почитаетъ.
Уже объ этомъ онъ увѣдомилъ и Дворъ.

ЧВАНКИНА, *съ радостью.*

И Дворъ увѣдомилъ!... какъ въ милостяхъ онъ скоръ.
Такъ знаютъ во дворцѣ о насъ?

ПОЛИСТЪ.

Не только знаютъ;
Но и по комнатѣ о васъ лишь разсуждаютъ.

ЧВАНКИНА, *съ радостью.*

Ужъ и по комнатѣ! *Къ Миленѣ.* Смотри, какая честь!

ПОЛИСТЪ.

И имя вашего не смѣютъ произнесть
Иначе, какъ всегда съ учтивостью, съ почтеньемъ.

ЧВАНКИНА, *съ радостью.*

Съ почтеньемъ! *Къ Миленѣ.* Спрячся, дочь съ любовнымъ ты мученьемъ,
И надобно тебѣ исчезнуть отъ стыда.

ПОЛИСТЪ.

Того я и смотрю, что кучею сюда
Наѣдутъ наши всѣ придворны кавалеры;
И я, повѣрьте мнѣ, сударыня, той вѣры,
Что свадьбѣ надобно сегодня точно быть;
Вы это знаете: Дворомъ не льзя шутить.

ЧВАНКИНА.

Такое мнѣ родство прелестно и священно;
И свадьбу кончимъ мы сегодня непремѣнно.

МИЛЕНА.

Да какъ же?

ЧВАНКИНА.

Перестань.

МИЛЕНА.

Ахъ, матушка!

ЧВАНКИНА.

Не ври,
Замолкни.

МИЛЕНА.

Я умру.

ЧВАНКИНА.

Пожалуй ты умри,
Да только-лишь умри графиней.

МИЛЕНА, *отходя.*

Нѣтъ надежды!

ПОЛИСТЪ.

А вотъ и графъ идетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧВАНКИНА, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ВЕРХОЛЕТЪ.

Передъ нимъ выходитъ толпа лакеевъ, скороходовъ, гайдуковъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *держа пукъ бумагъ и притворясь, что никого не видитъ, говоритъ самъ съ собою громко:*

Какъ скучны мнѣ невѣжды
Просители: они прохода не даютъ;
Какъ-будто лишь для нихъ всѣ знатные живутъ.
Да если бъ были хоть ихъ просьбы справедливы;
Безъ основанія докучливы, брюзгливы,
Ихъ всѣ желанія лишь-только вздоръ одинъ.

ПОЛИСТЪ, *къ Чванкиной.*

Смотрите, знатный какъ страдаетъ господинъ.

МАРИНА.

За то какая жъ честь ему!

ЧВАНКИНА.

Какая слава!

ВЕРХОЛЕТЪ, *не примѣчая никого, развертываетъ одну изъ бумагъ.*

Вотъ-на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи; нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами.

Развертываетъ другую бумагу.

А этотъ чтó поетъ?... «Я разными стихами
«Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу; вельможей тѣшу, Дворъ;
«Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ;

«А старшинство мое другіе отнимаютъ
«И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ.
«Не льзя ли, государь, мнѣ вы́ходить указъ,
«Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ.»
Ну вотъ желаніе, достойное поэта!

Развертываетъ еще бумагу.

Посмотримъ, это что́? «Изъ странъ далекихъ свѣта,
«Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.
«Когда изволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
«Въ которомъ кроются проектовъ важныхъ силы;
«Для государства всѣ они златыя жилы.
«Лишь-только надо мнѣ впередъ сто тысячъ дать.»
Всѣ можно ль глупости людей перечитать.
Гей! господинъ Полистъ! гдѣ вы?

ПОЛИСТЪ.

Что́, графъ, прикажетъ?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Любезный секретарь меня весьма обяжетъ.

Отдаетъ бумагу.

Все это разсмотрѣвъ, доложишь послѣ мнѣ.

ПОЛИСТЪ, *указываетъ на Чванкину.*

Оборотитеся вы къ этой сторонѣ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *къ Чванкиной.*

Вы здѣсь! простите мнѣ, я васъ и не примѣтилъ.
Народъ просителей меня вокругъ осѣтилъ
И голову вскружилъ.

ЧВАНКИНА.

Извольте продолжать,
Не безпокойтеся.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мнѣ слова два сказать,

Вы не повѣрите, какъ жить намъ знатнымъ тошно.

ЧВАНКИНА.

Я это чувствую.

ВЕРХОЛЕТЪ, *тихо Полисту.*

Такъ можно ль жить оплошно:

Въ передней я нашелъ заимодавцевъ тму;

Они надѣлали бъ ужасну кутерьму.

ПОЛИСТЪ, *тихо.*

Но вы умѣете все такъ облагородить;

Вашъ умъ изо всего вамъ выгоды выводитъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *громко Полисту.*

Отправилъ ли мои ты письма къ королямъ?

ПОЛИСТЪ, *громко.*

Уже ко всѣмъ, сударь, отправлены Дворамъ.

ЧВАНКИНА, *Маринѣ.*

Онъ пишетъ къ королямъ—ты слышишь ли, Марина!

МАРИНА.

Предъ знатностью его все червь и паутина.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Полисту.*

Тотъ князь, который мнѣ отдыха не давалъ?...

ПОЛИСТЪ.

Уже опредѣленъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

А этотъ генералъ,

Который къ моему такъ дому былъ привязанъ?

ПОЛИСТЪ.

Онъ вамъ за пенсіонъ во весь свой вѣкъ обязанъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я очень радъ тому; доволенъ я теперь:
Сегодня запереть могу щедроты дверь.

Къ своимъ слугамъ.

Скажите всѣмъ, что я въ сей день невидимъ болѣ.

Къ Чванкиной.

Теперь, сударыня, я весь, весь въ вашей волѣ.

ЧВАНКИНА.

Сіятельнѣйшій графъ, какъ рада я тому,
Что дѣлаете честь вы роду моему
И милостиво дочь мою....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Моя то̀ должность
Служить, угоднымъ быть колико есть возможность.
Готовъ начатое сегодня окончать....
Вотъ-на! еще забылъ я нѣчто приказать.
Простите мнѣ.

ЧВАНКИНА.

О, графъ! со мною не чинитесь
И какъ съ покорнѣйшей своею обходитесь.

ВЕРХОЛЕТЪ, *пошептавъ на ухо Полисту.*

Къ Чванкиной. — *Опять къ Полисту.*

И такъ сегодня мы.... Послушай-ка мой другъ,
Имѣя пропасть дѣлъ, всего не вспомнишь вдругъ....
Къ знатнѣйшимъ барамъ я въ сей день на ужинъ прошенъ,
Тамъ въ спальнѣ на окнѣ, билетъ зазывный брошенъ...

Къ Чванкиной.

Я буду ль ужинать, сударыня, у нихъ?

ЧВАНКИНА.

Ахъ, графъ, за чтó лишать насъ милостей своихъ?
Иль свадьбу ужъ свою отсрочить вы хотите?

МАРИНА, *на ухо Чванкиной.*

Поберегитеся, его не упустите.

ЧВАНКИНА.

Ахъ, графъ, не сдѣлайте несчастными вы насъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Ужъ я сказалъ, что я завишу весь отъ васъ.

Къ Полисту.

Вы послѣ съѣздите сказать, что къ нимъ не буду.

Къ Чванкиной.

Не знаете, меня какъ ловятъ всѣ на уду.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧВАНКИНА, ВЕРХОЛЕТЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ПРОСТОДУМЪ.

ПРОСТОДУМЪ, *Верхолету.*

Прикащикъ отъ купца....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Но я велѣлъ сказать,
Чтобъ никого ко мнѣ въ сей день не допускать.

ПРОСТОДУМЪ.

Ему я сказывалъ такое повелѣнье,
Да онъ не хочетъ прочь.

ПОЛИСТЪ.

Какое дерзновенье!
Вотъ я его ужо, вотъ я.... да вотъ онъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧВАНКИНА, ВЕРХОЛЕТЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ПРОСТОДУМЪ, ПРИКАЩИКЪ.

ПРИКАЩИКЪ.

Хозяинъ говоритъ, какой-де это срамъ,
Что денегъ....

ВЕРХОЛЕТЪ, *перерывая скоропостижно.*

Ничего. Пускай онъ не стыдится.

ПРИКАЩИКЪ.

Я долженъ-де и самъ сегодня же платиться.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Тихо. *Громко.*
Пришлю иль привезу, конечно черезъ часъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Мы это слышимъ-ста уже не въ первый разъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *тихо.*

Не громко говори.

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ брали, то кричали,
А какъ пришло отдать, такъ мы же бы шептали.

ВЕРХОЛЕТЪ, *громко.*

Ты слышишь — черезъ часъ, довольно ли того?

ПРИКАЩИКЪ.

Когда тó истина, порадую его;
Хозяинъ бѣдный мой горюетъ да хлопочетъ.
Одна боярыня свою дочь выдать хочетъ:
Десятковъ долженъ ей онъ тысячъ до семи—
Такъ слышь, проклятая, гдѣ хочешь, тамъ возьми,

ЧВАНКИНА, *прикащику.*

А кто?...

ПОЛИСТЪ.

Не стыдно ль съ нимъ бесѣдой унижаться;
И вамъ, сударыня, не должно забываться,
Что тещей будете вы графа моего.

ЧВАНКИНА.

Хотѣлось только знать хозяинъ кто его.
Мнѣ нужда есть.

ПОЛИСТЪ.

Спросить о томъ вы мнѣ велите.

Къ прикащику.

Послушай....

ВЕРХОЛЕТЪ, *прикащику.*

Черезъ часъ моей присылки ждите.

Къ Чванкиной.

Вотъ какъ, сударыня, въ долгъ деньги отдавать.
Я жалостливъ, ссудилъ и долженъ вѣчно ждать;
Но болѣе часа терпѣть я не намѣренъ.

ЧВАНКИНА.

А сколько долженъ вамъ?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Хоть долгъ и не безмѣренъ,
И двадцать тысячей плевать бы для меня;
Порядокъ нуженъ мнѣ, люблю порядокъ я.

ЧВАНКИНА.

Судить изволите вы очень справедливо.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я долго ожидалъ и очень терпѣливо.

ПОЛИСТЪ.

Хозяина его Выфантьичемъ зовутъ.

ЧВАНКИНА.

Узнала, этотъ же и мнѣ вѣдь долженъ плутъ.

Къ Прикащику.

Скажи хозяину....

ПОЛИСТЪ.

Опять вы позабылись,
Быть знатной дамою еще не пріучились;
И становитеся всегда вы съ чернью въ рядъ.
Вѣдь дамы знатныя съ купцомъ не говорятъ.

ЧВАНКИНА.

То правда.... Вы мое желанье изъясните
И черезъ часъ привезть мнѣ деньги прикажите.

ПОЛИСТЪ, *отведши Прикащика на сторону.*

Вотъ этой барынѣ хозяинъ долженъ твой,
А дочь ее беретъ сегодня баринъ мой;
Ты разумѣешь ли? а?

ПРИКАЩИКЪ.

Очень разумѣю;
Не промахъ я, считать не меньше васъ умѣю;
И сколько долженъ намъ твой баринъ, Верхолетъ,
Точнехонько того у насъ не достаетъ.
Такъ сдѣлать переводъ намъ очень свободно.

ПОЛИСТЪ.

О чемъ шумѣть?

ПРИКАЩИКЪ.

Никакъ и все-ста благородно.

Къ Чванкиной.

Теперя ни за чѣмъ не станетъ ужъ у насъ.

ЧВАНКИНА.

Чрезъ часъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Чрезъ часъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Чрезъ часъ.

ПОЛИСТЪ, *выводя Прикащика.*

Ты слышишь ли? чрезъ часъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЕРХОЛЕТЪ, ЧВАНКИНА, МАРИНА, ПОЛИСТЪ, ПРОСТОДУМЪ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я думаю, опять купецъ меня обманетъ;
Но управитель мой тѣ деньги мнѣ достанетъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Я здѣсь, сіятельный, за деньгами готовъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Простодуму.*

Нѣтъ. Я люблю всегда моихъ держаться словъ
И, время давъ на часъ, съ терпѣньемъ ожидаю.

Къ Чванкиной.

Я управителя вамъ въ милость поручаю;
Онъ добрый человѣкъ, изрядный дворянинъ.

Простодумъ Верхолету кланяется.

МАРИНА.

Полисту дядюшка. *Простодумъ кланяется Маринѣ.*

ПОЛИСТЪ.

И скоро въ знатный чинъ....

Простодумъ кланяется Полисту.

ЧВАНКИНА.

Онъ стоитъ этого.

Простодумъ кланяется Чванкиной.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мое онъ знаетъ слово,
Лишь надо потерпѣть.

ПРОСТОДУМЪ, *кланяясь Верхолету.*

Не скоро да здорово.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Такъ точно свадьбѣ быть, сударыня, у насъ?

ЧВАНКИНА.

Сегодня жъ, графъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Поди. Я скоро дамъ приказъ
Готовить все. *Простодумъ уходитъ.* Полистъ! какъ близко намъ до срока,
Когда со всѣхъ мнѣ селъ привозятъ сборъ оброка?

ПОЛИСТЪ.

Мнѣ кажется, еще не много не дошло.

Къ Чванкиной.

Не думаете ль, что у насъ одно село?
Его сіятельство ихъ множество имѣетъ.

ЧВАНКИНА.

О томъ иначе кто, сударь, и думать смѣетъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Столичное село какъ-будто городокъ;
Какой бы, напримѣръ?...

ПОЛИСТЪ, *Чванкиной.*

Вы знаете ль Торжокъ?

ЧВАНКИНА.

Чрезъ этотъ городъ я нерѣдко проѣзжала.

ПОЛИСТЪ.

А Тверь, сударыня?

ЧВАНКИНА.

И тамо я бывала.

ПОЛИСТЪ.

Сложите жъ вмѣстѣ вы въ умѣ Торжокъ и Тверь —
Вотъ графское село, вы видите ль теперь?

ЧВАНКИНА.

Отъ удивленія, смутясь, мой разумъ вянетъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

И тутъ, мнѣ кажется, чего-то не достанетъ.

ПОЛИСТЪ, *на ухо Верхолету.*

Не надо ли еще Москвы мнѣ приложить?
Извольте, я готовъ и тѣмъ вамъ услужить.

ВЕРХОЛЕТЪ, *тихо Полисту.*

То будетъ черезъ край.

ЧВАНКИНА.

Какъ дочь моя счастлива!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да гдѣ жъ она?

МАРИНА.

Она, сударь, весьма стыдлива....
Хотя та честь, что̀ ей оказана отъ васъ,
Велика, но она... застѣнчива у насъ.

ЧВАНКИНА.

Спасибо! изъ хлопотъ твой умъ меня выводитъ.

ПОЛИСТЪ, *Чванкиной.*

Марину также я хочу облагородить.
Когда согласны вы, чтобъ я ея былъ мужъ,
То будетъ госпожей она моихъ ста душъ.

ЧВАНКИНА.

Отъ чести этакой возможно ль отрицаться.

ПОЛИСТЪ, *Маринѣ.*

Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

Хочу стыдливою казаться.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*

Однако мысль мою я долженъ вамъ открыть.
Я слышалъ... кажется, того не можетъ быть...
Но, право слышалъ я, что ваша дочь Милена,
Не хочетъ быть за мной.

ЧВАНКИНА.

То сущая измѣна
И злая клевета!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Подумайте о томъ;
Изъ снисхожденья къ вамъ въ супружествѣ такомъ
Хочу я только быть; а впрочемъ я покорный....

ЧВАНКИНА.

Не вѣдаю, отколь дошелъ слухъ этотъ вздорный.
Марина! ты?

МАРИНА.

Никакъ, клянусь.

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ. Въ цѣлый міръ

Къ Маринѣ.

Пустилъ дворянчикъ... какъ его зовутъ?

МАРИНА.

Замиръ.

ПОЛИСТЪ.

Да, онъ... что ваша дочь къ нему любовью тлѣетъ.

ЧВАНКИНА.

Бездѣльникъ сей Замиръ!... Милена не имѣетъ,
Повѣрьте, подлыхъ чувствъ, и, графу полюбясь,
Дворяне кажутся теперь ей всѣ какъ грязь.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Однако слышалъ я, что вашу дочь прельстили. —

ПОЛИСТЪ.

Какъ видно, то съ пути ее романы сбили. —

ЧВАНКИНА, *съ сердцемъ.*

Романы!... я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась.

МАРИНА.

Клянуся, у меня такихъ знакомцевъ нѣтъ.

ПОЛИСТЪ.

Замиръ же виноватъ, что то̀ болтаетъ свѣтъ.

ЧВАНКИНА.

Бездѣльникъ онъ!... но чтобъ яснѣе оправдаться,

Къ Маринѣ.

Миленѣ подъ вѣнецъ вели ты одѣваться.
А какъ нечаянно съ тобой случилась честь,
Что хочетъ рокъ тебя въ дворянки произвесть,
Чтобъ быть достойною толь знатной перемѣны,
Надѣнь любимое ты платьице Милены.

МАРИНА, *уходя къ Полисту.*
Теперь навѣрное дворянкою мнѣ быть.
ПОЛИСТЪ, *Маринѣ.*
Я очень радъ, что тѣмъ могу тебѣ служить.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЕРХОЛЕТЪ, ЧВАНКИНА, ПОЛИСТЪ.

ЧВАНКИНА, *Полисту.*
Пять тысячъ ей рублевъ приданымъ обѣщаю.
ПОЛИСТЪ.
Изъ снисхожденья къ вамъ я это принимаю.
ВЕРХОЛЕТЪ, *къ Чванкиной.*
Позвольте съѣздить мнѣ невѣстамъ отказать.
ПОЛИСТЪ.
Вы какъ же ихъ, сударь, заставите стонать!
ВЕРХОЛЕТЪ.
Пускай стонаютъ; я ль виновенъ въ этомъ буду?
ПОЛИСТЪ.
На что жъ такъ милымъ быть.
ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*
Невѣстъ всю эту груду
Для вашей дочери....
ЧВАНКИНА.
Какая милость намъ!
Не въ силахъ отслужить, Самъ Богъ отплатитъ вамъ.
ВЕРХОЛЕТЪ, *Полисту.*
Что скажетъ вдовушка, ты вѣдаешь какая?

ПОЛИСТЪ.
Съ ума сойдетъ. Она вѣдь женщина презлая.
ВЕРХОЛЕТЪ.
А о графинѣ ты что̀ думаешь, мой другъ?
ПОЛИСТЪ.
Навѣрное, умретъ; ужъ носится здѣсь слухъ,
Что, изъ отчаянья, занемогла смертельно:
Вы знаете, она васъ любитъ безпредѣльно.
ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*
Вы видите ли что̀ я дѣлаю для васъ?
Прощайте же.
ЧВАНКИНА.
Нельзя ль пріѣхать черезъ часъ,
И деньги привезетъ купецъ нашъ въ то же время;
Когда, и́хъ вамъ отдамъ, то съ плечъ спадетъ беремя.
ВЕРХОЛЕТЪ, *съ видомъ негодованія.*
О! о! сударыня.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЧВАНКИНА, ПОЛИСТЪ.

ЧВАНКИНА.
Что̀ этимъ графъ сказалъ?
Онъ недовольный видъ, прощаясь, показалъ;
Боюсь....
ПОЛИСТЪ.
Такой его поступокъ мнѣ не дивенъ:
О деньгахъ разговоръ ему весьма противенъ;
Вы тѣмъ, сударыня, обидѣли его.

ЧВАНКИНА.

Я это сдѣлала отъ страха одного,
Боясь, чтобы онъ отъ насъ не увернулся.
Приманку тѣмъ ему дать умъ мой поскользнулся.

ПОЛИСТЪ.

Приманка—деньги? ахъ, какой же это вздоръ!
Вы знаете, что намъ не нуженъ этотъ соръ;
И насъ лишь честь одна, а не прибытокъ водитъ.
Вы насъ обидѣли.

ЧВАНКИНА.

Меня съ ума то сводитъ.
Теперь, сударь, теперь, храня я вашу честь,
Велю купцу мѣшки не вамъ, себѣ принесть.

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, вы все спроста берете;
Изъ вашего вы льна нить грубую прядете.
Конечно, надобно вамъ графа уловить,
Но такъ, чтобъ нѣжности его не повредить.
Вы это на́ меня, сударыня, взложите.
Приданые мѣшки къ секретарю пришлите.
Какъ сдѣлать, знаю я. Онъ знатный кавалеръ;
Давать же знатнымъ есть совсѣмъ иной манеръ.

ЧВАНКИНА.

Пожалуйте, въ мое незнаніе вступитесь.

ПОЛИСТЪ.

Охотно, на меня лишь только положитесь.

ЧВАНКИНА, *отходя, самъ къ себѣ.*

Какъ чудны знатные! хотятъ и не хотятъ.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ПОЛИСТЪ.

Нашедши въ Чванкиной такой огромный кладъ,
И вправду, кажется, надеждой можно льститься,
Что можемъ наконецъ мы въ знатные пробиться.
Фортуну только разъ поймать бы за тупей—
А тамъ, что̀ хочешь, все ужъ сдѣлаешь изъ ней.

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАРИНА, ПОЛИСТЪ.

ПОЛИСТЪ.

Какъ въ этомъ платьѣ мнѣ прелестна ты, Марина!

МАРИНА.

Не называй меня.... преважная причина
Для общей выгоды меня сюда ведетъ:
Замиръ пріѣхалъ къ намъ и ужъ сюда идетъ.
Вотъ въ этомъ платьѣ давъ ему я видъ измѣны,
Я голову ему вскружу противъ Милены.
Не трудно сдѣлать то: съ ея мой сходный ростъ,
Моя похожа рѣчь и этотъ длинный хвостъ
Обманутъ молодца,—а нравъ его ревнивой....

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЗАМИРЪ, МАРИНА, ПОЛИСТЪ.

ЗАМИРЪ, *не видя никого.*

Пріѣхалъ мой отецъ! какой мнѣ день счастливой!
И какъ обрадую Милену.... вотъ она!
Что вижу я? она съ Полистомъ, и одна!
Тихонько подойду.

МАРИНА, *къ Полисту, подражая голосу Милены.*

Увѣрь ты графа дорогого,
Чтобы злословія не слушалъ онъ пустого;
Что сердце предано мое навѣкъ ему....

ЗАМИРЪ, *бросается къ Маринѣ, которая опахаломъ закрывается.*

Клятвопреступница! къ смятенью твоему
Увидь меня, увидь!

Марина закрывается опахаломъ, кланяется и уходитъ.
Замиръ за ней бѣжитъ, но находитъ двери запертыми.

И мною такъ ругаться!
И дверью въ носъ толкать!

ПОЛИСТЪ, *издали.*

Вы часто ль объѣдаться
Изволите, сударь, такъ сильно бѣлены?
Или всѣ въ васъ должны быть дѣвки влюблены?

ЗАМИРЪ, *приближаясь къ Полисту.*

Бездѣльникъ, смѣешь ли?...

ПОЛИСТЪ, *удаляясь.*

Пожалуй берегися:
Когда быть хочешь цѣлъ, то издали сердися.

ЗАМИРЪ.

Я глупо дѣлаю, что столько горячусь.
Не бось, повѣрь ты мнѣ, съ тобою не свяжусь.

ПОЛИСТЪ, *издали.*

Не бось? кого? тебя? пустое, другъ, затѣялъ.
Ты, видно, тамо жать привыкъ, гдѣ ты не сѣялъ;
Находишь страхъ во мнѣ, а страсть къ себѣ въ Миленѣ.

ЗАМИРЪ.

Такъ нѣтъ сомнѣнія о лютой сей измѣнѣ?

ПОЛИСТЪ.

Ты слышалъ самъ. Да чтó измѣною зовешъ?
Худое вкусу ты названіе даешь.
Когда бы, напримѣръ, вотъ пряжки ты дурныя

Указываетъ на Замировы пряжки.

Возмогъ перемѣнить на пряжки золотыя,
Ты былъ бы очень простъ, въ обмѣнѣ отказавъ.
Ты—пряжки мѣдныя, а золотыя—графъ.

ЗАМИРЪ.

Я заколю тебя въ награду дерзновенья....

ПОЛИСТЪ, *бѣжа.*

Не трушу, а бѣгу я прочь изъ сожалѣнья.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЗАМИРЪ, *одинъ.*

Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ, кипитъ моя вся кровь!
Вотъ вѣрность женская! вотъ страстная любовь,

Которую хранить ко мнѣ клялася вѣчно.
Милена, мучишь ты меня безчеловѣчно!
Увѣренъ бывъ тобой, къ родителю писалъ;
Чтобы спасти меня, сюда онъ поспѣшалъ;
Что спѣсью Чванкиной, а больше простотою
Могу разстаться я съ Миленой дорогою;
Что, знатностью прельстясь и слово премѣня,
Мать хочетъ погубить Милену и меня....
Пріѣхалъ честностью своей старикъ прославленъ.
Зачѣмъ? — чтобъ видѣть, какъ сынъ презрѣнъ и оставленъ!
Предъ цѣлымъ свѣтомъ я, а пуще предъ отцомъ,
Милена, дѣлаюсь тобою я глупцомъ.
Коль съ счастіемъ меня лишаешь ты и чести,
Умру, невѣрная! умру, но не безъ мести.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ.

ЧЕСТОНЪ.

Что ты такъ твердъ, мой сынъ, я радуюсь тому.
Забудь невѣрную и, слѣдуя уму,
Кажи ты ей, кажи хладнѣйшее презрѣнье.

ЗАМИРЪ, *съ жаромъ.*

Я позабылъ бы все къ себѣ и къ вамъ почтенье,
Когда хоть искру бы питалъ я къ ней любви.

Сіе говоря, онъ рветъ шляпу.

ЧЕСТОНЪ, *усмѣхаясь.*

Такъ; точно такъ, мой сынъ... да шляпы лишь не рви.

ЗАМИРЪ.

Не кажется ли вамъ, что будто огорчаюсь?

ЧЕСТОНЪ.

Нимало; твоему спокойству удивляюсь.

ЗАМИРЪ.

Подумайте, сударь, такъ люто мной играть!
А наконецъ и дверь предъ носомъ запирать!
Какъ можно сдѣлать то?

ЧЕСТОНЪ.

То правда, что обидно.

ЗАМИРЪ.

Обезпокоя васъ, мнѣ жаль того и стыдно.
Когда бы я одинъ въ семъ случаѣ терпѣлъ,
Ни малой, право бы, досады не имѣлъ;
За васъ я....

ЧЕСТОНЪ.

Обо мнѣ прошу не суетиться.
Не знаю, надобно ль чего тебѣ стыдиться;
А если надобно, такъ только лишь любви,
Что и презрѣнная горитъ въ твоей крови.

ЗАМИРЪ.

Кто? я люблю? о! нѣтъ, я только лишь сержуся.

ЧЕСТОНЪ.

Да сердце отъ чего?

ЗАМИРЪ.

За васъ, сударь, бѣшуся.

ЧЕСТОНЪ.

Оставь меня, мой другъ, себя побереги.
Ты любишь?

ЗАМИРЪ.

Право нѣтъ.

ЧЕСТОНЪ.

Пожалуй же не лги.
Ты знаешь, какъ порокъ толь низкой безобразитъ.
Лжецъ равенъ съ тѣмъ почти, кто въ окна тайно лазитъ....
Признайся, что хотя желалъ бы не любить,
Однакожъ пламени не можешь истребить;
Что если бъ зналъ, что тô поможетъ отъ измѣны,
Тотчасъ упалъ бы ты къ ногамъ своей Милены.

ЗАМИРЪ.

Увидя по глазамъ, что плакать я готовъ,
Узнайте, батюшка, своихъ вы правду словъ:
Люблю Милену я, люблю ее какъ душу,
И, можетъ быть, и ввѣкъ сей страсти не разрушу,
Но не подамъ краснѣть ни малыхъ вамъ причинъ.
Я горько мучуся, однако я вашъ сынъ.
Милену потерять, или не жить—мнѣ тоже.
Плачевна будетъ жизнь, но жизни честь дороже.
Достоинъ буду васъ, и въ горести стеня.

ЧЕСТОНЪ.

Любви твоей, мой сынъ, нимало не виня,
Твоимъ бореніемъ доволенъ я не ложно.
Хоть слабымъ можно быть, но подлымъ быть не должно.
Что обманулся ты, виновно сердце въ томъ;
Ошибку сердца ты теперь поправь умомъ.

ЗАМИРЪ.

Увидите, какъ я исполню то охотно.
При васъ разстануся навѣкъ, безповоротно.

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛЕНА, ЗАМИРЪ, ЧЕСТОНЪ.

МИЛЕНА, *не видя ихъ.*

Быть можно ли тому? Замиръ безчестенъ такъ,
Что былъ причиною о мнѣ толь подлыхъ вракъ.

Увидя Замира.

Вотъ онъ!... Вы здѣсь?...

ЗАМИРЪ, *перерывая Милену скоропостижно.*

Я здѣсь, сударыня, не съ тѣмъ,
Чтобъ шутомъ вашимъ быть въ мученіи моемъ;
Чтобъ ваше стонами тщеславье позабавить
И новый способъ вамъ къ ругательству доставить.
Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, я созданъ не къ тому.
Ищите жертвъ иныхъ притворству своему,
И вѣрьте, ваше мнѣ не столько сердце лестно,
Чтобъ для него стерпѣлъ я то, что̀ мнѣ безчестно.
Прощай.

Идетъ потихоньку прочь.

МИЛЕНА.

Измѣнникъ!

ЗАМИРЪ, *возвратясь къ отцу.*

Я жъ, сударь, измѣнникъ сталъ!

ЧЕСТОНЪ.

Поди, Замиръ; теперь ты ей ужъ все сказалъ.

ЗАМИРЪ.

Смотрите какъ, смутясь, она оцѣпенѣла.
Когда бы обо мнѣ еще не сожалѣла....

ЧЕСТОНЪ.

Замиръ, вотъ какъ свою одолѣваешь страсть;
И самъ ты надъ собой шутить даешь ей власть.
Влюбленныхъ безъ любви сердечныхъ сихъ воровокъ,
Иль модныхъ женщинъ ты не вѣдаешь уловокъ:
Чтобы вздыхателя въ оковахъ удержать,
Онѣ и въ обморокъ готовы упадать.

МИЛЕНА, *съ сердцемъ.*

Такой обидою до сердца пораженна,
Кляну мою любовь; я ею посрамленна.

Уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ.

ЗАМИРЪ.

Съ какимъ презрѣньемъ къ намъ она отсель ушла!

ЧЕСТОНЪ.

Досадно, что тебя не дуракомъ нашла....
Но чтобы свободить себя любви отъ бремя,
Не трать ты въ праздности, мой сынъ, напрасно время,
Котораго и такъ довольно погубилъ.
Чтó въ свѣтѣ дѣлалъ ты? лишь только-что любилъ.
Наставленъ понимать всю должности подробность,
Имѣя обществу полезнымъ быть способность,
Не стыдно ли тебѣ, скажи, любезный сынъ,
Носить ничѣмъ еще незаслуженный чинъ?
И, титломъ пользуясь природнаго дворянства,
Иныхъ правъ не имѣть, окромѣ только чванства?
Въ родъ титла государь заслугамъ отдаётъ,
Чтобъ славну предку былъ потомковъ равенъ родъ;
И всякой человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ заслугами отмѣнный;
А впрочемъ, родъ—мечта; и чтò дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.

Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь:
Чтобъ должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай въ свой полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ.

ЗАМИРЪ.

Замѣшанный въ толпѣ послѣдній офицеръ,
Какую пользу тѣмъ я обществу доставлю,
Когда въ полку число поручиковъ прибавлю?
Когда бъ хоть ротою я могъ повелѣвать....

ЧЕСТОНЪ.

Тогда бъ ты самъ не зналъ, что̀ дѣлать, что́ начать.
Чтобы намъ съ честію во власти показаться,
Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.
Я могъ бы, можетъ быть, подобяся инымъ,
И слишкомъ дорожа рожденіемъ своимъ,
Чрезъ хитры происки, чрезъ тетокъ, черезъ лести
Тебя довесть большихъ чиновъ къ безчестной чести,
Которые тобой не бывъ заслужены,
Безстыдству моему лишь были бы даны;
Но я о томъ совсѣмъ иначе помышляю,
И счастья легкаго я сыну не желаю.
Мнѣ сноснѣй, чтобы ты обиженъ въ службѣ былъ,
Какъ отнялъ у другихъ чего не заслужилъ.

ЗАМИРЪ.

Вы обижаете, сударь, меня напрасно.
Въ томъ съ вашимъ мнѣніемъ мое во всемъ согласно;
И совѣсть бы меня угрызнула моя,
Когда бъ я принялъ то, чего не стою я.
Я только говорю, что нынѣ, въ мирно время,
Я буду при полку ненадобное бремя.
Когда бъ была война, поѣхалъ бы лить кровь...

ЧЕСТОНЪ.

При сихъ стихахъ Чванкина выходитъ.

Вотъ это говоритъ одна твоя любовь;
И должность ты свою на то лишь унижаешь,
Что при Миленѣ ты остаться здѣсь желаешь.
Останься здѣсь, мой другъ, чтобъ плакать передъ ней....

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧВАНКИНА, ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ.

ЧВАНКИНА.

Не плакать; васъ прошу я къ дочери моей
На свадьбу.

ЗАМИРЪ.

А когда?

ЧВАНКИНА.

Сегодня.

ЗАМИРЪ.

Все свершилось!

ЧВАНКИНА.

И сердце ужъ ея совсѣмъ отворотилось
Отъ сына вашего; и вотъ теперь сказавъ
Она сама мнѣ то, что ей милѣе графъ,
Сказала, что и вы сюда же прискакали....
Конечно, вы ее по дружбѣ уломали?
Любя меня, совѣтъ вы точно дали ей
Не погубить и васъ и матери своей.
Куда, отцы мои, одолжена я вами!

Она барахталась руками и ногами.
Твердила плачучи: «въ Замирѣ весь мой свѣтъ!»
Ну если бъ это графъ услышалъ Верхолетъ!
Лишь вспомню—волосы всѣ дыбомъ становятся!

ЧЕСТОНЪ.

Чего жъ боялись вы?

ЧВАНКИНА.

Какъ знатныхъ не бояться.
Да все уже прошло. Дурное позабывъ,
Мы станемъ думать, какъ мой будетъ домъ счастливъ.
За вашу дружбу васъ обоихъ не оставлю
И графу въ милость васъ когда нибудь представлю.

ЧЕСТОНЪ.

Намъ въ этомъ нужды нѣтъ.

ЗАМИРЪ, *къ Честону.*

Теперь иду отъ васъ,
Чтобы готовиться къ отъѣзду сей же часъ.

ЧВАНКИНА, *ухватя за руку Замира.*

Нѣтъ, нѣтъ, не отпущу: я нужду въ васъ имѣю.

Къ Замиру.

На свадьбѣ выступлю съ тобою минавею,

Къ Честону.

Съ тобою польшъ: всю ночь провеселимся всѣ,
А тамъ счастливый путь по утренней росѣ.

Замиръ, вырывая руку, уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧВАНКИНА, ЧЕСТОНЪ.

ЧВАНКИНА.

Что, батька, такъ сердитъ? и чѣмъ онъ такъ гордится?
Такъ съ знатной барыней возможно ль обходиться?
Не худо бы тебѣ сынка-то пощунять.

ЧЕСТОНЪ.

Учите лучше дочь людей не обижáть.

ЧВАНКИНА.

Ахъ, батька!... это что?... вамъ кажется обидно,
Что дочь графинею?... я знаю, что завидно;
Да какъ же быть? добра себѣ желаетъ всякъ.

ЧЕСТОНЪ, *въ сторону.*

Кто споритъ съ дуракомъ, тотъ будетъ самъ дуракъ.

Къ Чванкиной.

Я счастью вашему нимало не мѣшаю;
Но вѣрьте, я графинь съ разборомъ почитаю.

ЧВАНКИНА.

Вотъ-нà .. я слышу шумъ! конечно, графъ идетъ;
Головушка моя навѣки пропадетъ;
Разсердится, узнавъ, что ты отецъ Замиру.
Пожалуйте меня поберегите сиру;
Чтобы не снять съ меня вотъ этой головы,
Замировымъ отцомъ не сказывайтесь вы.

ЧЕСТОНЪ.

Не бойтеся, я васъ хочу совсѣмъ оставить....

ЧВАНКИНА.

Нѣтъ, можете себя вы графомъ позабавить
И нашей посмотрѣть блестящей славы свѣтъ.

ЧЕСТОНЪ.

Но графовъ я видалъ.

ЧВАНКИНА.

Такихъ подъ солнцемъ нѣтъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЕРХОЛЕТЪ, *со скороходами, лакеями и проч.* ЧЕСТОНЪ, ЧВАНКИНА, ПОЛИСТЪ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Со мною встрѣтиться и—шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть.

ЧВАНКИНА.

А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такія грубости предъ вами показать?
Какой нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Замиръ, сударыня.

ЧВАНКИНА, *испугавшись.*

Я право не причина.

ЧЕСТОНЪ.

Чтó будетъ далѣе, но только этотъ графъ,
Какъ кажется, однимъ своимъ нахальствомъ правъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Честону.*

Подумайте, сударь!... извѣстно вамъ то буди:
И графы и князья, всѣ, словомъ, знатны люди
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ мнѣ.
Всей здѣшней, думаю, извѣстно сторонѣ....

Да что, извѣстно тѣ въ мѣстахъ и дальныхъ свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ графа Верхолета;
А мальчикъ.,..

ЧЕСТОНЪ.

Можетъ быть, онъ васъ и не узналъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *хохочетъ.*

Вотъ чтѣ смѣшно! не знать меня?

ЧВАНКИНА.

Нѣтъ, онъ нахалъ,

На ухо Честону.

Мальчишка!... не сердись; ужъ должно тутъ браниться,
Коль знатный господинъ изволитъ разсердиться.

ЧЕСТОНЪ, *на ухо Чванкиной.*

Я знатности слуга; и знатнымъ я не чту,
Кто....

ЧВАНКИНА.

Развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сына твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволитъ побранить, а послѣ не оставитъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Не знаю, отъ чего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлиться предъ графомъ вздернуть носъ?
Иль, бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ быть мыслитъ?

ЧЕСТОНЪ.

Онъ васъ достойнѣе себя Милены числитъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я это думаю.

ЧВАНКИНА.

Милена и сама
И спитъ и видитъ, чтобъ....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Она не безъ ума.

ЧВАНКИНА.

И все ужъ сдѣлаетъ, когда ей растолкуютъ;
Она вѣдь знаетъ тó, гдѣ раки-то зимуютъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

И графа, думаю, мальчишкѣ предпочтетъ....

Къ Честону.

Но дерзость мнѣ, сударь, его съ ума нейдетъ.
Вотъ такъ-то молодость и счастіе теряетъ,
Когда такихъ уже, какъ я, не почитаетъ.
Я, можетъ, тѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце отъ него Милены отлучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За то уже совсѣмъ готово награжденье.
Когда бы не таковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ,
То былъ бы гвардіи онъ завтра капитанъ.

ЧЕСТОНЪ.

Того не надобно, пусть въ арміи послужитъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Изрядно сказано; пускай его потужитъ,
Пускай научится, какъ графовъ почитать;
И лучше бы отецъ его не могъ сказать....
Но кто его отецъ?

ЧВАНКИНА.

Его онъ ожидаетъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Для свадьбы, слышалъ я?... напрасно прогуляетъ
Путь дальный, старичокъ; его мнѣ очень жаль.

ЧЕСТОНЪ.

Отцу увидѣться со сыномъ не печаль,
И вѣрьте, что ему не будетъ то досадно....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Что у меня со всѣхъ сторонъ съ Миленой ладно,
Не правда ли? И такъ умнѣе сына онъ?
А какъ его зовутъ?

ЧЕСТОНЪ.

Зовутъ его Честонъ...

ЧВАНКИНА.

Пречестный старичокъ! и онъ сюда не будетъ....

На ухо Честону.

Прошенья моего Честонъ не позабудетъ?

ЧЕСТОНЪ, *на ухо Чванкиной.*

Докуда можно мнѣ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Гдѣ служитъ онъ? и чѣмъ?

ЧВАНКИНА.

Дѣлами такъ вертитъ какъ-будто бы мячемъ.
Такой учтивецъ онъ! такой ко всѣмъ привѣтникъ
И въ городѣ у насъ коллежскій онъ совѣтникъ.
Зато отъ всѣхъ почтенъ онъ въ нашей сторонѣ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Честонъ?... Совѣтникъ?... Ба! да онъ извѣстенъ мнѣ.
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился;
Ничто не помогло; но я уже вступился.

ЧЕСТОНЪ.

Такъ долженъ вамъ Честонъ за чинъ благодарить?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Кому жъ? не ужъ-то вамъ? коль смѣю я спросить.

ЧЕСТОНЪ, *въ сторону.*

Безстыднѣйшій хвастунъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Когда неймете вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры—
Въ минуту сдѣлано; и я служить всѣмъ радъ.

ЧЕСТОНЪ.

На просьбы я, сударь, немного туговатъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да безъ меня нельзя жъ вамъ будетъ обойтиться;
Пришло бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвратиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя....

ЧЕСТОНЪ.

Да знаете ли вы его?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Какъ самъ себя;
И этотъ батюшка любовника Милены
Въ передней у меня потеръ спиною стѣны.
Не правда ли, Полистъ? Вамъ скажетъ секретарь.

ПОЛИСТЪ.

Безплодно потоптавъ онъ крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ отказали....
Знать, невозможностью дать чинъ ему считали....
Не помню, у меня какъ случай онъ нашелъ—
И я его тотчасъ чрезъ графа произвелъ.

ЧЕСТОНЪ.

Божуся вамъ, что вы не знаете Честона.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Не знать его, сударь, мнѣ не было бъ урона:
Но если я его вамъ живо опишу,
Со мной объ этомъ я споръ вашъ утишу.

ЧВАНКИНА, *Честону на ухо.*

Не спорь, отецъ мой, съ нимъ: онъ, знаешь, баринъ
знатной.

ЧЕСТОНЪ, *на ухо Чванкиной.*

Онъ дерзкій человѣкъ, хвастунъ, шалунъ развратной!

ЧВАНКИНА, *заткнувъ уши.*

Не слышу я.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Чтó тамъ вамъ смѣютъ говорить?

ЧВАНКИНА, *съ трусостью.*

Нѣтъ... право ничего... изволитъ васъ хвалить.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да почему же то быть можетъ непонятно,
Что мнѣ Честонъ знакомъ?

ЧЕСТОНЪ.

Мнѣ тò невѣроятно.
По слуху одному, который говоритъ,
Что, честно онъ служа, въ переднихъ не стоитъ;
Что онъ чрезъ подлости достоинствъ не ловитель;
Что баринъ—честь его, а служба—покровитель;
Что молвить за себя не проситъ онъ словца;
А впрочемъ, я его не знаю и лица.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Такъ я жъ вамъ сдѣлаю его изображенье....
Лице широкое его, какъ уложенье,
Одѣто въ красненькой сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, но, кажется, онъ пьетъ;
Хоть сѣдъ отъ старости, но бодръ еще довольно....

ЧЕСТОНЪ.

А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно;
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать....
Онъ сухъ, лице его нимало не широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ око;

А впрочемъ, онъ во всемъ походитъ на меня.
Но чтобы все сказать, Честонъ, сударь, самъ я.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Какое же вранье, какая дерзость эта!...
Ну, кстати ль, старичокъ, въ твои почтенны лѣта
Лгать нагло....

ЧВАНКИНА.

Подлинно!

ЧЕСТОНЪ.

Нѣтъ, вамъ, когда вы графъ,
Не стыдно ль, честности, сударь, презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я васъ не разумѣю.

ЧЕСТОНЪ.

Поди, сударь, поди, я вмѣсто васъ краснѣю,
А вы....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Полистъ! ужель всѣ письма къ королямъ?...

ПОЛИСТЪ.

Готовы всѣ, сударь.

ЧЕСТОНЪ, *къ Чванкиной.*

А вы, не стыдно ль вамъ,
Когда при васъ меня увѣрить въ томъ дерзаютъ,
Что я—не я; когда притомъ меня ругаютъ,
А вы, сударыня, молчаніе храня....

ЧВАНКИНА,

Охъ, Боже мой! на чтó ссылаться на меня....
Честонъ ли ты иль нѣтъ, я этого не знаю;
Угодно графу какъ, я такъ и почитаю.

ЧЕСТОНЪ.

Какъ! столько подлости вы можете имѣть,

Чтобъ уличить его въ толь видной лжи не смѣть!
И бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хотите потакать, и потакать такъ низко?...
Не графъ, повѣрьте мнѣ, хвастунъ престрашный онъ,
И это правда такъ, какъ то́, что я Честонъ.

ЧВАНКИНА.

Такъ что жъ, что ты Честонъ, хоть знаю, да не вѣрю.

ВЕРХОЛЕТЪ, *съ видомъ насмѣшливымъ и презрительнымъ.*

О, нѣтъ, нѣтъ, что я графъ, я въ этомъ лицемѣрю.
Не графъ я, а такой вотъ точно дворянинъ,
И темный и простой, какъ этотъ господинъ.

ЧЕСТОНЪ.

Повѣрьте, быть такимъ желаю вамъ не ложно.

ВЕРХОЛЕТЪ, *съ насмѣшкою.*

О! много чести мнѣ... мнѣ въ томъ признаться должно.

Къ Чванкиной.

А впрочемъ, пусть по мнѣ онъ будетъ то, что́ онъ,
Да въ свѣтѣ только ли, что онъ одинъ Честонъ?...
Что чиномъ одолжилъ Честона я безмѣрно,
Я это вѣдаю и знаю очень вѣрно.

ЧЕСТОНЪ.

Такъ я вамъ изъясню....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Того-то не терплю;
И изъясненій я нимало не люблю.

Къ Чванкиной.

Вы видите ль, что сталъ онъ признава́ться;
И съ благодарностью ужъ хочетъ унижаться?

Но благодарности стараюсь избѣгать;
Я не для этого желаю одолжать.

ЧВАНКИНА.

Какой безстыдникъ онъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

То правда, что безстыденъ;
И онъ, какъ въ зеркалѣ, въ своемъ Замирѣ видѣнъ,
Который подло такъ Милену клеветалъ.

ЧЕСТОНЪ.

Не правда, и мой сынъ....

ЧВАНКИНА.

Бездѣльникъ и нахалъ!

ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*

Пойдемъ, ужъ онъ опять бѣситься начинаетъ.

Къ Честону, отходя.

О вашихъ дуростяхъ сегодня жъ Дворъ узнаетъ.
Прости!

ЧВАНКИНА, *къ Честону, отходя.*

Не знаешь, какъ онъ силенъ у Двора;
Пропалъ ты, и навѣкъ.

ЧЕСТОНЪ.

Убила ты бобра.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЧЕСТОНЪ, *одинъ.*

Не знатный баринъ онъ, нѣтъ, нѣтъ! а онъ притвор-
щикъ
И наглый съ глупостей людскихъ онъ пошлинъ сбор-
щикъ,

Какихъ и много есть, которы тѣмъ живутъ....
Тѣмъ лучше, если мужъ Миленинъ будетъ плутъ:
Судьба и Чванкину накажетъ и Милену
За толь обидную намъ слова перемѣну....
Однако, можетъ быть, не виновата дочь.
Сей графъ, чтобы отъ ней отгнать Замира прочь,
Ей басенку о немъ безчестную составилъ
И дѣвушкѣ его ругателемъ представилъ.
Я слышалъ самъ, какъ онъ то̀ Чванкиной сказалъ,
Что будто дочь ея Замиръ оклеветалъ...
Жаль этой дѣвки мнѣ... но надо все развѣдать
И графа этого поближе поотвѣдать....
Онъ, право, лжецъ; или не знаю я людей;
Но, кажется, видалъ ихъ въ жизни я своей.
Привыкнувъ къ знатности, прямые знатны люди
Своей, какъ этотъ графъ, не надуваютъ груди.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЧЕСТОНЪ, ПРОСТОДУМЪ, *другъ друга не видятъ.*

ПРОСТОДУМЪ.

Да гдѣ жъ племянникъ?...Тфу! хоть что̀ проговорюсь,
И графу дядею не быть не научусь....
Да не во гнѣвъ ему, мое мнѣ сенаторство
Выходитъ нѣсколько, ужъ такъ сказать и чорвство.
Все денегъ дай да дай, а гдѣ ихъ взять, Богъ вѣсть.
Вотъ тутъ-то надобно ужомъ и жабой лѣзть.
Какъ знатный баринъ, графъ не мыслитъ о доходѣ.
Что̀ было у меня, вотъ все тутъ и въ приходѣ.

Ужъ я и сверхъ того, что̀ далъ, еще давалъ....
Кабы скорѣй свой долгъ привезъ купецъ провалъ;
Какой безсовѣстный... да вотъ онъ самъ, я чаю.

ЧЕСТОНЪ.

Кто это?... кажется, его какъ-будто знаю....
Да это Простодумъ! Зачѣмъ быть здѣсь ему?
Быть здѣсь при мѣстѣ, то̀ не по его уму.
Да полно, къ счастію вѣдь глупость не препона.

ПРОСТОДУМЪ.

Когда я не ослѣпъ, то вижу я Честона.

ЧЕСТОНЪ.

Да, я Честонъ; а ты или не Простодумъ?

ПРОСТОДУМЪ, *обнимая Честона.*

Я это.

ЧЕСТОНЪ.

Какъ тебѣ, мой другъ, то́ впало въ умъ,
Чтобъ изъ норы своей себя въ столицу втюрить?
Или въ большой ты свѣтъ вступилъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Чѣмъ чортъ не шутитъ.
Я только прискакалъ, а ужъ и въ сенаторы.

ЧЕСТОНЪ.

Ну полно, говоришь ты, кажется мнѣ, вздоры.

ПРОСТОДУМЪ.

Чтобъ правда то́ была, не хочешь ты того,
Я вижу.

ЧЕСТОНЪ.

Не хочу.

ПРОСТОДУМЪ.

Скажи же, для чего?

ЧЕСТОНЪ.

Для того, что я тебѣ добра желаю.

ПРОСТОДУМЪ.
Я, право, этого добра не понимаю.
ЧЕСТОНЪ.
Когда изволишь, толкъ о томъ тебѣ я дамъ.
ПРОСТОДУМЪ.
Послушаемъ; гораздъ я, братъ, на толки самъ,
ЧЕСТОНЪ.
Тѣмъ лучше... напримѣръ, когда бы ты былъ боленъ,
Въ болѣзни могъ ли бы врачемъ тѣмъ быть доволенъ,
Который, никого до тѣхъ поръ не леча
И не учась, себя вдругъ выдалъ за врача.
ПРОСТОДУМЪ.
Ну, нѣтъ.
ЧЕСТОНЪ.
Не правда ль, чтобъ онъ былъ больнымъ умора,
Здоровымъ смѣхъ?
ПРОСТОДУМЪ.
Тутъ нѣтъ ни малаго и спора.
ЧЕСТОНЪ.
Не спорь же, что такой ты точно сенаторъ.
ПРОСТОДУМЪ.
Лихъ нѣтъ! вотъ тутъ у насъ и выйдетъ сильный споръ.
ЧЕСТОНЪ.
Какой?
ПРОСТОДУМЪ.
Такой, что я не лекарь и не боленъ,
Такъ отъ сравненія я этого уволенъ.
ЧЕСТОНЪ.
А я тебя никакъ уволить не могу.
Тотъ равенъ завсегда всеобщему врагу,
Кто должность на себя такую принимаетъ,
Которой онъ и самъ совсѣмъ не понимаетъ,

Въ которой, дѣйствуя, онъ только-что вредитъ;
Не дѣйствуя смѣшонъ, за то, что пнемъ сидитъ;
Который....

ПРОСТОДУМЪ.

Самъ ты пень, пожалуй, не бранися.

ЧЕСТОНЪ.

Я правду говорю, а ты себѣ бѣсися.

ПРОСТОДУМЪ.

Какая правда то? чѣмъ я не сенаторъ?

ЧЕСТОНЪ.

Бездѣлкой—головой.

ПРОСТОДУМЪ.

Вотъ-нà! какой же вздоръ!
Скажи, иль головы тутъ надо золотыя,
Глаза алмазны?

ЧЕСТОНЪ.

Нѣтъ; однакожъ не такіе,
Какіе у тебя.

ПРОСТОДУМЪ.

Какіе же, дружокъ!

ЧЕСТОНЪ.

Умнѣе.

ПРОСТОДУМЪ.

За это могу я дать толчокъ,
Какъ буду сенаторъ; и у меня забудешь....

ЧЕСТОНЪ.

Отъ этого, мой другъ, умнѣе ты не будешь.
Вся только разница, когда поступишь такъ,
Что добрый ты теперь, а будешь злой простакъ.
И потому уже, что ты толико злобенъ,
Къ сему достоинству нимало не способенъ.
Которы на сію чреду возведены,

Тѣ сердцемъ, какъ умомъ, равно отличены;
Не мысля о себѣ, о пользѣ помышляютъ,
Чѣмъ общества они блаженство подкрѣпляютъ;
Они хранители единой правоты....

ПРОСТОДУМЪ.

Какой же вздоръ, мой другъ, отъ страха мѣлишь ты.
Нѣтъ, нѣтъ, не бойсь меня, тебя не изувѣчу.
Я сердцемъ только лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня, равно какъ скотъ мой жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ,
И, какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.

ЧЕСТОНЪ.

Такъ ты лишь для себя быть хочешь баринъ сильный?

ПРОСТОДУМЪ.

А для кого жъ? и вотъ какой вопросъ умильный!
Не ужъ-то для другихъ?

ЧЕСТОНЪ.

Да кто же обѣщалъ
Тебѣ?

ПРОСТОДУМЪ.

Есть собственный мой знатный генералъ,
У коего теперь я въ службѣ управитель;
Случайный самый графъ, надежный покровитель.

ЧЕСТОНЪ.

Графъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Да, да, Верхолетъ.... Чему жъ смѣешься ты?
Считаешь, думаю, все это за мечты?
Не вѣришь, что ко мнѣ такую милость кажетъ

Великій господинъ?... Когда Честонъ прикажетъ,
По дружбѣ я ему открою весь секретъ.....
Узнай—племянникъ мнѣ графъ этотъ Верхолетъ.

ЧЕСТОНЪ.

Племянникъ!

ПРОСТОДУМЪ.

Такъ, мой другъ.

ЧЕСТОНЪ.

Не тотъ ли онъ развратный,
Который....

ПРОСТОДУМЪ.

Да; теперь племянникъ очень знатный,
Богатъ какъ Соломонъ и силенъ у Двора
И въ словѣ онъ такъ твердъ, какъ-будто бы гора.
Теперь повѣришь?

ЧЕСТОНЪ.

Твой племянникъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Что жъ за диво?
Да только лишь тебя прошу весьма учтиво,
Чтобъ ты до времени того не говорилъ,
Что дядя я ему; онъ самъ о томъ просилъ.
Доколь не сенаторъ, я въ дяди не гожуся.

ЧЕСТОНЪ, *хохочетъ.*

Давно не хохоталъ, какъ я теперь смѣюся.

ПРОСТОДУМЪ.

Отъ радости?

ЧЕСТОНЪ.

Да, да.

ПРОСТОДУМЪ.

Я очень радъ тому,

Что услужить могу и другу моему;
За сенаторство я тебѣ не побожуся:
То́ дядѣ надлежитъ; а впрочемъ все…

ЧЕСТОНЪ.

Клянуся,
Что надо кровь тебѣ съ племянникомъ пустить.

Въ сторону.

Однако же, какъ все на свѣтѣ можетъ быть,
Пойду, развѣдаю, чтобы не ошибиться.

ПРОСТОДУМЪ, *въ сторону.*

Ну, можно ль такъ кому отъ зависти бѣситься?

ЧЕСТОНЪ, *Простодуму отходя.*

Къ сенаторству ума старайся припасать.

ПРОСТОДУМЪ.

Ужъ не твоя бѣда въ сенатѣ засѣдать.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛЕНА, *одна.*

Какъ я несчастлива, и какъ судьбой гонима!...
Одной любовію ко счастію манима,
Въ Замирѣ видѣла я все, что̀ льстило мнѣ!...
Но, ахъ, исчезло то́ и было какъ во снѣ.
Невѣрный! позабывъ, какъ вѣрнымъ быть мнѣ клялся,
Забывъ, какъ онъ любилъ, какъ мною восхищался,
И какъ любила я измѣнника сего...
Любила? ахъ! люблю еще теперь его....
Но тягостная честь, какъ сердце ни страдаетъ,
Презрѣвшаго меня презрѣть повелѣваетъ!...
А что̀ и болѣ, съ тѣмъ должна въ союзъ вступить,
Кто такъ противенъ мнѣ.... какъ можно то́ свершить!...
Графъ этотъ, знатностью одною лишь гордяся,
Мнѣ мыслитъ дѣлать честь со мною съединяся....
Замиръ жестокій, чѣмъ виновна предъ тобой,
Что поступаешь такъ безсовѣстно со мной?
Со нравомъ то́ твоимъ, съ твоей душой не сходно,
Чтобъ....

—

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛЕНА, МАРИНА.

МАРИНА.

Вашей матушкѣ, сударыня, угодно,
Чтобъ одѣваться вы изволили спѣшить.
Къ вечернѣ скоро ужъ вездѣ начнутъ звонить,
А послѣ должно вамъ тотчасъ и повѣнчаться.

МИЛЕНА.

Марина! а Замиръ?

МАРИНА, *испугавшись.*

Гдѣ видите его?

МИЛЕНА.

Чего жъ пугаешься, Замира?

МАРИНА.

Ничего.
Я думала онъ здѣсь.

МИЛЕНА.

Да развѣ то ужасно?

МАРИНА, *въ сторону.*

Немного для меня тò было бы опасно.

МИЛЕНА.

Желала бъ я, чтобъ онъ пришелъ въ послѣдній разъ.

МАРИНА.

На то, чтобы еще обидѣть больше васъ?

Въ сторону.

Ну, если онъ придетъ, мою узнаетъ штуку,
Чтò я сыграла съ нимъ.

Хочетъ идти.

МИЛЕНА.

Мою несносну муку

Въ сей горькій часъ и ты не хочешь облегчить,
И отъ меня бѣжишь?

МАРИНА.

Мнѣ надобно спѣшить;
Мнѣ ваша матушка накрѣпко приказала,
Чтобы отъ васъ я къ ней немедленно бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЕРХОЛЕТЪ, МИЛЕНА, ПОЛИСТЪ.

МИЛЕНА.

А вотъ и этотъ графъ.... несносный видъ глазамъ!

ВЕРХОЛЕТЪ.

Еще я ничего о томъ не молвилъ вамъ,
Что, половиною я васъ избравъ моею,
О выборѣ такомъ никакъ не сожалѣю;
И не смотрю на ту безмѣрну высоту,
Съ которой низходя, я вашу красоту
Украсить знатностью какъ бисеромъ желаю.
Я очень добръ, и въ томъ утѣху обрѣтаю,
Что удовольствіе могу вамъ показать....
Хотя могу притомъ я нѣчто потерять,
Но вамъ хочу добра.... и этого довольно.
Что сердцу вашему не можетъ быть тò больно,
Объ этомъ спрашивать совсѣмъ и нужды нѣтъ;
И если графъ чего захочетъ Верхолетъ,
Я мыслю, никому не будетъ то противно.

МИЛЕНА.

Мнѣ самолюбіе такое очень дивно....

О томъ, мнѣ кажется, нѣтъ нужды говорить,
Что сердца гордостью не можно покорить;
Что знатности не всѣхъ блистанье ослѣпляетъ;
Что часто человѣкъ и графство проклинаетъ;
Что титла для иныхъ не что, какъ только грузъ.
Вы знаете, сударь, у всякаго свой вкусъ,
И всякой счастьемъ тó лишь только почитаетъ,
Чтò мило для него, чтò сердце услаждаетъ.
Иные, видя васъ сіянія въ лучахъ
И только спѣсь нося въ безчувственныхъ сердцахъ,
Чтя пышность знатности, несмѣтное богатство,
Въ васъ могутъ находить душѣ своей пріятство.
Но я, не бывъ горда, къ спокойству, къ счастью вѣка,
Желала бы имѣть супругомъ человѣка.

ВЕРХОЛЕТЪ, *съ негодованіемъ величавымъ.*

Такъ я не человѣкъ?

МИЛЕНА.

Вы больше, можетъ быть.

ВЕРХОЛЕТЪ, *съ довольнымъ видомъ.*

По крайней мѣрѣ тѣмъ могу себя я льстить.

МИЛЕНА.

Но для меня, сударь, вы меньше....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Человѣка?

МИЛЕНА.

Такого, надобенъ какой къ блаженству вѣка.

ВЕРХОЛЕТЪ.

А чтó жъ препятствуетъ, когда спросить мнѣ смѣть,
Со мной, сударыня, вамъ счастіе имѣть?
Позвольте вамъ сказать, мнѣ это не обидно,
Но вамъ, сударыня, какъ это вамъ не стыдно,

Когда, оставя я различныхъ здѣсь госпожъ,
Блестящихъ знатностью и красотою рожъ,
Которы на меня со всѣхъ сторонъ стрѣляютъ,
Не видя, мучатся, а видя воздыхаютъ;
Которы....

МИЛЕНА, *прерываетъ съ досадой.*

Любятъ васъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

А вы?

МИЛЕНА.

Я не люблю.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да я, сударыня, того не потерплю,
Чтобъ, безразсудствомъ вы толико ослѣпленны,
Могли бы своего быть счастія лишенны,
Которое хочу я вамъ собою дать.
Иныхъ вѣдь надобно и къ счастью принуждать.
Я вашей нелюбви нимало не боюся,
И, не смотря на васъ, на васъ тотчасъ женюся.
Когда не можно мнѣ въ задатокъ милымъ быть,
Вы послѣ станете жъ таки меня любить,
Повѣрьте, станете, за это я беруся.

МИЛЕНА.

Любить васъ не могу, я вамъ, сударь, божуся.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Пустое.... видите, я самъ себѣ не льщу;
Но вамъ ручаюся, что послѣ васъ прельщу.
Хотите ль объ закладъ?

МИЛЕНА.

Я выиграть не желаю.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Имѣньемъ всѣмъ моимъ противъ того дерзаю,
Что̀ ваша матушка въ приданое даетъ.
Хотите ли держать?

ПОЛИСТЪ, *въ сторону.*

Мой баринъ знаетъ счетъ.

МИЛЕНА.

Увѣрить васъ могу безъ всякаго заклада,
Что васъ, сударь, любить была бъ я очень рада,
Да этого уже никакъ не можетъ быть.
И прямо можно лишь однажды полюбить.
Я сердце не для васъ имѣю сотворенно

ВЕРХОЛЕТЪ.

Да сердце лишь тому и будетъ покоренно....

МИЛЕНА.

Кто для кого, сударь, произведенъ на свѣтъ,
Хоть молодость моихъ еще незрѣлыхъ лѣтъ,
Не все такъ, можетъ быть, какъ должно понимаетъ,
Но чувство въ томъ меня не ложно увѣряетъ;
И спорить объ этомъ я стану до конца,
Что другъ для друга есть рожденныя сердца;
Они должны къ себѣ взаимно устремиться,
И въ сердце наконецъ едино претвориться.
Тогда такой союзъ есть небо на земли,
Предъ счастьемъ ихъ ничто и сами короли.
А если же сердца, корыстью увлеченны,
Безъ всякой склонности лишь нуждой сопряженны,
Находятъ не любовь въ себѣ — одинъ товаръ,
Тогда супружество не есть небесный даръ:
Негодованіе и грусть его вся доля!
И не супружество оно, сударь, — неволя;

И, словомъ, на землѣ оно-то сущій адъ, —
И проиграете вы графскій свой закладъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Для дѣвки молодой въ васъ много ужъ искусства.

МИЛЕНА.

Чистосердечно я мои открыла чувства.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Условье съ матушкой положено у насъ,
Исполнить матери вамъ надобно приказъ.

МИЛЕНА.

То правда, матушкѣ угодно это стало,
Но сердце мнѣ любить Замира приказало.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Замира? этого, кто тронулъ вашу честь!

МИЛЕНА.

Онъ этимъ-то во мнѣ могъ только произвесть,
Что, отказавъ ему, должна я вѣкъ терзаться;
Однако не могу иному я отдаться;
И мнѣ пріятнѣе, коль правду вамъ сказать,
Мою любовь къ нему вовѣкъ одолѣвать,
Въ послѣдокъ въ монастырь отъ бѣдъ моихъ сокрыться,
Какъ съ вами, иль съ другимъ навѣкъ соединиться....
Я васъ прошу; когда....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Не сдѣлаю того,
Нѣтъ, нѣтъ; потребуйте иного вы чего,
А этого нельзя мнѣ сдѣлать одолженья.

ПОЛИСТЪ, *Миленѣ.*

Не надобно ли вамъ въ чины произвожденья?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Какую вы сыграть хотите мнѣ игру?
Вы знаете ль, что то̀ извѣстно ужъ Двору....

МИЛЕНА, *съ презрѣніемъ.*

Прощайте же, сударь.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕРХОЛЕТЪ, ПОЛИСТЪ.

ПОЛИСТЪ.

Ея слова не льстивы.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Смотри, какъ мелкія дворяночки спѣсивы.

ПОЛИСТЪ.

На эту дрянь, начто намъ знатнымъ и смотрѣть;
Намъ только бы одно приданое имѣть.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕРХОЛЕТЪ, ЗАМИРЪ, ПОЛИСТЪ.

ЗАМИРЪ, *Верхолету.*

Мнѣ съ вами можно ли немного изъясниться?

ВЕРХОЛЕТЪ, *гордо и съ видомъ довольнымъ собою.*

Я не спѣсивъ, и въ томъ всякъ можетъ поручиться.
Я позволяю вамъ, поближе подошедъ,
Сказать мнѣ смѣло, въ чемъ графъ нуженъ Верхолетъ.
Привыкнувъ одолжать, и васъ я не оставлю.
Хотите ли я васъ обогащу, прославлю?...

ЗАМИРЪ.

Отъ васъ мнѣ милостей не надо никакихъ.
Благодаря моей душѣ, нѣтъ нужды въ нихъ.
Я къ вамъ....

ВЕРХОЛЕТЪ.

О! о, сударь, безъ робости просите.
Иль должно угадать мнѣ, вы чего хотите?

ЗАМИРЪ.

Я ничего....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Такъ, такъ, чинъ вижу нуженъ вамъ.
Извольте....

ЗАМИРЪ.

Нѣтъ, сударь.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Инъ я его не дамъ.
Конечно, деньгами хотите награжденья?

ЗАМИРЪ.

Нимало. Вашего желаю лишь терпѣнья.
Извольте выслушать, чтò я хочу сказать;
И дерзко такъ меня не смѣйте унижать,
То думая, что я пришелъ съ уничиженьемъ,
Какъ всѣ, вамъ докучать покорнѣйшимъ прошеньемъ.
Я ваши милости себѣ вмѣнилъ бы въ стыдъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Полисту.*

Полистъ! мнѣ кажется онъ дерзко говоритъ.

ПОЛИСТЪ.

И мнѣ такъ кажется.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Иль онъ меня не знаетъ?

ПОЛИСТЪ.

Онъ къ намъ почтенія совсѣмъ не наблюдаетъ.

Къ Замиру.

Хотите развѣ вы погибели себѣ?

ЗАМИРЪ.

Оставь меня! хочу я въ горестной судьбѣ,
Чтобъ мною онъ погибъ, иль я его рукою.

Верхолету.

Коль есть въ васъ честь, должны вы рѣзаться со мною.

ВЕРХОЛЕТЪ.

За что?

ЗАМИРЪ.

Лишаяся всего, что я люблю,
Я вами горести несносныя терплю.

ПОЛИСТЪ.

Кто жъ въ этомъ виноватъ, что мы тебя милѣе?

ЗАМИРЪ.

Я въ томъ и не виню. Но что того подлѣе,
Что можетъ быть гнуснѣй, какъ на меня всклепать,
Что будто я дерзнулъ Милену клеветать?
Безчестіемъ такимъ до сердца пораженный,
И вашей знатностью совсѣмъ не изумленный,
Пришелъ сказать въ глаза, что тотъ бездѣльникъ самъ,
Кто....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Коль услуги всѣ мои не нужны вамъ,
Когда ни чина вы, ни денегъ не хотите,
Для васъ тѣмъ хуже то.... тѣмъ хуже.... ну, простите.

ЗАМИРЪ, *останавливая его.*

Проститься должно намъ со шпагами въ рукахъ.
Вы знатностью меня не приведете въ страхъ.

Тотъ равенъ всякому, кто чувствуетъ обиду.
Я къ вамъ изъ должнаго почтенія не выйду,
Однако умереть мнѣ должно, или вамъ!

Полистъ, испугавшись, крадется, чтобъ уйти.

ВЕРХОЛЕТЪ, *то примѣтя.*

Куда?

ПОЛИСТЪ.

Иду писать я письма къ королямъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Будь здѣсь!

ПОЛИСТЪ.

Онъ противъ васъ грубъ очень становится,
А я сердитъ, и такъ боюсь разгорячиться.

Хочетъ идти.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Будь здѣсь, я говорю. *КъЗамиру.* Ты былъ ли на войнѣ?

ЗАМИРЪ.

Нѣтъ, не былъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Хорошю. Слыхалъ ли обо мнѣ,
Какія чудеса въ послѣднюю я строилъ?
Когда бы слышалъ ты, то храбрость бы спокоилъ.

Къ Полисту.

Ты помнишь?

ПОЛИСТЪ.

На моихъ все было то глазахъ.
Я вижу, льется кровь! вы рубите, о, страхъ!
Какъ молнія вашъ мечъ, какъ тучи ваши брови!...
Все гибнетъ!... не могу текущей видѣть крови,
И для того бѣгу, бѣгу, бѣгу....

Бѣжитъ, а Верхолетъ его останавливаетъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Постой.

ПОЛИСТЪ.

Забылся.... ясно такъ представился мнѣ бой,
И храбрость ваша мнѣ такъ живо вобразилась,
Что струсила душа и въ бѣгство обратилась.

ВЕРХОЛЕТЪ.

О, трусъ! бездѣлицы пугаться таковой;
А если бы ты былъ еще тогда со мной,
Какъ приступомъ я взялъ ту страшну баттарею.

ПОЛИСТЪ.

Какъ скромны вы, сударь.... вѣдь я языкъ имѣю....
И славы вашея не потаю никакъ,
То городъ, помнится мнѣ, былъ, иль я дуракъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Очаковъ.

ЗАМИРЪ.

Быть нельзя.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Очаковъ иль Бендеры,
Не все ли то равно? но видите ль, что мѣры
Тягаться шпагами намъ нѣту никакой:
Я не хочу, чтобъ вы убиты были мной.

ЗАМИРЪ.

А я, я очень радъ, что съ тѣмъ могу сразиться,
Котораго руки всякъ долженъ устрашиться.
Я думаю, что вы, забывъ мой малый чинъ,
Но помня то, что я такой же дворянинъ....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я графъ, сударь, я графъ; мнѣ низко съ вами драться;
Съ Полистомъ можете вы шпагой повидаться.

ПОЛИСТЪ, *на ухо Верхолету.*

Нѣтъ, нѣтъ, за васъ готовъ, что̀ вамъ угодно, лгать....

Въ слухъ.

На то ль я дворянинъ, чтобы мнѣ умирать?
Мнѣ надо поберечь и для Марины душу.

ВЕРХОЛЕТЪ, *грозно.*

О, трусъ!

ПОЛИСТЪ.

О, нѣтъ, сударь, нимало я не трушу....
Да только у меня вотъ шпага не остра....
Пойду я поточить.... а вамъ быть у Двора
Теперь же надобно, вы это позабыли.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Такъ, точно позабылъ. *Хочетъ идти.*

ЗАМИРЪ, *останавливая.*

Гдѣ бъ вы, сударь, ни были,
Меня со шпагою увидите вездѣ,
Повѣрьте, отъ меня не скроетесь нигдѣ!
Чтобы безчестить васъ, я слѣдую за вами,
Иду....

ПОЛИСТЪ.

Пропали мы съ ногами!

ЗАМИРЪ, *вынимаетъ шпагу.*

Деритесь, или я....

ПОЛИСТЪ, *кричитъ.*

Гей! люди, караулъ!
Разбой! разбой!

Съ одной стороны выходятъ Верхолетовы люди, а съ другой Чванкина съ Миленою.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, ВЕРХОЛЕТЪ, ЗАМИРЪ, ПОЛИСТЪ.

ЧВАНКИНА.

Кто шумъ такой начать дерзнулъ?

Къ Замиру.

Ты?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Это ничего; пріятельская шутка.

ЗАМИРЪ.

Кто, я пріятель вамъ?

ПОЛИСТЪ, *Замиру.*

Теперь ты сунься, нутка.

ЧВАНКИНА.

Скажите, графъ, что онъ предъ вами надурилъ?
Вы что-то внѣ себя,—онъ шпагу обнажилъ!

ПОЛИСТЪ, *Чванкиной.*

Мы вспомнили, какъ мы давно ужъ воевали,
Какъ брали крѣпости, какъ войска разбивали;
А чтобъ, сударыня, то въ лицахъ показать,

Указываетъ на Замира.

Мы были крѣпость, онъ хотѣлъ приступомъ взять,
Да лихъ не удалось, и вы пришли къ намъ съ войскомъ.

ЗАМИРЪ.

Обоихъ видѣлъ васъ я въ подвигѣ геройскомъ.

ЧВАНКИНА.

Когда сіятельный изволилъ зять шутить,
Такъ все и счастливо; о чемъ же мнѣ тужить?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Пойдемъ, сударыня, поговоримъ о дѣлѣ.

ЗАМИРЪ, *Верхолету.*

Васъ буду ожидать по выходѣ отселѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЗАМИРЪ, МИЛЕНА, *которая идетъ медлительными шагами.*

ЗАМИРЪ.

Иди, сударыня, иди за графомъ въ слѣдъ;
Онъ вашея любви предорогой предметъ;
Судьба честнѣйшаго супруга вамъ готовитъ!

МИЛЕНА.

По крайней мѣрѣ онъ невинныхъ не злословитъ.

ЗАМИРЪ.

Клевещетъ только онъ и взводитъ на другихъ
Всѣ мерзки низости прегнусныхъ чувствъ своихъ.
И если шпагою его зовутъ къ отвѣту,
То смѣлъ онъ обижать, а драться сердца нѣту....
Вотъ тотъ, для коего я вами такъ презрѣнъ!...
Но что, мой духъ ужъ тѣмъ не будетъ возмущенъ....
Жалѣю, что теперь унизился укорой....
Причиною тому мой нравъ горячій, скорой....
Но знайте же вы то, что я каковъ ни есть,
Но выше я всего одну считаю честь.

МИЛЕНА.

Что вы, сударь, что вы о чести мнѣ твердите?
Или меня любить безславіемъ вы чтите?
Такъ знайте же, что честь не меньше любятъ васъ;
Чтобъ это доказать, моихъ сокройтесь глазъ,
Подите.

ЗАМИРЪ.

Я иду. Прости навѣкъ, невѣрна!

Идетъ и останавливается.

МИЛЕНА.

Какая дерзость въ немъ и наглость безпримѣрна!
Обидѣвши меня, меня жъ пришелъ ругать.

Увидя, что Замиръ еще не ушелъ.

Что жъ вы нейдете?

ЗАМИРЪ.

Я?... еще забылъ сказать....
Тѣмъ больше докажу я ваше мнѣ презрѣнье....
Имѣю ль право къ вамъ питать я огорченье?
Скажите, и меня судите вы съ собой.
Вы помните, какъ вы клялися предо мной
Всегда, сударыня, въ то платье одѣваться —
Нѐ для того, чтобъ мнѣ прекраснѣе казаться,
Вы мнѣ прекраснѣй всѣхъ казалися во всемъ —
Но чтобы повторять во сердцѣ то моемъ,
Какъ въ этомъ платьѣ мнѣ «люблю тебя» сказали,
Какъ въ этомъ словѣ мнѣ вы рай мой показали;
Все кончилось и та одежда вамъ гнусна!

МИЛЕНА.

Она, сударь, уже Маринѣ отдана.

ЗАМИРЪ.

Маринѣ?... хорошо... и этого довольно....
Ужъ сердцу моему теперь ничто не больно....
И правда, платье то намъ стыдно надѣвать,
Которо кое-что̀ намъ можетъ вспоминать.

МИЛЕНА.

Что̀ значитъ кое-что? вы, кажется, рѣхнулись.
Не угорѣли ль вы? отъ сна ли не очнулись?

ЗАМИРЪ.

Рѣхнулся я; а вы, я знаю, вы съ умомъ,
Сегодня по утру, одѣвшись въ платьѣ томъ,
О графѣ нѣжно такъ съ Полистомъ говорили.

МИЛЕНА.

Кто? я?

ЗАМИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не вы, сударыня, то были;
Но привидѣніе.

МИЛЕНА.

Кто? я съ Полистомъ? я?

ЗАМИРЪ.

Я говорю не ты, не ты; но тѣнь твоя....
Притворщица!

МИЛЕНА.

Теперь ты бредишь очень ясно.

ЗАМИРЪ.

Не такъ измѣна, какъ притворство мнѣ ужасно.

МИЛЕНА.

Я, видя тò, что ты свой разумъ потерялъ,
Могу и въ томъ простить, что ты о мнѣ навралъ.

ЗАМИРЪ, *обрадовавшись.*

Простить?... хотя ни въ чемъ невиненъ предъ тобою.
Однако же прости.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛЕНА, ЗАМИРЪ, МАРИНА.

МАРИНА, *скоропостижно.*

Изволите-ка со мною,
...ъ время.... *увидя Замира.* Ахъ!

МИЛЕНА.

Чего ты испугалась такъ?

ЗАМИРЪ.

Чтó вижу?... такъ она.... Конечно я дуракъ...
Быть можетъ, нѣсколько ея съ Миленой сходства,
Причиною, что я надѣлалъ сумазбродства.

Къ Маринѣ.

Поговоримъ-ка мы, голубушка моя:
Скажи, какъ въ первый разъ сегодня былъ здѣсь я
Съ Полистомъ, кто тутъ былъ? она ль? иль мнѣ меч-
талось?

МАРИНА.

Вы сами видѣли.

ЗАМИРЪ.

Мнѣ точно показалось.

МАРИНА.

О чемъ же спрашивать? у васъ глаза вѣдь есть.

ЗАМИРЪ, *къ Миленѣ.*

Изобличилась мнѣ теперь вся ваша лесть.

МИЛЕНА, *къ Маринѣ.*

Какъ смѣешь говорить?

МАРИНА.

Не говорю ни слова.

ЗАМИРЪ, *къ Маринѣ.*

Ты въ томъ стоишь?

МАРИНА.

Стою и клясться я готова.

МИЛЕНА.

А въ чемъ, плутовка?

МАРИНА.

Въ чемъ угодно будетъ вамъ.

МИЛЕНА.

Клянись, была ль я здѣсь?...

МАРИНА.

Да онъ то видѣлъ самъ.

ЗАМИРЪ.

И слышалъ.

МАРИНА.

Слышите ль? что чувствъ своихъ вѣрнѣе?

ЗАМИРЪ.

Скажи, сударыня, что этого яснѣе?
Обманы низкіе и съ наглостью такой....

МИЛЕНА, *увидя, что Марина хочетъ уйти.*

Опять ты бредить сталъ.... *Къ Замиру.* А ты куда?... постой!

МАРИНА.

Мнѣ дѣлать нечего, ужъ все извѣстно стало.

Хочетъ уйти.

МИЛЕНА, *удерживая ее.*

Что ты вредишь намъ, то мнѣ сердце угадало.
Я вижу все.

МАРИНА.

И такъ во мнѣ и нужды нѣтъ.

Хочетъ уйти.

МИЛЕНА, *удерживая ее.*

Я вижу, обольстилъ тебя графъ Верхолетъ;
Чтобъ услужить ему, прельщенная надеждой,
Ты, пользуясь моей вотъ этою одеждой,
Котору матушка тебѣ велѣла взять,
Дерзнула на себя и видъ мой въ ней принять;
И зная близокъ какъ Замиръ всегда повздорить,
Меня имѣла ты удачу съ нимъ поссорить.
Признайся, говори.

МАРИНА.

Пускай то будетъ такъ.

ЗАМИРЪ.

Что больше ей сказать; но я вѣдь не дуракъ.

МИЛЕНА.

Чтобъ извинилась я, того ты не достоинъ....
Что хочешь думай, мой невинный духъ спокоенъ.
Я больше не хочу сносить обидъ твоихъ.

Отходя къ Маринѣ.

А ты, бездѣльница, поди отъ глазъ моихъ.

Марина уходитъ.

ЗАМИРЪ, *останавливая Милену.*

Постой, сударыня, я вѣрю, ты невинна.
Достойна казней всѣхъ моя любовь безчинна.
Клянусь у ногъ твоихъ тебя не огорчать.

МИЛЕНА.

Клянуся для тебя всѣхъ графовъ презирать.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, МИЛЕНА.

ЧЕСТОНЪ, *Миленѣ.*

Мнѣ также надобно просить у васъ прощенья
За все, сударыня, предъ вами дерзновенья,
Въ которыхъ виненъ я, за сына огорченъ.
Я скоростью его былъ очень ослѣпленъ;
Но вижу все теперь. Графъ этотъ плутоватый....
Я все о немъ узналъ.... не знатный, не богатый,
Но дерзостный хвастунъ, слухъ этотъ пропустилъ,

Что будто-бы о васъ сынъ дурно говорилъ.
Имѣли право вы, я долженъ въ томъ признаться,
За то, хоть солгано, Замиромъ возгнушаться.
Забудьте этотъ вздоръ, я долженъ васъ просить....

МИЛЕНА.

Замиръ мнѣ милъ всегда, могу ли не забыть?

ЗАМИРЪ.

Я долженъ, батюшка, вамъ жизнію моею.

ЧЕСТОНЪ, *Миленѣ.*

Гдѣ ваша матушка? увидѣвшися съ нею,
Потщуся ей глаза на хвастуна открыть;
И все употреблю, чтобъ васъ соединить.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЧЕСТОНЪ, МИЛЕНА, ЗАМИРЪ, ПРОСТОДУМЪ.

ПРОСТОДУМЪ, *Честону.*

Ты тутъ?... напрасно, братъ, повздорилъ ты со мною.
Довольнѣе тебя моею головою,
Которую ты, другъ, не жаловалъ въ сенатъ.
Племян... тфу!... нѣтъ бишь графъ, уже привелъ все въ ладъ:
И завтра жъ, можетъ быть, въ сенатѣ я засяду.

ЧЕСТОНЪ, *съ насмѣшкою.*

Я радъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Да нечего, ужъ надобно быть раду.

ЧЕСТОНЪ.

Да чѣмъ же онъ тебя увѣрить такъ умѣлъ?

ПРОСТОДУМЪ.

На плечи всѣмъ своимъ онъ случаемъ насѣлъ;
Ко всѣмъ при мнѣ писалъ, я видѣлъ и отвѣты.

ЧЕСТОНЪ, *смѣясь.*

Теперь имѣешь ты неложныя примѣты.
Племянникъ твой....

ПРОСТОДУМЪ.

Что ты? какой племянникъ онъ.

Къ Миленѣ и Замиру.

Не вѣрьте, шутствуетъ подружески Честонъ
И мелитъ вздоръ.

ЧЕСТОНЪ.

Ну, что̀ таить; вотъ графскій дядя!

МИЛЕНА.

Не тѣмъ онъ кажется; и на него бы глядя,
Подумать можно....

ПРОСТОДУМЪ.

Что̀ бъ подумать обо мнѣ?

ЧЕСТОНЪ.

Что кажется тебѣ сенаторство во снѣ,
И что какъ дурака тебя твой графъ обманетъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Пустякъ!... что̀ скажетъ онъ, то мимо ужъ не канетъ;
То будетъ все во ртѣ, чѣмъ гладитъ по усамъ.
И какъ не вѣрить мнѣ тому? я видѣлъ самъ.

ЧЕСТОНЪ.

Что жъ видѣлъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Ничего, считаешь ты все вздоромъ.
А я-таки на смѣхъ вотъ буду сенаторомъ....
Ну, если покажу тебѣ я нѣчто, братъ.

Вынимаетъ бумагу. Читаетъ.

Смотри-ка… помѣщенъ достоинъ быть въ сенатъ.
А подпись!… Верхолетъ…. Что тутъ болтать пустое.

Честонъ, Милена и Замиръ смѣются.

Вотъ графскій аттестатъ! Ну! смѣйся сѣмя злое!

Къ Миленѣ.

Тебѣ, сударыня, хотя бъ не хохотать.
Я скоро дядя твой….

ЧЕСТОНЪ.

Ну кто жъ велѣлъ сказать,
Что дядя этому ты графу Верхолету?

ПРОСТОДУМЪ.

Да съ вами пропадешь.

ЧЕСТОНЪ.

Повѣрь, мой другъ, мнѣ эту
Бумагу на часокъ.

ПРОСТОДУМЪ.

На что тебѣ она?

ЧЕСТОНЪ.

Для пользы мнѣ твоей, повѣрь, она нужна.

ПРОСТОДУМЪ.

Тутъ нѣтъ ли штукъ какихъ?

ЧЕСТОНЪ.

Къ твоей все будетъ чести.
Я скоро возвращу и ты услышишь вѣсти….

ПРОСТОДУМЪ.

Я понимаю: ты всѣмъ хочешь показать;
Чтобъ знали всѣ, что мнѣ въ сенатѣ засѣдать.

ЧЕСТОНЪ.

Конечно.

ПРОСТОДУМЪ.

Ну изволь; давно бы такъ со мною.

Уходитъ.

ЧЕСТОНЪ.

Я вашей матушкѣ теперь глаза открою.
Отъ зятя хвастуна ее освобожу
И васъ обрадую и плута накажу.

═══

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛИСТЪ, *одинъ.*

Мы ныньче хвастали не кстати слишкомъ много.
Честонъ все въ городѣ развѣдываетъ строго....
Что будетъ, если намъ раззнатиться придетъ?
Когда честь наша съ насъ, какъ эпанча спадетъ;
Простите всѣ друзья ... Марина и Милена!
Друзья вѣдь таковы; хоть мала перемѣна,
Хоть только крохотно несчастье — всѣ и прочь:
А пуще женщины.... Пожалуй, рокъ! отсрочь
На нѣсколько часовъ насъ бѣдныхъ обнаружить,
Доколѣ мы себя возможемъ осупружить....
Да сердце говоритъ: тому-де не бывать....
Когда бы не Честонъ, намъ все бы наплевать.
Да онъ для насъ тяжелъ... повсюду онъ проворитъ;
И съ благочиніемъ насъ кажется онъ ссоритъ....
Я благочиннова вотъ здѣсь у дома встрѣлъ,
Который на меня безчинно посмотрѣлъ....
Отъ взора этого кровь въ жилахъ застываетъ.
Охъ, дурно!... Сердце мнѣ добра не предвѣщаетъ...
По нашей милости, и дядя нашъ ужъ чистъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРИНА, ПОЛИСТЪ.

МАРИНА.
О чемъ задумался, любезный нашъ Полистъ?
ПОЛИСТЪ.
О суетѣ мірской, любезная Марина,
О бренности вещей.
МАРИНА.
Да что жъ тому причина?
ПОЛИСТЪ.
Все.... счастье, случай, честь, сама твоя краса.
Или вертливости не знаешь колеса,
На коемъ счастіе слѣпое здѣсь кружится?
Мнѣ все, не знаю какъ, не вѣрно становится.
Чтó будетъ съ нами впредь, возможно ль тò узнать?
Растаять могутъ вдругъ богатство наше, знать;
Нельзя надѣяться на счастье, какъ на стѣну.
Фортуна — женщина, такъ любитъ перемѣну.
МАРИНА.
Да ты вѣдь дворянинъ?
ПОЛИСТЪ, *смутясь.*
Я?... я, конечно такъ.
На чтò такой вопросъ?
МАРИНА.
На то, что ты дуракъ....
Что графу не везетъ, ты, можетъ быть, то слыша,
Смутился; плюнь!... своя вѣдь у тебя есть крыша.
Пусть графъ твой упадетъ, въ деревнѣ заживемъ,
И подворянски вѣкъ съ тобою проведемъ.
И такъ, ты видишь ли, ты простъ по этой смѣтѣ.

ПОЛИСТЪ.

Да что, скажи ты мнѣ, есть вѣрнаго на свѣтѣ?

МАРИНА.

Я вижу, ты свою деревню промахнулъ;
И отъ того теперь ты точно пригрустнулъ.

ПОЛИСТЪ.

Вотъ-на, иль мотомъ ты Полиста почитаешь?

МАРИНА.

Мнѣ право, кажется, то видя какъ скучаешь,
По крайней мѣрѣ ты деревню заложилъ.

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, дурную вѣсть оттуда получилъ.

МАРИНА.

Какую?

ПОЛИСТЪ.

Такъ.

МАРИНА.

Скажи.

ПОЛИСТЪ.

Что хлѣбъ не уродился,
И скотъ весь извелся.

МАРИНА.

Ну, право, ты взбѣсился,
Иль мыслишь о моей такъ мало красотѣ,
Что ты, какъ я твоя, скучаешь о скотѣ.

ПОЛИСТЪ.

О, нѣтъ, повѣрь тому; мнѣ прелести Марины
Милѣй всего, что есть,... и даже и скотины.
Однако ежели во всемъ неурожай,
То какъ моя душа любовью ни пылай,
Но если нечего уже кусить намъ будетъ,
То сердце и любовь, я думаю, забудетъ.

МАРИНА.

Приданымъ я любовь такую подкрѣплю;
Скотины я тебѣ сколь хочешь накуплю.

ПОЛИСТЪ.

Мнѣ вмѣсто этого тебя одной довольно....
Но сердцу моему то было бъ очень больно,
Что нужду для меня должна ты потерпѣть.

МАРИНА.

Мнѣ только хочется дворянство лишь имѣть,
А тамъ ужъ кое-какъ мы заживемъ съ тобою.

Полистъ вздыхаетъ.

Что значитъ вздохъ? что ты скрываешь предо мною?
Иль такъ въ дворянствѣ, какъ во всемъ неурожай?

ПОЛИСТЪ.

О! о! пожалуй ты меня не обижай!
Коль было бы всего такъ много, какъ дворянства,
Куда бы намъ дѣвать... однако жъ наши чванства
Рокъ чѣмъ нибудь всегда умѣетъ прижимать,
Величить насъ въ одномъ, въ другомъ же унижать...
Но слышу голосъ я Честона грубіяна!
Чтобъ знатнаго предъ нимъ не уронить намъ сана,
Пойду.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА.

ЧЕСТОНЪ, *Полисту.*

Постой, мой другъ, куда бѣжишь отъ насъ?

ПОЛИСТЪ.

Мнѣ нужда крайняя; мнѣ должно быть сей часъ....

ЗАМИРЪ.

Не у Двора ли?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ; но къ одному агенту...
Я ѣду.... а оттоль поѣду къ резиденту....
А послѣ, надобно къ послу мнѣ, можетъ быть....
Я занятъ ужасть какъ.

ЧЕСТОНЪ, *съ насмѣшкой.*

Нельзя ли отложить;
Вы тѣмъ изволите намъ сдѣлать одолженье,

ПОЛИСТЪ.

Желалъ бы оказать охотно снисхожденье;
Но право, не могу.

ЧЕСТОНЪ.

Я очень несчастливъ.

ПОЛИСТЪ, *отходя самъ къ себѣ.*

Не даромъ что-то онъ противъ меня учтивъ.

ЧЕСТОНЪ, *Маринѣ.*

Что здѣсь мы, то скажи ты барынѣ, служанка.

МАРИНА, *отходя.*

Учтивѣй говори, и я почти дворянка.

ЧЕСТОНЪ.

Теперь-то хвастуна, мой сынъ, изобличимъ,
Чрезъ благочиніе закономъ обнажимъ.

ПОЛИСТЪ, *возвратясь съ торопливостію, въ сторону.*

Чтò видѣлъ я?... о, страхъ!... тотъ самый благочинной!...
Который!... ахъ, какой усовъ широкой, длинной!

ЗАМИРЪ.

Чтò скоро такъ, сударь, вернулись вы назадъ?

ПОЛИСТЪ.
Ей–Богу я тому, сударь, и самъ не радъ.
ЧЕСТОНЪ.
Никакъ уже отсель дорога вамъ запала.
ПОЛИСТЪ.
Еще, сударь, моя карета не бывала.
ЗАМИРЪ.
Да время хорошо, вы можете пѣшкомъ.
ПОЛИСТЪ.
Чему же, господа, смѣетесь вы тишкомъ.
Или, или меня не дворяниномъ чтите?
ЗАМИРЪ.
О, нѣтъ, считаемъ васъ мы тѣмъ, чѣмъ вы хотите.
ЧЕСТОНЪ.
Мы вѣримъ, что графъ — графъ, и дворянинъ — Полистъ;
Но есть тутъ человѣкъ, хотя и не рѣчистъ,
Да лучше доказать породу вашу можетъ,
И даже сдѣлать вамъ гербовникъ онъ поможетъ.
ПОЛИСТЪ.
Намъ въ этомъ нужды нѣтъ; я не люблю гербовъ.
Во знакахъ лошадей, подковъ, медвѣдей, совъ,
Заслуга истинна себѣ не видитъ чести;
И съ графомъ безъ того велики мы... по чести.

ЧЕСТОНЪ.
Увидимъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, МАРИНА, ПОЛИСТЪ.

ЧВАНКИНА.

Нужда вамъ какая до меня?
Я вижу, прежній вы проступокъ свой виня,
Ужъ струсили... не бось мы съ нимъ ужъ все забыли.

ЧЕСТОНЪ.

Нѣтъ; я пришелъ сюда увѣрить, что я правъ;
То ясно доказать, что Верхолетъ не графъ,
И ваше странное разрушить ослѣпленье.

ЧВАНКИНА.

О, Боже! отпусти такое прегрѣшенье.

Къ Полисту.

Вы видите, сударь, что я невинна въ томъ.

ПОЛИСТЪ, *на ухо Чванкиной.*

Да вы клеветниковъ пускаете въ свой домъ.

ЧВАНКИНА.

Что дѣлать?... *къ Честону.* Иль за тѣмъ меня сюда вы звали,
Чтобы въ бѣду ввести, чтобъ вмѣстѣ мы пропали?

МИЛЕНА.

Повѣрьте, матушка, не графъ....

ЧВАНКИНА.

И ты туда жъ!
Ты забрала опять старинну блажь.

ЧЕСТОНЪ.

Что скажете, когда, какъ скоро графъ пріѣдетъ,
Предъ нимъ докажемъ мы, что знатностью онъ бредитъ,
Что онъ обманщикъ....

ЗАМИРЪ.

Трусъ. *Чванкина затыкаетъ уши.*

МАРИНА.

Полистъ, что ты молчишь?
Обиженъ графъ, а ты какъ вкопанный стоишь.

ПОЛИСТЪ.

Не воинъ, секретарь, такъ я не защититель;
Я графа моего лишь-только тайнъ хранитель.

ЧЕСТОНЪ, *Чванкиной.*

Не, закрываючи, сударыня ушей,
Отвѣтствуйте вы намъ, по милости своей.
Что скажете, когда мы, снявши маску знати
Съ того, котораго примаете вы въ зяти,
Въ немъ вамъ безчестнаго покажемъ шалуна,
Кѣмъ будетъ ваша дочь въ несчастье введена?
Что̀ скажете?...

ЧВАНКИНА.

Кто? я?... да эта небылица....
Онъ знатный графъ. Видна и по полету птица.

ЗАМИРЪ.

Ее подстрѣлимъ мы.

ПОЛИСТЪ.

Мы слишкомъ высоки.

ЗАМИРЪ.

Молчи... ты видѣлъ тамъ?... онъ тотчасъ за виски.

ЧВАНКИНА.

Кто тамъ....

ПОЛИСТЪ, *струся.*

Сударыня!...тамъобщій намъзнакомецъ.

ЧЕСТОНЪ.

Онъ скоро будетъ съ нимъ и съ графомъ однодомецъ,

ЧВАНКИНА.

Я милости прошу его войти сюда.

ПОЛИСТЪ.

О, нѣтъ, застѣнчивъ онъ, и часто отъ стыда
Онъ вздоритъ, бѣсится и дѣлаетъ содомы.

ЧВАНКИНА.

Мнѣ всѣ пріятны тѣ, которы вамъ знакомы.

ПОЛИСТЪ.

Я вѣрю этому, да этотъ не таковъ....
Упрямъ онъ и угрюмъ, притомъ же нездоровъ.

МАРИНА, *въ сторону.*

Полистъ смущенъ, Честонъ и сынъ его смѣются;
Тутъ что-нибудь да есть.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ПРОСТОДУМЪ.

ПРОСТОДУМЪ.

Вотъ скоро заведутся
И денежки у насъ! Прикащикъ....

ЧВАНКИНА.

Пусть войдетъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Онъ графа, говоритъ, дождется напередъ.
Мое сенаторство, все графству на подпору
Отдавъ, должно само во всемъ терпѣть умору;
Да какъ же быть; терпи, такъ слюбится впередъ.

ЧВАНКИНА.

Не ужто лишь тобой богатый графъ живетъ?

ПОЛИСТЪ, *струся.*

Да, точно такъ; у насъ... вы слышали, оброки....
Немного не дошли, сударыня, имъ сроки....
Но, скоро привезутъ.

ЧЕСТОНЪ.

Откуда привезутъ?

ЧВАНКИНА.

Откуда?... вотъ смѣшно! Не наше горе тутъ.
И графское село, Торжокъ, да Тверь и слишкомъ.
Тутъ можно повернуть и съ маленькимъ умишкомъ;
А съ графскимъ разумомъ!... ась, господинъ Полистъ?

ПОЛИСТЪ.

Вы это знаете.

ПРОСТОДУМЪ, *Честону, который смѣется.*

Ты сущій атеистъ,
Смѣешься ты всему и нѣтъ тебѣ святого.
Ты взялъ вѣдь аттестатъ, чего жъ тебѣ другого?
Графъ сильный человѣкъ и, слѣдственно, богатъ....
Однако же, мой другъ, отдай-ка аттестатъ.

ЧЕСТОНЪ.

Онъ скоро будетъ вамъ правительствомъ доставленъ.

ПРОСТОДУМЪ, *съ радостію.*

Правительствомъ!... вотъ онъ куда тобой отправленъ!
И такъ, сказать могу, что я ужъ сенаторъ?...
Но ты, по дружбѣ мнѣ, немного слишкомъ скоръ;
И графъ было-велѣлъ до завтра дожидаться...
Однако этимъ онъ не будетъ досаждаться,
Что ранѣ сенаторъ я нѣсколько часовъ...

А хоть посердится, да будетъ же таковъ....
Признаюсь, поклонюсь; спина моя не черства;
Охота смертная, скажу, до сенаторства....
А какъ теперь себя не стыдно показать,
То графа ужъ могу племянникомъ назвать.

МАРИНА.

Что́ слышу! а Полистъ?

ПОЛИСТЪ.

Часъ отъ часу дурнѣе.

МАРИНА, *Полисту.*

Такъ ты не дворянинъ?

ПОЛИСТЪ.

Нѣтъ, я теперь знатнѣе.
Ты слышишь ли, что я и графу ужъ родня?

МАРИНА.

Я вижу, обманулъ, негодный, ты меня.

Къ Простодуму, указывая на Полиста.

Такъ вы не дядя?

ПРОСТОДУМЪ.

Нѣтъ. Пускай не погнѣвится;
Полистъ въ племянники мнѣ больше не годится.

ЧВАНКИНА.

Что́ слышу я теперь, все это мудрено!
Почто жъ....

ПОЛИСТЪ.

Мнѣ ваше все сомнѣніе смѣшно.
Или, племянникомъ кого не почитаетъ,
Того ужъ Простодумъ дворянства тѣмъ лишаетъ?...
Я дворянинъ...

ПРОСТОДУМЪ.

Полистъ, ей надобна душа.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, ПРОСТОДУМЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ПОРТНОЙ.

ПОРТНОЙ.

И у него есть, да... не больно хороша.
Ужъ сколько времени за долгомъ я скитаюсь.

ПОЛИСТЪ.

Въ сторону. *Къ портному.*
Отсюда намъ бѣда!... Я скоро расквитаюсь.

ПОРТНОЙ.

Мнѣ тó же баринъ твой твердитъ, мой другъ, Полистъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Вотъ это давишній портной протоколистъ.

ПОРТНОЙ, *къ Полисту.*

Ужели кончится моя теперь забота?

ПРОСТОДУМЪ.

Экъ сильно забрала его къ чинамъ охота!

ПОРТНОЙ.

Всякъ долженъ по себѣ и о другихъ судить:
Какъ тошно ждать того, чтó должно получить....

ПРОСТОДУМЪ.

Онъ цѣлитъ на меня, какъ-будто бы на диво,
Что я сенаторства искалъ нетерпѣливо.

Къ портному.

Не кстати бы тебѣ равняться, другъ, со мной.
Я дядя графскій вѣдь, а ты его портной;
Такъ долженъ былъ мое онъ кончить дѣло прежде.
Ты можешь потерпѣть и быть дотоль въ надеждѣ....

ПОРТНОЙ.

Въ надеждѣ быть всегда? Вотъ выскочилъ какой!
Надежда, господинъ, плательщикъ предурной.

ПРОСТОДУМЪ.

Нахально такъ, какъ ты, тѣ только приступаютъ,
Которые свое желанье покупаютъ.
Ты развѣ заплатилъ?

ПОРТНОЙ.

И очень заплатилъ.

Указывая на Полиста.

Спроси-ка у него: на нихъ я мало ль шилъ?

ПРОСТОДУМЪ.

Когда тò такъ, не бось, стараніемъ Полиста,
Достанешь въ скорости ты чинъ протоколиста.

ПОРТНОЙ.

А кто навралъ тебѣ, что чина я хочу?

ПРОСТОДУМЪ.

О чемъ же хлопоты?

ПОРТНОЙ.

О деньгахъ хлопочу.
Два года фраками ссужалъ я ихъ по модѣ,
Одеждой всякою, все смотря по погодѣ.
Пусть деньги отдадутъ—и вотъ тутъ весь мой чинъ!..
Не честенъ Верхолетъ, хотя и дворянинъ.

ЧВАНКИНА.

Безчестишь графа ты, случайна господина,
Считая только-лишь его за дворянина.

ПОРТНОЙ.

Не правда, онъ простой. Я съ нимъ знакомъ давно.
Иль знатенъ потому, что шью ему равно
Какъ знатнымъ всѣмъ однимъ покроемъ я кафтаны,
И что не платитъ мнѣ?

ПОЛИСТЪ.

За что́ платить!... карманы
Ты сдѣлалъ узки всѣ....

ПОРТНОЙ.

На что́ имъ шире быть?
Довольно широты; вѣдь нечѣмъ ихъ набить..
Притомъ же заплатить изъ узкихъ такъ же можно.

ПОЛИСТЪ.

Молчи! ты страшный плутъ, ты съ насъ дерешь безбожно.

ПОРТНОЙ.

Лишь-только заплати, я тотчасъ замолчу.

ПОЛИСТЪ.

Невѣжа! я тебѣ вотъ скоро заплачу.
Гей! люди!

ПОРТНОЙ.

А на что́ своихъ людей скликаешь?
Безъ денегъ ты меня теперь не протолкаешь;
Запасецъ припустилъ у вашихъ я воротъ.

ПОЛИСТЪ, *на ухо портному.*

Да слуги платятъ ли, скажи мнѣ, за господъ?

ПОРТНОЙ.

Ни слова, твоего ждать барина намѣренъ.
Пріѣдетъ скоро онъ домой, я въ томъ увѣренъ.
Сегодня, чтобъ изъ рукъ его не упустить,
За нимъ я издали вездѣ успѣлъ кружить....
Въ изрядныхъ домикахъ изволитъ забавляться.
На то — такъ деньги есть; а мнѣ — такъ дожидаться.

ПРОСТОДУМЪ.

Не можно ихъ понять, сумятица и вздоръ.
Ей-ей тутъ шашни есть, иль я не сенаторъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЧВАНКИНА, МИЛЕНА, ЧЕСТОНЪ, ЗАМИРЪ, ПРОСТО-ДУМЪ, ПОЛИСТЪ, МАРИНА, ПОРТНОЙ, ВЕРХОЛЕТЪ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Какую нахожу я дружеску бесѣду...

Къ Чванкиной.

Окончивъ всѣ дѣла, теперь вѣнчаться ѣду.
Заѣхалъ къ вамъ, чтобъ васъ увѣдомить о томъ,
Что силою моей, и что моимъ умомъ,
Какія ни были мнѣ дѣланы препятства,

Къ Миленѣ.

Чтобъ вамъ, начата мной, не довершить пріятства,
И чтобы я могъ вамъ въ женитьбѣ отказать,
Я все то опровергъ... и смѣю вамъ сказать,
Быть надобно лишь мнѣ, чтобъ козни уничтожить...
Однако не должно ужъ это васъ тревожить...
Замолкли барыни, завидующія вамъ;
Я сильный далъ щелчокъ ихъ дерзкимъ языкамъ...
Когда бъ вы видѣли, какъ всѣ меня стыдили...
Я радъ, что у Двора со мною вы не были...
Хотя бъ и надобно туда представить васъ;
Но послѣ свадьбы тамъ насмотрятся на насъ.

ПОРТНОЙ.

Вы были у Двора? вотъ-на! да у какого?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я съ роду не видалъ, какъ ты, глупца такого..

ПОРТНОЙ.

Не горячитеся, я съ вами соглашусь.
Васъ видѣлъ у Двора, я въ этомъ признаюсь,
Вотъ тамъ, гдѣ короли владѣютъ вдругъ четыре;
А именно, сударь, я видѣлъ васъ въ трактирѣ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Въ трактирѣ! врешь, дуракъ, по этакимъ мѣстамъ
Я....

ПОРТНОЙ.

Точно вашу я карету видѣлъ тамъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Быть можетъ... изъ дворца взялъ князь мою карету,
Онъ, видно... отплачу жъ ему я шутку эту....
Дерзать употреблять на то мой экипажъ....
Хоть знатенъ этотъ князь, однако же онъ блажъ.

ПОРТНОЙ.

Я видѣлъ васъ... да въ томъ нѣтъ нужды мнѣ ни малой...
Каковъ тотъ бархатный кафтанъ прекрасный алой,
Который я прислалъ?

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мы послѣ ужъ о томъ...

ПОРТНОЙ.

Не послѣ, а теперь.

ВЕРХОЛЕТЪ, *на ухо портному.*

Своимъ ты языкомъ
Не сдѣлай мнѣ вреда; ты видишь, я женюся.
Я, повѣнчавшися, сегодня жъ расплачуся.

ЧВАНКИНА.

А вотъ и съ деньгами прикащикъ отъ купца!

ПРОСТОДУМЪ.

Во всемъ счастливаго дождался я конца.

ЧВАНКИНА.

Поди-ка, другъ, тебя давно я ожидала.
Поди.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и ПРИКАЩИКЪ.

ПРИКАЩИКЪ, *указывая на Верхолета.*

Меня его лишь милость задержала.
При немъ нашъ будетъ счетъ такъ чистъ, такъ чистъ
какъ стекло.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*

Боюсь, сударыня, чтобъ время не ушло.
Вамъ будетъ сдѣлать счетъ и послѣ свадьбы можно.
Препятства могутъ быть, спѣшить намъ очень должно.

ЧВАНКИНА.

Но вы сказали намъ: уже препятства нѣтъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ; лучше напередъ окончить намъ свой счетъ,
Не будетъ длиненъ онъ, за это я ручаюсь;
И я въ минутучку чистенько расквитаюсь.
Онъ зять вашъ?

ЧВАНКИНА.

Точно такъ. Вѣдь онъ, ты знаешь, графъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Онъ графъ иль дворянинъ, мой счетъ не меньше
правъ.

ЧВАНКИНА.

Да чтó до этого? и нужда въ томъ какая,
Что графъ зять будетъ мой?

ПРИКАЩИКЪ.

О! нужда въ томъ большая.

ПРОСТОДУМЪ, *прикащику.*

Я вижу, графа ты желаешь оболтать,

Чтобъ долга на тебѣ изволилъ подождать.
Да воля въ томъ его, а мнѣ ужъ очень тѣсно.
Плати-ка все сполна.

ПРИКАЩИКЪ.

Плати-ка? вотъ чтò честно.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Чванкиной.*

Или меня изъ рукъ хотите упустить?
Иль деньги и меня нужнѣе могутъ быть?

ЧВАНКИНА.

Сіятельнѣйшій графъ, за мною вѣдь не стало.

МИЛЕНА, *Честону.*

Вы медлите.

ЧЕСТОНЪ, *Миленѣ.*

Еще помедлить надо мало.

Къ прикащику.

Старайся поскорѣй ты свой окончить счетъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Дотоль моя нога и съ мѣста не сойдетъ.

ЧВАНКИНА.

Да долго ли считать; мнѣ тысячъ семь десятковъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Да графскихъ двадцать вѣдь?

ПРИКАЩИКЪ.

Увидимъ изъ остатковъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Плати жъ скорѣй.

ПРИКАЩИКЪ.

Изволь! ну выставь ручку.

ПРОСТОДУМЪ, *протягивая руку.*

Вотъ.

Прикащикъ подаетъ бумагу.

ПРОСТОДУМЪ.

Что это?

ПРИКАЩИКЪ.

Долговой чистѣйшій переводъ.

Къ Чванкиной.

Которы намъ должны, тѣ платятъ векселями,
Что будущій вашъ зять давалъ... читайте сами.
И если приложить чѣмъ онъ самъ долженъ намъ,
То придетъ лишь додать двѣнадцать сотенъ вамъ
Съ десятками рублей и нѣсколько копѣекъ.

ПРОСТОДУМЪ, *Верхолету.*

Сіятельный, какихъ ты подпустилъ намъ змѣекъ!

ЧВАНКИНА.

Что слышу я? вы графъ!...

ВЕРХОЛЕТЪ.

Полистъ, ты сущій плутъ.

ПОЛИСТЪ.

Когда угодно вамъ, пусть такъ меня зовутъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, *прикащику, указывая на Полиста.*

Такъ онъ не привозилъ къ вамъ денегъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Ни полушки.

ВЕРХОЛЕТЪ, *Полисту.*

Теперь узналъ я всѣ твои со мной игрушки.

Къ прикащику.

Такъ не былъ онъ у васъ, чтобъ деньги отдавать?

ПРИКАЩИКЪ.

Онъ, правда, пріѣзжалъ, да только занимать,
И ваша въ томъ рука на векселяхъ свидѣтель.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Вотъ какъ ты поступалъ съ тѣмъ, кто твой благодѣтель!
Кто вывелъ въ честь тебя!

ПРОСТОДУМЪ.

Изъ самыхъ подлыхъ слугъ,
Который нѣкогда въ деревнѣ былъ пастухъ.

МАРИНА.

Такъ отъ того-то онъ охотникъ до скотины.

ПОЛИСТЪ.

Тѣмъ лучше; не далекъ я родомъ отъ Марины.

МАРИНА.

Молчи, негодный лжецъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Обманщикъ ты, Полистъ.
Какъ будетъ плакаться портной-протоколистъ,
Который отъ тебя напрасно ожидаетъ...

ЧЕСТОНЪ.

И также сенаторъ ужъ скоро зарыдаетъ.

ПРОСТОДУМЪ, *къ Верхолету.*

Не ужъ-то? Слышишь ли, мой графъ, какой въ немъ толкъ?

ЧЕСТОНЪ, *къ кулисамъ.*

Извольте отправлять вы правосудья долгъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и БЛАГОЧИННЫЙ.

БЛАГОЧИННЫЙ.

Отъ Благочинія я присланъ съ повелѣньемъ,
Чтобъ графства мнимаго его уничтоженьемъ
Невинну вашу дочь отъ бѣдствія спасти,
Открыть глаза, васъ всѣхъ въ разсудокъ привести;

Сказать, что онъ не графъ; дворянчикъ плутоватый,
И только хвастовствомъ, обманами богатый;
Который здѣсь давно живетъ на счетъ другихъ,
Сбираючи всегда оброкъ съ головъ плохихъ;
Который жалуетъ и даже въ сенаторы....

ВЕРХОЛЕТЪ.

Оставьте! мы въ судѣ окончимъ наши споры.

БЛАГОЧИННЫЙ.

Я васъ веду. И вотъ пустой вашъ аттестатъ,
Которымъ дядя вашъ пожалованъ въ сенатъ.
Изодранъ онъ.

Бросаетъ.

ПРОСТОДУМЪ, *къ Верхолету, подхватя аттестатъ.*

О, плутъ!

ЧВАНКИНА.

Хвастунъ пренедостойный!

ПРОСТОДУМЪ.

Зачѣмъ не удавилъ его отецъ покойный!

ЧВАНКИНА, *къ Верхолету.*

Гдѣ графство дѣлося? село съ Торжокъ и съ Тверь?
Скажи?

ПОЛИСТЪ.

Гдѣ было, тамъ все это и теперь.

ВЕРХОЛЕТЪ, *ко всѣмъ.*

Кто я, вы въ скорости увидите тó ясно,
И Благочинью тò не будетъ безопасно....
Теперь я замолчу; ни слова больше вамъ.

БЛАГОЧИННЫЙ.

Покуда просимъ васъ мы въ домъ смиренья къ намъ.
Пойдемъ.

Верхолетъ съ Благочиннымъ отходитъ; за ними бѣгутъ прикащикъ и портной.

ПРОСТОДУМЪ.

Попался я къ пречестнымъ людямъ въ лапки;
Я безъ сенаторства, безъ денегъ какъ безъ шапки.
Ну! съѣлъ я грибъ!...

Уходитъ.

МАРИНА, *къ Полисту.*

А ты, стеклянный дворянинъ!...

ПОЛИСТЪ.

Ну, что ты чванишься? иль мало есть Маринъ...
Стеклянный дворянинъ!... названіе прекрасно!...
Кто я, вы въ скорости увидите тò ясно;...
Теперь я замолчу... ни слова больше вамъ...

ЧЕСТОНЪ, *Чванкиной.*

Вотъ очередь пришла, сударыня, и намъ.
Чтò скажете теперь?

ЧВАНКИНА.

Мнѣ случай этотъ тошенъ;
И тотъ, кто чванится до времени, оплошенъ.
Теперь, сударь, на васъ мнѣ стыдно и смотрѣть.

ЧЕСТОНЪ.

Коль прежне дружество къ намъ будете имѣть,
Коль сына моего принявъ себѣ вы въ зяти,
Дадите честности, чтò отдавали знати...

ЧВАНКИНА.

Согласна я на то.

ЗАМИРЪ.

Кто счастливѣй меня!

МИЛЕНА, *Чванкиной.*

Вы жизнь мнѣ отдали...

МАРИНА.

Теперь-то вижу я,
Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

ЧУДАКИ,

КОМЕДІЯ

въ

пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ГОСПОДИНЪ ЛЕНТЯГИНЪ, недавно вышедшій въ дворянство, весьма богатый и по-своему философствующій человѣкъ.

ГОСПОЖА ЛЕНТЯГИНА, жена его, знатнаго рода, женщина гордая.

УЛИНЬКА, дочь ихъ, вѣтренница смиренная.

ПРІЯТЪ, молодой, весьма романическій дворянинъ, влюбленный въ Улиньку.

ВѢТРОМАХЪ, человѣкъ знатный, но бѣдный, за котораго жена Лентягина хочетъ дочь выдать.

ТРУСИМЪ, пріятель всемірный, глухъ и хромъ, охотникъ безъ просьбы всѣмъ услуживать и пріискиваетъ жениховъ для Улиньки.

СУДЬЯ отставной,
МАІОРЪ отставной,
ТРОМПЕТИНЪ, } стихо-
СВИРѢЛКИНЪ, } творцы.
} женихи, которыхъ Трусимъ приводитъ.

ВЫСОНОСЪ, слуга Вѣтромаховъ, въ службѣ у госпожи Лентягиной.

ПРОЛАЗЪ, слуга Пріятовъ, въ службѣ у господина Лентягина.

МАРИНА, служанка Лентягиныхъ.

ЛАКЕЙ.

ЧУДАКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕНТЯГИНЪ, *недоодѣтый, въ креслахъ,* ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ.

Позволено ль слугѣ открытно разсуждать?
Сегодня въ службу къ вамъ, сударь, опредѣляся,
И въ первый разъ я честь имѣя одѣвать,
Не смѣю...

ЛЕНТЯГИНЪ.

Говори меня ты не бояся,
Я искренность люблю. Я чудный господинъ,
Я странный человѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ болтаетъ;
Но философія тѣ враки презираетъ.
Кажуся страннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно быть. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу?

ПРОЛАЗЪ.

За это васъ, сударь, я болѣ почитаю;
Но баринъ...

ЛЕНТЯГИНЪ.

Говори открытно, я прошу.

ПРОЛАЗЪ.

Извольте, все скажу, что на сердцѣ имѣю,
Вы согласитеся, у всякаго вѣдь есть
Своя, у барина ль, царя ль, слуги ли честь;
Однакожъ таки честь.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я это разумѣю,
И знаю, что не родъ приноситъ честь съ собой.

ПРОЛАЗЪ.

Вотъ точно я таковъ: униженъ хоть судьбой,
Но духомъ я высокъ; я не могу измѣрить,
Какъ выше я другихъ, аршиномъ ли, двумя ль;
Да только честь люблю, и въ томъ могу увѣрить.
Охъ, горько, сударь, мнѣ! охъ, горько!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что, не я ль
Разгнѣвалъ чѣмъ тебя? не я ли досаждаю?

ПРОЛАЗЪ.

Вы, сударь, вы! я васъ впервые одѣваю,
Отъ девяти часовъ ударитъ скоро часъ,
А вы еще, а вы и въ полы не одѣты.
Вотъ это честь мою и колетъ прямо въ глазъ.
Вы знаете, сударь, дурныхъ людей навѣты;
Злорѣчье скажетъ такъ: не баринъ виноватъ,
Слуга его одинъ и глупъ и непроворенъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Весь свѣтъ лишь глупостьми и злобою богатъ;
И въ платьѣ видно то, сколь свѣтъ сей золъ и чоренъ.
Чтобъ мучить лишь меня и всѣхъ честныхъ людей,
Онъ бездну выдумалъ и петель и завязокъ,

И пуговицъ пустыхъ, и пряжекъ и подвязокъ;
На что? на то, чтобы, подобно какъ злодѣй,
День каждый мучася, терзался и давился
И, какъ невольникъ бы, въ оковахъ я томился.
И думать некогда. Не бѣдны ль мы, скажи?
Чтò свяжешь по утру, то къ ночи развяжи.
И вотъ у всѣхъ у насъ главнѣйше упражненье!

ПРОЛАЗЪ.

То правда; но тому возможно бы помочь
И сократить, скорѣй одѣвшися, мученье.
Ужъ скоро пять часовъ не отхожу я прочь:
Въ такое время бы одѣлась и кокетка.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Садись, *Пролазъ оглядывается,* садись, сударь, я говорю тебѣ.

ПРОЛАЗЪ.

Мнѣ, сударь?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Да, тебѣ.

ПРОЛАЗЪ.

Иль отъ васъ навѣтка,
Что смѣло говорить я волю далъ себѣ?
Я замолчу, сударь.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты думаешь пустое,
Мой другъ! Я не сержусь; садись и будь въ покоѣ.

ПРОЛАЗЪ.

Да я вѣдь вашъ слуга.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Такъ что жъ?

ПРОЛАЗЪ.

Гдѣ ни служилъ,

У мелкихъ, у господъ, у всякаго народа
При барахъ завсегда я стоя жилъ
И думалъ, господа совсѣмъ отмѣнна рода.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Кто честный человѣкъ, тотъ равенъ мнѣ во всемъ.

ПРОЛАЗЪ.

Давно вертѣлось то, сударь, въ умѣ моемъ.
Я радъ, что разумъ вашъ съ моимъ сошелся близко.
Чтобы слуга сидѣлъ, почто для баръ то низко?
И такъ, коль честному даете право сѣсть,
Безъ угрызенія моя садится честь.

Садится возлѣ Лентягина.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вотъ это я люблю! Простое обхожденье
И поступь дружеска милѣе мнѣ всего.
Какъ въ платьѣ, такъ во всемъ на свѣтѣ принужденье,
А этого мнѣ нѣтъ несноснѣй ничего.
Пріемы вѣжливы, учтивые изгибы,
Коварства гнуснаго одинъ лишь только лакъ:
То сѣти грубыя для самой глупой рыбы,
Чему не вѣритъ, кто хоть мало не дуракъ.
Не правда ли, мой другъ, не правда ль?

ПРОЛАЗЪ *протягиваясь на креслахъ.*

Точно такъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не правъ ли я, когда со всѣми поступаю
Иначе отъ другихъ? *Надѣваетъ на себя колпакъ,* надѣнь и ты колпакъ.

ПРОЛАЗЪ, *надѣваетъ на себя колпакъ.*

Нельзя правѣе быть, я въ этомъ увѣряю.

То правда, что для всѣхъ то кажется смѣшно;
Но что людей смѣшитъ, не все вѣдь то грѣшно.
Насмѣшки, сударь, ихъ считаю за пустое.
Пусть всѣ себѣ стоятъ, сидѣть мы будемъ двое.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты золотомъ, мой другъ любезный, говоришь!
Не видывалъ ни въ комъ ума я толь прямого!
Ты истину сказалъ. То, чѣмъ людей смѣшишь,
Нимало не грѣшно. Для этакаго слова
Достоинъ ты, мой другъ, чтобъ обнялъ я тебя.

Обнимаетъ Пролаза. Пролазъ, не вставая съ мѣста, принимаетъ объятія.

Я, разность глупую межъ нами истребя,
Хочу, прошу, чтобъ ты мнѣ другомъ назывался.

ПРОЛАЗЪ.

Вамъ другомъ быть, сударь, я сердцемъ обязался.
Да.... только.... опыты потребны для друзей.
Что до меня, то я, полушки не имѣя,
Увѣрю въ дружбѣ васъ лишь честностью моей.
Я вамъ всю честь отдамъ, бездѣлки не жалѣя,
Вотъ все, сударь, вотъ все, чѣмъ я служить могу.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты, рокъ! сокровище мнѣ далъ, а не слугу.
То правда: опытомъ лишь дружество крѣпится.
Ты обѣщаешь мнѣ твое имѣнье, честь;
Повѣрь и мнѣ, мой другъ, я говорю не лесть,
Твоимъ и все мое имѣнье становится.
Я обѣщаю то.

ПРОЛАЗЪ.

А я, сударь, не скупъ;
Теперь же чести вамъ, сколь надо, отсчитаю.

Въ сторону.

Для философа онъ немного слишкомъ тупъ;
Не понимаетъ онъ того, чего желаю.

Къ Лентягину.

Когда бы, напримѣръ, я былъ, какъ вы, богатъ,
А вы бы голы такъ, какъ я — я увѣряю,
Что случаю тому я былъ бы очень радъ;
Пустыя бы мѣста у васъ тотчасъ наполнилъ,
И опытъ дружества безъ просьбы я бъ исполнилъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты знаешь, всякой мнѣ противенъ обинякъ;
И для чего ты мнѣ не говоришь открытно?
Вотъ весь мой кошелекъ!

ПРОЛАЗЪ, *принявъ кошелекъ, въ сторону.*

Любезнѣйшій чудакъ!
Служить мнѣ у него какъ будетъ любо, сытно!
Но осторожно мнѣ съ нимъ надо поступать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты что̀-то говоришь?

ПРОЛАЗЪ.

Я то́ теперь считаю,
Мнѣ сколько въ кошелькѣ на нужды надо взять.
Корысть мнѣ — острый ножъ; я деньги презираю,
И остальное вамъ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что деньги почитаю
Я болѣе тебя, иль думаешь ты такъ?
Что́ другу отдалъ я, того не возвращаю;
Не обижай меня.

ПРОЛАЗЪ.

Что? развѣ я дуракъ?

Я философію равно люблю какъ душу
И нѣжной совѣсти ни для чего не рушу.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Часъ-отъ-часу милѣй! Что-скажешь, знатный родъ?
Краснѣй ты отъ стыда, такую честность видя?
И, въ слабостяхъ своихъ себя возненавидя,
Признайся, вѣрь ты мнѣ, что ты предъ нимъ уродъ.

ПРОЛАЗЪ, *въ сторону*.

Онъ что-то честь мою безмѣрно выхваляетъ:
Боюся, кошелька чтобъ не взялъ онъ назадъ.

Къ Лентягину.

Коль безкорыстіе мое васъ оскорбляетъ,
Могу найти тому для насъ обоихъ ладъ.
Взявъ нужное, отдамъ остатки я убогимъ,
И, чести слѣдуя, сударь, законамъ строгимъ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Прекрасно! этому я средству очень радъ!
О, вы, которые суетностями льститесь,
Вы у Пролаза всѣ быть честными учитесь!

ПРОЛАЗЪ.

А я, сударь, у васъ учиться буду самъ.
Ахъ! сколько я за то благодарю судьбамъ,
Что васъ онѣ теперь мнѣ къ счастію послали.
Доселѣ я служилъ профессору морали;
Хотя профессоръ онъ, предъ вами — ничего.
Предъ вашею, сударь, его мораль пустая;
На языкѣ была лишь только у него,
Ребятамъ казанья сухія соплетая,
На дѣлѣ точно такъ жила, какъ всѣ живутъ.
Твердила всѣмъ одно, а дѣлала другое.
Безъ практики, сударь, теорія пустое.
Чтобъ словомъ то сказать, мораль его преплутъ:

Она себѣ одной на пользу все клонила
И жалованья мнѣ мораль не доплатила.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты видишь то, мой другъ, всѣ люди каковы;
Для насъ съ тобою ихъ поступки не примѣры.

ПРОЛАЗЪ.

Изъ собственной все брать намъ должно головы;
Одни лишь люди мы, другіе — лицемѣры;
Мы лучше всѣхъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Еще одинъ лишь договоръ
Хочу, любезный другъ, я заключить съ тобою.
Не умножай меня ты, говоря со мною;
Разсудку здравому не говори въ упоръ,
Вы вмѣсто *ты*. О томъ пусть гордость лишь хлопочетъ,
Котора, въ пышности не стоя одного,
На свѣтѣ многими въ одномъ казаться хочетъ,
Всѣ эти *вы* и *васъ* не значатъ ничего,
Когда одинъ ничто.

ПРОЛАЗЪ.

Всегда я думалъ то же.
Какъ рокъ меня во всемъ подобнымъ вамъ создалъ!
Я было-говорить *ты* барамъ начиналъ;
Но мнѣ сказали такъ, что это мнѣ не къ рожѣ.
Ты видишь ли, мой другъ, каковъ развратенъ свѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛЕНТЯГИНЪ, ПРОЛАЗЪ, ЛЕНТЯГИНА, *видя, что мужъ ея сидитъ съ слугою, протираетъ глаза, не довѣряя тому, что̀ видитъ.*

ЛЕНТЯГИНА.

Мой мужъ сидитъ съ слугой? — не можетъ быть;
нѣтъ, нѣтъ.
Да! такъ, съ слугой сидитъ! — что̀ этого ужаснѣй!
О, люта часть моя! — и оба въ колпакахъ! —
О, подлая душа! ахъ, кто меня несчастнѣй!
Я чувствъ лишаюся, и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!
Плачетъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что̀ сдѣлалось тебѣ, супруга дорогая?

ПРОЛАЗЪ.

Такъ эта женщина, мой другъ, жена твоя?

ЛЕНТЯГИНА, *съ сердцемъ Пролазу.*

Бездѣльникъ! смѣешь ли ты, съ мѣста не вставая,
Почтенья не казать, забывши то, кто я?

ПРОЛАЗЪ.

Или нельзя сидѣть, тебя мнѣ почитая?

ЛЕНТЯГИНА, *мужу.*

Ты видишь глупости твоей теперь плоды.
Какую горьку я съ тобой должна пить чашу!
Подлецъ дерзаетъ мнѣ....

ПРОЛАЗЪ, *Лентягиной.*

Поди й сядь сюды.
И философію не разрушай ты нашу.

ЛЕНТЯГИНА.

Дивлюсь великому терпѣнью моему.

Мнѣ должно бы, позвавъ моихъ лакеевъ штатныхъ,
Ударовъ тысячу велѣть влѣпить ему.

ПРОЛАЗЪ.

Вотъ философскому какая честь уму!

Лентягину.

Мой другъ, что скажешь ты при нравахъ толь развратныхъ?
Системы нашей мнѣ страдальцемъ должно ль быть?
Я опытъ дружества готовъ тебѣ явить,
Мое имѣнье, честь, подвергнувши побоямъ,
Твоей премудрости казать себя героемъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не бойся ничего и будь подобенъ мнѣ.

ПРОЛАЗЪ.

Какъ камень просижу.

ЛЕНТЯГИНА.

Увидимъ то, гей! люди!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Суровости моей приличны ли женѣ?
Сенека....

ЛЕНТЯГИНА.

Плюю я на всѣхъ твоихъ Сенекъ.

ПРОЛАЗЪ, *Лентягину.*

Ты этого, мой другъ, пожалуй не забуди,
Что я хоть философъ, однакожъ человѣкъ;
И если у меня терпѣнья не достанетъ,
То философія моя со стула встанетъ.

ЛЕНТЯГИНА, *въ сторону.*

Какъ мнѣ ни хочется за грубость наказать,
Но я стыжусь сюда моихъ людей позвать:
Увидя этотъ срамъ, они о томъ разскажутъ.

Мужу.

Ну, сходно ли, сударь, то съ честію твоей?

Какое мнѣніе къ намъ люди тѣ привяжутъ,
Которы дѣлаютъ мнѣ честь намъ быть родней;
Тѣ люди знатные, придворны и случайны!
Мнѣ страшно вобразить, кружится голова!
Такія подлости совсѣмъ необычайны.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Какія, матушка, пустыя то слова?
Ты честность бѣдную за подлость почитаешь;
А ты сама того никакъ не примѣчаешь,
Что языкомъ твоимъ одна лишь правитъ лесть.
Ты подлость дѣлаешь, себѣ то ставя въ честь,
Что есть тебѣ въ роднѣ срамцы изъ знатна рода.
Велико дѣло быть почтеннымъ для родни!
Ты знай, родня моя—достоинства одни,
А добродѣтели—одна моя порода.

ЛЕНТЯГИНА.

Вотъ такъ-то завсегда та сволочь говоритъ,
Котора, вышедъ въ свѣтъ изъ черни самой грязной,
Скрывая глупою премудростью свой стыдъ
И съ добродѣтелью для свѣта безобразной,
Старается мрачить безплодно знатный родъ.
Но льзя ль, чтобы со львомъ когда сравнялся кротъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Нельзя; но человѣкъ всегда другому равенъ.

ЛЕНТЯГИНА.

О, чувство гнусное, ахъ! какъ же ты забавенъ!

Смѣется злымъ смѣхомъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я знаю то, что я кажуся всѣмъ смѣшнымъ,
То есть тебѣ, жена, и прочимъ же такимъ.
Ну, смѣйся, смѣйся; я того-то и желаю.

ПРОЛАЗЪ.

Вотъ наши лавры!

ЛЕНТЯГИНА.

Я съ досады умираю!
Я будто всѣмъ равна! какъ можно то сказать?
Я дочь, племянница князей и генераловъ,
Могу ль я быть равна съ женами всѣхъ капраловъ.
Ты хочешь, мужъ, меня до смерти затерзать.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ПРОЛАЗЪ, ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ.

Здѣсь Вѣтромахъ.

ЛЕНТЯГИНА, *застанавливая собою сидящаго Пролаза.*

Поди скажи, я тотчасъ выйду.

Лакей уходитъ.

Мужу.

Забывъ мнѣ всю твою смертельную обиду,
Изъ милости у ногъ твоихъ прошу тебя,
Чтобъ ты, какъ я тебя учила, такъ убрался;
Чтобъ ты предъ знатными хоть мало притворялся.

ЛЕНТЯГИНЪ, *вскоча съ креселъ.*

Чтобы притворствовать унизилъ я себя?
Всегда гнушался я прегнуснымъ толь искусствомъ.
Не будетъ никогда языкъ мой равенъ съ чувствомъ.
Послушай: для тебя и такъ ужъ я дуракъ.
Я тамъ ношу парикъ, гдѣ прежде былъ колпакъ.
Широкій мой сюртукъ я сѣренькій оставилъ,

И платьемъ шалуновъ себя я обезславилъ.
Не требуй болѣе; вотъ все, что я могу.

ЛЕНТЯГИНА.

Для нашей дочери, которую ты любишь.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Твоими пыхами ты Улиньку погубишь;
Собьешь ее съ пути, повѣрь мнѣ, я не лгу.
Научишь пялиться, какъ ты сама, за знатью;
И всѣ достоинства включая въ пышный родъ,
Научишь почитать за дрянь всю нашу братью.

ЛЕНТЯГИНА.

Иль хочешь ты, чтобъ нашъ единородный плодъ
Фамиліи моей упадшей не возставилъ,
Которой знатности ты много поубавилъ,
Женясь на мнѣ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

И такъ испортилъ я вашъ родъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Ты знаешь самъ кто я.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Была дѣвица прежде,
А стала женщина, какъ вышла за меня —
Вотъ все, что ты.

ЛЕНТЯГИНА.

А я всегда была въ надеждѣ,
Что сдѣлала я честь, унизясь до тебя.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Честь эта пустяки, изволь ты это вѣдать.
Всѣ люди изъ всего выводятъ странну честь:
Отправить свой поклонъ, жениться, отобѣдать,
И даже показать преподлу саму лесть.
Все честь, да честь, а честности нимало.

Коль честь ты сдѣлала своимъ замужствомъ мнѣ,
Я тою жъ честію самъ отслужилъ тебѣ:
Мы квитъ; а сверхъ того, что мнѣ принадлежало,
Я сдѣлалъ госпожей тебя, жена, надъ тѣмъ.
Твоей я чести далъ великіе доходы,
Чтобъ пышна честь твоя дурачилася всѣмъ.
Скажи, лишаю ли я честь твою свободы
Казаться, носъ поднявъ, въ каретахъ золотыхъ,
Въ алмазахъ, въ фандарахъ, въ накладкахъ кружевныхъ,
Въ повѣсахъ длинныхъ тѣхъ, которы за тобою
Какъ башни тащатся; спѣсивы какъ кони,
Что я твой мужъ, того ни вѣдаютъ они;
Не придутъ никогда и посидѣть со мною.
Да дѣло не о томъ. Не дѣлаю препятствъ,
И честь твоя живетъ всегда, какъ ей то нравно:
Плачу за всѣ ея я придури исправно.
Почто же честь мою лишать ея пріятствъ?
Пускай себя твоя въ каретѣ цугомъ скачетъ,
Моя же у меня себя пусть въ сердцѣ прячетъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Согласна бъ я была, когда бъ не бѣдна дочь.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Дочь бѣдна! чѣмъ? и какъ? наслѣдница имѣнья
Несмѣтна моего, достойна ль сожалѣнья?

ЛЕНТЯГИНА.

Вѣрь, съ чѣмъ пріѣхала, поѣдетъ съ тѣмъ же прочь.
Не для того ли мы ее везли въ столицу,
Чтобы достойнаго сыскать ей жениха?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Конечно для того.

ЛЕНТЯГИНА.

Не сдѣлай же грѣха.
Ея красой любовь уже поддѣла птицу,
Котора всякой день летаетъ томно къ намъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ну что же? хорошо.

ЛЕНТЯГИНА.

Когда ты всѣ узнаешь
Достоинства его, согласенъ будешь самъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Когда согласна дочь, коль онъ, какъ увѣряешь,
Достойный человѣкъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Нельзя достойнѣй быть.
Всѣмъ барамъ лучшій другъ, и знатенъ и чиновенъ,
И словомъ Вѣтромахъ. Теперь ты сталъ безсловенъ?
То только лишь, чтобы его не упустить,
Ты долженъ и себя хоть крохотку подладить;
Возвысясь нѣсколько, мѣщанскій духъ повадить,
Твой низкій родъ на свѣтъ за знатный выдавать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не вправду ль?

ЛЕНТЯГИНА.

Точно такъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Тому-то не бывать.
Прости, прошедшая княжна, иду я кушать.
Я чувствую ко мнѣ приходитъ аппетитъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Еще нѣтъ двухъ часовъ; — такъ рано ѣсть! — о, стыдъ!
Мѣщанамъ сродно то́,—постой, изволь послушать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я докажу, что мой презнатный аппетитъ.

Уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕНТЯГИНА, ПРОЛАЗЪ, *хочетъ идти.*

ЛЕНТЯГИНА.

Куда ты въ колпакѣ изволишь отправляться?

ПРОЛАЗЪ, *снявъ колпакъ.*

Премудрость и моя желаетъ поклевать.

ЛЕНТЯГИНА.

Постой; — *въ сторону.* Бѣшуся я; но должно уни-
жаться.

Пролазу.

Послушай: хочешь ли и мнѣ ты угождать?

ПРОЛАЗЪ.

Коль философію не будетъ повреждать
Угодливость моя, я вашъ слуга покорный.

ЛЕНТЯГИНА.

Оставь пожалуста ты свой языкъ притворный,
И слушай.

ПРОЛАЗЪ.

Буду вамъ съ прилежностью внимать.

ЛЕНТЯГИНА.

Ты плутъ, или дуракъ, — ты то, или другое.

ПРОЛАЗЪ.

Супруга вашего я ученикъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Пустое.

Я вижу, пользуясь ты странностью его,
Покорствуешь ему для счастья твоего.
Я знаю, ты предъ нимъ лишь только лицемѣришь.

ПРОЛАЗЪ.

Вы можете....

ЛЕНТЯГИНА.

Меня ни чѣмъ ты не увѣришь,
Дай мнѣ все высказать, и послѣ отвѣчай.
Противъ тебя, могла бъ я быть строга, сурова,
И выгнать изъ дому могла бъ, — ты это знай;
Но лучше я хочу съ тобой безъ бранна слова,
Одною ласкою вступая въ договоръ,
Тебѣ два ясныя представить предложенья:
Возможешь отвратить ты всѣ мои мученья
И мнѣ помочь скрывать несносный тотъ позоръ,
Въ который странностью меня мой мужъ приводитъ.
Коль радости съ тобой равняться онъ находитъ,
Какъ хочешь чудакомъ будь съ нимъ наединѣ;
Сиди и въ колпакѣ, но только не при мнѣ
И не при комъ, чтобъ все то́ было скрытно, тайно;
И одолжишь меня ты этимъ чрезвычайно.
Когда жъ не то, — бѣда тебѣ! ты это знай!
Вотъ два предмета; ну, ты выбери изъ пары:

Вынимаетъ кошелекъ съ деньгами.

Иль денегъ кошелекъ, иль палочны удары.
Размысли, разсуди; любое принимай.

ПРОЛАЗЪ.

Или вы мыслите, что мудрецы такъ тупы?
Не думайте, чтобъ я поколебаться могъ.
На выборы я скоръ: примаю кошелекъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Смотри жъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРОЛАЗЪ, *одинъ, держа въ рукахъ по кошельку.*

За вздоръ платить, какъ люди всѣ не скупы!
Мой милостивый рокъ какихъ господъ мнѣ далъ!
Вотъ деньги, чтобъ сидѣлъ; вотъ деньги, чтобъ стоялъ.
Все это хорошо; но горничной не вижу;
Служанка Улиньки не кажется глазамъ.—
Да вотъ она.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРОЛАЗЪ, МАРИНА.

ПРОЛАЗЪ.

Я тѣмъ Марины не обижу,
Я думаю, что я своей особой самъ
Являюсь ей.

МАРИНА.

Слуга влюбленнаго Пріята
У насъ! зачѣмъ? и какъ осмѣлиться ты могъ?

ПРОЛАЗЪ.

Что дѣлать, пламень насъ любовный въ уголь сжегъ;
И баринъ мой и я....

МАРИНА.

Надежда вся отнята
Жениться вамъ на насъ. Ступайте вы домой.

ПРОЛАЗЪ.

Такъ гордо! и домой! Такъ знай же, что я дома.
Я здѣсь хочу зажить.

МАРИНА.

Я не люблю содома.
Я позову людей.

ПРОЛАЗЪ, *надѣвъ колпакъ.*

Потише, свѣтикъ мой.

МАРИНА.

И ты еще у насъ быть хочешь грубіяномъ!

ПРОЛАЗЪ.

Не горячись; тебѣ я крылья ошибу.
Имѣю право я носить колпакъ на лбу
При баринѣ твоемъ.

МАРИНА.

Съ такимъ, какъ ты, болваномъ
Терять не стану словъ; иду я то открыть,
Что ты....

ПРОЛАЗЪ, *съ ласкою.*

Постой. Хочу съ тобой поговорить
Подружески, какъ тò у насъ бывало прежде.
Мой баринъ на тебя, Маринушка, въ надеждѣ.

МАРИНА.

Пустое.

ПРОЛАЗЪ.

Также я.

МАРИНА.

То враки.

ПРОЛАЗЪ.

Ты горда.
Но отъ чего, скажи, такая перемѣна?
Ты смотришь барыней, а прежде ты всегда....

МАРИНА.

Теперь ужъ все не то.

ПРОЛАЗЪ.

О, лютая измѣна!
Я признаюсь, что я теряю весь куражъ;
И если Улинька къ Пріяту.....

МАРИНА.

Такова жъ.

ПРОЛАЗЪ.

На что жъ убытчиться намъ съ бариномъ несчаст-
нымъ.
Съ подаркомъ я его поѣду лучше прочь.

МАРИНА.

Съ подаркомъ, говоришь?

ПРОЛАЗЪ.

Съ подаркомъ, и съ прекраснымъ.
Прости свирѣпа....

МАРИНА.

Ну, отъѣздъ ты свой отстрочь.

ПРОЛАЗЪ.

Ахъ! нѣтъ, предъ гордостью твоей я такъ робѣю,
Что только показать тебѣ подарокъ смѣю.

Показываетъ перстень.

МАРИНА.

Блистаетъ очень онъ! неужели алмазъ?

ПРОЛАЗЪ.

Нѣтъ, такъ, стекло. Прости, жестокая Марина.

Хочетъ идти.

МАРИНА.

Постой.

ПРОЛАЗЪ.

Зачѣмъ? вѣдь вы не любите ужъ насъ.

МАРИНА.

Хотя къ тому у насъ великая причина,

Однако.... ежели.... твой баринъ столько чивъ,
Авось либо и льзя мнѣ будетъ согласиться.

Съ ласкою.

Пролазъ! ты ужасть какъ теперь краснорѣчивъ,
И отъ тебя нельзя никакъ отговориться.

ПРОЛАЗЪ.

Ни слова, кажется, тебѣ не говорю.

МАРИНА.

Да перстень говоритъ.

ПРОЛАЗЪ.

На, на, возьми, плутовка.

МАРИНА.

Какъ милъ Пролазъ! какъ я его благодарю!

ПРОЛАЗЪ.

У всѣхъ красоточекъ всегда одна уловка;
У нихъ то кажется какъ-будто бы въ крови,
Коль нѣтъ блестящаго, такъ нѣту и любви.
И такъ теперь мы вамъ попрежнему пріятны?

МАРИНА.

Не сомнѣвайся.

ПРОЛАЗЪ.

Уфъ! на сердцѣ отлегло.
Теперь мнѣ будутъ всѣ твои разсказы внятны.
Скажи же.

МАРИНА.

Самъ скажи, какъ то̀ произошло,
Что ты у насъ?

ПРОЛАЗЪ.

У васъ; того еще мнѣ мало;
Я въ службу принятъ здѣсь.

МАРИНА.

Но кѣмъ введенъ ты въ домъ?

ПРОЛАЗЪ.

Вотъ этимъ чудакомъ, услужникомъ всесвѣтнымъ,
Который, не смотря, что онъ и глухъ и хромъ,
По улицамъ съ лицемъ таскаяся привѣтнымъ,
Надоѣдаетъ всѣмъ, стараясь угодить;
Который, всѣхъ ловя и кстати и не кстати,
И суетяся всѣмъ безъ просьбы услужить,
Знакомъ и черни всей, и самой первой знати.

МАРИНА.

Трусимъ?

ПРОЛАЗЪ.

Такъ, точно онъ.

МАРИНА.

Привыкнувъ плутовать,
Ты прежнимъ принялся товаромъ торговать,
И въ службу для того ты къ намъ опредѣлился,
Чтобы....

ПРОЛАЗЪ.

Чтобъ услужить Пріяту моему,
Который барышней твоей навѣкъ плѣнился.
Я мой товаръ принесъ къ товару твоему;
Соединимъ его. Пускай весь свѣтъ узнаетъ,
Что свадебки сшивать искуснѣе насъ нѣтъ.
Вотъ все, Маринушка, чего Пролазъ желаетъ.
Еще жъ, тебя любить; и вотъ мой весь предметъ!
Докажемъ то, что самъ и даже чортъ скотина,
Коль примется за чтó съ Пролазушкой Марина.

МАРИНА.

Я обѣщаю то; но я должна сказать,
Что много трудностей.

ПРОЛАЗЪ.

Всегда путь къ славѣ труденъ.
Боюсь, не можетъ ли меня кто здѣсь узнать?

МАРИНА.

Не бойся ничего. Вѣдь сколько баринъ чуденъ,
Не меньше барыня въ своихъ дѣлахъ чудна.
Изъ всѣхъ служителей осталась я одна;
И всѣ теперь у насъ наемны, новы люди;
А деревенскіе отправились назадъ.
Несносенъ барынѣ всѣхъ этихъ чучелъ взглядъ.
Теперь у нашихъ слугъ высоки, горды груди.
Они спѣсивы такъ, какъ будто господа;
И ты предъ ними самъ негоденъ никуда.

ПРОЛАЗЪ.

Изрядный комплиментъ: *увидя Высоноса*, кто это къ нам выходитъ?
Онъ выступаетъ такъ, какъ театральный царь.

МАРИНА.

Онъ барынинъ слуга, ея путемъ и бродитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРИНА, ВЫСОНОСЪ, ПРОЛАЗЪ, *снявъ колпакъ, кланяется учтиво Высоносу.*

ВЫСОНОСЪ, *гордо смотря на него, не откланивается.*

Марина, съ кѣмъ ты здѣсь? какая это тварь?

МАРИНА.

Спросите у него, онъ самъ тó вамъ разскажетъ.

ПРОЛАЗЪ, *съ насмѣшливымъ униженіемъ.*

Коль ваша милость мнѣ раскрыть мой ротъ прикажетъ.

ВЫСОНОСЪ.

Съ Мариной говорю.

ПРОЛАЗЪ.

Великій государь!
Себя я болѣе Марины вашей знаю.

ВЫСОНОСЪ.

Моей Марины? такъ, ты это угадалъ,
И я, любя, ее своею почитаю.

ПРОЛАЗЪ, *тихо Маринѣ.*

Плутовка! ну за что жъ тебѣ я перстень далъ?

МАРИНА, *тихо Пролазу.*

За барина.

ВЫСОНОСЪ.

У васъ какіе-то секреты?

МАРИНА.

Секреты? никакихъ.

ПРОЛАЗЪ.

А если бъ было то?

ВЫСОНОСЪ.

Я далъ бы дружески тогда тебѣ совѣты.

ПРОЛАЗЪ.

Какіе?

ВЫСОНОСЪ.

Выбросилъ тебя бы за окно.

ПРОЛАЗЪ.

Толь знатна барина высоко ставя дружбу,
И я бы оказалъ ему съ почтеньемъ службу.

ВЫСОНОСЪ.

Какую?

ПРОЛАЗЪ.

Ухватя бъ за волоса его,
Измялъ бы кудри всѣ я друга моего;

И послѣ бъ сильными моими кулаками
Повеселилъ себя надъ гордыми щеками.

ВЫСОНОСЪ.

Безчинно говоря, ты знаешь ли кто я?
Я принятъ въ этотъ домъ изъ дома Вѣтромаха.
Здѣсь Улинька его, Марина же моя.
И такъ, какъ смѣешь ты безчинничать, неряха!

ПРОЛАЗЪ.

Поближе подойди; ну, вотъ окно, вотъ я.

МАРИНА.

Уйти мнѣ поскорѣй, бранятся не на шутку!

Уходитъ.

ПРОЛАЗЪ, *Высоносу.*

Что жъ ты, мой другъ, нейдешь?

ВЫСОНОСЪ.

Противно тó разсудку,
Чтобы унизился къ тебѣ я подойти,
Чтобъ честь тебѣ имѣть побитому быть мною,
Приблизься ты ко мнѣ.

ПРОЛАЗЪ, *немного приблизясь.*

Готовъ; я радъ съ тобою
Черезъ пощочины знакомство завести.

Размахивая руками.

Давай.

ВЫСОНОСЪ.

Не стану рукъ марать я недостойно;
Толь подлой челяди не бью я никогда.

Уходитъ.

ПРОЛАЗЪ, *одинъ.*

Не дурно, что у насъ все кончилось спокойно:
Когда бъ не струсилъ онъ, — я струсилъ бы тогда.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

УЛИНЬКА, МАРИНА.

МАРИНА.

Такъ вы, сударыня, намѣрены забыть
Пріята милаго?

УЛИНЬКА.

Я не хочу любить
Того, который все изподтишка вздыхаетъ;
Который робкими шагами подступаетъ;
Котораго любовь, какъ-будто хочетъ красть.
Онъ сердца не беретъ, а щиплетъ все по точкѣ;
Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущонъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ-будто селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ;
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ. —
Какъ скученъ! онъ меня до смерти залюбилъ.

МАРИНА.

Такъ, видно, Вѣтромахъ страсть вашу прохладилъ.

УЛИНЬКА.

Какая разница: всѣ модны кавалеры,

Которымъ Вѣтромахъ даетъ собой примѣры.
И ловокъ и остеръ, и веселъ и пригожъ;
Чтò былъ вчера, на то сегодня не похожъ.
Одинъ, но любитъ онъ на разные манеры.

МАРИНА.

Вы льститесь, что прошла къ Пріяту ваша страсть;
Но ошибаетесь.

УЛИНЬКА.

Кто? я? вотъ чтò прекрасно!
И вздумать мнѣ о немъ и гадко и ужасно.
Я чувствую, что съ нимъ мнѣ замужемъ пропасть.

МАРИНА.

Не вѣрю, онъ вамъ милъ; я въ этомъ увѣряю.

УЛИНЬКА.

Какъ можешь увѣрять меня во мнѣ самой?
Иль то, чтò чувствую, тебя я меньше знаю?

МАРИНА.

О! меньше не въ примѣръ, — изволите ль со мной
Удариться, о чемъ вы сами захотите?

УЛИНЬКА, *смѣется.*

Какъ это мнѣ смѣшно, ты дура.

МАРИНА.

Не шутите.
Навѣрно выиграю, сударыня, закладъ.
Теперь ослѣплены вы щегольства блистаньемъ,
Манернымъ прыганьемъ, впередъ и вкось и взадъ;
Оглушены его пребыстрымъ лепетаньемъ,
Вамъ кажется, что вы нашли великій кладъ;
Вашъ духъ отъ радости и млѣетъ и трепещетъ;
И, въ знатность утонувъ вы съ матушкой своей,
Вамъ кажется, онъ тварь особа отъ людей.
Не все тó золото, сударыня, чтó блещетъ.

Когда раскусите толь гладенькій орѣхъ,
Найдете не зерно, а пыль одну безъ вкуса.
Пріята для него оставить, право, грѣхъ.

УЛИНЬКА.

Чего же было ждать отъ этого мнѣ труса?
Два года отъ любви по мнѣ онъ воздыхалъ,
А страсти мнѣ своей примѣтить не давалъ.
Какъ гуливала я, въ деревнѣ, въ нашей рощѣ,
Ты знаешь то, скажи, что этого есть плоше:
Не смѣя къ намъ войти черезъ знакомство въ домъ,
Всегда старался мнѣ въ гуляньѣ повстрѣчаться,
Чтобъ шляпу снять, вздохнуть и отъ меня бросаться.
Потомъ, какъ нѣсколько мнѣ сдѣлался знакомъ,
Молча, не говоря о страсти мнѣ ни слова,
Онъ подчивалъ меня годъ цѣлый табакомъ;
Потомъ, какъ я уже совсѣмъ была готова
Оттуда съ матушкой отправиться сюда,
Оковы своего разрушивъ отъ стыда
И повстрѣчавшися со мной опять въ гуляньѣ:
«Я васъ люблю!» шепнулъ на самомъ разставаньѣ.

МАРИНА.

То правда, робокъ онъ, застѣнчивъ, трусоватъ;
Но тò не ложный знакъ любви и обожанья.
Не можетъ къ намъ имѣть нимало тотъ почтенья,
Который дерзостью быть смѣетъ виноватъ,
Который, будто-бы въ военный часъ сраженья,
Какъ грозный гренадеръ, отважный супостатъ,
На сердце лезетъ такъ, какъ-будто бы на стѣну.
Надѣюсь, женщина должна имѣть отмѣну
Отъ башни городской, отъ городскихъ воротъ.
Однакожъ, таковы почти мы всѣ ужъ стали.

Благодаря всякъ день прiѣзду новыхъ модъ,
Что мы хотимъ, чтобъ насъ всегда приступомъ
брали.

УЛИНЬКА.

А вотъ и матушка, а съ нею Вѣтромахъ.

ЯВЛЕНIЕ II.

ЛЕНТЯГИНА, УЛИНЬКА, ВѢТРОМАХЪ, МАРИНА.

ВѢТРОМАХЪ.

Ma charmante Улинька! ахъ, какъ же вы прелестны
Tous ces gens, madame! какъ глупы, какъ безчестны,
Которы не найдутъ у насъ того въ глазахъ,
Чтó вижу я.

УЛИНЬКА.

А чтó изволите вы видѣть?

ВѢТРОМАХЪ.

Friponne! будто бы не вѣдаешь того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть;
Что вы прекраснѣе и неба самого!

Улинька присѣдаетъ.

Вы присѣдаете! какое просвѣщенье!
Имѣть такую дочь какое утѣшенье!

Лентягиной.

Не правда ли, maman?

ЛЕНТЯГИНА.

Признаться я должна,
Что воспитанiе дано пристойно роду;
И въ обращенiи имѣя всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,

От низостей, сударь, она весьма далека;
И крѣпко все храня, что́ такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что̀ такое шить и плесть, —
То все для чернаго оставя человѣка;
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ;
И какъ Француженка, умѣя по-французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по-русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ;
Проводитъ два часа всегда у туалета.

ВѢТРОМАХЪ.

Браво, мадамъ! вотъ все, что̀ надобно для свѣта
И для людей — какъ бишь? pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, мадамъ, должны немного
Въ томъ, что и я, храня свою честь такъ же строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный Jargon.
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знавъ французскаго, я былъ бы дуракомъ.
Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
Je brule, je languis! мнѣ какъ бы то сказать
Прелестной Улинькѣ? — не ужъ то бы мычать:
Я млѣю, я горю — fi donc! мнѣ думать должно,
Что по-французски вы и также вашъ epoux....

ЛЕНТЯГИНА, *скоропостижно.*

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez vous?

ВѢТРОМАХЪ.

Браво, мадамъ!

ЛЕНТЯГИНА.

Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

ВѢТРОМАХЪ.

Je vous jure, мадамъ? что русскій мнѣ языкъ
Какъ-будто кляпъ во рту; притомъ же очень вреденъ.
Вы не повѣрите, я сколько съ русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, не великъ!
А по-французски: о! que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой par une grande porte.
Я разскажу о томъ, случилось чтó со мной:
Однажды я сидѣлъ у дамы молодой,
Французскихъ ни двухъ словъ она не разумѣла,
И отъ того ma tête horriblement болѣла,
Такъ, что я цѣлый день былъ дома не одѣтъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Не думала бы я, чтобъ могъ такой быть вредъ:
Отъ нажимаціи конечно боль случилась.

ВѢТРОМАХЪ.

Imagination хотѣли вы сказать?

ЛЕНТЯГИПА.

Такъ точно. — Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французскимъ украшать
Прегрубый нашъ языкъ, который мнѣ противенъ.
Какъ мой epoux мнѣ тѣмъ всегда казался дивенъ,
Что, по-французски онъ умѣя какъ Французъ,
Прелестнымъ языкомъ не хочетъ забавляться.

ВѢТРОМАХЪ.

Тому, сударыня, я долженъ удивляться,
И дворянинъ....

ЛЕНТЯГИНА.

О! родъ его, что въ картахъ тузъ

И древностью никто не можетъ съ нимъ сравняться:
За тысячу онъ лѣтъ умѣетъ предковъ счесть.

ВѢТРОМАХЪ.

И такъ, теперь мнѣ нѣтъ ни малаго препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть!

Улинька присѣдаетъ.

И все у насъ равно, и грасы, и пріятства,
И умъ, je m'en flatte, и даже рода честь.

Улинька присѣдаетъ.

По чести выдумка прекрасна присѣданье,
Оно другой языкъ, и можетъ сокращать
De discours frivoles, излишнее болтанье.
На все умѣетъ та прелестно отвѣчать
И съ скромностью казать нескромное желанье,
Подобно Улинькѣ умѣетъ кто присѣсть.

Увидя мужа Лентягиной.

Скажите, къ намъ какой медвѣдь изволитъ лѣзть?

ЛЕНТЯГИНА.

Мой мужъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Вы шутите, не тотъ ли это предокъ,
Чтò лѣтъ за тысячу въ свѣтъ издалъ родъ его.

ЛЕНТЯГИНА.

Наружность, знаете, не значитъ ничего.
На свѣтѣ вѣдь, сударь, такой примѣръ не рѣдокъ,
Что знатность скрытая обманываетъ глазъ;
Хоть не блеститъ въ корѣ алмазъ, но все алмазъ.
Онъ знатный дворянинъ, могу увѣрить смѣло,
Да, — не прогнѣвайтесь, немного философъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Не стыдно ли себя поставить въ счетъ ословъ;
И философствовать дворянское ли дѣло?

ЛЕНТЯГИНА, *Улинькѣ.*

Теперь ты, Улинька, не можешь съ нами быть:
Намъ должно о тебѣ съ отцомъ поговорить.

Улинька, присѣвъ, уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ.

ЛЕНТЯГИНА, *сама съ собою.*

О, Небо! помоги окончить мнѣ все славно.
Дрожу, боюсь, что мужъ меня изобличитъ,
Что по-французски онъ никакъ не говоритъ,
И что, къ несчастію, онъ дворянинъ недавно.
Какъ злополучна я! какъ то̀ мнѣ можно снесть?

Мужу.

Вы видите того презнатна кавалера,
Который дѣлаетъ отмѣнную намъ честь.

Вѣтромахъ, искривясь, щегольски кланяется.

Желая зятемъ быть, сударь....

ЛЕНТЯГИНЪ, *садясь.*

Кто хочетъ сѣсть,
Тотъ сядетъ. Не люблю я вашего манера,
Чтобъ принуждать сидѣть. Ну, знатный кавалеръ....

Вѣтромахъ также щегольски кланяется.

Да перестань водить ты вензели ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано межъ нами,
Немного у меня найдешь себѣ ты мѣръ.
Со всѣми этими козлиными прыжками
Мнѣ всякой кажется лишь съ вѣтромъ безъ души.

Пожалуй же въ умѣ ты это запиши,
Коль хочешь зятемъ быть.

ВѢТРОМАХЪ.

Хочу ли я? о, Ciel!
Въ томъ только tous mes voeux! — сама Agnes Sorel
Французскимъ королемъ такъ не была любима,
Какъ мною ваша дочь—Je jurerai toujours,
Что я могу сказать не дѣлая ей куръ,
И тѣмъ не сдѣлаю ни малаго я крима:
Она divinité!

ЛЕНТЯГИНЪ, *женѣ съ удивленіемъ.*

Гдѣ Богъ тебѣ послалъ
О, жонушка моя! такого кавалера?

ВѢТРОМАХЪ.

Beaucoup d'honneur monsieur! Такъ я угоденъ сталъ?
Я зналъ то напередъ. — Не найдете примѣра
Другого мнѣ, monsieur!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Опомниться мнѣ дай,
Мосье!... Изъ милости....

ВѢТРОМАХЪ.

Но вы меня стыдите.
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто отъ меня забылись.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Продолжай.
Мучитель!

ВѢТРОМАХЪ.

Правда то, что есть во мнѣ меритъ;
Безъ хвастовства, j'ose vous это dire;
Однако, чтобъ онъ могъ васъ привести въ delire,
Не чаю, — только свѣтъ весь это говоритъ,

Что, кто бъ ни былъ, меня въ талантахъ не объ-
ѣдетъ;
Qu'un homme tel que moi....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не вѣрь, свѣтъ часто бредитъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Comment?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Скажи-ка мнѣ, ты Русской, иль Французъ?

ВѢТРОМАХЪ.

Helas! я не Французъ!

ЛЕНТЯГИНЪ.

О чемъ же ты стонаешь?

ВѢТРОМАХЪ, *съ жалостію.*

Я Русской! — у меня на сердцѣ это грузъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

И такъ, ты Русскимъ быть обидой почитаешь? —
Вотъ знатный дворянинъ!

ВѢТРОМАХЪ.

Я очень, очень радъ,
On ne peut plus, что вамъ, мосье, попалъ я въ ладъ;
Que мысли vous avez со мною одинаки.
И благородство чѣмъ мы можемъ доказать?
По-русски не умѣть, все наше презирать, —
Вотъ это знатности veritables признаки.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Хоть не могу тебя я очень разумѣть,
Не зная словъ чужихъ. однакожъ по примѣтамъ....

ВѢТРОМАХЪ.

Vous vous moquez, monsieur. — Изволите умѣть
Вы по-французски?

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ сердцемъ.*

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ВѢТРОМАХЪ.

По вашимъ лѣтамъ
Обманывать меня, monsieur, не должно бъ вамъ,
Вы точно какъ Французъ, иль такъ же, какъ я самъ.

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ нетерпѣнiемъ.*

Жена, увѣрь его, и кончи эту вздорность.

ВѢТРОМАХЪ, *съ досадою.*

Je ne le croirai point! какая жъ въ васъ упорность!

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ сердцемъ.*

Чтобъ чортъ....

ЛЕНТЯГИНА, *торопливо.*

Душа моя, пожалуй, не сердись.

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ запальчивостiю.*

Пожалуй съ нимъ, душа моя, ты провались!
Вовѣкъ не видывалъ такого человѣка!

ЛЕНТЯГИНА.

Ты философъ, и то ль, сударь, велитъ Сенека?

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ хладнокровiемъ.*

Готовъ скрѣпиться я, лишь-только бъ онъ болталъ
Со мной по-русски.

ВѢТРОМАХЪ.

Какъ, вы очень знатна рода,
А пикируетесь!

ЛЕНТЯГИНЪ, *скоропостижно.*

А кто тебѣ сказалъ?
Моя мѣщанская, но добрая порода.

ВѢТРОМАХЪ.

Уже лѣтъ тысячу, мосье, вы дворянинъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вѣрь мнѣ, недавно я еще спеченый блинъ;
Но я жирнѣе тѣхъ, которы зачерствѣли.

ЛЕНТЯГИНА.

Оставьте то.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Чтобъ мы другъ друга разумѣли,
Скажу я на отрѣзъ, покойный мой отецъ,
Запомнятъ это всѣ, пречестный былъ кузнецъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Qu'entend-je!

Уходитъ, запѣвъ французскую пѣсню.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Прощай.

ЛЕНТЯГИНА, *упадая въ обморокъ.*

Погибла я! охъ, тошно!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Какія дурости! тошнится отъ того,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отецъ кузнецъ. Не должно бъ такъ оплошно,
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нѣтъ, Улинькѣ моей за этимъ не бывать.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕНТЯГИНА *въ обморокѣ*, ЛЕНТЯГИНЪ, ТРУСИМЪ.

ТРУСИМЪ, *хромая.*

Насилу до тебя, любезный другъ, добрался.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ну, здравствуй, господинъ Трусимъ.

ТРУСИМЪ.

Весь день въ трудахъ.
Чужихъ дѣлъ у меня препропасть на рукахъ.
Сегодня я для васъ безмѣрно замѣтался.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Да развѣ я просилъ?

ТРУСИМЪ.

Погромче говори:
Я крѣпокъ на ухо, и ты вѣдь знаешь это.
Я отъ усердія оглохъ въ прошедше лѣто
И ногу изломалъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Коль хочешь, повтори,
А я забылъ, тебѣ какъ это приключилось.

ТРУСИМЪ.

У милостивца мнѣ Андроса тò случилось:
Въ тотъ разъ чихнувъ, платокъ изволилъ уронить.
Обрадовавшись, я вдругъ низко поклонился;
И, чтобъ въ усердіи другихъ опередить,
Какъ самый быстрый конь платокъ поднять пустился;
Полъ гладокъ былъ какъ ледъ; я какъ-то зацѣпился.
И ногу повредилъ, ударившись вискомъ.
Былъ долго боленъ я; съ тѣхъ поръ и глухъ и хромъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

О, низость!

ТРУСИМЪ.

Склизость? да и полъ былъ вытертъ воскомъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я низость говорю.

ТРУСИМЪ.

Хоть низко я упалъ,
Но я разшибся весь на этомъ мѣстѣ плоскомъ.

Нѣтъ нужды, Улинькѣ я жениховъ сыскалъ,
И пригоню ихъ къ вамъ сегодня цѣлу кучу.
Я думаю, что вамъ я этимъ не наскучу.
Да гдѣ же барыня твоя?

ЛЕНТЯГИНЪ, *указывая.*

Вотъ здѣсь она.

ТРУСИМЪ.

Чтὸ вижу я? лежитъ, чуть дышетъ и блѣдна!
Не можетъ... тотчасъ я... *Шаритъ въ карманахъ.*
Со мною все, чтὸ нужно
Въ припадкахъ помогать. Я, вѣчно живъ услужно,
Смѣшонъ бы былъ, когда бъ въ карманахъ не носилъ
И спиртовъ и мазей, и порошковъ и капель.
Когда во флотѣ я еще бывалъ костапель,
У доктора всего на случай напросилъ.
Съ тѣхъ поръ всегда со мной походная аптечка.
Лентягиной.
Чтὸ сдѣлалось съ тобой, любезная овечка?

ЛЕНТЯГИНА, *слабымъ голосомъ.*

Подите прочь, меня оставьте умереть.

ТРУСИМЪ.

Что чувствуешь, скажи, я тὸ тебѣ и выну.
Не надо ль гдѣ тебѣ помазать, потереть?
Гдѣ колетъ у тебя, въ животъ, иль въ грудь, иль въ спину?
Иль индѣ гдѣ?

Лентягина отталкиваетъ его.

Она толкается въ бреду.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Нѣтъ у тебя лекарствъ отъ этого припадка.
У ней спѣсивая и знатна лихорадка.

ЛЕНТЯГИНА, *съ запальчивостью вскочивъ.*

Ты шутишь, сдѣлавъ мнѣ ужасную бѣду.
Но я, вѣрь мнѣ, тебя всѣмъ сердцемъ презираю.
И какъ же тошно мнѣ, хотя несносно рвусь,
Хотя въ досадѣ я съ душею разстаюсь,
Однако, чтобъ тебя бѣсить, не умираю.

Уходитъ.

ТРУСИМЪ.

Принудь ее принять, у ней пресильный жаръ.
Примѣтилъ ли, какъ взоръ у ней сталъ смутенъ, вздоренъ.
Да ты вѣдь увалень, лѣнивъ и непроворенъ.
Вотъ капли — утишатъ внутри, хотя бъ пожаръ.
Пойду я ей задать пріема вдругъ четыре.

Уходитъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Чѣмъ болѣе живу я въ этомъ жалкомъ мірѣ,
Тѣмъ болѣ вижу я, что нѣту въ немъ пути,
И что мнѣ мудрено такихъ людей найти,
Каковъ Пролазъ и я. *Увидя Пролаза.* Поди, мой другъ сердечный!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЕНТЯГИНЪ, ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ.

Чтó сдѣлалось тебѣ? ты, кажется, смущенъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Смущенъ! измученъ я. Здѣсь былъ безчеловѣчный
Какой-то кавалеръ.... я очень разсерженъ.

ПРОЛАЗЪ.

Я знаю, Вѣтромахъ. Каковъ онъ показался?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Болванъ, распудренъ весь, душистъ и распещренъ.
Болталъ, не знаю чтó, жеманился, кривлялся.
И вотъ все тутъ,—совсѣмъ отъ естества далекъ.
Рѣчами попугай, поступкомъ обезьяна;
И не было бъ ему животнымъ быть изьяна.
Онъ съ человѣческимъ лицемъ не человѣкъ.

ПРОЛАЗЪ.

Однакожъ Улинькѣ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не быть за нимъ, клянуся.
Лишь вздумаю о немъ, досадою я, рвуся.

ПРОЛАЗЪ.

Спасибо, братъ, тебѣ, что я, ты мыслишь то жъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Такихъ, какъ ты да я, на свѣтѣ не найдешь.
За то.... но послѣ я поговорю съ тобою,
И чтò мнѣ вздумалось, я тò тебѣ открою.
Одинъ достоинъ ты.... да хочется мнѣ спать.
Отъ этого я такъ замученъ кавалера,
Что не могу совсѣмъ и ногъ моихъ таскать.

Хочетъ идти. Пролазъ его останавливаетъ.

ПРОЛАЗЪ.

Есть нѣкой у меня знакомецъ безъ примѣра,
Который такъ, какъ ты, и честенъ и уменъ,
И очень философъ; зовутъ его Семенъ.
Хотя сверхъ имени прозваніе имѣетъ,
Но именемъ однимъ велитъ себя онъ звать.
Онъ крѣпко въ томъ стоитъ и не робѣетъ,

Что глупо нѣсколько именъ себѣ давать,
Что имя одного для всякаго довольно.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вотъ прямо философъ! Мнѣ очень, очень больно,
Что это у меня другой перехватилъ.
Вотъ то-то, вѣкъ живи, мой другъ, и вѣкъ учися.
А какъ меня зовутъ Андреевичъ Памфилъ,
Еще жъ Лентягинъ, то пожалуй потрудися,
Чтобъ звали всѣ меня Памфиломъ лишь однимъ;
И познакомь меня съ знакомцемъ ты своимъ.
Межъ тѣмъ пойду заснуть.

ПРОЛАЗЪ.

Къ тебѣ я тотчасъ буду,
И сдѣлаю тебѣ компанію схрапнуть.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Добро пожаловать, я радъ.

ПРОЛАЗЪ.

Ну, добрый путь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРОЛАЗЪ, *одинъ.*

Вотъ такъ-то надобно людей ловить на уду.
Хвали ихъ мнѣнія, ихъ вкусы принимай;
И сколько бъ ни были дѣла ихъ плохи, странны,
Гляди ты барамъ въ ротъ и только потакай —
И будешь человѣкъ и лучшій и избранный.
Вотъ все достоинство нерѣдко тѣхъ людей,

Которы, вышедъ въ свѣтъ чрезъ грязныя дороги,
Надъ нижними себѣ величатся какъ боги.

Увидя Пріята.

Ба! вы ужъ здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРІЯТЪ, ПРОЛАЗЪ.

ПРІЯТЪ, *идя на цыпочкахъ, даетъ знакъ, чтобъ тихо говорить.*

Тсъ! тсъ!

ПРОЛАЗЪ.

Да будьте посмѣлѣй.

ПРІЯТЪ.

Могу ли не робѣть: въ храмъ божества вступаю,
Которое душой и сердцемъ обожаю.

ПРОЛАЗЪ.

Оставьте чепуху вы этихъ сладкихъ словъ.
Тò было хорошо, я въ этомъ увѣряю,
Въ проказны времена аркадскихъ пастушковъ.
А нынѣ все не то: иные нравы, время.
И такъ, ты, баринъ мой, пожалуй не мигай.
Оставя робости романныя беремя,
На селадонство плюнь, будь смѣлъ и помогай
Мнѣ въ хитростяхъ моихъ. Имѣйте на примѣтѣ,
Что хитрость лишь одна пружина въ этомъ свѣтѣ.
Къ успѣхамъ всяческимъ, что люди только съ ней,
И съ крохотнымъ умомъ большихъ людей умнѣй.

ПРІЯТЪ.

Къ чему же это ты ведешь нравоученье?

ПРОЛАЗЪ.

Все къ вамъ, сударь, клоню я это наставленье,
Чтобъ вашу Улиньку для васъ навѣкъ поймать.

ПРІЯТЪ.

Какъ буду я тебѣ, Пролазъ, навѣкъ обязанъ!
Ты знаешь, жизнью я моею къ ней привязанъ.
И такъ, уже могу ту сладость вображать,
Какъ буду я всегда у ногъ ея вздыхать,
На мякенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки....

ПРОЛАЗЪ.

Охъ! загоните вы овечекъ вашихъ въ клѣвъ,
И выдьте изъ земли бездѣлицъ и романовъ.
Не стыдно ль вамъ, сударь, въ тотъ часъ пасти ба-
рановъ,
Какъ надо дѣйствовать,—будь сказано, не въ гнѣвъ,
Я отрекусь отъ васъ.

ПРІЯТЪ.

Меня ты умертвишь.
Я дѣлать все готовъ, чтó мнѣ ты ни велишь.

ПРОЛАЗЪ.

Изрядно; слушайте жъ: скажу я вашу ролю.
Лишь отъ того успѣхъ вамъ долженъ быть во всемъ,
Когда исполните мою вы точно волю.
Во-первыхъ, какъ вы здѣсь не знаемы никѣмъ,
Окромѣ Улиньки и горничной Марины,
То, сдѣлавъ тайный я съ Мариною совѣтъ,
Судомъ опредѣлилъ для важной вамъ причины,
Чтобъ баринъ мой въ сюртукъ былъ сѣренькій одѣтъ,
Чтобъ не Пріятомъ онъ, Семеномъ назывался;
И въ видѣ томъ отцу дражайшей показался.

ПРІЯТЪ.

Семенъ! коль жестоко названіе ушамъ!
Не лучше ль Филимонъ, иль Тирсисъ, иль Арсамъ,
Или хотя Аркасъ?

ПРОЛАЗЪ.

Опять ушелъ въ эклогу,
Да долго ль этого?

ПРІЯТЪ, *оторопѣвъ.*

Не заводи тревогу.
Лишь-только не сердись, доволенъ будешь мной,
Нѣтъ нужды чѣмъ ни быть, лишь Улиньку бъ увидѣть.

ПРОЛАЗЪ.

Еще нельзя.

ПРІЯТЪ.

Такъ мнѣ жизнь должно ненавидѣть!
Зачѣмъ же я, скажи, сюда введенъ тобой?

ПРОЛАЗЪ.

Зачѣмъ? затѣмъ чтобы на Улинькѣ жениться.

ПРІЯТЪ.

Да какъ же, не видавъ?

ПРОЛАЗЪ,

Мнѣ надобно взбѣситься.

ПРІЯТЪ, *оторопѣвъ.*

Лишь-только не сердись, и не видавъ женюсь.

ПРОЛАЗЪ.

Коль слово скажете, я право отступлюсь.
Вамъ надо выслушать мои всѣ рѣчи прежде
И точно дѣлать тò, чтó вамъ я повелю.
Хоть есть запиночка въ любовной вамъ надеждѣ;
Но если васъ моимъ совѣтомъ надѣлю,
И если по тому изволишь поступать,
То на соперниковъ намъ можно наплевать.

ПРІЯТЪ, *съ горестію.*

Я вижу, Улинька жестоко измѣнила!

ПРОЛАЗЪ.

Опять свирелочка пастушья задудила.
Нѣтъ силъ, пойдемъ ко мнѣ; Марина будетъ тамъ.
Она и я за васъ — чего жъ бояться вамъ?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВѢТРОМАХЪ, ВЫСОНОСЪ.

ВЫСОНОСЪ.

Не стыдно ль вамъ, сударь, позвольте мнѣ сказать,
Пребогатѣйшую невѣсту потерять?

ВѢТРОМАХЪ.

На внукѣ кузнеца жениться Вѣтромаху?
Fi donc! поэтому и всякую неряху
Взять можно мнѣ въ жены? и курицу?...

ВЫСОНОСЪ.

Да, такъ;
Лишь курица бъ несла намъ яйца золотыя.
Имѣя въ знатности вы нуждицы такія,
Подумайте, сударь, какой вамъ нуженъ бракъ?

ВѢТРОМАХЪ.

Moral! Мнѣ кажется, что ты учить дерзаешь....
И смѣешь....

ВЫСОНОСЪ.

Нѣтъ, сударь.

ВѢТРОМАХЪ.

Ты все позабываешь,

Что я велѣлъ сударь меня не называть;
А говорить: мосье.

ВЫСОНОСЪ.

Впередъ не позабуду
Мосье, а не сударь; и также я не буду
Совѣтами мосье моими прогнѣвлять.
Да; низко вамъ, мосье, на Улинькѣ жениться;
И дѣдушка ея, fi donc! умѣлъ ковать.
Имѣли на меня причину вы сердиться.
Велико ли, мосье, достоинство, что онъ
Для внучки выковалъ препѣлный милліонъ.
На это плюнемъ мы, и о дѣлахъ домашнихъ
Позвольте мнѣ, мосье, вамъ нѣчто предложить.

ВѢТРОМАХЪ.

Ну!...

ВЫСОНОСЪ.

Поваръ вашъ, Сибуль, не хочетъ вамъ служить.

ВѢТРОМАХЪ.

Pourquoi?

ВЫСОНОСЪ.

Чего и ждать отъ этихъ вѣртопрашныхъ.
За чтò онъ сердится? да на него плевать.

ВѢТРОМАХЪ.

Скажи, я не могу причины отгадать.
На дружеской ногѣ съ Сибулемъ быть стараюсь,
И очень poliment всегда я съ нимъ встрѣчаюсь:
Зову: мосье Сибуль. Ты знаешь это самъ,
Съ какой отличностью я обхожусь.

ВЫСОНОСЪ.

Да эта,
Онъ говоритъ, мосье, не ходкая монета.

О жалованьѣ онъ велѣлъ напомнить вамъ.
Онъ годъ не получалъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Бездѣлка, я отдамъ.

ВЫСОНОСЪ.

И такъ же кучеръ вашъ, Яганъ Нѣмчинъ съ усами,
Небольно пестрыми доволенъ красотами
Ливреи; хлопаетъ, на васъ сердясь, бичемъ,
И денежекъ....

ВѢТРОМАХЪ.

Отдамъ, bagatelle!

ВЫСОНОСЪ, *въ сторону.*

Да чѣмъ.

Вѣтромаху.

Любимой Перюкье, къ лицу которой чешитъ,
Который пукольки вамъ ставитъ по яйцу,
Велѣлъ сказать, мосье, что это не къ лицу,
Что не хотите вы заплатою потѣшить.

ВѢТРОМАХЪ.

Бездѣлица, отдамъ.

ВЫСОНОСЪ.

И также вашъ портной,
Башмашникъ вашъ, мясникъ, травникъ, кандитеръ, лекарь,
И винный погребщикъ, и длинный вашъ аптекарь—
Отъ нихъ и заглянуть не смѣю я домой.

ВѢТРОМАХЪ.

Tais toi, не говори о подлости мнѣ этой.

ВЫСОНОСЪ.

Уже я о себѣ, мосье, не говорю;
Я послѣ всѣхъ могу прійти съ моей къ вамъ смѣтой.
Вы дали мѣсто мнѣ, за то благодарю,

У здѣшней барыни, породы также знатной.
Умѣя въ свѣтѣ жить, я дѣлаю ей честь.
Я здѣсь какъ въ маслѣ сыръ: служитель перво-
штатный.
Пью, ѣмъ и веселюсь. Умѣю въ гору лѣзть
Предъ прочей челядью, котору презираю.
Какъ кукла, ничего я здѣсь не работаю;
Лишь-только, ежели блеснуть мнѣ надо въ глазъ,
Являюсь, какъ звѣзда въ парадѣ на показъ.
И такъ могу отъ васъ я ждать спокойно денегъ;—
Но, ахъ, мосье!...

ВѢТРОМАХЪ,

О чемъ ты?

ВЫСОНОСЪ, *притворно плача.*

Вздумать не могу.

ВѢТРОМАХЪ.

Ты плачешь?

ВЫСОНОСЪ.

Сердце рветъ мысль эта, ей не лгу.
Та честная мамзель, она зимой безъ кенегъ,
А лѣтомъ нѣжная нога безъ башмаковъ.

ВѢТРОМАХЪ.

О комъ ты врешь?

ВЫСОНОСЪ.

О той, которую любовь
Сердечная, мосье, вамъ вѣчно покорила;
Та непорочная и нѣжная Жавотъ,
Которая себя любить васъ подрядила
За восемь тысячей, мосье, на каждый годъ.
Надѣяся на то, она въ долги входила;
Но умеръ ужъ кредитъ, годъ цѣлый....

ВѢТРОМАХЪ.

Полно врать.

ВЫСОНОСЪ.

Чтобы раздѣлаться со всѣми, гдѣ намъ взять?

ВѢТРОМАХЪ.

Гдѣ взять намъ?

ВЫСОНОСЪ.

Уй! мосье.

ВѢТРОМАХЪ.

Я самъ того не знаю.

ВЫСОНОСЪ.

Должонки мелкіе успѣлъ я только счесть;
А если крупные на память вамъ привесть....

ВѢТРОМАХЪ.

О, скучно! перестань, мысль эту отгоняю.

ВЫСОНОСЪ.

Вотъ новы способы долги свои платить!

ВѢТРОМАХЪ.

Чтобы спокойно жить, ихъ должно позабыть.

ВЫСОНОСЪ.

Да насъ они, мосье, никакъ не позабудутъ,
И безпрестанно въ слѣдъ ходить за ними будутъ;
А наконецъ, мосье, и могутъ подцѣпить.

ВѢТРОМАХЪ.

Надѣюсь, Высоносъ я на твое проворство.
Ты....

ВЫСОНОСЪ.

Ахъ! мосье, оно и такъ мнѣ очень чорство
Одинъ мнѣ способъ былъ доставить вамъ покой,
Чтобы увѣрить всѣхъ заимодавцевъ алчныхъ,
Что въ обстоятельствахъ теперя вы удачныхъ,
Что Улинька несетъ приданое съ собой.

ВѢТРОМАХЪ.

Такъ полный милліонъ, ты говоришь, за нею?

ВЫСОНОСЪ.

Нельзя полнѣе быть; отсчитанъ и лежитъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Подумать должно.

ВЫСОНОСЪ.

Что тутъ думать надлежитъ?

Жена и милліонъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Тебя я разумѣю,

Ты судишь иногда....

ВЫСОНОСЪ.

Не правда ли, умно?

ВѢТРОМАХЪ.

Je me rend, Высоносъ, tu triomphes, а я сдаюся;
И, сердце я скрѣпя, на Улинькѣ женюся.

ВЫСОНОСЪ.

Хватились вы за умъ; вотъ этакъ бы давно!

ВѢТРОМАХЪ.

Пусть скажутъ обо мнѣ, что вздумалось срамиться.

ВЫСОНОСЪ.

А вы имъ скажете, а цѣлый милліонъ.
Притомъ, коль надо взять жену, иль удавиться,
Такъ лучше, кажется, тогда, мосье, жениться;
А чтобы не было въ женитьбѣ вамъ препонъ,
То съ тестемъ надобно вамъ тотчасъ помириться.
Да вотъ его слуга любимецъ-философъ,
Каковъ и господинъ, онъ точно же таковъ.

ВѢТРОМАХЪ.

А какъ его зовутъ? Мнѣ надо приласкаться.

ВЫСОНОСЪ.
Я знаю только тȍ, что онъ великій скотъ,
И съ этой не хотѣлъ я черніею якшаться.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ВѢТРОМАХЪ, ВЫСОНОСЪ, ПРОЛАЗЪ.

ВѢТРОМАХЪ, *Пролазу.*
Скажи, мой другъ, кто ты таковъ? какой твой родъ?
ПРОЛАЗЪ.
Такой же человѣкъ, и такъ же я родился,
Какъ ты; спроси, тебѣ тȍ скажетъ самъ Памфилъ.
ВѢТРОМАХЪ.
Да кто же тотъ Памфилъ?
ПРОЛАЗЪ.
Который разсердился
Безмѣрно на тебя.
ВѢТРОМАХЪ, *Высоносу.*
Моихъ не станетъ силъ!
Онъ грубъ и неучтивъ. Меня звать ты дерзаетъ.
Не вытерплю. Ты съ нимъ, коль хочешь, говори.
ВЫСОНОСЪ.
Скрѣпися, о, мосье! и въ мысль себѣ впери,
Что денегъ милліонъ учтивымъ не бываетъ.
ПРОЛАЗЪ, *въ сторону.*
Теперь я щеголька потщуся разсердить,
Чтобъ вздумалось ему меня поколотить.
Тѣмъ болѣе его съ Лентягинымъ поссорю.

ВЫСОНОСЪ, *Пролазу.*

Теперь, любезный другъ, съ тобою не повздорю.
Чтó было между насъ, ты въ томъ меня прости.
Тогда не зналъ твоихъ достоинствъ я отмѣнныхъ.

ПРОЛАЗЪ.

Какъ хочешь, все равно, ты такъ меня чести,
Въ числѣ ли простаковъ, въ числѣ ли просвѣщенныхъ,
Не меньше отъ того я буду то, чтó я.

Садится.

ВѢТРОМАХЪ.

Какая дерзость! встань!

ПРОЛАЗЪ.

Нѣтъ, я сидѣть желаю.

ВЫСОНОСЪ.

Вѣтромаху. *Пролазу.*

А миллiонъ, мосье!... того не осуждаю,
Что философiя охотница твоя,
Когда угодно ей, сидѣньемъ забавляться.

ВѢТРОМАХЪ, *Высоносу.*

Ты знаешь ли, какъ онъ, такой и ты свинья.

ВЫСОНОСЪ.

Мосье! а миллiонъ!... мы станемъ заниматься,
Чтобъ другомъ нашимъ былъ слуга и философъ.
Мой баринъ дворянинъ толь знатныя породы,
Желанья изъяснить найти не можетъ словъ,
Чтобъ мудрость преклонить твою къ себѣ въ любовь.

ПРОЛАЗЪ.

На что бы тó ему?

ВЫСОНОСЪ.

Внушенiе ль природы,
Или иное чтó ему любить велитъ,

Равно какъ Улиньку, и твой премудрый видъ.
Какъ хочетъ васъ любить до самой онъ кончины,
То надо имя знать....

ПРОЛАЗЪ.

Зовутъ меня Пролазъ.
Какъ въ дружбѣ, такъ въ любви, для нѣкакой причины,
Отъ Улиньки ему и отъ меня отказъ.
Тебѣ же, Высоносъ, все то же отъ Марины.

ВѢТРОМАХЪ.

L'impertinent! le fat!

ВЫСОНОСЪ.

Смутило бъ это насъ,
Когда бъ не думалъ я, что философъ Пролазъ
Возможетъ, какъ и всѣ, въ системѣ ошибаться.

ПРОЛАЗЪ.

Какъ хочешь, надо мной ты можешь издѣваться;
Все это мнѣ какъ пыль, которую топчу;
Но Улинькѣ не быть за нимъ — я такъ хочу.

Встаетъ гордо со стула.

ВѢТРОМАХЪ.

Какъ смѣешь столько ты, бездѣльникъ, забываться?
И должнаго тому почтенья не казать,
Кого и баринъ твой обязанъ почитать.

ПРОЛАЗЪ.

Не горячись, дружокъ, я разности не знаю
Межъ насъ.

Надѣваетъ колпакъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Тебѣ тотчасъ я разность покажу.

ПРОЛАЗЪ.

Увидимъ.

ВѢТРОМАХЪ, *даетъ ему пощочину.*

Вотъ она!

ПРОЛАЗЪ.

Я въ томъ себя сравняю.
Такія жъ у себя я руки нахожу.

Даетъ пощочину Высоносу.

Мы квитъ.

ВЫСОНОСЪ, *возвращаетъ пощочину.*

Одною квитъ, осталася другая.

ПРОЛАЗЪ, *даетъ знакъ, что хочетъ ударить Вѣтромаха.*

Не бойся, равенства по праву поступая,
Не буду этому я другу должникомъ.

ВѢТРОМАХЪ, *Высоносу.*

Держи его; а я бадинкою отмѣчу
Всю разность между мной и дерзкимъ дуракомъ.
Увидишь, какъ твою я спину изувѣчу.

Высоносъ держитъ Пролаза, а Вѣтромахъ бьетъ его тростью.

ПРОЛАЗЪ, *кричитъ.*

Разбой! разбой! Памфилъ! избавь меня, Памфилъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЕНТЯГИНЪ, ВѢТРОМАХЪ, ПРОЛАЗЪ, ВЫСОНОСЪ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Кто здѣсь?... что̀ вижу я!... какая это дерзость!

ПРОЛАЗЪ.

Меня за правила онъ мудрости прибилъ.

ЛЕНТЯГИНЪ, *Вѣтромаху,*
Поступка твоего ты чувствуешь ли мерзость?

ВѢТРОМАХЪ.
Но человѣкъ такой, какъ я, не можетъ снесть,
Когда слуга его оффанцируетъ честь.
И говоря ему и въ колпакѣ и сидя,
Зоветъ: тебя, и ты.

ЛЕНТЯГИНЪ, *обнимая Пролаза.*
А, мой любезный другъ!

ВѢТРОМАХЪ.
Чтò это?

ЛЕНТЯГИНЪ.
А вотъ то, что ты, его обидя,
Обидѣлъ и меня и добродѣтель вдругъ;
Что ты несносенъ мнѣ; что вонъ прошу изъ дома.

ВѢТРОМАХЪ.
Когда бъ я зналъ, мосье, что этимъ досажу....
Но я его, мосье, за это награжу.

ПРОЛАЗЪ, *Вѣтромаху.*
Нѣтъ, вонъ!

ЛЕНТЯГИНЪ, *Вѣтромаху.*
Поди отсель.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, ПРОЛАЗЪ, ВЫСОНОСЪ.

ЛЕНТЯГИНА.
Такого я содома
Не вытерплю.... *Увидя Вѣтромаха.* Вы здѣсь!

ВѢТРОМАХЪ.

Я здѣсь въ послѣдній разъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Ахъ, что̀ сказали вы!

ВѢТРОМАХЪ.

Хотя противъ желанья,
Но вашъ ероих, а съ нимъ слуга его, Пролазъ,
Мнѣ кажется, что здѣсь они сильнѣе васъ.

ЛЕНТЯГИНА, *Пролазу.*

Какъ смѣешь?...

ЛЕНТЯГИНЪ.

На твои не смотримъ мы кричанья.

Вѣтромаху.

Поди и знай, что ты мнѣ ввѣкъ не будешь зять.

ЛЕНТЯГИНА, *Вѣтромаху.*

Согласны развѣ вы, мосье, до́чь нашу взять?

ВѢТРОМАХЪ.

Helas, madame! лишь въ томъ мои желанья.

ЛЕНТЯГИНА, *указывая на мужа.*

Какъ? не смотря на родъ вотъ этого срамца?

ВѢТРОМАХЪ.

Довольно, ваша дочь, нѣтъ нужды до отца.
И если къ вашему, madame, мой родъ прибавлю,
Что̀ подло отъ отца, я то̀ собой поправлю.

ЛЕНТЯГИНА.

Благодарю судьбу; вотъ вамъ моя рука,
Что Улинька моя женою вашей будетъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

О, жонушка моя! спрыгнула ты съ сучка:
Что я отецъ, она того не позабудетъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Охъ, какъ бы это я желала позабыть!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вѣрь мнѣ, что Улинькѣ за нимъ вовѣкъ не быть.

ЛЕНТЯГИНА.

Лихъ будетъ!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Нѣтъ. И я ей жениха сготовилъ.

ЛЕНТЯГИНА.

А кто бы онъ такой? какой нибудь подлецъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Преблагороднѣйшій.

ВѢТРОМАХЪ, *Лентягиной.*

Какой нибудь кузнецъ?

ЛЕНТЯГИНА, *мужу.*

Неужъ-то безъ меня ты Улиньку помолвилъ?

ЛЕНТЯГИНЪ, *посматривая на Пролаза.*

Нѣтъ, нѣтъ, еще того не вѣдаетъ женихъ;
Самъ сдѣлаю ему объ этомъ предложенье.

ЛЕНТЯГИНА.

Кто?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я.

ЛЕНТЯГИНА.

Какъ, и того твой разумъ не постигъ,
Что сдѣлаешь себѣ безчестье, униженье.
Бывало ль то̀ когда?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что́ нужды до того,
Что этого еще на свѣтѣ не бывало.
Какъ здравый смыслъ велитъ, я сдѣлаю начало.
Когда бы накормить хотѣла ты кого,

Вѣдь ты спросила бы у гостя твоего,
Желаетъ ли онъ ѣсть?

ЛЕНТЯГИНА, *Вѣтромаху.*

Какое разсужденье!
Но какъ бы ни было. *Мужу.* Кто жъ этотъ господинъ,
Который заслужилъ такое уваженье?...
Преблагороднѣйшій!... конечно, знатный чинъ
Тебя къ тому склонилъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Нѣтъ, матушка, пустое!

ЛЕНТЯГИНА.

Кто жъ? князь ли онъ? иль графъ? или хотя баронъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ; такихъ, какъ онъ, на свѣтѣ только двое.

ЛЕНТЯГИНА, *съ радостію сама себѣ.*

Онъ вправду, кажется, затѣялъ не дурное!
На свѣтѣ двое ихъ! не близко ли коронъ?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не долго счесть; лишь онъ, да я, лишь я, да онъ.
А чтобы разрѣшить скорѣе намъ задачу —
Пролазъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Qu'entends-je! o Ciel!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Съ досады рвусь и плачу.
Приближься ты ко мнѣ, любезный другъ и зять.
Пусть треснутъ всѣ съ сердцовъ, хочу тебя обнять.

ЛЕНТЯГИНА.

Съ ума ли ты сошелъ? иль шутишь ты надъ нами?
Или ты бредишь?

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ сердцемъ.*

Нѣтъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Послушай, муженёкъ

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не слушаю.

ЛЕНТЯГИНА, *Пролазу.*

А ты, чтó ты вертишь глазами

ПРОЛАЗЪ.

Мнѣ столько кажется диковиннымъ мой рокъ
Что будто я несусь теперь надъ облаками.

ЛЕНТЯГИНА.

Я съ этой высоты тотчасъ тебя стащу.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не бойся, отъ всего тебя я защищу.

ЛЕНТЯГИНА.

Чего бъ ни стоило, чтобъ столько посрамиться,
Жива я, этого никакъ не допущу.
Вѣрь мнѣ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты на меня въ томъ можешь положиться,
Что мудрый мой Пролазъ мнѣ вѣрно будетъ зятя.

ЛЕНТЯГИНА.

А я, вѣрь мнѣ, я съ нимъ велю тебя связать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вотъ прибыль отъ жены высокія породы!
За денежки свои мучителя купить,
Лишиться равенства и милыя свободы,
И въ домѣ у себя слугою первымъ быть.

Указывая на Вѣтромаха.

Однако дочь моя за нимъ не будетъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Будетъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

А какъ?

ЛЕНТЯГИНА.

Когда на тô пойдетъ, то наконецъ
Скажу, что дочери моей не ты отецъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Да! знатности твоей отъ этого прибудетъ,
Безпутная! чтобы поставить на своемъ,
Не видитъ въ бѣшенствѣ безчестнаго ни въ чемъ.

ЛЕНТЯГИНА.

На все я поступлю.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, ПРОЛАЗЪ, ТРУСИМЪ.

ТРУСИМЪ.

О чемъ, друзья, шумите?
Иль чтобы слышалъ я, вы громко говорите.

Увидя Вѣтромаха, низко кланяется.

Ахъ, мой отецъ! прости, что я не усмотрѣлъ.

На ухо Лентягину.

Любезный, жениховъ я кучу вамъ привелъ.
Вотъ то-то молодцы! одинъ умнѣй другого.

ЛЕНТЯГИНЪ.

На чтô ихъ множество; нѣтъ нужды ни въ одномъ.

ТРУСИМЪ.

Да вѣдь изъ множества ты выберешь любого.

Вѣтромаху.

Родимый! васъ могу ль поздравить женихомъ.

ЛЕНТЯГИНА, *сама съ собою.*

Поздравьте.

ЛЕНТЯГИНЪ, *приближась къ женѣ, съ досадой.*

Нѣтъ.

ЛЕНТЯГИНА, *приближась къ мужу, съ досадой.*

Да.

ЛЕНТЯГИНЪ, *приближась.*

Нѣтъ.

ЛЕНТЯГИНА, *приближась.*

Лишаюся терпѣнья.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Хоть тресни ты себѣ.

ЛЕНТЯГИНА.

Скорѣе треснешь ты.

ТРУСИМЪ, *становясь между ними.*

Опять, я вижу, мнѣ приходятъ суеты.
Не можно ль между васъ мнѣ сдѣлать примиренья?

Лентягиной, отведши ее подалѣе.

Въ чемъ дѣло?

ЛЕНТЯГИНА.

Мой дуракъ не хочетъ, чтобы дочь

Указывая на Вѣтромаха.

Была за нимъ.

ТРУСИМЪ.

А! а! *Вѣтромаху.* Жениться не хотите?

ВѢТРОМАХЪ.

Желаю очень я.

ТРУСИМЪ.

О чемъ же вы шумите?
Вступился только я,—ну вотъ и ссора прочь.

ЛЕНТЯГИНА.

Глухой! не онъ тому, мой глупый мужъ противенъ.

ТРУСИМЪ, *глядя на Лентягина.*

А, а, любезный мой! *Лентягиной.* Вотъ я уговорю.
Подбѣгая къ Лентягину.
Ты кажешься, мой другъ, мнѣ очень, очень дивенъ.
Коль знатный кавалеръ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Тебѣ благодарю;
Но вѣдай, мнѣ въ твоихъ совѣтахъ нужды нѣтъ.
Увѣщевай мою жену, когда ты хочешь.

ТРУСИМЪ, *подбѣгая къ Лентягиной.*

А, а! о чемъ же ты, родимая, хлопочешь?
Благодаря сказалъ: спасибо за совѣтъ.
И такъ поэтому съ тобою онъ согласенъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Когда согласенъ онъ, меня ты одолжилъ.
О дружествѣ моемъ чтобъ онъ увѣренъ былъ,
Скажи ему.

ТРУСИМЪ, *подбѣгая къ Лентягину.*

Я радъ, что трудъ мой ненапрасенъ.
Мнѣ барыня твоя велитъ тебѣ сказать,
Все сдѣлаетъ, чтò ты изволишь приказать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не вправду ль?

ТРУСИМЪ.

Точно такъ, родимый и любезный,
Вѣдь знаешь ты меня; и я не стану лгать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Трусимъ, ты человѣкъ чудесный и полезный,
Коль съ мужемъ ты жену привесть умѣешь въ ладъ.

ТРУСИМЪ.

За что примусь, не бось, я все исправлю, братъ.
Умѣю помирить и съ кошкою я мышку.

Подбѣгая къ Лентягиной.

На все, что хочешь ты, согласенъ твой супругъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Благодарю, Трусимъ, и ты прямой намъ другъ.

ТРУСИМЪ.

Спасибо моему проворному умишку,
А то бы безъ него наплакалися вы.
Вѣдь надобно жъ такой родиться головы,
Которая служить всегда и всѣмъ готова!
Ну, подойди же ты, любезная, къ нему
И помиритеся.

ЛЕНТЯГИНА, *подошедъ къ мужу.*

Оставь мнѣ жесткость слова,
Чѣмъ досадила я супругу моему.

ЛЕНТЯГИНЪ, *женѣ.*

Забудемъ то, что намъ такъ голову вскружило.
Когда виновна ты, я болѣ виноватъ.
И какъ я философъ, то надобно мнѣ было,
Мой гнѣвъ преодолѣвъ, иной найти бы ладъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Отъ этого терплю ужасную я муку.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Мнѣ стыдно самому.

ТРУСИМЪ.

Чтобъ дѣло окончать,

Ну, обнимитеся.

ЛЕНТЯГИНЪ, *женѣ.*

Дай мнѣ, въ знакъ мира, руку.

ЛЕНТЯГИНА, *мужу.*

Чтобъ ты простилъ, хочу тебя поцаловать.

Цалуются.

ТРУСИМЪ.

Вотъ ладно!

ЛЕНТЯГИНЪ, *Трусиму.*

Мы тебѣ должны, нашъ другъ сердечный.

ТРУСИМЪ.

Когда за трудъ меня хотите наградить,
Велите только мнѣ все къ свадьбѣ закупить.

ЛЕНТЯГИНА.

Повѣрь мнѣ, хлопотникъ у насъ ты будешь вѣчный.

ЛЕНТЯГИНЪ.

И станешь наши всѣ дѣла ты отправлять.

Лентягинъ, дая знакъ Пролазу, а Лентягина Вѣтромаху вмѣстѣ.

Поди и обними скорѣе тещу, тестя зять.

Вѣтромахъ къ Лентягину, а Пролазъ къ Лентягиной, съ распростертыми руками подбѣгаютъ, чтобъ обнять; но Лентягинъ и Лентягина отталкивая съ сердцемъ обнимателей.

Вмѣстѣ.

Что это?

ЛЕНТЯГИНЪ, *указывая на Пролаза.*

Вотъ кто зять!

ЛЕНТЯГИНА, *указывая на Вѣтромаха.*

Нѣтъ, вотъ!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Опять вздурилась,

ЛЕНТЯГИНА.

Я вижу, что съ тобой напрасно я мирилась,
И вмѣсто бы того, чтобы поцаловать,
Мнѣ должно бы тебѣ лишь въ рожу наплевать
И выдрать вонъ глаза.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Такъ ты не согласилась,
Чтобъ зятемъ былъ Пролазъ?

ЛЕНТЯГИНА.

Что, развѣ я взбѣсилась?
Трусимъ! ты насъ мирилъ, скажи, на чемъ и какъ?

ТРУСИМЪ.

Я знаю только то, что очень вы бранились,
И уговаривалъ я васъ и такъ и сякъ.
Вамъ должно лучше знать, за что̀ вы разсердились,
То дѣло не мое, мое лишь помирить.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты знаешь ли, глухой, что за это бранятся,
Кто не въ свои дѣла стараясь мѣшаться,
Лишь болѣ портитъ то, что́ должно починить.

ТРУСИМЪ.

Ась, должно починить? извольте, все умѣю:
Стаканъ ли, чашку ли, все мастеръ я склеить;
Карету ль, домъ ли, все исправить разумѣю.

ЛЕНТЯГИНЪ.

О чемъ мы ссорились, ты развѣ не слыхалъ?

ТРУСИМЪ.

Любезный! нѣтъ, всего вѣдь слышать мнѣ не можно.

ЛЕНТЯГИНЪ.
Трусимъ! такихъ какъ ты я глупыхъ не видалъ.

—

ЯВЛЕНIЕ VI.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, ТРУСИМЪ, МАIОРЪ, ПРОЛАЗЪ.

МАIОРЪ, *взглядывая въ двери.*
Трусимъ! заставить ждать такъ долго, ей безбожно.

ЛЕНТЯГИНА.
Войди сюда, кто вы?

МАIОРЪ.
Я отставной Маiоръ.

ТРУСИМЪ, *Лентягину.*
Одинъ изъ жениховъ.

ЛЕНТЯГИНА.
Въ чемъ нужда вамъ?

МАIОРЪ.
Жениться.

ЛЕНТЯГИНА, *въ сторону.*
Онъ бѣшеный, его то кажетъ дикій взоръ.

Маiору.
Напрасно, видно, вы изволили трудиться;
И не туда зашли, гдѣ вы хотѣли быть.

МАIОРЪ.
Со мною никогда не можетъ то случиться.
Знатокъ маршировать, ничто не можетъ сбить
Съ пути, съ дороженьки, въ которую пускаюсь.
И безъ квартермистра занять умѣлъ бы домъ.

Показывая на шпагу.
Вотъ мой квартермистръ былъ: какъ подниму содомъ,
Бывало, на чужой постели и валяюсь.
Бывало, все мое; а здѣсь у васъ не такъ.

ПРОЛАЗЪ, *Лентягину.*

Вотъ чудный философъ!

МАІОРЪ.

А какъ я не дуракъ,
Вы видите, и жить на свѣтѣ я умѣю;
То взялъ квартермистра. Намъ общій другъ Трусимъ.
Что жъ не прибавишь словъ твоихъ къ словамъ моимъ?

ТРУСИМЪ.

Ужъ все говорено; ты знаешь, разумѣю,
Служить когда возьмусь. *Лентягиной.* Изъ всѣхъ тѣхъ женихов,
Которыхъ вамъ сыскалъ, здѣсь лучшій....

МАІОРЪ, *смотря на Лентягину.*

Вотъ невѣста,
Сударушка моя! ну, безъ обиняковъ.
И я, и сердце ужъ мое давно безъ мѣста:
То есть безъ службы я, и также безъ жены,
Котора съ полгода тому назадъ свалилась.
И такъ, когда мы другъ для друга сужены,
Когда быть замужемъ совсѣмъ ты снарядилась,
И я совсѣмъ готовъ, сей день, сей часъ, коль хошь...

ВѢТРОМАХЪ.

Постойте, господинъ Маіоръ, не торопитесь....

МАІОРЪ.

Я крутъ, и у меня вотъ вынь, да и положь.

ЛЕНТЯГИНА.

Придите прежде въ умъ и прежде вы всмотритесь.

МАІОРЪ.

Ужъ все разсмотрѣно, и мнѣ ты такъ мила....

ЛЕНТЯГИНА.

Да вы не милы мнѣ.

МАІОРЪ.

О, свѣтикъ мой, пустое!
Жена покойница такая же была;
Сначала страшенъ я, потомъ любезенъ втрое.
Умѣю хоть кого принудить полюбить.
Когда добромъ нельзя, иначе можетъ быть.

ЛЕНТЯГИНА.

Лакеи! гей! сюда. *Къ лакеямъ.* Избавьте отъ урода
И вонъ его....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не тронь.

МАІОРЪ, *Трусиму.*

Коль мнѣ придетъ невзгода,
Трусимъ, я за тебя тогда примусь, мой другъ.
На что ты раздразнилъ, дуракъ, меня жениться.
Вишь нужда до всего.

ТРУСИМЪ.

Ты можешь положиться,
Любезный, на меня.... всего не можно вдругъ.

МАІОРЪ, *Трусиму.*

Поди жъ уговори спѣсивую невѣсту.
Ты видишь ли она дурачится не къ мѣсту.

ТРУСИМЪ.

Да это не она, невѣсты это мать.

МАІОРЪ.

Да чортъ васъ разберетъ! и какъ бы мнѣ узнать.
Ты въ этомъ виноватъ.... инъ теща дорогая,

Не прогнѣвись за то, что я, тебя не зная,
Жениться на тебѣ хотѣлъ; мнѣ бъ все равно....

ТРУСИМЪ.

А вотъ и батюшка.

МАІОРЪ.

Почто жъ ты мнѣ давно
Того не объявилъ; давно пошло бы дѣло.

Лентягину.

Вотъ мнѣ Трусимъ сказалъ, у васъ-де дочка есть;
И что желаешь ты кому нибудь быть тесть:
И такъ, къ услугамъ вамъ душа моя и тѣло.
Надѣюсь, что Маіоръ вамъ лучше по плечу,
Какъ низшіе меня другіе офицеры.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я дочь мою тому отдамъ, кому хочу,
Чины же разбирать то не мои манеры.
Все для меня равно, лишь былъ бы человѣкъ.

МАІОРЪ.

Такой я глупости не слыхивалъ вовѣкъ.
Не стыдно ль, братъ, тебѣ плести такія враки.
Поэтому тебѣ всѣ люди одинаки,
И я, старинный штабъ, и офицеръ простой?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не такъ же ли, какъ всѣ, ногою ты ступаешь?
Не такъ же ли ѣшь ртомъ, рукою принимаешь?
Какая разница межъ насъ?

МАІОРЪ.

О! о! постой,
Предбудущій мой тесть! пустое ты болтаешь.
Иль я не весь маіоръ, а если весь маіоръ,
Такъ все то, чтó мое, какъ я такого жъ чина;
Рука, нога и все.

ЛЕНТЯГИНЪ, *Трусиму.*

Какой онъ дурачина!

МАІОРЪ.

Иное скажетъ кто, тотъ скажетъ только вздоръ.

ЛЕНТЯГИНЪ, *Трусиму.*

Зачѣмъ привелъ его?

ТРУСИМЪ.

Ну, если онъ не нравенъ,
Другіе есть; вѣдь я въ моихъ дѣлахъ исправенъ.

Къ дверямъ.

Войдите всѣ сюда, хозяинъ проситъ васъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, ПРОЛАЗЪ, ТРУСИМЪ, МАІОРЪ, СУДЬЯ, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИНЪ, ДВА СТИХОТВОРЦА.

СУДЬЯ, *указывая на Трусима.*

По поводу сего пріятеля всемірна,
Сюда....

ТРОМПЕТИНЪ, *указывая на Трусима.*

Чтобъ воскрылить меня на сей Парнассъ,
Гдѣ вы?

СВИРѢЛКИНЪ, *указывая на Трусима.*

Онъ также былъ, сударь, и мой Пегасъ,
Чтобъ къ вамъ....

СУДЬЯ, *стихотворцамъ.*

Позвольте мнѣ, рѣчь будетъ не обширна.

СВИРѢЛКИНЪ.

Мнѣ слова три сказать.

ТРОМПЕТИНЪ.

Двумя всё кончу я.

СУДЬЯ.

Иль вы не знаете, что я бывалъ судья?
И такъ мнѣ подлежитъ подать свой голосъ прежде.

ТРОМПЕТИНЪ.

Чтобъ этакъ говорить, быть надобно невѣждѣ;
Пiиты завсегда свой голосъ подаютъ;
Ихъ просятъ ли иль нѣтъ, коль духъ придетъ, поютъ.

СУДЬЯ.

Инъ пойте жъ оба вы, а говорить я стану.

СВИРѢЛКИНЪ, *Тромпетину.*

Чтобъ музъ не посрамить уступимъ грубiяну;
Учтивость, вѣжливость удѣлъ пiитовъ есть.

СУДЬЯ.

И должно быть тому; пiита — что такое?
О рангахъ штатъ прочти, его какая честь?
Сравненье чиномъ съ кѣмъ положено? какое?
Ни слова нѣтъ о томъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Тотъ выше всѣхъ чиновъ,
Кто чести раздаетъ, кто славою....

МАIОРЪ.

Пустоё.
Маiоромъ кто бывалъ отъ риѳмъ и отъ стиховъ
И въ риѳмахъ пишутся ль когда нибудь патенты?

ТРОМПЕТИНЪ.

Не худо бъ завести...

ТРУСИМЪ.

Оставьте комплементы.
Пора бы къ дѣлу намъ....

СУДЬЯ, *Трусиму.*

Извольте, я готовъ.
Быть стряпчимъ за меня вы, другъ мой, обязались.
Уже ли сдѣлать здѣсь экстрактецъ постарались?

ТРУСИМЪ, *Лентягину и Лентягиной.*

Я рода разнаго сыскалъ вамъ жениховъ.
Военный самъ умѣлъ вамъ рекомендоваться.
Вотъ два великіе писатели стиховъ.
Имъ, сами говорятъ, свѣтъ долженъ удивляться,
На ветхость не смотря ихъ темныхъ сюртуковъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Добро пожаловать, люблю чистосердечность.
И правды о себѣ почто не говорить?
Достоинства сюртукъ не можетъ повредить.

ТРОМПЕТИНЪ.

Необычайная о васъ Трусима печность
Приводитъ въ стыдъ меня.

СВИРѢЛКИНЪ.

Въ глаза всѣ похвалы
Въ смятенье вержутъ духъ; и я, я весь краснѣю.
Охотнѣе стократъ я слушаю хулы.

ТРОМПЕТИНЪ.

Чтò свѣтъ о мнѣ твердитъ, того сказать не смѣю;
Но еслибъ свѣтъ всегда по правдѣ поступалъ,
Свирѣлкинъ бы давно весь въ золотѣ сіялъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Давно бъ Тромпетину поставили статую
Въ весь ростъ, не мраморну, не бронзову, златую.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вамъ свѣтъ не нравится? я очень радъ тому.
Вы мной причислены къ знакомству моему.
Прошу ко мнѣ ходить, всегда, когда хотите.
Мнѣ хочется теперь поѣсть, друзья, простите.

Лентягинъ уходитъ и за нимъ Пролазъ.

ЛЕНТЯГИНА, *стихотворцамъ.*

Кто дерзость въ голову такую вамъ вложилъ,
Чтобъ замужъ дочь мою?...

СВИРѢЛКИНЪ.

Не съ тѣмъ приходъ нашъ былъ,
Сударыня, сюда, чтобъ тотчасъ и жениться.
Или не можемъ мы знакомствомъ вашимъ льститься?

ЛЕНТЯГИНА, *озирая ихъ съ головы до ногъ.*

Знакомствомъ!

СВИРѢЛКИНЪ.

Точно такъ. Вамъ сдѣлать можемъ честь;
И я въ моихъ стихахъ, позвольте лишь влюбиться,
Безцѣнной красотѣ хвалу могу сплесть,
Прелестной дочери, которой нѣтъ примѣра,
Она мнѣ Грація, вы будете Венера.

ЛЕНТЯГИНА.

Не дурно бъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

У меня жъ на вашъ презнатный родъ
Вертится въ головѣ клубокъ похвальныхъ одъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Довольна буду тѣмъ. Когда жъ то все поспѣетъ?

СВИРѢЛКИНЪ И ТРОМПЕТИНЪ, *вмѣстѣ.*

Все въ самой скорости, сударыня, созрѣетъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Съ нетерпѣливостью ждать буду я тово.

Уходитъ, а съ нею и Вѣтромахъ.

МАІОРЪ.

Да у меня никто не отобьетъ мово.
Ты слышишь ли, Трусимъ, къ чему я это мѣчу?
Когда я не женюсь, тебя я изувѣчу;

Указывая на стихотворцевъ:

А этихъ въ риѳму я заставлю завизжать.
И не такихъ, какъ вы, умѣю я пожать.

Уходитъ.

ТРУСИМЪ, *догоняя Маіора.*

Не бойся ничего; все, братецъ, будетъ ладно.

Стихотворцамъ.

Не бойтеся, ужъ я за васъ взялся.

ТРОМПЕТИНЪ И СВИРѢЛКИНЪ, *вмѣстѣ.*

Изрядно!

Уходятъ.

СУДЬЯ.

Мнѣ кажется, что я съ маіоромъ въ дуракахъ.
Или, какъ пѣшка я, Трусимъ, въ твоихъ глазахъ?
Я, знаешь, не привыкъ марать мою честь даромъ.
Ты вѣдаешь, какимъ торгую я товаромъ.
Пускай въ отставкѣ я; однако же въ судахъ
Донынѣ, лишь приду, на всѣхъ я страхъ пускаю.
Овчинки добрыя по векселямъ сдираю.
Умѣю я прижать; и если захочу,
Тебя, коль не женюсь, въ судѣ заволочу.

ТРУСИМЪ.

Поди, родимый мой, и спи за мной спокойно.

СУДЬЯ.

Смотри жъ, чтобъ было все и честно и достойно.

А буде захотятъ въ невѣстѣ отказать,
Законецъ натяну съ тебя безчестье взять,
И за оказанно мнѣ тѣмъ безчеловѣчье,
Повѣрь мнѣ въ томъ, сыщу я даже и увѣчье.

Уходитъ.

ТРУСИМЪ.

Ну какъ же людямъ мнѣ возможно помогать?
Маіоръ грозитъ побить, судья съ меня же взять.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРОЛАЗЪ И МАРИНА.

МАРИНА.

Что сказывали мнѣ о женихахъ чудесныхъ,
Которыхъ приводилъ для Улиньки Трусимъ,
Смѣшно мнѣ....

ПРОЛАЗЪ.

Бросимъ то. Стараніемъ твоимъ,
Каковъ теперь Пріятъ во чувствахъ куролесныхъ
Вертлявой Улиньки? дай лучше знать о томъ.

МАРИНА.

Я сдѣлала моимъ притворнымъ языкомъ,
Что искра прежняя, подъ пепеломъ закрыта,
Ужъ сердце начало дѣвицы шевелить;
Что голова ея, повѣсою набита,
Уже перестаетъ дурачиться, шалить.
Старайся съ бариномъ теперь Пріята сладить;
А я ужъ Улиньки сердчишкомъ поверну;
А пуще бы всего намъ барыню отвадить
Отъ Вѣтромаха....

ПРОЛАЗЪ.

О! его я оттяну.

МАРИНА.

Охъ, это мудрено!

ПРОЛАЗЪ.

Мнѣ это такъ, какъ плюнуть.

МАРИНА.

Не вѣрю этому.

ПРОЛАЗЪ.

Тебѣ ль о томъ судить?
Отъ разныхъ я наукъ умѣлъ на свѣтѣ клюнуть.
Ты знаешь?

МАРИНА.

Знаю.

ПРОЛАЗЪ.

Ну, о чемъ же говорить.

МАРИНА.

Какая можетъ тутъ наука пособить,
Коль хочетъ женщина чего безмѣрно алчно.

ПРОЛАЗЪ.

Искусству моему все можетъ быть удачно.
Наука первая — водить людей за носъ.
Маринушка, Пролазъ въ наукѣ этой взросъ.
Ты знаешь, ремесломъ такимъ весь свѣтъ торгуетъ.
Здѣсь всякой, почитай, на счетъ другихъ пируетъ.
И честность становя одну себѣ въ предметъ,
До чести крадется, какъ-будто плутъ весь свѣтъ, —
Въ наукѣ этой я умѣлъ себя прославить.
И если захочу кому я крюкъ поставить,
То мудрено тому мой крюкъ перешагнуть.

МАРИНА.

Ты, право, хвастовствомъ себѣ надсадишь грудь.

ПРОЛАЗЪ.

Когда я намекну, что̀ разумъ мой готовитъ,

Не будешь хвастуномъ Пролаза ты злословить.
Въ той кучѣ жениховъ, которыхъ видѣлъ я,
Полезну мысль мнѣ далъ отставленный судья.
Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье,
Изъ одного въ другой переходя приказъ.
Иной ему даетъ хлѣбъ, мясо, соль, указъ;
Иной вино, его нужнѣйше пропитанье.
Ему то щоголя руками я отдамъ....

Увидя судью.

Поди отсель, ко мнѣ идетъ судья и самъ;
А между тѣмъ кажи ты Высоносу виды,
Которы были бы наполнены обиды.
Бѣси его, бѣси.

МАРИНА, *уходя.*

Увидишь какъ взбѣшу.

ЯВЛЕНІЕ II.

СУДЬЯ И ПРОЛАЗЪ.

СУДЬЯ.

Га! га! ты съ красными дѣвицами шу-шу,
Сирѣчь все шопотомъ, дружокъ, да тихомолкомъ.

ПРОЛАЗЪ.

Какая нужда вамъ?

СУДЬЯ.

Мнѣ нужда до всего.
Пожалуй одолжи нижереченнымъ толкомъ:
Дѣвица эта кто?... и ты мнѣ для чего
Велѣлъ придти, чтобы съ тобою повидаться?

ПРОЛАЗЪ.

Такъ вы не можете объ этомъ догадаться?

СУДЬЯ.

Ни коимъ образомъ; отвѣтствуй на допросъ.

ПРОЛАЗЪ.

Не чутокъ можетъ ли быть такъ судейскій носъ?
На первый пунктъ скажу: здѣсь бывшая дѣвица
Служанка Улиньки, любезна очень ей;
А на второй, что вы изъ отставныхъ судей
Милѣй мнѣ всѣхъ. За васъ огонь мнѣ и водица,
Бѣды всѣ тринъ трава. Я броситься готовъ....

СУДЬЯ.

Такихъ ни отъ кого не слыхивалъ я словъ.
Мнѣ должно приписать какому это чуду?
Скажи же, отъ чего любовь твоя, откуду,
И для какихъ причинъ, и какъ, и почему?

ПРОЛАЗЪ.

Другъ друга любимъ мы не часто по уму,
А такъ. Я думаю, случалось то́ и съ вами,
Что любите кого, не знаючи и сами
За что....

СУДЬЯ.

Нѣтъ; не было за мной того грѣха,
Чтобъ я любилъ кого безвинно, сирѣчь даромъ.
Тамъ только любо мнѣ, гдѣ ложка не суха.

ПРОЛАЗЪ.

Коль дѣлаете вы любовь свою товаромъ,
Такъ знайте жъ, вамъ меня нельзя не полюбить.

СУДЬЯ.

А какъ? за что?

ПРОЛАЗЪ.

Я вамъ желаю пособить.

СУДЬЯ.

А въ чемъ? когда? и какъ?

ПРОЛАЗЪ.

Хотите вы жениться
На Улинькѣ?

СУДЬЯ.

О томъ ты можешь ли сумниться?
Ну, будемъ же друзья. Пожалуй помоги,
А отъ меня ей-ей придетъ на сапоги.

ПРОЛАЗЪ.

Готовъ; однако же вы можете повѣрить,
Что можете себѣ не менѣе меня
Или и болѣе еще помочь.

СУДЬЯ.

Кто, я?
А какъ?

ПРОЛАЗЪ.

Молодчика вамъ должно подтетерить,
Который вамъ, сударь, какъ-будто спица въ глазъ:
Соперникъ вашъ, одно препятство онъ для васъ.
И ежели его, сударь, съ сѣдла сшибете,
То ваша Улинька....

СУДЬЯ.

Ни для чего, нѣтъ, нѣтъ,
Чрезъ драку не введу моей души въ лабетъ.
Чтобъ я дрался, того въ судахъ вы не найдете,
А многажды былъ битъ и бралъ съ того доходъ.

ПРОЛАЗЪ.

Да кто же говоритъ, чтобъ вамъ подраться?
Законами къ нему вы можете придраться,
И, сдѣлавъ вексельнымъ уставомъ оборотъ,
Указовъ силою отбить его невѣсту.

СУДЬЯ.

Вотъ это сказано по сердцу, кстати, къ мѣсту.
Но только намекни, молодчикъ кто таковъ?
Въ отставкѣ ль, въ службѣ ли и много ли долговъ?

ПРОЛАЗЪ.

Извѣстный Вѣтромахъ....

СУДЬЯ.

Ну, этого довольно.
И сердцу моему то было бъ очень больно,
Когда бы побѣдилъ меня сей Вѣтромахъ.
Котораго весь умъ въ французскихъ лишь словахъ,
Въ помадахъ и духахъ и въ пудрѣ благовонной.
Какъ модная мадамъ, такъ точно пахнетъ онъ.
Молчи жъ, коли то такъ, колодезь ты бездонной!
Ты рода знатнаго, но есть у насъ законъ.

ПРОЛАЗЪ.

Мать Улиньки своимъ плѣнилъ онъ родомъ знатнымъ;
И если бы ее въ томъ можно убѣдить....

СУДЬЯ.

Мольчокъ! могу его не только засадить....
Ни слова.... сдѣлаюсь посвойски съ симъ развратнымъ:
Онъ жизни за меня своей не будетъ радъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРОЛАЗЪ, *а послѣ* ПРІЯТЪ.

ПРОЛАЗЪ.

Вотъ какъ изволилъ нашъ судья разгорячиться!

Увидя Пріята.

А! баринъ.

ПРІЯТЪ.

Я, скажи, умѣлъ ли нарядиться?

ПРОЛАЗЪ.

Прекрасно! надо лишь принять суровѣй взглядъ;
Высматривать на всѣхъ печально, изподлобья,
И точно говорить, читаютъ какъ надгробья.

ПРІЯТЪ.

Какую пользу дастъ мнѣ этотъ весь обрядъ?

ПРОЛАЗЪ.

Вѣдь я вамъ сказывалъ, Марина тожъ твердила.
Ужъ сердце Улиньки она поворотила.
Вамъ надобно теперь понравиться отцу,
Чтобъ это привести удачливо къ концу.
Забывъ, что вы Пріятъ, вамъ надо быть Семеномъ;
Не «вы» ему, а «ты», и въ шляпѣ говорить.
Еще ли надо мнѣ вамъ тоже повторить,
Что тысячу я разъ твердилъ.

ПРІЯТЪ.

Я чту закономъ
Все то, чтó ты сказалъ. Лишь тò противно мнѣ,
Что надо грубымъ быть подобно какъ стѣнѣ
Противъ родившаго красы неоцѣненны.

ПРОЛАЗЪ.

Лишь-только отъ того успѣхи несомнѣнны,
Вы слышите ль, сударь, вамъ Улиньку достать!

ПРІЯТЪ.

Инъ быть по твоему.... однако чтò сказать,
Когда увижусь съ нимъ?—Чтò ты твердилъ не давно,
То все изъ памяти къ тебѣ ушло назадъ.
Могу я оробѣть и молвить не въ попадъ.

ПРОЛАЗЪ.

Могу и въ этомъ вамъ я пособить исправно,

Я стану вмѣсто васъ высказывать слова.
Смотрите же, сударь, чтобъ ваша голова
Всегда была смежна съ моею головою,
Чтобъ голосъ мой всегда казаться вашимъ могъ.

Увидя Лентягина.

Вотъ онъ самъ.

ПРІЯТЪ.

Помоги, любви всесильный богъ!

ПРОЛАЗЪ.

Старайтесь быть, сударь, всегда передо мною;
Никакъ не двигайте ни языка, ни ногъ.

Пріятъ стоитъ какъ вкопанный.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕНТЯГИНЪ, ПРІЯТЪ, ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ, *подошедъ къ Лентягину.*

Вотъ тотъ знакомецъ мой, умомъ набитый, честью;
Тотъ твердой философъ и словомъ, вотъ Семенъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

То сказываетъ видъ какъ честенъ онъ, уменъ.

ПРОЛАЗЪ.

Ты это видишь самъ, что не знакомъ онъ съ лестью.

Пролазъ, подводя Лентягина къ Пріяту, становитъ его одаль. Пріятъ, забывшись, хочетъ шляпу снять; но Пролазъ, проворно становясь за нимъ, удерживаетъ его и говоритъ слѣдующія рѣчи притворнымъ голосомъ вмѣсто Пріята.

Пролазъ сказалъ, что ты хотѣлъ меня узнать;
И такъ къ тебѣ пришелъ я, этому повѣря.

То правда ли, скажи, что ты, все честью мѣря,
Не смотришь ни на что? иль лучше такъ сказать,
Что не хотя плясать по свѣтской подлой дудки,
Къ ногамъ твоимъ повергъ поганы предразсудки?

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты слышалъ правду. Кто жъ тебѣ сказалъ о томъ?

ПРОЛАЗЪ, *вмѣсто Пріята.*

Весь свѣтъ, смѣясь, тебя считаетъ дуракомъ;
А я же, не смотря глупцовъ на гнусну ѣдкость,
Тебя за Феникса считаю и за рѣдкость.

ЛЕНТЯГИНЪ.

О, чудо нашихъ дней! и въ младости такой!
Пожалуй твоего знакомства удостой.

ПРОЛАЗЪ, *вмѣсто Пріята.*

Знакомства удостой — и то тебѣ не стыдно?
Ты не очистился еще отъ дрязгу, видно,
И свѣтской комплиментъ сказалъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты очень правъ.
Я признаюсь, что, бывъ со глупымъ свѣтомъ близокъ,
Остатки отъ него еще мой кажетъ нравъ.
Прости мнѣ то, что былъ теперь я столько низокъ.

ПРОЛАЗЪ, *вмѣсто Пріята.*

Другой проступочекъ ты сдѣлалъ предо мной,
Иль будь со мной простѣй, иль я уйду домой —
Съ сердцемъ.
Просить прощенія, честному человѣку!

ЛЕНТЯГИНЪ, *Пріяту.*

Коль хошь побей меня, терпѣнье лишь возьми.
Тобой кажусь себѣ къ златому близокъ вѣку.

Къ Пролазу.

Любезный мой Пролазъ, меня ты обними,
Ты мнѣ доставилъ даръ безцѣнный и небесный.

ПРОЛАЗЪ, *Пріяту на ухо.*

Теперь, сударь, скорѣй стрѣлчка отселѣ дай.

Пріятъ скоропостижно уходитъ въ то время, когда Пролазъ обнимается съ Лентягинымъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЕНТЯГИНЪ И ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ.

Ты видишь, молодецъ какой онъ пречудесный.

ЛЕНТЯГИНЪ, *думая, что Пріятъ еще тутъ, хочетъ его обнять.*

О, мудрый мой Семенъ! будь другомъ мнѣ и знай,
Что я.... да гдѣ же онъ?

ПРОЛАЗЪ.

Пришла охота, видно,
Ему иль ѣсть, иль спать. Онъ такъ, какъ я съ тобой,
Безъ принужденія.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Зачѣмъ пошелъ домой?
Онъ могъ бы у меня.... или казалось стыдно?

ПРОЛАЗЪ.

Иль, можетъ, нашему что стыдно быть уму;
Однако, у себя спокойнѣе ему.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты сдѣлаешь ли мнѣ навѣки одолженье?

ПРОЛАЗЪ.

Скажи, и я готовъ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Не пощади всѣхъ силъ,
Мой другъ, чтобы Семенъ мнѣ сдѣлалъ утѣшенье:
Переселясь ко мнѣ, со мною бъ вѣчно жилъ.

ПРОЛАЗЪ.

Трудненько это мнѣ, однако постараюсь....
Да знаешь ли, чтó мысль мою теперь тягчитъ?
Не менѣе тебя Семену удивляюсь;
Но видя, онъ каковъ, я совѣстью терзаюсь;
Бунтуя, честь моя противъ меня шумитъ.
Какъ! счастье дѣйствуетъ надъ мудрецами даже?
Я буду зять тебѣ, а лучшій нашъ Семенъ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

Да склоненъ ли, скажи, мой другъ, къ женитьбѣ онъ?

ПРОЛАЗЪ.

Вѣрь мнѣ, жениться онъ меня умѣетъ глаже.
Я помню, говорилъ онъ мнѣ однажды такъ,
Что для того себѣ считаетъ нужнымъ бракъ,
Чтобъ вывести семью премудрыхъ, намъ подобныхъ;
И свѣтъ стараяся совсѣмъ преобразить,
Побольше развести людей честныхъ, не злобныхъ.
Не должно ль мнѣ ему невѣсту уступить?
Мнѣ это честь велитъ; тебѣ велитъ честь тоже
Дать Улиньку тому, кто больше философъ.
Семену болѣе на ней жениться къ рожѣ.
Ты видишь, мудростью преодолѣвъ любовь
И все, я честности несу на жертву счастье,
И лучшему меня я право отдаю.
А за мое, мой другъ, толь рѣдко безпристрастье,

Коль можно, мнѣ отдай Марину ты свою.
Премудрости моей довольно и Марины.

ЛЕНТЯГИНЪ.

О, честный человѣкъ! не согласиться какъ
На философскія толь важныя причины!
Чтò ты сказалъ, вѣрь мнѣ, мой другъ, тому быть
такъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЕНТЯГИНЪ, ВѢТРОМАХЪ, ПРОЛАЗЪ, ВЫСОНОСЪ.

ВѢТРОМАХЪ, *Лентягину.*

Я къ вамъ, мосье, пришелъ exprès, чтобъ извиниться.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Оставь меня, оставь, иль долженъ я взбѣситься.

ВЫСОНОСЪ, *на ухо Вѣтромаху.*

Оставьте вы теперь французскія слова.

ВѢТРОМАХЪ.

Да безъ того моя въ пень станетъ голова.

ВЫСОНОСЪ.

Какъ можно жалобнѣй по-русски говорите.

ВѢТРОМАХЪ.

Превозмогу себя. *Лентягину.* Меня, сударь, прости-
те....

ПРОЛАЗЪ.

Какая подлость то, прощенія просить!

ЛЕНТЯГИНЪ, *указывая на Вѣтро-
маха.*

Кто такъ пестёръ, кудрявъ, могу ль тому простить?

ПРОЛАЗЪ, *Лентягину.*

На попугая намъ возможно ли сердиться?
Намъ должно отъ него скорѣе удалиться.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ты правду говоришь. *Хочетъ уйти.*

ВѢТРОМАХЪ, *останавливая Лентягина.*

Позвольте все сказать.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Какъ хочешь можешь ты, когда уйду, болтать.

ВѢТРОМАХЪ, *останавливая его.*

Три слова лишь скажу.... и послѣ въ вашей волѣ.
Каковъ донынѣ былъ, таковъ не буду болѣ.
Я чувствую, что я испорченъ свѣтомъ былъ,
И вижу все теперь.

ПРОЛАЗЪ, *на ухо Лентягину.*

Ты видишь ли притворство?

ВѢТРОМАХЪ.

Системой вашей я глаза мои открылъ.
Впередъ увидите мое къ себѣ покорство;
И вашихъ правилъ я прилежный ученикъ.

ЛЕНТЯГИНЪ, *Пролазу.*

Смотри-ка ты, мой другъ, какой промышленикъ.

ПРОЛАЗЪ, *Вѣтромаху.*

Мы развѣ дураки? окончи ты насмѣшки.

ВѢТРОМАХЪ, *Пролазу, съ сердцемъ топая ногою.*

Бездѣльникъ, замолчи!

ЛЕНТЯГИНЪ.

Вотъ какъ ты лучше сталъ!
Поди, точи твои кому ты хочешь пѣшки.

ПРОЛАЗЪ, *уходя.*

Отъ нашей секты прочь: ты насъ бы замаралъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВѢТРОМАХЪ И ВЫСОНОСЪ.

ВѢТРОМАХЪ, *грозя въ слѣдъ Пролазу.*

Заплатишь мнѣ, maraud! ты жизнію твоею,
Что сдѣлалъ я bassesse, о томъ лишь сожалѣю.
О, честь! ты мнѣ obstacle бездѣльника убить,
Который смѣетъ мнѣ, о sort! ривалемъ быть.
Я знатный дворянинъ, а онъ слуга ничтожный,
А то бы на тотъ свѣтъ ссудилъ я подорожной.

Высоносу.

Ты мой слуга, скажи, имѣешь ли ты духъ
Изъ счету выключить его живущихъ слугъ
И умертвить?

ВЫСОНОСЪ.

Что вы, мосье! побойтесь Бога.
Иль мыслите, въ Сибирь пріятна мнѣ дорога?
Мосье! то на Руси не водится у насъ,
До смерти чтобъ убить, и очень тȏ безчестно.

ВѢТРОМАХЪ.

Иль право чести мнѣ, ты мыслишь, неизвѣстно?
Maraud! И можешь ли мнѣ тѣмъ колоть ты въ глазъ,
Чтобъ point d'honneur возмогъ забыть въ моей я мести?
Хочу, чтобъ ты убилъ путемъ французской чести.

ВЫСОНОСЪ.

А какъ, мосье?

ВѢТРОМАХЪ.

О sot! служа такъ долго мнѣ,
Быть надобно тебѣ такъ глупу, какъ стѣнѣ.

ВЫСОНОСЪ.

Скажите только какъ, готовъ убить я честно,
То есть, чтобъ не было за то чего спинѣ.
А впрочемъ, истребить его мнѣ очень лестно.
Я склонность чувствую отмстить не меньше васъ.
Марина, сколько мнѣ догадкою извѣстно,
Невѣрный на него коробитъ также глазъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Дуэлью истребить бездѣльника возможно.
Ты вызови его, и съ шпагами въ рукахъ....

ВЫСОНОСЪ.

А ежели его, мосье, не проймётъ страхъ?

ВѢТРОМАХЪ.

Онъ трусъ, повѣрь мнѣ въ томъ.

ВЫСОНОСЪ.

Мнѣ развѣ осторожно,
Искусненько, мосье, на это поступить,
То есть, чтобъ чѣмъ нибудь все тѣло обложить,
Чтобъ проколоть нельзя.

ВѢТРОМАХЪ.

Какъ хочешь, но исполни,
Иль сто ударовъ я тебѣ.... ты это помни.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЫСОНОСЪ, *одинъ.*

Исполнить должно мнѣ, отмстить за нашу честь,
И дѣло славное хоть разикъ произвесть.
Но прежде, нежели я тѣмъ себя прославлю,
Я въ безопасность грудь мою отъ ранъ поставлю,
И множествомъ дестей бумагой обложу.
Тогда-то храбрость я надежно покажу.
Мнѣ сдѣлать тò велятъ различныя причины:
И что изъ рукъ у насъ выходитъ милліонъ,
И хладнокровіе измѣнницы Марины.
Увидитъ тò злодѣй какой я дамъ трезвонъ!
О, ты! котораго я столько ненавижу,
Который столько мнѣ причинъ сердиться далъ,
Дрожи.... Притомъ же я въ дуэли то увижу,
Чего родясь еще я самъ и не видалъ,
То есть, каковъ я храбръ.... *увидя Марину,* А вотъ
моя невѣрна!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВЫСОНОСЪ, МАРИНА, *выходитъ, отворачиваясь отъ Высоноса.*

ВЫСОНОСЪ.

Давно ль ты стала такъ, мой свѣтъ, высокомѣрна,
Что и приступу нѣтъ?...

МАРИНА.

Пожалуй ты отстань...

ВЫСОНОСЪ.

И рожу въ сторону воротишь.

МАРИНА, *отталкивая его.*

Перестань.

Мнѣ время нѣтъ, поди.

ВЫСОНОСЪ.

За что́ жъ ты такъ вздурилась?

А прежде, помнишь ли...

МАРИНА.

Не помню ничего.

ВЫСОНОСЪ.

Я знаю, отъ чего ты столько возгордилась:
Ты къ философіи съ Пролазомъ пристрастилась.

МАРИНА.

Не трогай ты ни чѣмъ Пролаза моего.

ВЫСОНОСЪ.

Пролаза твоего?... ту грубую скотину?
Не узнаю мою я болѣе Марину.

МАРИНА.

Не узнавай; о томъ лишь я тебя прошу.

ВЫСОНОСЪ.

Такъ знай же, твоему Пролазу отомщу.
Ты будешь плакать, вѣрь. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ X.

УЛИНЬКА, *выходитъ задумавшись;* МАРИНА.

МАРИНА, *въ сторону.*

Вотъ какъ она уныла!

Пилюли дѣйствуютъ, которы я дала.

УЛИНЬКА.

А я тебя ищу; скажи, гдѣ ты была?

МАРИНА.

Что вы печальны такъ?

УЛИНЬКА.

Сама себѣ постыла.
И свѣтъ мнѣ сталъ не милъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты
Изобразила мнѣ такъ чернымъ Вѣтромаха:
Исчезли предо мной тѣ мнимы красоты.

МАРИНА.

Женою быть его, повѣрьте, много страха.
Все прожилъ, весь въ долгу; плѣненъ не вами онъ,
А любитъ искренно вашъ только милліонъ.
И можно ль ожидать любви отъ вертопраха?
У модныхъ молодцовъ прелестна только та,
Которая мотать имъ средство доставляетъ;
А послѣ, денегъ нѣтъ—и прелесть исчезаетъ.
И нынѣче жена, подобно какъ руда,
Лишь выйдетъ золото — оставятъ навсегда.

УЛИНЬКА.

Рѣчь каждая меня смертельно ужасаетъ.

МАРИНА.

Вы скоро правду словъ узнаете моихъ,
Что мало жениховъ, каковъ Пріятъ, такихъ.

УЛИНЬКА.

Почто жъ онъ былъ, почто такъ робокъ, непроворенъ?

МАРИНА.

Ему казался путь ко счастію затворенъ.
Онъ, смертно полюбя, считалъ васъ божествомъ,
И думалъ, что онъ васъ не можетъ быть достоинъ.
Болѣзнь его, болѣзнь увѣрить можетъ въ томъ.
Отъѣздомъ вашимъ былъ онъ столько безпокоенъ,

Размученъ, что безъ васъ тотчасъ же занемогъ.
Мнѣ сказывали, онъ не могъ таскать и ногъ.
И тотчасъ послѣ васъ горячкой слегъ въ постелю;
И бредилъ Улинькой онъ цѣлую недѣлю;
Потомъ, какъ жаръ прошелъ, то прискакалъ сюда,
Затѣмъ, чтобъ умереть у вашихъ ногъ отъ страсти;
И шпагу ужъ купилъ.

УЛИНЬКА.

Какая же бѣда!
О, бѣдненькой! нельзя ль ему помочь въ напасти?

МАРИНА.

Его вы можете лишь-только исцѣлить.
Онъ, право, хочетъ кровь свою при васъ пролить.
Онъ тотчасъ будетъ къ намъ и, ставши на колѣни,
Вотъ такъ, *становится на колѣни.* «Сударыня!» тогда вамъ скажетъ онъ.
«Вы не услышите ниже малѣйшей пѣни;
«Не вы виновны въ томъ, что мнѣ судьбы законъ
«Велѣлъ, навѣки въ васъ влюбяся, лишь терзаться.
«Однако не могу судьбѣ повиноваться.
«Я долженъ умереть, не могши быть любимъ.
«Когда надежды нѣтъ желаніямъ моимъ,
«Прости, дражайшая!»

Марина, вынувъ опахало, хочетъ имъ заколоться.

УЛИНЬКА.

Постой.... Ахъ, какъ же я забылась!
Казался самъ Пріятъ.

МАРИНА.

Не грѣхъ ли будетъ вамъ,
Когда отъ васъ умретъ Пріятъ.... да вотъ онъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

УЛИНЬКА, МАРИНА, ПРІЯТЪ, *котораго силою тащитъ Пролазъ.*

ПРІЯТЪ, *Пролазу.*

Бѣда! ахъ, Улинька отъ насъ отворотилась.

ПРОЛАЗЪ.

Не стыдно ль? робость въ васъ опять, сударь, вселилась.

ПРІЯТЪ.

Отложимъ на сей разъ открытіе любви;
Отъ страха чувствую, Пролазъ, морозъ въ крови.

ПРОЛАЗЪ.

Приближьтесь къ Улинькѣ и будьте потеплѣе.

МАРИНА, *Улинькѣ.*

Смотрите, онъ дрожитъ; кто можетъ быть страстнѣе?
Какъ блѣденъ!

УЛИНЬКА.

Бѣдненькій!

ПРОЛАЗЪ, *таща Пріята.*

Хотите ль, чтобы я
За васъ къ ногамъ ея упавъ, открылъ вашъ пламень?

ПРІЯТЪ.

Любезный мой Пролазъ, ты одолжишь меня.

ПРОЛАЗЪ, *тащитъ его.*

Вы знаете ль, сударь, что съ вами треснетъ камень.

ПРІЯТЪ.

Пожалуй не сердись. Иду.... я трепещу!
Какъ приметъ тó она, что столько я нахально,
При всѣхъ... какъ горько мнѣ и будетъ тó печально,
Когда разсердится.... Я случай пріищу,
Когда куда нибудь поѣдетъ на гулянье.

ПРОЛАЗЪ.

Я разумѣю васъ; на полѣ, на лужку,
Овечекъ миленькихъ и пастушковъ въ кружку....
Не стыдно ль пропускать толь счастливо свиданье?
Представьте вы себѣ Маринушку кустомъ,
Меня хоть сосною, себя же пастушкомъ,
Пастушкой Улиньку, а зеркало рѣкою.

Съ силою притаща къ Улинькѣ.

Я къ вамъ привелъ его и тѣломъ душою.

ПРІЯТЪ.

У васъ во власти все и жизнь и смерть моя....
Не гнѣвайтесь.... или навѣкъ погибну я.

УЛИНЬКА.

За что сердиться мнѣ? о васъ я сожалѣла.

ПРІЯТЪ.

Что слышу! въ радости.... не знаю что сказать,
И сердце вонъ летитъ и не могу дышать.

МАРИНА, *Пріяту.*

Мнѣ барышня, сударь, велѣла то сказать,
Что не противны вы.

УЛИНЬКА, *Маринѣ.*

Солгала на меня;
Но нагло такъ меня безстыдствомъ ты виня,
Скажи, когда тебѣ я въ этомъ открывалась?

МАРИНА.

Не говорили вы, сама я догадалась.

ПРІЯТЪ, *Маринѣ.*

Такою дерзостью меня ты погубишь;
Марина! для чего неправду говоришь?
На первый случай я доволенъ сожалѣньемъ,
И больше ничего не смѣю я хотѣть.

ПРОЛАЗЪ.

Такова не видалъ охотника терпѣть,
Всегда откладывать и, веселясь мученьемъ,
На свѣтѣ только жить однимъ воображеньемъ.

Къ Улинькѣ.

Узнайте, я его повѣренный въ дѣлахъ.

Становится на колѣна предъ Улинькой и съ собою Пріята становитъ.

Услышьте просьбу вы его въ моихъ устахъ....
Вы видите, какъ худъ онъ сталъ отъ жаркой страсти....
Немного ужъ ему осталось догорѣть,
А жизненной свѣчи прибавить въ вашей власти....
Не дай, сударыня, отъ васъ намъ умереть....
Коль баринъ мой умретъ, и я за нимъ туда же!
Скажите, много ли его собою глаже?
Молодчикъ хоть куда; и мастеръ такъ любить,
Что этакихъ нельзя ни за што и купить.
Скажите же ему: «не тщетно ты мной страстенъ».

МАРИНА.

Когда за барина умѣлъ ты проболтать,
Равно за барышню мнѣ должно отвѣчать.

Жеманнымъ голосомъ Пріяту.

Ты знаешь, жребій мой родителямъ подвластенъ;
Пріятъ! когда они согласны будутъ въ томъ....

Улинькѣ.

Окончите теперь остатокъ вашимъ ртомъ.

УЛИНЬКА.

Согласна буду я.

ПРІЯТЪ, *цѣлуя руку Улиньки.*

О, радость несказанна!
Мнѣ жизнь обновлена прещедрымъ божествомъ!

ПРОЛАЗЪ.

Я вижу гостя здѣсь, Маринушка, нежданна.
Выходитъ Высоносъ; отсель подите прочь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВЫСОНОСЪ *съ двумя кортиками подъ полою, бумагой толсто обложенъ и кафтанъ весь застегнутъ,* и ПРОЛАЗЪ.

ВЫСОНОСЪ, *самъ съ собою вдали.*

Я такъ сердитъ, что свѣтъ мнѣ кажется какъ ночь.
Надѣяся на то, что глупой этотъ струситъ,
Намѣренъ я его на поединокъ звать....
Ну, ежели его чортъ храбрости укуситъ;
И если вмѣсто онъ того, чтобы дрожать,
Пріободрившися не вздумаетъ бѣжать?...
Пропалъ я.... но тому быть кажется не можно.
Слыхалъ я, философъ не любитъ умирать.
Притомъ же поступилъ я очень осторожно:
Бумаги десть на грудь взложилъ я вмѣсто латъ.

ПРОЛАЗЪ *издали.*

Зачѣмъ ты здѣсь одинъ, любезный другъ и братъ?

ВЫСОНОСЪ, *самъ себѣ.*

Одинъ? любезный другъ и братъ!... о! онъ робѣетъ!
Къ Пролазу гордо и смѣло.
Коль чести правила бездѣльникъ разумѣетъ....

ПРОЛАЗЪ, *также гордо и смѣло.*

Ну что жъ?

ВЫСОНОСЪ, *струся.*

Ну, только, *самъ себѣ,* чортъ его пускай возьметъ.
Онъ смотритъ, будто бы меня совсѣмъ сожретъ.

ПРОЛАЗЪ, *самъ себѣ.*

Его мнѣ блѣдный видъ добра не предвѣщаетъ:
Онъ, кажется, меня какъ рѣпку искусаетъ.

ВЫСОНОСЪ, *самъ себѣ.*

Ну, милый Высоносъ! пріободрись, дружокъ!
Онъ храбрымъ кажется, быть можетъ, только съ рожи.

Пролазу.

Ты знаешь ли, на что твои дѣла похожи?

ПРОЛАЗЪ.

На что?

ВЫСОНОСЪ.

На то, за что сажаютъ васъ въ острогъ.

ПРОЛАЗЪ, *самъ себѣ.*

Отъ ужаса ни рукъ не чувствую, ни ногъ;
Однако должно скрыть мнѣ робость ради чести.

ВЫСОНОСЪ.

Самъ себѣ. *Пролазу.*

Изрядно онъ дрожитъ!... Что жъ ты не говоришь?
Не видя ничего, ужъ ты какъ листъ дрожишь.

ПРОЛАЗЪ.

Не горячися такъ; сказать тебѣ безъ лести,
Отъ сердца я дрожу, *отступая далѣе,* и бойся ты меня.

ВЫСОНОСЪ, *также отступая далѣе.*

Бояться мнѣ? тебя.... тебя? такого пня?
Ты долженъ отвѣчать за смертную обиду,
Котора сдѣлана и барину и мнѣ.

Хоть тресни, но отсель дотолѣ я не выйду,
Доколѣ кортикомъ не прилѣплю къ стѣнѣ.

Вынимаетъ кортикъ.

ПРОЛАЗЪ.

Разбойникъ ты! вѣдь я, ты видишь, безоруженъ.

ВЫСОНОСЪ.

Ты судишь по себѣ равно и обо мнѣ:
О чести знать тебя я болѣе досуженъ.
Для защищенія тебѣ коль кортикъ нуженъ,
Возьми, вотъ онъ, *бросаетъ Пролазу одинъ кортикъ издали,* и знай, я честный человѣкъ.

ПРОЛАЗЪ, *поднимая кортикъ.*

Увидишь я каковъ; твой кортикъ поднимаю;
Но какъ я философъ, то вѣдай, что вовѣкъ
Я первый брани, дракъ ни съ кѣмъ не начинаю.
Ты наступай. *Отходитъ подалѣе.*

ВЫСОНОСЪ.

Нѣтъ, ты. *Отступаетъ подалѣе.*

ПРОЛАЗЪ.

Вѣдь ты обиженъ былъ.

ВЫСОНОСЪ.

Ты правду говоришь, я это позабылъ.
Давай! — *не вынимая кортиковъ изъ ноженъ, оба машутъ издали,* — Постой, еще мы не уговорились,
Колоться должно намъ, иль рубку произвесть.

ПРОЛАЗЪ.

Что до меня, моя рубиться любитъ честь.

ВЫСОНОСЪ.

Моя колоть.

ПРОЛАЗЪ.

Такъ мы еще не согласились?

ВЫСОНОСЪ.

Не соглашуся я рубиться никогда.

ПРОЛАЗЪ.

А я колоть.... и такъ дуэль не состоялся.

ВЫСОНОСЪ.

Хоть трусомъ почиталъ тебя я завсегда;
Не думалъ, чтобъ Пролазъ колоться отказался.

ПРОЛАЗЪ.

Кто колетъ, развѣ тотъ считается храбрѣй.

ВЫСОНОСЪ.

Конечно.

ПРОЛАЗЪ.

Инъ изволь, и стань же въ позитуру.
Увидишь, проколю какъ я твою фигуру!
Да отъ чего, скажи, ты кажешься толстѣй?
За часъ ты тонѣ былъ.

ВЫСОНОСЪ.

Трусъ только лишь худѣетъ,
А храбрый человѣкъ часъ отъ часу толстѣетъ.

ПРОЛАЗЪ.

Да что-то храбрость вся застегнута твоя?

Разстегивая нѣсколько камзолъ и показывая грудь.

А предъ тобою, на! открыта вся моя.

ВЫСОНОСЪ.

Коль хочешь, ты себѣ пожалуй застегнися.

ПРОЛАЗЪ.

Послушай!... Человѣкъ ты честный, говоришь?

ВЫСОНОСЪ.

И очень.

ПРОЛАЗЪ.

Если такъ, ощупать мнѣ велишь
Ты прежде честь твою.

ВЫСОНОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ ты тѣмъ не льстися,
Она и безъ того, дружокъ! видна какъ скло.

ПРОЛАЗЪ.

Однакожъ твой кафтанъ, не такъ вѣдь какъ стекло.
Не видно, подъ него какую вещь заправилъ.
Знать надо, изъ чего ты честь твою составилъ,
Котору грубо такъ ты скрылъ подъ твой кафтанъ?
Честь оттопырилась твоя мнѣ очень видно.

ВЫСОНОСЪ.

Такъ думать обо мнѣ или тебѣ не стыдно?

ПРОЛАЗЪ.

Послушай: я узналъ преподлый твой обманъ,
Когда начну колоть, то мѣтить въ рожу стану.
Изрѣжу, проколю твое лицо насквозь.

ВЫСОНОСЪ, *въ сторону.*

Бездѣльникъ сдѣлаетъ мою красу хоть брось.

Пролазу.

Увѣрить чѣмъ тебя, что нѣтъ во мнѣ обману?
Божиться ль?

ПРОЛАЗЪ.

Не божись, а лучше договоръ
Мы сдѣлаемъ съ тобой, чтобы окончить споръ:
Положимъ кортики мы прежде на полъ оба,
Чтобы съ орудіемъ осталась наша злоба;
Потомъ подружески сошедшись, разберемъ;
И если честь твоя толста не отъ обмана,
Опять, коль хочешь ты, мы кортики возьмемъ.

ВЫСОНОСЪ.

Изволь; *кладетъ кортикъ,* кладу тебѣ толь страшнаго
тирана.

ПРОЛАЗЪ, *положа кортикъ.*

И я. *Шагнувъ одинъ разъ.* Вотъ я уже шагнулъ.

ВЫСОНОСЪ, *также шагаетъ.*

И я ступилъ.

Оба вмѣтѣ сходятся.

Разъ, два, три.

ВЫСОНОСЪ, *останавливаясь.*

Лишній шагъ ты, плутъ, съ меня слупилъ.

ПРОЛАЗЪ.

Изволь, я разъ еще ступлю въ твою угоду.

Скоропостижно прибѣгаетъ къ Высоносу, растегиваетъ его, и множество дѣстей бумаги сыплется.

Бездѣльникъ! храбрость вся разсыпалась твоя.
Мошенникъ! *даетъ оплеуху Высоносу.*

ВЫСОНОСЪ, *давъ оплеуху Пролазу.*

Не спущу такому я уроду.

ПРОЛАЗЪ, *бѣжитъ къ кортику.*

Къ ружью! къ ружью!

ВЫСОНОСЪ, *также бѣжитъ къ своему кортику.*

Къ ружью! взбѣшенъ теперь-то я!

ПРОЛАЗЪ.

Кровопролитіе у насъ пойдетъ ужасно:
Кто такъ сердитъ какъ я, что можетъ быть опасно.

Высоносу.

Бездѣльникъ! будь готовъ себя оборонять.

Издали выпавъ отступаетъ.

ВЫСОНОСЪ.

Прощайся съ свѣтомъ! *также издали выпавъ, отступаетъ.*

ПРОЛАЗЪ *въ сторону.*

Насъ никто нейдетъ разнять.

ВЫСОНОСЪ, *въ сторону.*

Какъ нынѣ люди всѣ немилосерды стали;
Мы кровь ліемъ, а къ намъ не выглянетъ никто....

Я стану-ка шумѣть, авось поможетъ тò.

Оба вмѣстѣ другъ на друга издали выпадая,

Ге! ге! ге!

ПРОЛАЗЪ.

Никого, какъ-будто всѣ пропали.
Вотъ люди каковы: пожалуй ты умри,
Никто изъ нихъ тебѣ не скажетъ добра слова!

ВЫСОНОСЪ.

Пролазъ! по совѣсти, чтò ты ни говори,
А чтобы умереть въ томъ много есть пустова.

ПРОЛАЗЪ.

Ты правду говоришь... что жъ, намъ начать ли снова
Тотъ бой, который мы такъ храбро провели.
Противу чести мы не сдѣлали прорухи.

ВЫСОНОСЪ.

Довольно, кажется, мы крови пролили;
И, помнится, у насъ по полной оплеухи.

ПРОЛАЗЪ.

Мы равной храбрости и одинакихъ силъ,
И еслибъ, Высоносъ, день цѣлый мы дралися,
Изъ насъ никто бъ одинъ другого не убилъ.

ВЫСОНОСЪ.

А какъ у насъ теперь и раны завелися,
То мы скорѣе ихъ пойдемъ перевязать.

ПРОЛАЗЪ.

Не лучше ль въ домѣ намъ питейномъ побывать?
Отъ храбрости всегда ужасна жажда мучитъ.

ВЫСОНОСЪ.

То правда, у меня отъ ней и брюхо пучитъ.
Привычка храбрецовъ пріятна очень мнѣ:
Подравшись, утопить свою вражду въ винѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕНТЯГИНА И ВЫСОНОСЪ, *пьянъ.*

ЛЕНТЯГИНА.

Подумать можно ли! служитель Вѣтромаха
Такъ пьянъ?... Поди, поди, мнѣ стыдно и смотрѣть.

ВЫСОНОСЪ, *шатаясь.*

Когда бы такъ, какъ я, вы были близко страха....
Случилося ли вамъ въ дуэлѣ умереть?

ЛЕНТЯГИНА.

Поди отселѣ вонъ, хоть стоишь наказанья,
Но думаю, что впредь не будешь вѣчно пьянъ.

ВЫСОНОСЪ.

На что же думать такъ?... при перевязкѣ ранъ
Всѣ таковы: чтобы не чувствовать терзанья.

ЛЕНТЯГИНА.

Онъ бредитъ, и въ винѣ весь умъ свой утопилъ,
Когда бы ты не такъ собою статенъ былъ,
Когда бы не умѣлъ по-свѣтски обращаться,
И столько щегольски, манерно представляться,
Я отослала бы тебя назадъ тотчасъ,
И вѣрь, за то тебя твой баринъ сбилъ бы съ глазъ.

ВЫСОНОСЪ.

Я вижу, чванишься, что ты богата слишкомъ.
Мой баринъ голъ; да мы работаемъ умишкомъ.
Не думай, безъ тебя мы право не умремъ.
И лучше Улиньки твоей себѣ найдемъ.
Повѣрь, не Улинька, а милліонъ намъ нуженъ.
Мой баринъ не весьма съ богатствомъ, видишь, друженъ.
Онъ съ нимъ поссорился, изъ дома выгналъ вонъ.
Совсѣмъ безсребренникъ и безкорыстникъ онъ.

ЛЕНТЯГИНА, *въ сторону.*

Что слышу? Небеса мнѣ сами случай дали
Узнать о всемъ.. дрожу... ну ежели онъ мотъ?..
И если правда то, что мнѣ о немъ сказали?...

Высоносу.

Да чѣмъ же держится его толь знатный родъ?

ВЫСОНОСЪ.

Чѣмъ хочетъ.... былъ старикъ у насъ пріятель честный,
Который помогалъ... всѣмъ людямъ другъ извѣстный...
Который милостью молодчикамъ вредитъ.
Жаль; умеръ онъ... совсѣмъ...

ЛЕНТЯГИНА.

Кто онъ таковъ?

ВЫСОНОСЪ.

Кредитъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Такъ много долженъ онъ?

ВЫСОНОСЪ.

Все вывѣдать желаешь.

Да скромность я мою какъ самъ себя люблю.
О нашихъ ничего долгахъ не объявлю.

ЛЕНТЯГИНА.

Ты съ пьяну, кажется, пустое мнѣ болтаешь.

ВЫСОНОСЪ.

Пустое?... честь мою ты этимъ обижаешь.
И если разсержусь, по пальцамъ все сочту.
За все мы существо должны презнатна рода,
Заимодавецъ нашъ, вотъ вся почти природа.
За нѣкую должны мы также красоту.
Мы ею, а она безмѣрно нами страстна....
Французская мамзель... ахъ, какъ она прекрасна!
Какой румяный ротъ! какой открытый глазъ!...
Хотите ли того, я познакомлю васъ?...
Какіе зубки, носъ и розовыя щечки...
У вашей все не такъ единородной дочки.

ЛЕНТЯГИНА.

Молчи, негодный ты и съ бариномъ твоимъ!

ВЫСОНОСЪ.

Негодный!... мы давно ль негодны стали съ нимъ?
За что?... что любимъ мы то все, что̀ намъ пріятно:
Богатство въ Улинькѣ, красу въ мамзель Жавотъ.
Знай, Улинька ее у насъ не отобьетъ.
Послушай, было бы тебѣ то̀ все понятно:
Женясь на Улинькѣ, любовь мы подкрѣпимъ,
Изъ вашихъ денегъ долгъ Жавотѣ отдадимъ.
Ни для чего Жавотъ мой баринъ не утратитъ;
И Уля за любовь Французженкѣ заплатитъ.
Такъ баринъ говоритъ.

ЛЕНТЯГИНА, *съ запальчивостью.*
Поди ты съ глазъ долой.
ВЫСОНОСЪ.
Прости жъ, когда тебѣ быть хочется одной.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛЕНТЯГИНА, *одна.*

Моею дочерью безчестно такъ ругаться!
Обманывать меня, на нашъ чтобъ только счетъ
Обогатясь, мотать и послѣ намъ смѣяться,
Съ французской дѣвкою, которой подлый родъ
Не стóитъ и того, чтобъ на нее взглянуть!...
Тѣснится грудь моя и не могу вздохнуть!...
Возможно ль не любить дѣвицу благородну,
Любя такую тварь, у коей нѣтъ колѣнъ
Дворянскихъ родовыхъ... мнѣ даже стыдно стѣнъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЕНТЯГИНА И ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ, *въ сторону.*
Лентягина теперь играть изволитъ въ еднỳ,
То есть сама съ собой изволитъ говорить.
ЛЕНТЯГИНА,
Бездѣльникъ, смѣешь ли глазамъ моимъ казаться?

ПРОЛАЗЪ.

Извольте послѣ вы, сударыня, бранить,
А прежде выслушать....

ЛЕНТЯГИНА.

Ты хочешь притворяться;
Но болѣе меня не можешь обмануть.

ПРОЛАЗЪ.

Пускай теперь же громъ въ мою ударитъ грудь,
Когда хоть слово я скажу несправедливо....
Не ужто вы могли себѣ вообразить,
Чтобы намѣренье имѣлъ я горделиво,
Съ супругомъ вашимъ въ томъ согласнымъ глупо быть,
Въ чемъ онъ отъ странности забылъ себя такъ много;
Чтобъ барынѣ такой быть зятемъ льстился я?...
Похожъ ли я на то, судить извольте строго:
Фортунина крыльца я на низу стоя,
Лишь посмотрю на то ужасно разстоянье,
Которое насъ такъ безъ милости дѣлитъ,
Отъ страха на меня тотчасъ придетъ зѣванье,
И омракъ голову мнѣ кубаремъ вертитъ...
Когда бъ король какой на Улинькѣ женился,
Нимало бъ онъ такимъ узломъ не осрамился.
То какъ же думать мнѣ, Пролазу, бѣдняку;
Не только графу, но и даже не барону,
И чортъ ли понесетъ такъ высоко ворону?

ЛЕНТЯГИНА.

Ты правду говоришь, быть надо дураку.

ПРОЛАЗЪ.

Дуракъ ли я?

ЛЕНТЯГИНА.

Когда бъ толь умныхъ было болѣ,
Куда бы хорошо.

ПРОЛАЗЪ, *кланяясь.*

И такъ, чтобъ вамъ помочь,
Супруга вашего покорствовалъ я волѣ;
Теперь же отъ него отшелъ бредъ этотъ прочь;
И я преобратилъ въ ничто его желанье,
Чтобъ выдать за меня любезну вашу дочь....
Хотѣлъ бы я мое употребить старанье
За Вѣтромаха... но...

ЛЕНТЯГИНА.

По́жалуй докончай.

ПРОЛАЗЪ.

Быть можетъ, на меня вы станете сердиться.

ЛЕНТЯГИНА.

Что̀ хочешь говори о немъ, и это знай,
Что случай я о всемъ имѣла объясниться.

ПРОЛАЗЪ.

Онъ рода знатнаго, всѣ это говорятъ,
Хорошъ, пригожъ, вашъ вкусъ не можетъ ошибиться;
Однако родомъ онъ не станетъ съ вами въ рядъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Вотъ новое еще!

ПРОЛАЗЪ.

Вашъ праотецъ былъ сватъ
Оскольду древнему, что́ Кіевомъ ворочилъ,
А Вѣтромаховъ родъ лѣтъ тысячу просрочилъ.
Не знаю, для чего гордяся родомъ такъ,
Онъ васъ, сударыня, и вашу дочь порочилъ.
Плѣняяся однимъ богатствомъ....

ЛЕНТЯГИНА.

Онъ дуракъ,
И вѣтренникъ и мотъ.

ПРОЛАЗЪ.

Онъ прожилъ три имѣнья.

ЛЕНТЯГИНА.

И думать не могу о немъ безъ омерзенья.

ПРОЛАЗЪ.

Есть нѣкій дворянинъ и молодъ и пригожъ,
Изъ одного онъ къ вамъ, сударыня, почтенья,
Повѣрьте въ этомъ мнѣ, я говорю не ложь,
Пылаетъ къ Улинькѣ нѣжнѣйшей самой страстью
И хочетъ съ нею быть навѣкъ подъ вашей властью.

ЛЕНТЯГИНА.

А какъ зовутъ?

ПРОЛАЗЪ.

Пріятъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Онъ, помнится, сосѣдъ
По нашимъ деревнямъ, и мнѣ его хвалили.

ПРОЛАЗЪ.

Сама хвала за нимъ всечасно ходитъ вслѣдъ.
Одни безпутные его не полюбили.
Позволите ль ему почтенье вамъ отдать.
Онъ всѣ мои слова самъ можетъ оправдать.

ЛЕНТЯГИНА.

Представь ты мнѣ его, ему я рада буду.

ПРОЛАЗЪ, *въ сторону отходя.*

Намъ счастье, кажется, открыто отовсюду.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕНТЯГИНА, СВИРѢЛКИНЪ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Ужъ все окончено, что̀ вамъ я обѣщалъ.
И какъ, сударыня, вы знаменита дама,
То вотъ похвальная для васъ эпиталама.
Простите... дочери передъ я вашей далъ
И красоту ея я прежде описалъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Нѣтъ нужды, и стишковъ начните вашихъ чтенье.

СВИРѢЛКИНЪ.

Чтобъ лучше изъяснить любовное мученье,
Я прелесть живо такъ ея изобразилъ,
Какъ-будто съ нею лѣтъ я десять вмѣстѣ жилъ.
Піитамъ лишь дано толь сильно воображенье.
Потомъ, сударыня, увидите себя,
Достойной матерью толь дочери прелестной.

ЛЕНТЯГИНА.

Увидимъ.... Ну, сударь!

СВИРѢЛКИНЪ.

Смертельно полюбя,
Я громовъ не искалъ поэзіи чудесной;
Все нѣжно, плавно все, все сердце говоритъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Да гдѣ жъ узнали ту, кѣмъ такъ вашъ духъ горитъ?
Гдѣ видѣли вы дочь?

СВИРѢЛКИНЪ.

Нигдѣ, и нужды нѣту
Предметъ дражайшій знать великому поэту.
Хотя бъ любовница была крива, уродъ,

Загладитъ это все струя пермесскихъ водъ;
Но въ вашей дочери, что̀ есть, то̀ все прелестно.
По васъ, сударыня, то ясно мнѣ извѣстно.

ЛЕНТЯГИНА.

Читайте же, сударь.

СВИРѢЛКИНЪ.

Извольте же внимать.

Читаетъ: Эпиталама.
Драгой Ирисѣ....

ЛЕНТЯГИНА.

Какъ изволили сказать?

СВИРѢЛКИНЪ.

Ирисѣ.

ЛЕНТЯГИНА.

Кто жъ она?

СВИРѢЛКИНЪ.

То ваша дочь неложно.

ЛЕНТЯГИНА.

Моя дочь Улинька.

СВИРѢЛКИНЪ.

Да быть тому не можно.

ЛЕНТЯГИНА.

Не можно быть? что вы? мнѣ надо лучше знать.

СВИРѢЛКИНЪ.

Да имя Улиньки въ стихахъ весьма незвучно.

ЛЕНТЯГИНА.

Я Улиньку хочу, не спорьте, мнѣ ужъ скучно.

СВИРѢЛКИНЪ.

Инъ быть по вашему. Я стану такъ читать,
Какъ вамъ, сударыня, угодно приказать.

Читаетъ:

«Дражайшей Улиньки въ очахъ
«Мнѣ стало ясно небо видно;
«А то самой зари обидно,
«Что нѣтъ того въ ея цвѣтахъ,
«Чтò видимъ Ули на устахъ.
«Глаза пресвѣтло-голубые....

ЛЕНТЯГИНА.

Постойте... вздоръ! вамъ тò сказали люди злые.
Поэтому моя была бы дочь коза.
У дочери моей каштановы глаза.

СВИРѢЛКИНЪ.

Богини были всѣ всегда голубооки;
А вѣрьте, въ красотѣ богини были доки.

ЛЕНТЯГИНА.

Что нужды до богинь! *Увидя Тромпетина.* А! вотъ другой идетъ
И цѣлую тетрадь съ собою къ намъ несетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛЕНТЯГИНА, СВИРѢЛКИНЪ, ТРОМПЕТИНЪ.

ЛЕНТЯГИНА, *Тромпетину.*

Прошу пожаловать съ своими вы стишками:
Увижу я теперь всю разность между вами.

СВИРѢЛКИНЪ, *Тромпетину.*

Я радъ тому, что рокъ соперника мнѣ далъ,
Который, какъ Алкидъ, вовѣкъ не упадалъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Вкушаю такъ же я неизреченну радость,
Что въ полѣ славы съ тѣмъ вступать имѣю честь,
Изъ устъ котораго течетъ Венеры сладость.

СВИРѢЛКИНЪ.

Что вы великій мужъ, вѣщаетъ то не лесть,

ТРОМПЕТИНЪ.

Творенья ваши всѣмъ какъ лѣтній день прелестны.

СВИРѢЛКИНЪ.

И вашихъ обществу достоинства извѣстны.

ТРОМПЕТИНЪ.

Никто́ не сочинитъ, подобныхъ вамъ стиховъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

А въ вашихъ никакихъ не можетъ быть грѣховъ,
За кои Аполлонъ съ Парнасса низвергаетъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Въ идилліяхъ вашъ даръ какъ ясный Ѳебъ сіяетъ;
Въ элегіяхъ у васъ плачевнѣйшій содомъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

А въ одахъ пышныхъ вы и молнія и громъ.
Отъ тяжкой силы ихъ дрожитъ читатель, стонетъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Коль острота кого сатиры вашей тронетъ,
Ручаюся, тому на свѣтѣ не живать;
А чтобы словомъ все единымъ окончать,
Что́ въ остромъ, въ нѣжномъ вы, я то́ въ гремящемъ, въ пышномъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Однако жъ громкое и я могу писать.

ТРОМПЕТИНЪ.

Но что увѣритъ въ семъ о васъ еще неслышномъ?

Не знаю, чтобъ вашъ стихъ причастенъ былъ тѣхъ грозъ,
Которыя въ моихъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

А ода на морозъ?

ТРОМПЕТИНЪ, *со злою усмѣшкою.*

Растаяла давно студена ода эта.

СВИРѢЛКИНЪ.

Но если голосу повѣрить свѣта,
Есть нѣчто въ ней, чего и вамъ не удалось.

ТРОМПЕТИНЪ, *съ сердцемъ.*

Не удалось и мнѣ? сказать кто это смѣетъ,
Который ни ума, ни вкуса не имѣетъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Не вѣдаю и самъ, какъ это все сбылось;
Но ода на «Морозъ», мнѣ Музами внушенна,
Предъ вашими навѣкъ пребудетъ предпочтенна.

ТРОМПЕТИНЪ, *усмѣхаясь гордо.*

Которы скажутъ такъ, тѣмъ плюньте вы въ глаза.
Свирѣлкинъ! вѣрь, они не знаютъ ни аза,
Иль забавляются шутя надъ вами ѣдко.

СВИРѢЛКИНЪ.

Кто цѣну такъ, какъ я, возможетъ знать уму,
Да если сочинитъ, чтó нравится ему,
Тромпетинъ, вѣрь мнѣ, тотъ обманывается рѣдко.

ТРОМПЕТИНЪ.

А какъ же въ одѣ такъ ошибся ты своей?
Впервые ты запѣлъ, запѣлъ и осрамился.

СВИРѢЛКИНЪ.

Не видишь ты красотъ?

ТРОМПЕТИНЪ.

Нѣтъ складу, толку въ ней.
Когда бъ я такъ писалъ, я бъ тотчасъ удавился.

СВИРѢЛКИНЪ.

Поди жъ и удавись и весь избавь народъ,
Отъ пухлыхъ ты своихъ безмозглыхъ, подлыхъ одъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Повѣрь мнѣ и сожги съ собой любовны вздоры,
Въ которыхъ безъ ума ты холодно сгаралъ
И въ полномъ здравіи на риѳмахъ умиралъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Влюбленныя сердца, однако жъ, то читаютъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Влюбленныя сердца, что́ дѣлаютъ, не знаютъ.
А еслибъ изъ твоихъ лишь торгъ повелъ стиховъ,
Давно бъ отъ голода скончался Глазуновъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Я видѣлъ, какъ твои, изодранны въ прилавки,
Свиваются змѣей въ обертки на булавки.

ТРОМПЕТИНЪ.

Я видѣлъ, съ семгою обнявшися судакъ,
Въ стенаніяхъ твоихъ сказалъ, что ты дуракъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Дуракъ ты самъ! ты сынъ побочный Аполлона.

ТРОМПЕТИНЪ.

Презрѣнный Музами, парнасскій ты болванъ!
Не нѣжный ты пѣвецъ, но глупая ворона!

СВИРѢЛКИНЪ.

Умолкни предо мной, негодный барабанъ!
Или... *хватается за стулъ и Тромпетинъ то же дѣлаетъ.*

ЛЕНТЯГИНА.

Постойте! вы забыли уваженье,
Которое хранить должны передо мной.

ТРОМПЕТИНЪ.

Неисчерпаемо глубокое почтенье
Заставило меня войти теперь въ смиренье;
Но послѣ, послѣ, другъ, раздѣлаюсь съ тобой;
Потоками мои чернила польются.

СВИРѢЛКИНЪ.

Всѣ члены у тебя сатирой потрясутся,
Которою тебя я проколю насквозь.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЕНТЯГИНА, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИНЪ, ВѢТРОМАХЪ.

ВѢТРОМАХЪ.

Что вижу? стали вы, мадамъ, теперь хоть брось!
Не стыдно ль съ чернью вамъ такою унижаться?
Или хотите вы, мадамъ, денигреваться?
Что скажемъ мы о васъ, nous de gens du haut ton.
Подумайте, мадамъ, à quel propos, fi donc.
Всѣ эти риѳмачи что̀ дѣлаютъ здѣсь съ вами?

ЛЕНТЯГИНА.

Все, что́ бъ ни дѣлали, все будетъ лучше васъ.

ВѢТРОМАХЪ.

И такъ, плѣнились вы ихъ риѳмами, стихами?
Но берегитеся взмоститься на Парнассъ.
Вѣдь вы не знаете, что то̀ у знатныхъ, насъ,
Считается за honte читать стихи по-русски,

Какіе бъ ни были, лишь только бъ по-французски,
И лучшихъ нашихъ всѣхъ получше во сто разъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Вы можете ль судить? и столько есть ли силы?

ВѢТРОМАХЪ.

Я видѣлъ напередъ, что скажетъ онъ сотизъ.
Какъ эти Русачки съ стишками очень милы!
Иль нужда въ силѣ есть?... На то ли, чтобъ бетизъ
Мнѣ русскихъ поднимать? не жди, того не будетъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Да чтобъ судить, сударь, знать надобно языкъ,
Грамматику, и то....

ВѢТРОМАХЪ.

Вотъ выѣхалъ старикъ!
Ты думаешь, ума отъ этого прибудетъ?

СВИРѢЛКИНЪ.

Конечно. Безъ наукъ умъ можно ль просвѣтить?

ТРОМПЕТИНЪ.

И вкусъ разборчивый возможно ль получить?

ВѢТРОМАХЪ.

Ils sont foux! А на что жъ и знатнаго толь рода?
На то ль, чтобъ голову ученіемъ трудить,
И не умѣть безъ книгъ, все знавъ, разумнымъ быть.
Лишь черни не дана отличная свобода
Быть умнымъ безъ наукъ, не правда ли, мадамъ?
Мы, знатные, совсѣмъ родимся ужъ готовы.
Какъ я уменъ теперь, я такъ родился самъ,
И я себя за всю ученость не отдамъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Однако....

ВѢТРОМАХЪ.

Знаю, вы велики пустословы.

Учиться должно, вы хотите доказать;
Но доказательства какъ смерть я ненавижу.
Что знаю, знаю то... чтобъ словомъ все сказать,
Я думаю, что васъ я этимъ не обижу,
Когда скажу я вамъ en trois ou quatre mots
Съ своей ученостью vous êtes des grands sots.

—

ЯВЛЕНIE VII.

ЛЕНТЯГИНА, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИНЪ, ВѢТРОМАХЪ, СУДЬЯ.

СУДЬЯ, *Вѣтромаху.*
Насилу отыскалъ его высокородье.

ВѢТРОМАХЪ.
Кто ты таковъ? чего ты хочешь отъ меня?

СУДЬЯ.
Въ долгахъ несмѣтныхъ все я ваше плодородье
Хочу собрать, вамъ будь не въ гнѣвъ, сего же дня.

ВѢТРОМАХЪ.
Изъ дома бѣшеныхъ ты, видно, увернулся?
Не вѣдаю, какихъ ты требуешь долговъ.
Кто далъ коммиссiонъ? и кто ты самъ таковъ?

СУДЬЯ.
Я прежде былъ судья, а нынѣ повихнулся;
Сирѣчь отставку взялъ.

ВѢТРОМАХЪ.
Какъ, ты отставку взялъ?
Ты самъ ли попросилъ, или начальникъ далъ?

СУДЬЯ.

Вотъ странныя еще какія разсужденья,
Берешь ли самъ, или даютъ,—вѣдь все жъ возмешь,
И разницы межъ тѣмъ ни малой не найдешь.
Да дѣло не о томъ; и словъ для сокращенья
Скажу: отставку взялъ. Я стряпаю теперь.

ВѢТРОМАХЪ.

А! а! ты стряпаешь; насилу разумѣю;
И мѣста ищешь ты быть поваромъ; повѣрь,
Хоть нужды въ поварѣ нимало не имѣю,
Однако же приму тебя, чтобы дать хлѣбъ.

СУДЬЯ.

Да въ хлѣбѣ вашемъ намъ ни малыхъ нѣтъ потребъ.
Однако жъ мной для васъ состряпана похлебка,
Котору расхлебать я къ вамъ сюда принесъ.

Показываетъ бумагу Вѣтромаху близко къ лицу.

Искусства моего вотъ маленькая пробка.

ВѢТРОМАХЪ, *съ сердцемъ.*

Какой ты кажешь вздоръ? дуракъ! подъ самый носъ.

СУДЬЯ.

Изрядно! всяка брань прибавокъ мнѣ дохода.
Свидѣтели здѣсь есть, *къ прочимъ,* прошу прислушать васъ,
Что тысяча семьсотъ и девяноста года,

Указывая на бумагу.

Вотъ мѣсяцъ и число, правительства указъ,
Гласящій взять его до будущей заплаты.
Я приносилъ при всей компаніи честной,
Что вздоромъ называлъ онъ сей указъ святой;
И послѣ, не страшась ни каковой Палаты,
Ругательски ругалъ меня онъ дуракомъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Бездѣльникъ!

СУДЬЯ.

Ну еще не льзя ль и кулакомъ,
И послѣ палочкой мнѣ кое-что прибавить,—
Все это денежки наличны для меня.
Побои и толчки умѣю переплавить
Я въ злато и сребро; и я сего же дня....

ВѢТРОМАХЪ.

Отвяжешься ли ты?

СУДЬЯ.

Готовъ я отвязаться,
Лишь-только узелъ мой съ тобою развяжи,
Въ Правленіе сейчасъ изволь-ка показаться,
И за долги себя, иль деньги положи,—
И дѣло рѣшено. Вы какъ ни благородны,
Однако же дотоль не будете свободны.

ВѢТРОМАХЪ.

Я думаю, что я сыскать порукъ могу.

СУДЬЯ.

Изрядно, ежели имъ только можно вѣрить.

ВѢТРОМАХЪ, *указывая на Лентягину.*

Вотъ будетъ кто, спроси, увидишь, что не лгу.

ЛЕНТЯГИНА.

А сколько долженъ онъ?

СУДЬЯ.

Ни счислить, ни измѣрить
Того не можно вдругъ.

ВѢТРОМАХЪ, *Лентягиной.*

Ручайтеся, мадамъ,
Я послѣ съ Улинькой сквитаюсь и о отдамъ.

ЛЕНТЯГИНА.

О, дерзкій человѣкъ! повѣса недостойной.

ВѢТРОМАХЪ.

Qu'entends je! таковымъ пріемомъ tout à fait.
До безконечности interdit, stupéfait....
Когда бы характеръ мой не былъ толь спокойной....

ЛЕНТЯГИНА.

Тогда бы отъ стыда ты долженъ умереть.

ВѢТРОМАХЪ.

Вѣть этого, мадамъ, я не привыкъ терпѣть.

ЛЕНТЯТИНА.

Поди къ своей Жавотъ, чтобъ съ ней мотать безчестно.
Поди; а я должна тебя навѣкъ презрѣть.

СУДЬЯ, *Лентягиной.*

Такъ это милости твоей уже извѣстно?
Да знаете ли вы межъ ними договоръ:
Хоть онъ и женится, съ Жавотъ не раставаться.

ВѢТРОМАХЪ.

Ну, если тутъ о чемъ, мадамъ, вдаваться въ споръ.
И можно ль bagatelle такою заниматься?
Я сдѣлалъ се contract, грѣхъ этотъ не великъ,
Чтобъ не забыть, мадамъ, французскій мнѣ языкъ.

СВИРѢЛКИНЪ, *Лентягиной.*

И впрямъ, когда языкъ французскій онъ забудетъ,
Что̀ изъ него тогда на этомъ свѣтѣ будетъ?

ТРОМПЕТИНЪ.

Чѣмъ модный разумъ онъ возможетъ показать?
Останется ему иль лаять, иль мычать.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, СВИРѢЛКИНЪ, ТРОМПЕТИНЪ, ПРІЯТЪ И ПРОЛАЗЪ.

ПРОЛАЗЪ, *Лентягиной.*
По волѣ вашей вамъ Пріята представляю.

ПРІЯТЪ.
Такова счастія, сударыня, не ждалъ;
И я сей день блаженнѣй почитаю:
Такова въ жизни я еще и не видалъ.

ЛЕНТЯГИНА, *Пролазу.*
Прекрасный молодецъ!... Вотъ случай я имѣю
Повѣсѣ отомстить... *Пріяту.* Я очень сожалѣю,
Что не могла, сударь, я васъ узнать давно.

ПРОЛАЗЪ.
Мнѣ это было все судьбой положено,
Чтобъ вашего ему знакомства честь доставить;
И безконечное его почтенье къ вамъ....

ВѢТРОМАХЪ.
Vous êtes en delire et vous radotez, мадамъ.
Знакомство это всѣхъ насъ, знатныхъ, позабавитъ...
Нѣтъ, нѣтъ! я Улиньку не допущу къ тому.

ЛЕНТЯГИНА.
Ты бредишь и меня безчиньемъ посрамляешь.
Какое право ты на дочь имѣть дерзаешь?

ВѢТРОМАХЪ.
Ея любовь ко мнѣ, *указывая на Пріята,* я докажу
ему.

ПРІЯТЪ, *въ сторону Пролазу.*
Я погибаю! чувствъ я всѣхъ, Пролазъ, лишаюсь.

ПРОЛАЗЪ, *Пріяту.*

Не будьте просты такъ.

ЛЕНТЯГИНА, *Пріяту.*

Что сдѣлалося вамъ?
Блѣднѣете, сударь?

ВѢТРОМАХЪ.

Что нужды въ томъ, мадамъ,
Онъ красенъ, блѣденъ ли?... я этимъ оскорбляюсь,
Что вы въ немъ prenez part ... а вотъ и Уля къ намъ.
Теперь въ любви ея могу я васъ увѣрить:
Она, имѣя вкусъ, людей умѣетъ мѣрить.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛЕНТЯГИНА, ВѢТРОМАХЪ, СУДЬЯ, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИНЪ, УЛИНЬКА, МАРИНА, ПРІЯТЪ, ПРОЛАЗЪ.

УЛИНЬКА, *ставъ предъ Лентягиной на колѣна.*

Позвольте, матушка, къ ногамъ мнѣ вашимъ пасть.

ЛЕНТЯГИНА.

Что это значитъ?

ВѢТРОМАХЪ.

Что ея безмѣрна страсть,
Которая ее ко мнѣ такъ мучитъ много...

ЛЕНТЯГИНА, *Улинькѣ.*

Ты знаешь надъ тобой родительскую власть;
И должность разсмотрѣвъ твою ко мнѣ ты строго,
О томъ не говори, что́ хочешь мнѣ сказать.

УЛИНЬКА.

Лишь слово....

ЛЕНТЯГИНА.

Нѣтъ, тому вовѣки не бывать.

ВѢТРОМАХЪ.

Любя вы дочь, helas! вы сжальтеся надъ нею.

УЛИНЬКА, *Вѣтромаху.*

Соединитеся вы съ просьбою моею,
Чтобъ матушка могла терпѣніе имѣть
И выслушала все.

ВѢТРОМАХЪ.

Не дайте умереть
Вы вашей дочери. Вы видите, страдаетъ
И счастье быть моей en tremblant ожидаетъ.
Иль, чортъ меня возьми, иначе поступлю.

УЛИНЬКА, *Лентягиной.*

Ахъ, сжальтесь! вашего прошу соизволенья,
Мнѣ муку облегчить, которую терплю.
Прошу я одного лишь только позволенья,
Открыть вамъ сердце. Вы, все таинство узнаъв...

ЛЕНТЯГИНА.

Какое таинство?

УЛИНЬКА.

Горя въ нѣжнѣйшей страсти,
Я рвусь....

ВѢТРОМАХЪ, *ко всѣмъ съ видомъ, довольнымъ собою.*

Вы видите ль, господчики, я правъ.

УЛИНЬКА.

Однако, зная долгъ къ родительской я власти...

ЛЕНТЯГИНА.

Да договаривай и кончи поскорѣй.

ВѢТРОМАХЪ.

Tout est dit, мадамъ! для ней я всѣхъ милѣй,
Excepte moi, у ней иного нѣтъ въ предметѣ,

УЛИНЬКА, *указывая на Пріята,*

Вотъ тотъ, который мнѣ милѣе всѣхъ на свѣтѣ!

ПРІЯТЪ, *ставъ на колѣна предъ Лентягиной.*

Я въ свѣтъ родился жить и умереть для ней.

ВѢТРОМАХЪ.

Que vois je! для чего жъ я просьбой унижался?

ЛЕНТЯГИНА.

Въ иное время мнѣ бъ обидѣнъ показался
Сей случай, и меня бъ онъ могъ на гнѣвъ привесть;
Онъ тронулъ бы мою чувствительную честь,
Что, мнѣ не доложась, унизилась влюбиться
Ты, Улинька; но какъ мнѣ должно отомстить,
То позволяю я тебѣ его любить.

Къ Пріяту.

Вамъ честію, сударь, ужъ можно тою льститься,
Чтобъ зятемъ быть моимъ.

ВѢТРОМАХЪ.

Опомнися, мадамъ.

ПРІЯТЪ, *Лентягиной.*

Я знаю, счастія такого я не стою,
Оно, сударыня, прилично лишь богамъ.

ЛЕНТЯГИНА.

За мысль такую къ вамъ почтеніе удвою,
И радуюсь, что вамъ я счастіе устрою.

Улинька и Пріятъ цалуютъ руки.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛЕНТЯГИНА, УЛИНЬКА, ПРІЯТЪ, ВѢТРОМАХЪ, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИМЪ, ПРОЛАЗЪ, МАРИНА, МАІОРЪ И ТРУСИМЪ.

ТРУСИМЪ.

Скажи, любезный другъ, я чѣмъ же виноватъ,
Что ты родителямъ уродомъ показался?

МАІОРЪ.

И я не виноватъ. Не отвертишься, братъ!
Ты самъ же на меня съ невѣстой навязался,
И такъ, гдѣ хошь возьми, а мнѣ жену поставь.

ТРУСИМЪ, *Лентягиной.*

Пожалуй ты меня, родимая, избавь:
Чтобъ я его женилъ, ко мнѣ онъ приступаетъ,
Нѣтъ мѣста отъ него, какъ тѣнь за мной шагаетъ;
Пожалуй помоги.

ЛЕНТЯГИНА.

Что̀ сдѣлать я могу?

ТРУСИМЪ.

Да Улиньку отдай вотъ этому врагу,
Скорѣе бъ отъ него намъ только отвязаться.

ЛЕНТЯГИНА.

Пустое.

ТРУСИМЪ.

Для чего?

ЛЕНТЯГИНА.

Не можетъ это статься.

ТРУСИМЪ.

А почему, скажи?

ЛЕНТЯГИНА.

Ужъ Уля отдана,
И возлѣ жениха теперь стоитъ она.

ТРУСИМЪ, *Маіору.*

Ну, слышишь...

МАІОРЪ.

А чего жъ зѣвалъ ты, дурачина!

ТРУСИМЪ.

Не самъ ли ты, скажи, стараться мнѣ мѣшалъ?
Ну, если сдѣлалась такая ужъ причина,
Какъ быть.... мнѣ помнится, что мнѣ ты намекалъ,
Что изъ отставки ты опять желаешь въ службу?

МАІОРЪ.

Изрядно, окажи ты мнѣ хоть эту дружбу.

ТРУСИМЪ.

Изволь, порожнее ужъ мѣсто пріискалъ.

МАІОРЪ.

Какое?

ТРУСИМЪ.

Хоть тебѣ оно и не по чину,
Да жалованье есть, и можно будетъ жить.
Предъ милостивцемъ я нагну сегодня жъ спину.

МАІОРЪ.

Изрядно! я готовъ и какъ нибудь служить.

ТРУСИМЪ.

На этомъ мѣстѣ, братъ, ты будешь и въ покоѣ.
Строки двѣ три черкнуть....

МАІОРЪ.

Да мѣсто-то какое?

ТРУСИМЪ.

А переводчиско.

МАІОРЪ.

Не зная языковъ,
Мнѣ какъ переводить?

ТРУСИМЪ.

Куда ты, братъ, каковъ,
Какая нужда въ томъ? ну всѣ ли много знаютъ?
Все какъ-нибудь.... Горшки не боги жъ обжигаютъ.

МАІОРЪ.

И вправду такъ. Смотри жъ, чтобъ это не ушло,
Иль будетъ отъ меня тебѣ навѣки зло.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛЕНТЯГИНЪ, ЛЕНТЯГИНА, УЛИНЬКА, ТРУСИМЪ, МАІОРЪ, СУДЬЯ, ВѢТРОМАХЪ, ПРІЯТЪ, ТРОМПЕТИНЪ, СВИРѢЛКИНЪ, ПРОЛАЗЪ И МАРИНА.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Какъ сладко я уснулъ!... Вы всѣ здѣсь собралися,
И женушка моя и прочи дураки?...
Зачѣмъ опять пришли всѣ эти чудаки?
Пролазъ! съ тобою мы еще не обнялися. *Обнимаетъ Пролаза.*

ЛЕНТЯГИНА.

Теперь я рада, что тобой любимъ Пролазъ,
Не знавъ его, предъ нимъ я очень согрѣшила.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что слышу? отъ чего нашелъ то ль добрый часъ?

ЛЕНТЯГИНА.

На радости, что дочь я нашу сговорила.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Я также сговорилъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Скажи-ка мнѣ, кто онъ?
Мой будетъ зять Пріятъ....

ЛЕНТЯГИНЪ.

А мой, вѣрь мнѣ, Семенъ.

ЛЕНТЯГИНА.

Ты въ прежни дурости опять теперь вступаешь,
съ сердцемъ
Что это за Семенъ?

ЛЕНТЯГИНЪ, *съ сердцемъ.*

Что это за Пріятъ?

ТРУСИМЪ, *Лентягину.*

А вотъ, любезный другъ, ты самъ его узнаешь;
Увидѣвши его, ты очень будешь радъ.
Подводитъ Пріята къ Лентягину.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Что вижу?... да Пролазъ, на что жъ онъ нарядился?

ПРОЛАЗЪ.

Для свадьбы онъ немного прикудрился,
А послѣ, честь свою украся сюртукомъ,
Ввѣкъ не разстанется съ тобой и съ колпакомъ.
Онъ и теперь одѣтъ какъ философскій модникъ:
Все просто, чисто такъ, какъ сердце у него.

ЛЕНТЯГИНЪ, *Пріяту.*

Ты философіей мнѣ сталъ ужъ ближній сродникъ,
Увидя же въ тебѣ я зятя моего,
И болѣе межъ насъ нашъ узелъ укрѣпится.
Ну, обними жъ меня.... ввѣкъ станемъ вмѣстѣ жить,
На это ты, жена, должна ужъ согласиться.

ЛЕНТЯГИНА.

И я и дочь.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Смотри умна какъ становится!

ТРУСИМЪ.

А я таки какъ тутъ, гдѣ надо услужить.
Кабы не я опять, вамъ долго бы браниться.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Какъ будетъ весело: мой зять, Пролазъ и я
Отмѣнной мудрости отборная семья,
Подымемъ дурости людскія мы на шутки,
И дома у себя растопчемъ предразсудки;
Въ тулупахъ, въ калпакахъ мы вѣкъ златой введемъ.

ЛЕНТЯГИНА.

И такъ, мы рядную теперь писать пойдемъ.

ЛЕНТЯГИНЪ.

Ни для чего себя я рядной не унижу,
И философіи я этимъ честь обижу.
Писаніемъ пускай тотъ свой крѣпитъ обѣтъ,
Кто можетъ обмануть.

ПРІЯТЪ.

Такъ въ рядной нужды нѣтъ.

ПРОЛАЗЪ, *Лентягину,*

Вѣдь я сказалъ, какъ ты, онъ такъ же мыслитъ точно.

ЛЕНТЯГИНЪ, *женѣ.*

Пойдемъ же ихъ женить, и что болтать безпрочно?

Взявъ Улиньку и Пріята за руки, уходитъ.

ПРОЛАЗЪ, *Лентягиной.*

Отъ философіи моей хочу я плодъ
Съ Мариной показать.

ЛЕНТЯГИНА.

И я того желаю.

Вѣтромаху.

Желаю радостей я вамъ съ мамзель Жавотъ.

Уходитъ и съ нею Марина.

ВѢТРОМАХЪ.

Je suis content, что я не вшелъ въ мѣщанскій родъ,
Мнѣ кажется, что я весь кузницей воняю.
Adieu.

СУДЬЯ, *удерживая Вѣтромаха.*

Постой; когда я больше не женихъ,
И въ волокитствѣ мнѣ когда амуръ такъ лихъ,
То прежнее мое искусство принимаю,
И, волочась въ судахъ за вами по долгамъ,
Пригожству моему самъ должное отдамъ.

За Вѣтромахомъ уходитъ.

МАІОРЪ.

Смотри же ты, Трусимъ, чтобъ былъ я переводчикъ.

ТРУСИМЪ.

Не бось, ужъ я взялся и что тутъ говорить.

Маіоръ уходитъ.

ТРОМПЕТИНЪ.

Любезный нашъ Трусимъ дурной въ женитьбѣ сводчикъ.

СВИРѢЛКИНЪ.

Надежда наша вся прошла какъ тѣнь.

ТРУСИМЪ.

Ну, какъ же быть?
Въ другомъ служить готовъ, лишь только намекните.
Чего для счастія вы вашего хотите?

ТРОМПЕТИНЪ.

Тѣснѣе съ музами въ союзъ хотимъ вступить.

ТРУСИМЪ.

Кто? дѣвушки онѣ, иль вдовушки, скажите?
Изволь, посватаю, чтобъ васъ на нихъ женить.

Уходитъ.

ПРОЛАЗЪ, *одинъ.*

Окончивъ дѣло, я теперь могу смѣяться
Всѣмъ этимъ чудакамъ.... постой, Пролазъ!
И оберни-ка ты на всѣхъ свой строгій глазъ,
А пуще на себя.... не станешь забавляться,
Увидишь, ежели не слишкомъ ты дуракъ,
Что всякой, много ли, иль мало, но чудакъ;
И глупость предстоя при каждаго рожденье,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословленье.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C003270944

